

МОСКОВСКИЙ
В Ъ С Т Н И К Ъ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чѣобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Февраля 28 го дня, 1828 года.

Въ должности Предсѣдателя, Цензоръ Сереѣй Аксаковъ.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

№ V.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

На Новый (1827) годъ.

Такъ снова годъ, какъ шѣнь, мелькнулъ,
Сокрылся въ сумрачную вѣчность,
И быстрымъ бѣгомъ упрекнулъ
Мою лѣнливую безпечность.
О, еслибъ онъ меня спросилъ:
„Гдѣ плодъ горячихъ обѣщаній?
„Чѣмъ ты меня остановилъ?“
Я не нашелъ бы оправданій
Въ мечтахъ разсѣянныхъ моихъ!
Мнѣ не чѣмъ заглушить упрека!
Но слушай ты, бѣглець жестокой!
Клянусь, тебѣ въ прощальный мигъ:
Ты не умчался безъ возврата,
Я за тобой полечу

No

1 *

И насупающему брату
Весъ тяжкій долгъ свой доплачу.

Полночь на 1-е Января.

Д. Веневитиновъ.

На Новый 1828 годъ.

Пробиль полночи часъ шуманной,
Сынъ времени свершилъ свой ходъ,
И вошь въ приюсть мой, гость незваной,
Спустился тихо Новый годъ.

Слешая въ мѣрѣ, онъ ждалъ привѣща,
И свѣта плескомъ вспрѣченъ былъ,
Но чтоже? спройный гласъ Поэта
Его досель не освяпилъ.

И онъ съ улыбкою лукавой
„Чего ты просишь?“ — мнѣ сказалъ.

„Я подружу себя со славой,

„Дамъ кучи лапша!“ — я молчалъ.

„Я уполю свои печали,“

Шепнулъ онъ съ ласковымъ лицомъ,

„И сердца грустныя скрижали

„Забвеня смою я ручьемъ.

„Ты вспомнишь прежнія упрасы,

„Какъ помняшь сонъ съ восходомъ дня,

„И вновь, надеждами богашый,

„Полюбишь жизнь!“ — Ославъ меня,

Ты слышишь: шамъ рукоплесканья,

Веселье, шумные пиры;

Люди тамъ сыпашь обѣщанья,
 Тамъ распочай свои дары.
 Давноль, когда швой брашь коварный
 Мнѣ шже рѣчи говорилъ,
 Я жершвой пѣсни благодарной
 Его приходъ благословиль? —
 И чшожь? — цшпомецъ вдохновенья,
 Мой другъ, мой брашь былъ взяшь землей,
 И чистый геній пѣснопѣнья
 Любимый храмъ покинулъ свой.
 Но мношхъ горесшь уполишся,
 Ты мношимъ счастье можешъ дашь;
 Но чшо въ груди пѣвца шашся,
 Того не въ силахъ шы опняшь.
 Не какъ другіе, дни проводишь
 Душа любимица мечшы:
 Въ ней какъ въ водѣ рѣзецъ проходишь,
 Какъ в камнѣ вѣчны въ ней чершы.

А. Хомяковъ.

П о э з і я.

(Пѣзъ Геше).

Дома, одна, убирается въ шелкъ и золопо дѣва:
 Зеркала нѣшь передъ ней; чувстввомъ находишь
 нарядъ;
 Выдашь на свѣшъ, какъ дѣва просшая; одинъ ее
 знаешъ:
 Только въ очахъ у него свѣшшишь ея красота.

П Р О З А.

*Піетро Аноне,**Волшебная повѣсть,*

соч. Тика.

(Окончаніе).

На другой день, когда Антонио отдохнулъ, Подеспа поѣхалъ съ многочисленною вооруженною свитою, охотиться хижину спарухи и ловить разбойниковъ. Рассказъ Антонио возбудилъ въ безупѣшномъ общѣ желаніе видѣть дѣвушку, столь похожую на дочь его. Не ужели, говорилъ онъ себѣ дорогою, не ужели мечта, копорой такъ часто предаюсь я, когда нибудъ превращишся въ дѣйствительность?

Они прѣехали въ ближній лѣсъ, и здѣсь Антонио еще узнавалъ мѣста: ему казалось, что онъ находилъ собственныя слѣды свои. Но ужасная ночь такъ смутила, такъ потрясла его чувства, что онъ не могъ уже открыть той дороги, копорою шель пѣшкомъ во время бури. Они объѣхали обширное поле во всѣхъ направленіяхъ; гдѣ только видѣлись деревья или кустарники, шуда устремлялъ Антонио коня своего, надѣясь найти хижину и въ ней чудное подобіе Крещенціи, или получить какія-

нибудь извѣстія, если жипели (что было вѣроятно) оставили домъ свой. Прошелъ почти цѣлый день въ розыскахъ, и Подеста уже думалъ, что всѣ странныя явленія, о которыхъ рассказывалъ Антонио, были созданиемъ его молодого воображенія, разгоряченнаго горестію. Такое счастье, говорилъ онъ, было бы слишкомъ велико: я родился для однихъ бѣдъ свѣй.

Въ одномъ селѣ надобно было дать роздыхъ лошадямъ и людямъ. Жипели утверждали, что не знаютъ никакихъ подозрительныхъ сосѣдей и въ окрестностяхъ не находили убійцыхъ. Не много погодя, Антонио снова пустился въ путь, хотя Подеста слѣдовалъ за нимъ уже съ великою недоувѣрчивостію. Разспрашивали каждаго встрѣчнаго поселанина; ни одинъ не могъ дать опредѣленныхъ извѣстій. Къ вечеру наѣхали на одно мѣсто, по видимому разоренное; кругомъ лежали пепель и уголья, сожженные бревна показывались межъ камней, и ближнія деревья спояли обгорѣлыя. Туть юноша, казалось, опомнился. „Здѣсь, говорилъ онъ утвердительно, здѣсь жилище разбойниковъ и милой Крещенціи.“ Остановились. Вокругъ не видно было ни дома, ни челоуѣка. Слуга повѣхалъ въ ближнее селеніе и чрезъ часъ привезъ съ собою

спарика, который объявилъ, что годъ тому назадъ шупъ сторѣла хижина, подозженная солдапами, что хозяинъ поля ужъ десять лѣтъ какъ въ Римѣ, ждепъ обѣщанной церковной должности, а управитель уѣхалъ въ Равенну за старымъ долгомъ.

Въ досадъ, отправились назадъ усталые путешественники. Подеста Амброзіо отказался отъ своего мѣста, оставилъ всѣ должности, скоро покинулъ и самую Падую, гдѣ все напоминало ему его несчастіе. Антоніо рѣшился вступить въ школу славнаго Апоне и учиться въ ней переносить, забываясь свое горе. Онъ переѣхалъ въ домъ сего великаго человѣка, который давно ужъ любилъ его.

„Такъ и вы, и вы предались этому несчастному ученію, этому опасному человѣку, соблазнителью душъ?“ сказалъ однажды смиренный священникъ задумчивому Антоніо.

Отъ чего это негодование? отвѣчалъ Антоніо. Не ужели наука съ религіей не могутъ идти рука объ руку? и не соединяешь ли ихъ вмѣстѣ сей достойный учитель, который уваженъ всѣмъ свѣтомъ, любимъ и честиимъ Князьями, котораго Папа скоро возыситъ въ важное достоинство духовное? За что

негодуеште на челоуѣка, который съ такою любовію вспрѣчаеште васъ и каждаго? Еслибъ только вы знали, какъ утѣшительна для меня его ученіе, какъ оно возвышаеште мою душу и спремиште прямо къ небесамъ; какъ легко, какъ восхишительно для учениковъ вѣра и благоговѣніе находятше въ устахъ Апостолу одушевленныя слова и образы, — еслибъ вы это знали, вы бы не говорили, не думали о немъ такъ несправедливо. Узнайте его короче, ищите его знакомства, и вы раскаеште въ своей ненависти, опречеште опъ своихъ опрометчивыхъ осужденій.

„Его знакомства?“ воскликнулъ священникъ, „сохрани Боже! Берегитеште, молодой челоуѣкъ, берегитеште сами коварнаго вашего учителя и его адскаго слуги, который никого такъ хитро не обольщаль, какъ своего хозяина.“

Правда! отвѣчаль Антонио: Березинше смѣшной и даже гадкой уродъ; мнѣ самому удивительно, опъ чего умный Піетро такъ неразлученъ съ нимъ въ своихъ занятіяхъ; но не ужели можно быше жестокимъ къ челоуѣку, котораго обидѣла природа?

„Прекрасно!“ нештерпѣливо говорилъ священникъ, „прекрасно! съ такими чувствами можете надѣяште успѣховъ въ чародѣйствѣ и обманахъ. Смощите!

вошь онъ и самъ! вошь эша гадина, съ кошорою не могу бышь, еще менѣе могу имѣшь дѣло. Кого Господь Богъ ознаменоваль такою печашію, въ шомъ не лѣзя ошибашься, и всякой, въ комъ не совсѣмъ еще погасли чувшва, бѣги передь нимъ прочь съ дороги!“

Апоне Прелашъ, знаеше ли вы эшо? сказаль, подскочивъ, Березиншъ. И Рекшоръ Университета! И получилъ золошную орденскую цѣпь изъ Парижа! Идише къ нему: онъ ѣдешъ и хочешъ говорить съ вами. Не водитесь съ чернію, когда хошите бышь философомъ.

Онъ сдѣлаль нѣсколько косыхъ, спранныхъ скачковъ, перелрыгнуль черезъ дорогу и скрылся. Между шѣмъ удалился и священникъ, а къ Антонию подошелъ Альфонзо, бывшій съ нѣкопорого времени весма съ нимъ дружень. — „Эшомъ уродъ,“ сказаль Антонию, „кажешся, смѣшешся надъ собой и цѣлымъ свѣшомъ.“

Очень ешестшвенно! опвѣчалъ Альфонзо: онъ эшимъ хочешъ вознаградишь себя за свое уродство и насмѣшками уподобить себя всѣ созданія. А слышали вы о новыхъ почешяхъ, оказанныхъ нашему великому учешелю?

— Миръ узнаешъ его высокія достоинштва. Вошь кшаша и Папа сдѣлаль его Прелашомъ: эшо наконецъ зажмешъ уста нашимъ зависпливымъ мо-

нахамъ, которые о помъ полько и думающъ, какъбы предсавишь волшебникомъ эшаго добродѣшельнаго, благочеспиваго челоѡка.

Они распались, и Антонио спѣшилъ къ Апоне просишься съ нимъ на нѣсколько дней. Карло Березиншъ уже дожидался его у ворошъ съ плаксивымъ привѣштвиемъ.

Въ покояхъ было ужъ шемно, и Антонио, опвязавшись наконецъ опъ Березинша, пощель къ своему учишелю; не находиль его въ залъ, не находиль и въ кабинетъ, прошель всъ комнашы и наконецъ вспупилъ въ самую опдаленную, имъ еще невиданную. У мерцающей лампы сидѣль Пиепро и весьма изумился, увидя входившаго Флорентинца, который дивился скелешамъ, спраннымъ инспрументамъ и приборамъ. Въ замѣшательствѣ приближился къ нему спарикъ. „Я сюда не ожидалъ васъ,“ сказалъ онъ, „но надѣялся увидѣшь въ другихъ комнашахъ или идши на верхъ въ вашу собственную. Я долженъ ѣхашъ на вспрѣчу къ Папскому послу и приняшь новое достоинство, которое Его Свяшѣйшество возложило на меня.“

Антонио былъ въ смущеніи и, казалось, приспально разсмапривалъ неизвѣспные ему инспрументы. „Вы дивитесь,“ сказалъ спарикъ, „симъ вещамъ,

для меня необходимымъ въ моихъ занятіяхъ. Выслушайте мой курсъ о природѣ, и тогда я объясню вамъ все то, что теперь вамъ кажется непонятнымъ.“

Но въ эту минуту нѣчто отвратило вниманіе Антоніо отъ всѣхъ эпитихъ предметовъ. Одна дверь казалась запертою, но была только припворена, вдругъ отворилась, и юноша увидѣлъ комнату, освѣщенную багрянымъ свѣтомъ, и въ этомъ розовомъ сіяніи спалъ у дверей блѣдный призракъ, качалъ головой и улыбался. Съ быспрошою молніею обернулся спарець, громко захлопнулъ дверь и заперъ золотымъ ключемъ. Пошомъ трепеща, блѣдный какъ смерть, бросился въ кресла, и потъ крупными каплями покапился по лицу его. Нѣсколько опомнившись, но все еще дрожа, позвалъ онъ Антоніо и сказалъ ему трепещущимъ голосомъ: „и это тайна, юный другъ мой, и она тебѣ откроется; не сомнѣвайся во мнѣ: тебя предпочтительно, любезный, спрадающій юноша, введу во глубину своихъ знаній, сдѣлаю своимъ наследникомъ. Но теперь оставь меня, иди въ свою уединенную комнату, и моли, самую пламенную молитвою моли у Бога заснуленія.“

Антоніо не могъ отвѣчать: такъ изумило его это нечаянное явленіе, такъ смутила рѣчь наставника! Ему казалось,

что онъ замѣшилъ скрышный гнѣвъ въ пламенныхъ глазахъ его, копорые вдругъ заблнспали снова яснѣе прежняго.

Антоніо удалился и въ передней нашель Березинша, копорый ловиль мухъ, опдавалъ ихъ обезьянѣ, и, казалось, спориль съ нею о томъ, кпо сдѣлаеть гримасу спраннѣе. Тупъ Апоне громко позоваъ слугу и уродливый Березиншъ бросился къ нему. Антоніо слышалъ громкій разговоръ, и Піетро казался весьма гнѣвнымъ. Въ слезахъ, рыдая, воропился Березиншъ, ручей крови текъ по его спрашному носу, и Антоніо вышель изъ залы, не помня себя.

Антоніо переѣхаль въ домъ своего наставника, чтобы никакое развлеченіе не мѣшало его горести и занятіямъ, и, дабы избѣгнушь всѣхъ посѣщеній, поселился въ самомъ верхнемъ, опдаленномъ жильѣ онаго. Опшуда видѣлись обширныя, плодоносныя, прекрасныя поля окрестностей, видно было печеніе величественной рѣки: видъ восхищительный! но тѣмъ чаще пробуждалось въ душѣ его воспоминаніе о милой упраченной Крешенціи. Онъ выпросиль ея поршпреть у родителей и нѣкопорыя игрушки ея дѣтскаго возраста: особенно любиль соловья, своей прогашельной пѣснію выражавшаго, какъ ему казалось, собшвенную печаль Антоніо: его

также любила Крещенція, и мечшательный юноша хранилъ его, какъ святыню, какъ послѣдній оспашокъ своего земнаго счастья.

Онъ не знакомился съ молодыми людьми своихъ лѣтъ, кромѣ Испанца Альфонзо, съ которымъ сблизило его одинакое удивленіе къ Пепру Аба-но. Подеста Амброзіо опказался опъ своего мѣста, рѣшился провеспи въ Римъ послѣдніе дни свои, дабы избавишься опъ своихъ Венеціанскихъ родственниковъ, и уже не думалъ найши прежде похищенную сестру Крещенціи, распавшись съ сею надеждою шѣмъ тяжеле, что Антоніо такъ живо пробудиль ее въ опцовскомъ сердцѣ.

По утру Піетро выѣхалъ съ своимъ вѣрнымъ слугою. Антоніо оставался одинъ въ-большомъ домѣ, котораго всѣ комнаты были запершы. Онъ провель ночь въ безсонницѣ. Спрашный призракъ, имъ видѣнный, споялъ предъ нимъ неподвиженъ, и, пугая, вмѣстѣ воскрешалъ лучшія его чувства. Ему казалось, что въ немъ исчезла всякая способность мыслящая; непонятные образы кружились предъ его фантазіей. Ему спрашно было подумашъ, что онъ ошибся въ своемъ почтенномъ учителѣ, проникнулъ въ непозволенные шайны, и что съ той минушы, какъ онъ бро-

силъ взглядъ во внутренность сокровенной храмины, готовящаяся бѣдствія, кошорья похищаятъ у него на вѣки покой души, или предадутъ его въ жершву опчаянному безумію.

Соловей засвиспалъ' на его окнѣ, и Антоніо увидѣлъ, что на дворѣ шель дождь и приближалась непогода: бережно снялъ его и поставилъ высоко на старой спѣнной шкафѣ. Въ то время, какъ онъ поднимался, оборвалась цѣпь, на кошорой висѣлъ поршпрешъ его возлюбленной, и карпина закапилась по спѣнѣ за спарья доски. Несчастнаго пугають и бездѣлицы! Поспѣшно слезъ онъ искасть свое любимое сокровище; но сколько ни искалъ, не могъ найти его подъ огромнымъ, тяжелымъ шкафомъ. Онъ качалъ его, хотѣлъ сдвинуть съ мѣста, но шкафъ былъ укрѣпленъ въ спѣнѣ; съ каждымъ препяпспвіемъ сильнѣе спановилось его неперпѣніе; онъ взялъ желѣзный ломъ, найденный въ передней, прудился съ напряженіемъ всѣхъ силъ, и наконецъ, послѣ тысячи щепныхъ покушеній, раздалось опверспіе съ ужаснымъ прескомъ, какъ будшобы лопнули желѣзныя связи или цѣпи; мало по малу подавался шкафъ, и Антоніо могъ уже протѣснитъ между имъ и спѣною. Топчасъ увидѣлъ онъ

любимое изображение: оно лежало у двери, сдѣланной въ спѣнь. Антонио поцѣловаль его и повернулъ ручку замка. Дверь уснушила, и онъ попышался еще далѣе отодвинуть шкафъ, дабы хорошенько осмопрѣшь дверь, заспавленную такъ крѣпко, вѣроятно давно, и по видимому неизвѣстную самому хозяину дома. Добывши себѣ болѣе простора, увидѣль онъ, что за дверью опускается узкая, кривая лѣспница. Онъ сошелъ нѣсколько ступеней внизъ, густая тѣма окружала его; шель далѣе и далѣе, и лѣспница, казалось, доводила до самыхъ нижнихъ покоевъ. Уже намѣревался онъ ворошиться назадъ, какъ вдругъ почувствовалъ ошановку, ибо лѣспница уже кончилась. Ощупываясь въ шемношѣ, онъ нечаянно коснулся до желѣзнаго кольца, дернулъ его, и опшворилась стѣна, и багряный свѣшъ полился ему на встрѣчу. Еще не входя въ опшвершїе, осмопрѣль онъ дверь и нашель, что она опширалась посредствомъ пружины, движимой кольцомъ. Онъ припшворилъ ее и опшорочно вошелъ въ комнату. Дорогіе багряные ковры распшлались по полу; окна были завѣшены толстыми шелковыми занавѣсами, и постель, украшенная багрянцей и золошомъ, спояла въ комнату. Все было шихо; не слышно уличнаго

шума; окна выходили въ маленькой садикъ. Съ спѣсненной грудью спояль юноша, слушалъ внимательнѣе, и наконецъ показалось ему, что онъ слышитъ дыханіе какъбы спящаго. Сердце его сильно забилося, и онъ пошелъ впередъ, посмопрѣвъ, не спитъ ли кто на кровати, ондернулъ занавѣсъ — и подумалъ, что онъ во снѣ: предъ нимъ, блѣдна какъ мертвая, но въ сладкой дремотѣ, покоилась его милая Крещенція. Грудь видимо поднималась и опускалась; легкая краска пробѣжала по блѣднымъ устамъ, копорья, нѣжно сомкнушья, почти непримѣтно были движимы легкою улыбкою. Распущенные волосы лежали на плечахъ тяжелыми, черными локонами. Одежда была бѣлая, и поясъ скрѣплялся золошою пряжкой. Долго стоялъ Антоніо, погруженный въ созерцаніе; наконецъ, какъ бы подвигнушый сверхъестественною силою, схватилъ онъ бѣлую, прекрасную руку и хотѣлъ поднять спящую. Она жалобно крикнула, и испуганный Антоніо выпустилъ ея руку, которая въ изнеможеніи упала на подушки. Но сонъ, казалось, уже оплелъ. Съ спѣ дремоты, лежавшая на прекрасной, распускалась; и какъ облака и шуманы въ легкомъ упреннемъ въпрѣ разнообразно движущая на горахъ, то поды-

маясь, по опускаясь: такъ проталась спящая, пропягивалась какъ изнеможенная, и въ медленныхъ, пріятныхъ движеніяхъ приближалась къ пробужденію. Руки поднялись, и чрезъ широкіе рукава видна была ихъ полная, прелестная округлосль; потомъ опять сложились онѣ и упали снова. Она подняла голову, и выпрямилась блестящая бѣлизной спина ея, но глаза все еще были закрыты; черные локоны падали на лицо; тонкіе, длинные пальцы откидывали ихъ назадъ; сидя совершенно прямо, наконецъ она сложила прекрасныя руки на персяхъ, издала глубокой вздохъ, и вдругъ открылись ея очи, большія и блестящія.

Она вперила ихъ на юношу, покачала головою, ухватила за золотую кисль, висѣвшую надъ ея постелью, вспала на ноги, и объятая багровымъ свѣтомъ, явилась высокая, стройная Крещенція. Твердымъ шагомъ подошла она къ Антонію, котораго сморѣлъ на нее съ крикомъ изумленія, съ какимъ обрадованныя дѣти вспрѣчаютъ новую игрушку; она положила ему руку на плечо, умышленно улыбнулась и сказала нѣжнымъ голосомъ: „Антонію!“

Проникнувшій страхомъ, изумленіемъ, радостью, и вмѣстѣ глубочай-

шимъ сожалѣнiемъ, онъ не зналъ, бѣ-
жашь ли ему, обняшь ли ее, бросишься-ль
къ ногамъ ея, или въ слезахъ умерешь
пушъ же. Онъ слышалъ потъ же го-
лось, который прежде слыхалъ такъ
часто, съ такимъ воспоргомъ, отъ
котораго препенала вся душа его!
Ты жива? воскликнулъ онъ почти безъ
памяши.

Нѣжная улыбка, которая отъ успъ
проливалась по щекамъ и сiяла въ свѣш-
лыхъ глазахъ ея, вдругъ исчезла и пре-
вратилась въ выраженiе глубочайшей,
неизреченной скорби. Антонiо не могъ
вынести этаго взгляда, закрылъ себъ
лицо руками и сказалъ: не привидѣнiе
ли ты?

Она подошла еще ближе, отвела
его руки, открыла лице и опвѣчала нѣж-
нымъ препенущимъ голосомъ: „нѣшь!
смотри на меня, я не мертвецъ, и одна-
кожь не живая. Подай мнѣ шу спклянку.“

Благовонная жидкосшь заключалась
въ ней: онъ съ препеномъ подаль
ее; Крешенцiя прикоснулась устами
къ сосуду и медленно пила напитокъ.
„Ахъ!“ сказала она: „мой бѣдный Ан-
тонiо! я заимсшвую этъ земныя силы,
чтобы разсказать тебѣ ужасное нече-
стiе, просишь у тебя помощи. Избавь
меня! возврати къ покою, котораго
такъ жадно просятъ всѣ мои чувства!“

Она снова упала въ кресла, и Антонио сѣлъ у ногъ ея. „Адскія чары,“ продолжала она, „по видимому, возвратили меня къ жизни. Тотъ самый человекъ, котораго моя неопытная юность чтила какъ святого, есть духъ бездны. Онъ далъ мнѣ пѣнь здѣшной жизни. Онъ говоритъ, что любишь меня. Какъ содрогнулись всѣ мои чувства, когда мой взоръ, открываясь снова, узналъ его! Я сплю, дышу, могу совершенно воскреснуть къ жизни, какъ обещаешь мнѣ злодѣй, если опдамся ему всѣмъ сердцемъ, если онъ впаишь будешь моимъ мужемъ. — О Антонио! какъ тяжело для меня каждое слово, какъ тяжела каждая мысль! Все его искусство ничтожно предъ моимъ желаніемъ смерти. Моя душа уже наслаждалась покоемъ, уже для нея открывались новыя возрѣнія; и я такъ жестоко опозвана отъ шихаго мира. Мое тѣло было уже мнѣ чуждо, ненавистно; я возвратилась, какъ освобожденный рабъ, снова къ цѣпямъ и въ пещицу. Избавь меня, милый! спаси меня!“

Какъ? сказалъ Антонио: Боже мой! что я слышу? какъ нахожу себя? И ты не можешь ворошиться къ жизни? не можешь снова принадлежать мнѣ, родителемъ?

„Никакъ!“ отвѣчала Крешенція горестно и спала еще блѣднѣе отъ ужаса.

„Ахъ! жизнь, жизнь! какъ можешь кошѣшь ее пошь, кто ужь былъ опъ нея свободень? Ты, бѣдный, не понимаешь упоенія, восторга, съ копорымъ я думаю о смерти, съ копорымъ желаю ее. Это желаніе ещеискреннѣе прежней любви къ тебѣ. Только по смерти буду я жить истинно; теперь я тѣнь и призракъ, для себя и тебя загадка. Ахъ! когда твоя любовь, наша юность воспоминаніемъ просвѣчивающъ въ теперешнемъ бышій моемъ, когда голосъ знакомаго соловья долетаетъ сверху въ мое уединеніе, какой сладкой ужасъ, какая темная радость, какой мрачной страхъ вселяющъ въ мерцающее существо мое! О избавь меня отъ цѣпей моихъ!“

Что могу я для тебя сдѣлать? спросилъ Антоніо.

Рѣчь опняла силы у Крешенціи: она отдыкала нѣсколько времени, закрывъ глаза, и потомъ продолжала слабымъ голосомъ: „Ахъ! еслибъ я могла войти въ церковь, бышь въ ней, когда Господь возносился въ Эвхаристіи, въ эту блаженную минушу я бы умерла отъ восхищенія.“

Что удержишь меня, опвѣчалъ Антоніо, донести на злодѣя, предашь его суду Инквизиціи?

„Нъшь! нъшь!“ спонала Крешенція въ ужасѣ: „ты его не знаешь, онъ силенъ, скроешь и повлечешь меня за собою, вмѣстѣ съ своею злобою. Надо дѣйствовать тихо, осторожно, надо навѣрное овладѣть имъ. Случай тебя завелъ сюда: молчи, не открывай ничего.“

Юноша собрался съ мыслями, много говорилъ съ своей прежней невѣстой; разговоръ спановился для нея тяжеле и тяжеле, глаза ея сомкнулись, она еще разъ выпила сосава, потомъ велѣла весни себя къ одру. „Просни,“ сказала она уже какъбы въ дремошѣ, „не забывай меня.“ — Она спокойно легла на постель; руки искали Распятія, она поцѣловала его съ закрытыми глазами, потомъ прощянула руку милому Антонію и дала знакъ, чѣтобы онъ вышелъ. Она заснула. Антонію еще сморѣлъ на нее, потомъ заперъ по прежнему незамѣтную дверь, вошелъ по узкой лѣстницѣ въ свою комнату, поставилъ шкафъ на прежнее мѣсто, и залился горячими слезами, когда соловей запѣлъ свою нѣжную, жалобную пѣснь. И онъ желалъ смерти; но хотѣлъ прежде ту, кошорая еще недавно была его земною невѣстой, освободить отъ ея страннаго, ужаснаго положенія,

Чтобы не встрѣшишь учителя, когда онъ ворошится съ пуши своего, Антонио направилъ шаги въ самое уединенное мѣсто лѣса. Къ его досадѣ, повстрѣчался ему другъ его, Испанецъ; Антонио совѣмъ не расположенъ былъ говорить съ нимъ, но не находилъ способа отдѣлаться отъ товарища, котораго общество всегда было для него пріятно. Онъ печально пошелъ съ нимъ, только въ половину слушалъ его рѣчи и отвѣчалъ кратко. Какъ обыкновенно, Піетро былъ предметомъ безмѣрныхъ похвалъ Альфонза. „Отъ чего вы нынѣ такъ скупы на слова?“ спросилъ онъ наконецъ съ досадою: „развѣ я вамъ мѣшаю? или вы ужь не почищаете по прежнему нашего учителя?“

Антонио долженъ былъ обратиться съ мыслями: онъ былъ совершенно погруженъ въ свои мечпанія. „Что съ вами?“ опять спросилъ Альфонзо. „Кажешся, я васъ обидѣлъ.“ — Нѣтъ, не вы! отвѣчалъ Флорентинецъ; но если меня любите, если не хотите раздражить меня, возбудить во мнѣ самыя тяжкія чувства, не выхваляйте при мнѣ вашего обожаемаго Піетро. Будемъ говорить о другомъ.

„Вотъ прекрасно!“ вскричалъ Антонио; „видно люди вскружили вамъ голову. Идите своей дорогой, молодой че-

ловѣкъ; я вижу, что мудрость — вещь для васъ слишкомъ мудреная. Вашъ умъ слишкомъ слабъ для эпои пици, вамъ нужна прежняя дѣтская. Пишайтесь ею, покуда не выпали ваши молочные зубы.“

Вы говорите дерзко, опвѣчалъ Антонио, или, лучше сказать, не знаете, что говорите, и я эпого опъ васъ не заслуживаю.

„Чѣмъ же заслужилъ эпо нашъ учитель,“ сказалъ Испанецъ съ горячностію; „онъ принялъ васъ какъ опецъ, опличаетъ опъ всѣхъ молодыхъ людей нашего Университета, даритъ своею полною довѣренностію: чѣмъ заслужилъ онъ ваше малодушное презрѣніе?“

Если скажу вамъ, съ гнѣвомъ опвѣчалъ Антонио, что вы его не знаете, что у меня есть причины, и самыя основательныя, думаетъ объ немъ иначе; по вы опять меня не поймете.

„Вы конечно,“ сказалъ насмѣшливо Альфонзо, „шакъ далеко проникли въ тайны его философи, что мы, люди обыкновенные, не можемъ за вами слѣдовать? Чпожь? эпо всегда шакъ бываетъ: мѣлкое достоинство надувается больше настоящаго. Пьетро Абано скромнѣе васъ, его слабой копіи.“

Вы грубы, опвѣчалъ молодой Флорентинецъ, копорато гнѣвъ достигнулъ до крайности. Если буду увѣрять васъ

моею честію, вѣрою, самимъ Небомъ, и всѣмъ, для васъ священнымъ, что въ цѣлой Италіи, въ Европѣ нѣтъ обманщика, ханжи, болѣе. . . . —

„Кого?“ закричалъ Альфонзо.

Піетро Абано, умѣренно опшвѣчалъ Антоніо: что вы на это скажете?

„Только то,“ бѣшено кричалъ Альфонзо, не давшій ему кончить, „что вы и всякій, кто говоритъ подобно вамъ, — подлець. Дерись, если вы не такой же презрительный шрусъ, какъ и низкій зависникъ достоинства.“

Быстро вспрѣшились ихъ шпаги, и даже не помогъ охрипый голосъ, которій закричалъ имъ: остановитесь! Альфонзо былъ раненъ въ грудь, и въ тоже время потекла кровь изъ руки Антоніо. Старый священникъ, хотѣвшій разнять ожесточенныхъ, подбѣжалъ, унялъ кровь, перевязалъ раны, призвалъ другихъ студеновъ, которыхъ видѣлъ вблизи, и они понесли въ городъ изнуреннаго Альфонзо. Между тѣмъ Антоніо еще разъ подошелъ къ нему и шепнулъ на ухо: „если вы человекъ благородный, то у васъ не вырвешся ни слова о причинѣ нашей ссоры. Черезъ четыре дни увидимся. И если не увѣрю васъ въ своемъ мнѣніи, тогда тоговъ сдѣлашь всякое удовлетвореніе.“

Альфонзо далъ торжественное обѣщаніе, и всѣ окружающіе пребывали, чтобы рана и поединокъ остались неизвѣстными, и Антонио безопасенъ. Когда всѣ удалились, онъ пошелъ далѣе въ лѣсъ вмѣстѣ съ священникомъ. „Охоша вамъ,“ сказалъ сей послѣдній, „за проклятаго челоуѣка обрекаешь самого себя на гибель? я вижу, вы перемѣнили мнѣніе, но развѣ мечъ есть шопъ вишій, который обращаетъ другихъ?“ — Антонио хорошенько не зналъ, открылся ли монаху, не хотѣлъ рассказывать спранныаго случая и выпросилъ только позволеніе, въ праздникъ Свѣшлага Воскресенія, который былъ ужъ недалеко, во время службы войти черезъ ризницу въ храмъ и спать у алтара. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій, Феодоръ уступилъ его просьбѣ, хотя и не понималъ цѣли. Мнѣ надо ввести гостя въ церковь, прибавилъ юноша, котораго, бышь можешь, не впустили бы въ большія двери.

Благовѣстили во всѣ городскіе колокола, призывая народъ праздновать Святыи праздникъ Воскресенія въ радости и благочестіи. Народъ стремился къ Собору торжествовать величайшій изъ Христіанскихъ праздниковъ и видѣть знамениаго Апоне въ его но-

вомъ санѣ. Студенцы сопровождали своего славнаго учителя, которъй, поздравляемый дворянствомъ, совѣшномъ и народомъ, шелъ съ видомъ смиренія, какъ подобало человѣку, являвшему общій образецъ добродѣтелей и гордости соотечественниковъ. При дверяхъ храма разсупилась толпа и почтительно дала ему мѣсто. Онъ въ одеждѣ Прелапа, украшенный златою цѣпью, съ сѣдою бородою и головою, подобенъ былъ Императору или какому нибудь древнему учителю церкви.

Недалеко отъ алтаря, сему знаменитому мужу угошовано было возвышенное сѣдалище, дабы ученики и народъ могли его видѣть, и когда толпа Христіанъ вошла въ церковь, тогда началось служеніе. Служилъ Феодоръ: всѣ спарики и юноши, знатные и бѣдные, радовались, что сподобились торжествовать достойно праздникъ Господня Воскресенія, видѣть снова свѣтъ радости и послѣ дней спрогого поста, послѣ мрачныхъ картинъ спраданія и печалей, ушѣвшисья чувствомъ новой жизни.

Уже кончилась первая половина Божественнаго служенія, когда съ изумленіемъ увидѣли со спороны алтаря входящаго въ церковь Антоніо Кавальканпи и ведущаго за руку женщину, покрывшую длиннымъ покрываломъ. Онъ

поспавиль ее на возвышеніе, прямо прошивъ Пепра Апоне, и палъ ниць предъ алтаремъ. Она спояла неподвижно, и изъ-подъ покрывала видны были черные, пламенные глаза ея. Піетро вспалъ съ кресель и снова упалъ въ нихъ, блѣдный и препенущій. Музыка разливалась полными звуками; шайн-спвенная женщина спала скидавашь свое покрывало; лице открылось, и ближайшіе увидѣли въ ней съ ужасомъ умершую Крешенцію. Спрахъ пробѣжалъ по всей церкви, и даже вдали споявшимъ спранно было видѣшь женщину, блѣдную какъ смерть, споявшую высоко, шакъ усердно молившуюся и несводившую съ священника большійхъ, огненныхъ глазъ своихъ. Піетро, по его искаженнымъ черпамъ, можно было шакже признашь за мершваго, еслибъ жизнь не обличалась въ немъ сильнымъ препеномъ. Тушь обратился священникъ къ народу и вознесъ совершенную жершву; шрубы провозгласили присушствіе Господа, и съ крикомъ радости, съ лицемъ восхищеннымъ, съ подъяшыми руками, громко воскликнувъ: Осанна! пало блѣдное явленіе мершво и недвижимо къ ногамъ Піетро. Сбѣжался народъ; замолкла музыка; вопросы, удивленіе, спрахъ выражались на всѣхъ лицахъ; дворяне и студенты поддерживали,

ушѣшали испуганнаго старца, но Антоніо закричалъ звучнымъ голосомъ: горе! горе! и началъ ужаснѣйшее обвиненіе, страшный разсказъ; объявилъ объ адскомъ чародѣйствѣ прелещаго грѣшника, такъ что гнѣвъ, ярость, изступленіе и проклятія шумѣли вокругъ Апоне, какъ бурныя волны, и грозили его уничтожить. Уже призывали полицію; говорили объ оковахъ; приближались Инквизишоры; Піетро всталъ какъ бѣшеный, билъ кулаками окружающихъ и, казалось, превращался въ исполина. Онъ подошелъ къ Крешенціи, которая съ улыбкой лежала какъ святая, посмотрѣлъ на нее еще разъ, и потомъ, съ дикимъ воплемъ и сверкающими взорами, бросился въ толпу. Новый страхъ овладѣлъ народомъ; чудовищу дали дорогу; все бѣжало прочь. Такъ вышелъ Піетро на улицу. Но шумъ народъ опомнился, и съ крикомъ, проклятіемъ, ругательствами погнался за нимъ. Апоне бѣжалъ опрометью; его маншія развѣвалась въ воздухъ, и золотая цѣпь билась о плечи. Чернь выкапывала камни съ мостовой, бросала въ него, и израненный, окровавленный, покрытый попомъ, скрежеща зубами отъ страха, Піетро наконецъ достигнулъ своего дома.

Онъ скрылся въ опдаленнѣйшіе по-
кои, и любопытный Березинъ вы-
шелъ къ народу съ распросами. Возьмемъ
прежде эту дьявольскую образину, его
помощника! кричали всѣ, расперзаемъ
безбожника, которъй онъ роду не бы-
валъ въ церкви! Его вышацили на у-
лицу; на его вопросы, моленія, крикъ
не было отвѣта; въ шумѣ слышались
только угрозы смерти. Ведите меня
на судъ! закричалъ наконецъ Карло,
тамъ откроется моя невинность! При-
званные полицейскіе схватили его и
повели въ шюръму. Народъ толпился
за нимъ. Сюда! закричалъ начальникъ,
цѣпи и колодка ждуть тебя! онъ хо-
пѣлъ вырваться; полицейскіе ухвапи-
лись, кто за воротъ, кто за руку,
кто за ногу, кто за голову; шаскали
его шуда и сюда съ крикомъ, смѣхомъ
и ругательствами; вдругъ всѣ разбѣ-
жались; ибо у каждаго оспалось въ рукахъ
почасши его одежды, у кого рукавъ, у кого
шапка, у кого сапогъ; самаго его не было.
Бѣжалъ онъ не могъ; вѣроятно исчезъ;
но никто не понималъ, какимъ образомъ.

Вломилась въ комнашы Апоне, и
нашли его на постелѣ мертваго и окро-
вавленнаго. Разграбили домъ; сожгли
магическіе инструменты, книги, стран-
ные приборы, и во всемъ городѣ слы-
шались проклятія прошивъ челоуѣка,

котораго еще вчера всѣ почипали посланникомъ самаго Божества. Тѣмъ сильнѣе было теперь опивращеніе, которое всѣ чувствовали къ обманщику.

Какъ скоро нѣсколько утихло народное волненіе, шрупъ Пешра Апонейно погребли ночью, внѣ ограды кладбища. Антоніо и Альфонзо примирились снова и прислали къ благочестивому Теодору, который во второй разъ, съ приличнымъ шоржествомъ и рвѣнью, предаль земль шѣло прекрасной Крешенціи. Ее похоронили въ прежней могилѣ. Но Антоніо не могъ долѣе оставаться въ Падуѣ, хошѣлъ снова посѣпить родину, привесити въ порядокъ дѣла свои и попомъ, бытъ можетъ, заключиться въ монастырь. Альфонзо рѣшился идти въ Римъ, куда Папа призывалъ на богомолье, обѣщая опущеніе грѣховъ. Не только все поднялось въ Италіи, но также изъ Германіи и Испаніи шло множество усердныхъ мольщиковъ.

Друзья разошлись. Антоніо не хошѣлъ идти большой дорогой и шель проселочной, опчасти для того чтобы свободнѣе предаться своей задумчивости, опчасти, чтобы не шѣснишься съ толпами, особенно безпокойными на ночлегахъ.

Такимъ образомъ проходилъ онъ поля и долины Апеннинскія. Однажды солнце уже закашилось, а не видно было ни одного поспоялаго двора. Тѣни сгущались. Наконецъ онъ услышалъ въ лѣсу колокольчикъ пустынника, пошелъ на звукъ и достигнулъ, когда уже настала ночная мгла, бѣдной хижины, къ которой вели нѣсколько дощечекъ, положенныхъ черезъ ручей. Онъ нашелъ въ ней слабаго старца, усердно молившагося передъ распятіемъ. Пустынникъ ласково принялъ юношу въ пещерѣ, опдѣлявшейся дверью отъ хижины, приготоовилъ ему поспель мховую и предложилъ своихъ плодовъ, воды и вина. Антоніо подкрѣпилъ свои силы ужиномъ; разговоръ монаха былъ занимателенъ: онъ прежде самъ жилъ въ свѣтѣ и совершилъ многіе походы. Была уже глубокая ночь, и Антоніо отправился въ пещеру, когда вошелъ другой, также слабой и больной монахъ, который хотѣлъ провести ночь съ пустынникомъ въ молиствѣ.

Антоніо спалъ около часа; вдругъ проснулся: ему казалось, что онъ слышитъ громкіе голоса и споръ. Онъ вспалъ и не долго сомнѣвался въ слышанномъ. Звуки казались ему знакомыми, и онъ спросилъ себя: не во снѣ ли онъ? подошелъ къ двери: въ ней была

щель, въ которую можно было видѣть часть хижины. Какъ удивился онъ, увидѣвъ Пепра, почишаемаго мершвымъ, который съ пылающимъ взоромъ, разгорѣвшимся лицомъ, говорилъ громко и дѣлалъ сильныя движенія. Передъ нимъ стоялъ уродливый Березиншъ. „Такъ вашъ преслѣдовашель,“ говорилъ сей послѣдній визгливымъ голосомъ, „шопъ, который сдѣлалъ васъ несчастнымъ, эшопъ человекъ у васъ въ домъ? самъ зашелъ къ вамъ въ нору? и вы еще медлите убить его?“ — Молчи, говорилъ огромный Піетро, я ужь совѣшовался съ моими духами; они не соглашаются; я не могу ему сдѣлать никакого вреда, ибо онъ неповиненъ никакому грѣху. — „Такъ убейте его,“ ошвѣчалъ Карло, „безъ помощи духовъ, вашими собственными руками. Не много ему поможетъ молодость да безгрѣшность, и я плохой слуга, коли не помогу вамъ въ эшомъ похвальномъ дѣлѣ.“ — Такъ примемсяжъ за дѣло, продолжалъ Піетро; ты возьми молодшъ, а я пойду съ шопоромъ: онъ шеперь спить крѣпко. — Они приближались къ двери, но Антонио ошворилъ ее, чшобы бодро идти на встрѣчу злодѣямъ. Онъ обнажилъ мечъ; но ошолбенѣлъ, увидѣвъ двухъ больныхъ, преспарѣлыхъ пуспынниковъ, на колѣняхъ

передъ кресломъ бормотавшихъ свои молитвы. „Что вамъ угодно?“ спросилъ хозяинъ, съ трудомъ поднимаясь. Антонио въ изумленіи не могъ отвѣчать. „За чѣмъ вы съ мечемъ?“ спросилъ спарый, согбенный пусшынникъ. „За чѣмъ эшсшъ грозный взглядъ?“ Антонио удалился съ извиненіемъ, говоря, что спрашный сонъ испугалъ его. Онъ не могъ заснуть отъ разспройства чувствъ. Опяшь услышалъ ясно визгливый голосъ Березинша, и Піетро говорилъ громко: оставимъ это! видишь, у него есть оружіе, и онъ теперь не заснетъ. — „Нѣтъ, непременно надо убишь,“ отвѣчалъ Карло. „Онъ насъ узналъ, и мы во всякомъ случаѣ пропали! Завтра опдасть насъ Инквизиціи, а народу не долго поспавшишь косперъ.“

Въ щрещину двери узналъ онъ обонхъ волшебниковъ. Онъ снова бросился въ хижину съ мечемъ и нашелъ шѣхъ же спарцевъ, молившихся на колѣнахъ. Досадуя на обманъ, онъ схватилъ ихъ и долго боролся съ ними; они защищались опчаянно: то видѣлся ему Піетро, то пусшынникъ, то Березиншъ, то драхлый больной спарець. Кричали, спонали, наконецъ удалось ему выгнать ихъ изъ келліи, копорую онъ попомъ крѣпко заперъ. Тутъ слышалъ онъ внѣ келліи внагъ, моленія, споны, изрѣдка

шептаніе многихъ голосовъ , пѣніе и вой; пошѣмъ, казалось, поднялись дождь и буря, и зашумѣлъ опдаенный громъ. Въ изумленіи заснулъ наконецъ Антоніо, опершись на свой мечъ , передъ распятіемъ; и когда холодный ушренный вѣтеръ разбудилъ его , онъ увидѣлъ себя на высочайшей вершинѣ узкаго утеса, и, казалось, слышалъ смѣхи за собою. Съ опасностію жизни спустился онъ съ крушой высоты , изорвавъ на себѣ одежду, повредивъ лице, руки и ноги. Съ трудомъ бродилъ онъ по лѣсамъ; не лзя было докѣлкашья человека; не видно было ни хижины, какъ ни часто всходилъ онъ на высоты, чтобы обозрѣть окрестности. Уже почти ночью, полумертвый онъ усталости, голода и изнуренія, набрелъ онъ на спараго угольщика, который принялъ его въ свою хижину. Отъ него узналъ онъ, что онъ той пустыни, гдѣ онъ былъ вчера, мѣль двѣнадцать или болѣе. На другой день уже поздно, выспавшись и нѣсколько подкрѣпивъ силы пищею, могъ онъ продолжашь пушь свой во Флоренцію.

Пріѣхавъ во Флоренцію, обнявъ родныхъ , увидѣвъ домъ опеческой, долго не зналъ Антоніо, какой родъ жи-

зни избрать ему: земное счастье было ему уже знакомо своей изменою, и действительность являлась мучительным сномъ. Онъ привелъ въ порядокъ дѣла свои и предался глубокой печали въ опцовскомъ домѣ, живо представляя себѣ въ эпическомъ грошѣ, въ эпическомъ знакомыхъ покояхъ, свои собственные несчастія и бѣдствія своихъ родителей. Онъ вспомнилъ ту опровергательную колдунью, которая такъ нечаянно вмѣшалась въ судьбу его, и ту Крещенцію, которая явилась ему и исчезла такъ же странно, какъ и его невѣста. Еслибъ оставалась какая-нибудь надежда, онъ бы могъ еще примириться съ жизнью. Блѣдный лучъ освѣтилъ наконецъ его душу: въ немъ родилось желаніе идти въ Римъ, ему еще незнакомый, тамъ раздѣлитъ счастье вѣрующихъ, видѣтъ знаменитыя церкви и святыни, въ безчисленныхъ толпахъ чужестранцевъ, спекающихся изъ всехъ странъ міра, разсѣяться и отыскать своего друга Альфонзо. Онъ надѣялся тамъ найти и пресвятаго Амброзію, принявъ участие отъ этого спрадальца, копѣвшаго некогда бытъ ему опцемъ: надѣялся и ему принести опраду. Съ такими мыслями, съ такими ожиданіями пустился онъ въ дорогу и черезъ нѣсколько времени прибылъ въ Римъ.

Онъ удивился, вступая въ сей огромный городъ. Никогда не воображалъ онъ себя такого величія, такихъ памятниковъ, такого множества чужеспранцевъ. Если кто не въ точности зналъ жилище друга, знакомаго, то развѣ посредствомъ чуда можно было найти его. Однакожь, спраннымъ дѣйствіемъ случая, восходя въ Капишолій, Антонію встрѣпиль Амброзіо: старецъ выходилъ опшуда. Подеста немедленно повель его въ свой домъ, гдѣ увидѣлъ юноша печальную мать Крешенціи. Уже долетѣлъ до нихъ слухъ о спранный смерти Петра Апоне, о возвращеніи къ жизни Крешенціи и вторичной ея кончинѣ: эта чудесная повѣсть была въ успахъ каждаго пришельца, съ прибавками и прошиворѣчїями. Охотно и вмѣстѣ съ прискорбіемъ выслушали ее родители опъ самаго Антонію, и спрахъ объялъ обоихъ, особенно мать, копорая проклинала лицемѣра-чародѣя и въ своемъ ожесточеніи даже думала, что онъ, бышь можеть, подкупленный фамиліей Маркони, былъ причиною смерти Крешенціи и снова вызвалъ ее къ жизни для своихъ пресупныхъ замысловъ.

„Предоставимъ,“ сказалъ старикъ Амброзіо, „предоставимъ все на судъ Небу: дѣла ужасны; за чѣмъ подозрѣ-

вашь въ нихъ людей, бышь можешь, невинныхъ? Пусть дѣлають Маркони что хотяшь, а я рѣшилъ лишить ихъ наслѣдства. Я имѣю здѣсь покровителей, съ ихъ помощію опдамъ свое имущество монастырямъ или богоугоднымъ заведеніямъ: жизнь мнѣ опрошивѣла, и я, бышь можешь, самъ кончу дни свои монахомъ.“

Но еслибъ опыскашь, говорила машь со слезами, другую Крешенцію, о копорой сказывалъ Антонію? Она страннѣмъ образомъ была у меня похищена въ твое отсутствіе; старая колдунья, упоминавшая о Маркони, сходство лицъ, все такъ согласно одно съ другимъ, что мы, кажешся, можемъ не терять надежды найти лучшее наше сокровище.

„Оставь глупыя мечты свои,“ отвѣчала Амброзіо. „Для насъ одно вѣрно на землѣ — смерть. Будемъ же думать о томъ, чтобы она была благочестива и покойна.“

А если наконецъ, уже слишкомъ поздно, опыщешся бѣдная сирота наша: не будетъ ли она имѣть права упрекнуть насъ въ томъ, что мы не хотѣли вѣрять Небесной милости и терпѣливо дожидаться ея возвращенія?

Амброзіо сердито взглянулъ на юношу и сказалъ: „ты прибавилъ намъ несчастія, заразилъ умъ бѣдной жены

моей своими пустыми болзненнымъ мечпами и похипилъ у нея послѣдній покой жизни.“

Какъ это? спросилъ Антонио.

Молодой человекъ! отвѣчала Амброзіо, еще съ той самой поѣздки въ лѣса и долины, съ того времени, какъ ты мнѣ разсказалъ свое странное ночное приключеніе, похожее на сказку.

Господинъ Амброзіо! воскликнулъ Антонио, и рука его невольнo схватилась за мечъ.

„Оспавъ это,“ спокойно продолжалъ спарикъ: „я не думаю обвинять себя во лжи, давно знаю себя, знаю швое правдолюбіе. Но не ужели ты самъ никогда не подумалъ, что съ похоронъ Крешенціи, для тебя споль нечаянныхъ, швой разсудокъ могъ помущиться и ослабѣть? Въ шемную ночь, въ бурю, въ волненіи спраспи — мудрено ли, что ты видѣлъ умершую невѣсту? а съ шѣмъ соединилась мысль о швоемъ несчастномъ ошцѣ, о швоей рано скончавшейся машери. Такъ родились эти призраки и остановились въ умѣ швоемъ. Нашли ли мы хоть слѣды той хижины? Умѣли ли намъ сказать хоть одинъ человекъ окресныхъ селеній о смерти ея жипшелей? А спрашная встрѣча съ моею истинной до-

черью? Я ей вѣрю, но недовольно ли ея одной, чтобы довести до безумія самый холодный разумокъ? Удивительно ли послѣ этого, если ты на дорогѣ опять видѣлъ много невозможнаго, нашелъ и не узналъ умершаго Пьетро и проч.? Нѣтъ, другъ мой, печаль и горько помрачили твою умъ, и ты видишь призраки, и вѣришь небывальщинѣ.“

Антонио смѣшался и не зналъ, что отвѣчать. Правда, потеря сущесва любимаго сильно потрясла его душу; но онъ слишкомъ ясно сознавалъ въ себѣ всѣ видѣнныя обстоятельство и не могъ сомнѣваться въ ихъ истинѣ. Онъ почувствовалъ новое побужденіе къ дѣятельности, хотѣлъ по крайней мѣрѣ доказать, что его ночныя приключенія не были сномъ, что впрочемъ Крещенція — существо дѣйствительное, и потому неперпѣливо желалъ отыскать ее, возвратившись съшующимъ родителямъ и присыдидиъ Амброзіо. Съ такимъ намѣреніемъ оставилъ онъ спараго друга и пошелъ бродить по городу, всюду шѣснимый толпами народа, оглушаемый криками, вопросами, разказами на всѣхъ языкахъ. Такъ гнали его до самаго Латерана народныя скопища, какъ вдругъ онъ увидѣлъ совершенно ясно,

но вдалекѣ, за разступавшейся по временамъ толпой народа, ту отвращительную старуху, мать прекрасной дѣвушки, называвшейся также Крещенціей. Онъ хотѣлъ пробиться къ ней, и, казалось, былъ уже близко, когда новая толпа пилигримовъ, привлекаясь съ противоположной стороны, остановила его, и дальѣ идти было невозможно. Онъ шѣпнулъ изо всѣхъ силъ, взбирался на ступени храма Св. Іоанна, чтобы видѣть дальше, вдругъ почувствовалъ дружеской ударъ руки по плечу, и знакомый голосъ назвалъ его по имени. То былъ Альфонзо. „Такъ здѣсь нахожу тебя?“ весело сказалъ сей послѣдній, „именно здѣсь, гдѣ надѣялся найти?“

Какимъ образомъ? спросилъ Антоніо.

„Выйдемъ сперва изъ этой давки,“ отвѣчалъ онъ. „Здѣсь крикъ и смѣшеніе языковъ Вавилонское; не слышно ни слова.“

Они вышли въ поле, и шепъ открылъ ему Альфонзо, что онъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Римѣ, предавался Астрологіи, искусству гаданій и подобнымъ наукамъ, копорыя прежде ненавидѣлъ, воображая, что онѣ могутъ быть узнаны только предосудительными средствами и съ помощію злыхъ духовъ. „Но съ того времени,“ говорилъ онъ, „какъ.

я познакомился съ несравненнымъ Ка-спаліо, сіи знанія представились мнѣ въ иномъ, благопріятнѣйшемъ свѣтѣ.“

Возможно ли? воскликнулъ Антоніо: послѣ того спрашнаго происшествія въ Падуѣ, ты рѣшаешься снова подвергать опасности свою душу? не видишь, что знанія сего рода, возможные при естественныхъ средствахъ и съ помощію простаго ума, суть знанія мѣлочныя, возбуждающія смѣхъ; но что все высшее, не ограничивающееся однимъ обманомъ, получается только отъ злой, нечислой силы?

„Жаркія рѣчи,“ отвѣчалъ Альфонзо, „не доказательство; мы слишкомъ молоды, не можемъ знать совершенно собственной своей природы, тѣмъ менѣе внѣшней и всѣхъ тайнъ ея. Увидишь человека, которому я обязанъ столько многимъ, и всѣ твои сомнѣнія исчезнутъ. Благочестивъ, простъ, онъ кажется совершеннымъ младенцемъ, и каждый взглядъ его внушаетъ довѣренность.“

А развѣ не таковъ былъ Апоне?

„Нѣтъ! онъ хотѣлъ казаться существомъ не земнымъ, посланнымъ самаго Неба, ослѣпить искусственнымъ блескомъ глаза недальновидныхъ смертныхъ. Онъ любилъ пышность и нисходилъ къ намъ для того только, чтобы

дашь живѣ почувствовать неизмѣримое разстояніе между имъ и другими. Не гордился ли онъ удивленіемъ, которое ему оказывалъ и знашый и бѣдный, и старый и малый? Но шеперешній другъ мой (да, онъ мнѣ другъ, ибо спавишь себя наравнѣ со мною) смѣется надъ эшою спѣсью и думаетъ, что она всегда доказываетъ подложность достоинства и что величайшій изъ людей долженъ, наравнѣ съ глупѣйшимъ изъ смертныхъ, признашь себя сыномъ праха.“

Твои слова возбуждаютъ мое любопытство, сказалъ Антоніо: такъ онъ знаетъ будущее и прошедшее? судьбы людей? можешь сказать мнѣ, буду ли я счастливъ, или нѣтъ? исполняются ли нѣкоторыя, тайныя желанія мои? разгадаетъ ли то, что самому мнѣ темно въ моей жизни?

„Въ томъ-то и состоитъ его мудрость,“ отвѣчалъ съ восхищеніемъ Антоніо: „письменами и числами, самымъ простымъ и невиннымъ образомъ узнаеть онъ все то, для чего другіе несчастные употребляютъ заклинанія, формулы, вой, крики и ужасы. У него не найдешь страшнаго, волшебнаго прибора, не увидишь ни спклянокъ, ни запертыхъ духовъ, ни зеркалъ, ни скелетовъ, ни куреній. Ему довольно са-

мага себя. Я говорилъ ему о тебѣ; и онъ заключилъ изъ своихъ вычисленій, что я навѣрное найду тебя сего дня, въ эготъ часъ, на ступеняхъ Лаперанской церкви. Такъ точно и случилось.“

Антоніо хотѣлъ познакомиться съ мудрымъ старцемъ и узнать ошъ него собственную судьбу свою. Они опобѣдали въ саду и къ вечеру возвратились въ городъ. На улицахъ было шие и они могли идти спокойно. Были уже сумерки. Они шли по узкимъ улицамъ, проспирающимся за гробницею Авгушта, вошли въ садикъ, и пріятный свѣтъ выходилъ изъ оконъ маленькаго домика. Они позвонили въ колокольчикъ, дверь опворилась, и исполненный самыхъ нешерпѣливыхъ ожиданій, всупилъ Антоніо въ залу вмѣстѣ съ своимъ другомъ.

Антоніо удивился, увидя проспаго, невысокаго человека, которому, по всемъ примѣтамъ, могло бытъ не болѣе придцати лѣтъ. Онъ встрѣпилъ входящаго юношу проспымъ привѣспвіемъ, какъ спараго знакомаго. „Вашъ другъ,“ сказалъ онъ пріятнымъ голосомъ, „говорилъ мнѣ о васъ много хорошаго, и мнѣ давно хотѣлось узнать васъ. Не думайте, что вы пришли къ мудрецу, къ адепту, къ человеку, ошъ заклинаній котораго содрогаешся адъ-

въ своихъ основахъ. Нѣтъ, вы у такого же смершнаго, какъ вы сами, каковъ всякой, не боящейся науки и уединенія.“

Альфонзо взглянулъ на своего друга восхищеннымъ взоромъ, и Антонио признался себѣ, что это простое смиреніе почтеніе всѣхъ пышныхъ выраженій, всего блеска, которые распочаль Пьетро Апоне во время величайшей своей славы. Онъ начиналъ убѣждаться, что мудрость, называемая сверхъестественною, можетъ быть въ соединеніи съ благочестіемъ и совершенной покорностію Богу.

Извѣстна ли вамъ судьба моя? спросилъ наконецъ юноша; можете ли сказать что нибудь о моемъ будущемъ?

„Когда прежде скажете мнѣ годъ, день и часъ вашего рожденія,“ отвѣчалъ Каспаліо, „когда разсмотрю черты вашего лица и руки, потомъ свободно душою предамся размышленію; тогда безъ сомнѣнія открою вамъ нѣчто о судьбѣ вашей.“

Антонио подаль ему карманную книжку, въ которой самъ отецъ его записалъ часъ его рожденія. Каспаліо налилъ юношѣ вина, выпилъ самъ немного, посмотрѣлъ въ нѣкоторыхъ книгахъ и потомъ сѣлъ счищать, не пре-

рывая между тѣмъ разговора съ молодымъ челоуѣкомъ. Казалось, онъ занимался самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, которое не требовало всего его вниманія. Такъ прошло около часа, какъ вдругъ Касталіо вспалъ и подозвалъ Антоніо къ кошку. „Не знаю,“ сказалъ онъ, „много ли вы вѣрите вашему другу и что хопите скрывать отъ него.“ Потомъ очень внимательнo посмотрѣлъ на его лице и руки, и связно рассказалъ всю исторію, всѣ несчастія его родителей, раннюю насильственную смерть матери, бѣдственную смерть отца, его убіеніе; перешелъ къ обстоятельствамъ самаго Антоніо, напомнилъ, какъ онъ искалъ, преслѣдовалъ убійцу, и какъ самъ задержанъ былъ въ Падуѣ спрашню. „Такъ вы,“ заключилъ онъ, „такъ вы, къ моему удивленію пошъ самой молодой челоуѣкъ, который недавно такъ спрашно обличилъ злобу Піетро Апоне, который предалъ злодѣя наказанію и самъ сдѣлался вдвое несчастнѣе, потерявъ дважды свою любезную?“

Антоніо подтвердилъ все сказанное оптадчикомъ и почувствовалъ къ нему такую довѣренность, что говорилъ съ нимъ какъ самъ съ собою. Онъ рассказалъ ему всѣ свои ночныя приключенія, рассказалъ все о второй Крешенціи, о страшнoй колдунѣ, которая, какъ онъ

думаль, снова явилась ему сегодня. — Можете ли сказать мнѣ, спросилъ онъ, истинно ли все это, кто такая вѣспрашая Крешенція, увижу ли ее опять, и возвращу ли родителей?

Каспаліо сдѣлался задумчивѣе прежняго. „Если только не Березинъ, не уродъ, всегда сопровождавшій Піетро Апоне, скрывается теперь въ видѣ старухи, чтобы избѣгнуть розысковъ; но я надѣюсь отыскать эту женщину. Потерпѣте до завтра, и получите отвѣтъ. „Впрочемъ событія той страшной ночи были не грёзы вашего воображенія, а дѣйствительность: успокойте эшимъ себя и вашего преславаго друга.“

Задумчиво пошли молодые люди отъ спранныго Каспаліо, и Антоніо благодарилъ Испанца за доставленіе ему этого знакомства.

Антоніо пригласилъ стараго Амброзіо и жену его къ свиданію съ дочерью, общая навѣрное отыскать страшную старуху и Крешенцію. Мать охотно ему повѣрила, но старикъ оспавался при своихъ сомнѣніяхъ. Еще до захожденія солнечнаго пошелъ юноша съ другомъ своимъ къ мудрому Каспаліо. Онъ съ улыбкою вышелъ къ нимъ на встрѣчу и сказалъ: „вошь, Антоніо,

возьмите эту записку; изъ нея узнаете, въ какой улицѣ, въ какомъ домѣ живеть спарая вѣдьма. Когда найдете ее, тогда ужъ не будете сомнѣваться въ моемъ знаніи.“

Я и теперь въ немъ увѣренъ, опвѣчалъ Антонію, былъ еще вчера увѣренъ: вы мудрѣйшій изъ смертныхъ и сдѣлаете меня счастливѣйшимъ изъ нихъ. Иду искать злую спаруху, и если Крещенція еще не умерла или не пропала, то возвращу ее въ объятія ея родителей.

Въ неперпѣливомъ ожиданіи, онъ поспѣшно хопѣлъ удалиться и уже взялся за ручку двернаго замка, какъ вдругъ услышали, кто-то стучался снаружи, кашлялъ и шаркалъ ногами. „Кто тамъ?“ закричалъ Каспалію; молодые люди опворили дверь, и вошелъ Березиншъ, спалъ потчасъ посреди комнаты, дѣлалъ смѣшныя поклоны и гримасы и предлагалъ Каспалію свои услуги.

„Кто ты?“ спросилъ Каспалію, измѣнившись въ лицѣ и опспутивъ нѣсколько шаговъ назадъ.

Это злодѣй! закричалъ Антонію, волшебникъ, котораго надо предать Инквизиціи: это Березиншъ, котораго вы, почтенный человекъ, уже знаете по имени, о которомъ я говорилъ вамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, молодой человекъ? сказалъ Березиншъ съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія. Съ вами дѣшми я не имѣю дѣла. Вы меня не знаете? спросилъ онъ, обратившись къ Каспаліо; не можете принять меня въ услуги?

„Какъ мнѣ знать тебя?“ сказалъ Каспаліо нервнишелнымъ тономъ; „я тебя не видывалъ. Удались; я долженъ отказать тебѣ. Въ моемъ домикѣ не нужна чужая услуга.“

Березиншъ ходилъ взадъ и впередъ большими шагами. Такъ вы не знаете меня? Можешъ бышъ, люди перемѣняющся; не вѣчно мы бываемъ молоды. Однакожъ, кажешся, меня бы не должно такъ скоро забыть вамъ. — А вы? сказалъ онъ, обратясь къ молодымъ людямъ; вы также не знаете этого мудреца?

„О какъ не знать?“ отвѣчалъ Антонио: „онъ другъ нашъ, добрый Каспаліо.“

Тутъ поднялъ Березиншъ шакой ужасной смѣхъ, что зашрещали стѣны и окна въ комнашъ. Каспаліо! Каспаліо! кричалъ онъ, какъ будто одержимый злымъ духомъ; такъ вамъ очки надѣли на носъ? Всмотришесь хорошенько, и узнайте вашего почтеннаго Петра Абано, кудесника Падуанскаго!

Мнимый Каспаліо, какъ безчувственный, упалъ въ кресла; сильно дрожали всѣ члены его тѣла, всѣ мускулы лица, такъ что не лзя было узнать ни одной прежней черты его. Нѣсколько времени въ изумленіи смотрѣли на него молодые люди, и наконецъ, къ ихъ ужасу, показалось имъ, что въ смященной физиогноміи Каспаліо дѣйствительно открываешся лице спарика Апоне. Громко вскрикнувъ, вспалъ онъ съ кресель, сжалъ руки въ кулаки; уста его покрылись пѣною, и въ своей ярости онъ, казалось, принялъ ростъ исполинскій. „Такъ!“ завопилъ онъ громовымъ голосомъ; „я Апоне, а ты, рабъ; теперь распроиваешь мое дѣло, мѣшаешь мнѣ погубить молодое созданіе новымъ способомъ. Чего отъ меня хочешь? я господинъ пивой и не признаю тебя. Не препещушь ли всѣ пивои кости моего мщенія и наказанія?“

Березиншъ снова поднялъ громкой смѣхъ. Мщеніе? Наказаніе? повпорилъ онъ. Глупецъ! такъ ты теперь только почувствуешь, что не долженъ со мной говорить такимъ образомъ; что ты, льстець, долженъ предо мною пресмыкаться во прахъ; что одинъ взглядъ очей моихъ, одно прикосновеніе желѣзной руки моей можетъ разру-

шипъ шебя, игралище безумнаго искусства, которое сильно только мною!

Бѣсъ стоялъ въ залѣ. Его глаза извергали пламя, руки пропянулись въ два орлиныя крыла, голова касалась потолка; Пьетро съ визгомъ и спонномъ повергся къ ногамъ его. „Я,“ продолжалъ демонъ, „я поддерживалъ глупый обманъ швой, обольщалъ людей; моею силою исполнилось швое злодѣйство. Ты хопьлъ распонпашъ меня ногами: теперь я швой повелишель! слѣдуй за мною, какъ рабъ мой, въ мое царство! Удалишесь, несчастные!“ закричалъ онъ юношамъ; „вы не должны видѣть, чшо будешь между нами.“ И страшный ударъ грома попрысъ домъ въ его основаніяхъ; ослѣпленные, испуганные, выбѣжали вонъ, Антоніо и Альфонзо; дрожали ихъ ноги и спучади зубы; не зная сами какъ, очутились они на улицѣ, бѣжали въ ближній храмъ, ибо поднялась спрашная буря съ громомъ и молніей, и, обо-рошившись, увидѣли домъ, пылавшій въ развалинахъ; двѣ шемныя шѣни неслись надъ пожаромъ; онъ, казалось, боролись, схватывали одна другую, бросали и крупились. Ревъ опчаянія и громкій смѣхъ злобы раздавались попеременно между ударами сильнаго вѣтра.

Много прошло времени; пока не опомнился Антонио, пока не укрѣпился въ силахъ и не былъ въ состояннн идти обыскивать домъ спарухи, по данному ему указанію. Онъ нашелъ ее наряженною, и она съ веселымъ видомъ сказала ему: „а, Флорентинецъ, шакъ и вы здѣсь?“

Гдѣ дочь твоя? спросилъ Антонио, дрожа отъ нешерпѣнія.

„Если хотите имѣть ее, то пожалуйста возьмите, сказала спаруха, только должны заплашить за нее честно. Или пусть заплашитъ Подеста, если еще живъ: она его дочь, я украла ее, ибо господа Маркони дали мнѣ за то знашную сумму денегъ.“

Докажи, что она дочь Подесты, сказалъ юноша, и пребуи чего хочешь.

„Доказательствъ много, отвѣчала спаруха: пеленки съ мѣшками, плащя, пятнышко на правомъ плечѣ, вѣрно извѣстное мапери. Пожалуй, покажу письма и господъ Маркони, письма изъ самой Падуи: я захватила ихъ съ собою, хоть и спѣшила. Все все покажу, только деньги, деньги.“

Антонио отдалъ ей, сколько было съ нимъ золота, прибавилъ еще драгоценныя каменья, украшавшія его шляпу и одежду, отдалъ свои жемчуги и золотую цѣпь. Она смѣялась, стребала все въ одну

кучу и сказала: „не удивляйтесь; что я такъ скоро спорговалась съ вами. Дѣвка-то опъ опъ меня бѣжала, попому что не хотѣла идти за мужъ и теперь въ женскомъ монастырѣ у Траяновой колонны. Игуменья не отдаетъ мнѣ ея, но величе о себѣ сказать, и дѣвчонка моя сама бросицца къ вамъ на шею. Она только о васъ и думаетъ; вы такъ обворожили ея глупое сердце, что съ той самой ночи, которую вы вѣрно еще помните, она не сказала ни полслова умнаго и не хочетъ слышать ни о мужѣ, ни о любовникѣ. Рада я, что опъ нея избавилась; съ однимъ значнымъ родственникомъ, господиномъ Березинтомъ, нынѣшнюю же ночь уѣзжаю въ его помѣстье. Просите, молодой человекъ, будьте счастливы съ своей Крещенціей.“

Антоніо взялъ всѣ письма, плашья, доказательства ея рода. Въ дверяхъ встрѣшилъ онъ по чудовище, которое называлось Березинтомъ. Антоніо бѣжалъ съ такимъ веселымъ сердцемъ, съ такою быспрошою, что и не замѣчалъ бури, которая грозила опустошить всю страну и ниспровергнуть дома въ ихъ основаніяхъ.

Счастливые родители размошрѣли ночью письма, и онѣ вмѣстѣ съ плашьемъ увѣрили ихъ, что сія вторая Кре-

шенція была точно ихъ дочерью, сестрою первой, названною при крещеніи Цециліей. Отець поупру взялъ изъ монастыря прекрасную, блѣдную дѣвущку. Ей казалось, что она въ раю, принадлежа родителемъ, нашедъ снова юношу, которому она отдала свое сердце на вѣки.

Весь Римъ долго говорилъ о несчастныхъ, убитыхъ громомъ, и Амброзіо жилъ съ своею супругою, обрѣшенною дочерью и зятемъ своимъ Антоніо въ окрестностяхъ Неаполя. Юноша въ упоеніи счастливой любви забылъ о прежнихъ горестяхъ, а родителей утѣшили дѣти и внуки въ потерѣ прекрасной и нѣжно любимой Крещенціи.

Z.

Примѣчаніе. Тикъ есть одинъ изъ первоклассныхъ Германскихъ писателей нашего времени, по единогласному признанію тамошнихъ криптиковъ. Не зная его сочиненій, я хочу сказать два слова только о предложенной повѣсти.

Дѣйствія въ ней нѣтъ, которое развивалось бы постепенно и образовало цѣлое. Нѣтъ никакого главнаго предмета, который бы хотѣлъ изобразить Авторъ, нѣтъ цѣли, къ которой бы

онъ стремился, нѣшь характеровъ, драматической занимательности. Это безпорядочное : собраніе сценъ, приспавленныхъ, одна къ другой, безъ всякаго вѣроподобія. Апоне развращается не на сценѣ, а уже является развращеннымъ и дьяволъ въ повѣсти приноситъ ему только спклянки и выходитъ на улицу сморѣшь какова погода. Онъ имѣеть силу оживлять мершвыхъ (здѣсь самымъ нелѣпымъ образомъ пересшуплены границы чудеснаго) и между тѣмъ не знаешь, что у него дѣлается за сѣною ; принимаешь къ себѣ въ домъ челошѣка, который его погубить долженъ ; при немъ въ его комнатѣ нечаянно отворяется дверь и пошоронній видишь чрезъ нее его шайны; онъ не заботился узнать, какое впечатлѣніе произвели эшѣ шайны и какія послѣдствія повлекли за собою. Дьяволъ, скажущъ, одно открывалъ ему, а другое закрывалъ, — но съ какою цѣлію? Пришомъ Апоне, въ лицѣ Каспаліо, какъ видно, безъ помощи дьявола могъ обольстить Альфонзо ; въ чемъ состояло это обольщеніе? и проч. и проч. — Дьяволъ дѣйствуетъ, какъ челошѣкъ со шраснями, изъ смѣшнаго мщенія мѣшаетъ Піетру обольстить Аншоніо, дѣлаетъ такимъ образомъ доброе дѣло, хвастается передъ нимъ своимъ могущесшвомъ, и проч. и проч. Уродливая старуха, Альфонзо, Теодоръ, лишніе образы безъ лицъ, сходятся между собою всегда самымъ спраннымъ образомъ, а разговариваютъ еще спраннѣйшимъ и проч. и проч.

Хорошаго здѣсь — нѣсколько сценъ напр. заклинанія, встрѣча Антоніо съ монахами, которые ему кажутся по въ своемъ образѣ, по въ образѣ убійць, состояніе Крещенціи послѣ оживленія; — Нѣмцы восхищаются этою повѣстію, и одинъ Рецензентъ (*Zeit. für e. Welt* 1825 N. 87) называетъ „по фаншазіи, пону (Laune) и оспрошъ и прекраснѣйшему образу изложенія драгоценнымъ подаркомъ превосходнаго художника, геніальнаго Тика, подаркомъ, въ которомъ ничега осудить нельзя.“

Здѣсь повѣсть эта помѣщена для того, чѣшобъ показашъ различіе вкусовъ у двухъ народовъ, познакомить съ первокласнымъ писателемъ, (хотя и не съ выгодной для него стороны), и напомнить нашимъ читателямъ, что по одному имени о произведеніяхъ судить не должно.

Л. Л.

НАУКИ.

Исторія Литературы.

Нѣчто объ Освобожденномъ Иерусалимѣ ().*

(Изъ Шатобрианова сочиненія *Genie du Christianisme*).

.... Освобожденный Иерусалимъ есть образецъ сочиненія. Здѣсь можно учить-ся, какъ совокуплять предметы, не смѣшивая: искусство, съ копорымъ Тассъ переноситъ васъ съ битвы на любовную сцену, съ любовной сцены въ совѣтъ, изъ торжественнаго хода въ очарованный замокъ, изъ очарованнаго замка въ спальню, съ приспуна въ пещеру пустынника, изъ шума въ осажденномъ городѣ въ паспущескую хижину — это искусство, говоримъ мы, удивительно. Характеры начерпаны также съ великомъ умомъ: звѣрство Арганша пропивоположно съ великодушiемъ Танкреда, величiе Солимана съ блескомъ Ринальда, мудрость Готфреда съ коварствомъ Аладина; даже пустынникъ Пепръ, какъ замѣшилъ Волперъ, составляетъ прекрасную чепу съ волшебникомъ Исменомъ. — Что касается

(*) Освобожденный Иерусалимъ обращаетъ на себя теперь особое вниманiе публики, получившей вдругъ два стихотворные перевода этой Поэмы. Мы постараемся познакомить нашихъ читателей со всеми примѣчательными мнѣнiями объ этомъ произведенiи Италiанскаго пѣнопѣвца.

до женщинъ — кокетство изображено въ Армидѣ, чувствительность въ Эрминіи, равнодушіе въ Клориндѣ. Тассъ обошелъ бы весь кругъ характеровъ женскихъ, если бы представилъ намъ еще мать. Причина такого опущенія заключается вѣроятно въ свойствѣ его дарованія, въ коемъ было больше очаровательности, нежели истины, больше блеску, нежели нѣжности.

Омиръ преимущественно обладалъ, кажется, гениемъ, Виргилій чувствительностію, Тассъ воображеніемъ. Нельзя бы колебаться въ назначеніи мѣста поэту Италіанскому, если бы онъ заставлялъ иногда свою музу задумываться, подражая вздыханіямъ Мантуанскаго лебедя. Но въ Тассѣ почти всегда видна принужденность, когда онъ хочетъ говорить отъ сердца, и такъ какъ истинныя красоты даруются намъ душою, то онъ необходимо стоитъ ниже Виргилія.

Наконецъ признавая Іерусалимъ цвѣтомъ изящной Поэзіи, ясно усмапривая въ немъ печать нѣжнаго возраста, любви и скорбей великаго человѣка, угнетеннаго несчастіемъ, который въ молодости далъ свѣту сіеобразцовое произведеніе, нельзя нечувствовать также недоспапковъ вѣка, еще несозрѣлаго для высокаго предпріяшя Эпопеи. Ок-

тава Тассова почти всегда неполна, и стихъ его, сложенный наскоро, не можешь быть сравненъ со стихомъ Виргилія, очищеннымъ въ огонь Музъ. Еще замѣнить должно, что мысли Тассовы не встрѣчаются такими прекрасными семействами, какъ мысли Поэта Латинскаго. Произведенія древнихъ узнаются, смѣемъ сказать, по ихъ породѣ. У насъ разсыяны нѣкоторыя блестящія мысли въ кучѣ обыкновенностей, у нихъ — прекрасныя купы мыслей, когорыя приспали одна къ другой и кажутся родными между собою. Это куна дѣшей Ніобы; нагія, простыя, спыдливыя, съ милою улыбкою на устахъ, — онѣ соспавляютъ хороводъ, держа другъ друга за руки, и вмѣсто всякаго украшенія носятъ въ волосахъ одни вѣнки изъ цвѣшовъ.

Читая Іерусалимъ, нельзя несогласиться, что можно сотворить нѣчто превосходное на предметъ Христіанскій. — И что вышло бы еще, если бы Тассъ отважился употребить великія машины Христіанства? — Замѣтно, что въ немъ недоспавало смѣлости. Эпа робость заспавила его употреблять малыя пружины магіи, тогда какъ онъ могъ извлечь для себя все изъ гробницы Іисусъ Христа, о комъ онъ едва упоминаетъ, и изъ земли,

освященной шолікими чудесами. Таже робосшь была причиною его неудачи въ *Небѣ*. Въ *Адѣ* замѣшны многія чершы дурнаго вкуса. Прибавимъ, что онъ мало воспользовался и Магомешаншвомъ, коего обряды шѣмъ болѣе любопытны, чѣмъ менѣ извѣсны. Наконецъ онъ могъ бы бросишь взоръ на древнюю Азію, на эшопъ Египеть, шоль славный, на эшопъ великой Вавилонъ, на эшопъ великолѣпный Тиръ, на времена Соломона и Исаи. Удивительно, что Муза его, прошекая Израиль, забыла объ арѣ Давидовой. Развѣ не слышно уже голоса Пророковъ на вершинахъ Ливанскихъ? Развѣ шѣни ихъ не показывающся иногда подъ кедрами и въ сосновыхъ дубравахъ? Развѣ Ангелы не поющъ уже на Голгоѣ и источникъ Кедрскій не спенаеть болѣе? — Жаль шакже, что Тассъ не посвятилъ никакого воспоминанія Патріархамъ: колыбель міра въ уголкѣ Іерусалима произвела бы великое дѣйствіе. *М. II.*

К Р И Т И К А.

*Обозрѣніе Русскихъ
Журналовъ въ 1827 году.*

Московский Телеграфъ.

(Продолженіе статьи, помѣщенной въ 1 й книжкѣ Москов. Вѣстника: *Обозрѣніе Русской Словесности за 1827 й годъ*).

Приступая къ обозрѣнію Русскихъ Журналовъ, мы ограничиваемся только тѣми, которые собственно относятся къ Словесности, въ тѣсномъ смыслѣ принимаемой. Но такъ какъ въ составъ оныхъ входятъ и другія науки; то мы и здѣсь преимущественно обратимъ вниманіе на одно Литтературное, а о прочемъ упомянемъ только въ отношеніи къ общему образу мыслей и характеру изданій. Тому же, что явилось у насъ въ прошедшемъ году по части Исторіи, какъ науки, болѣе прочихъ послѣ Словесности принадлежащей кругу общественному, и почасти наукъ Естественныхъ, посвящены будутъ особыя обозрѣнія.

Съ каждымъ годомъ умножается у насъ число Журналовъ. — Не есть ли это утѣшительный признакъ какого-то движенія въ нашей Литтературѣ? Не означаетъ ли это зародившейся потребности въ нашей публикѣ, болѣе и болѣе

сообщаться со всеми современными явлениями ума человеческого? Не общаешь ли сей знак успѣховъ въ грядущемъ, ибо движеніе умовъ въ Липшерашурѣ имѣешь всегда полезныя слѣдствія? — Но желательнѣе бы было, чтобы вмѣстѣ съ размноженіемъ Журналовъ въ нашемъ Отечествѣ, болѣе и болѣе очищались и наспоющія понятія о журнализмѣ, чтобы Гг. Журналисты яснѣе опредѣляли себѣ важную цѣль свою и вѣрнѣе ей слѣдовали.

Удивительно, какъ въ нашемъ вѣкѣ системъ и теорій, когда всякое знаніе, какъ звѣно, вносится въ цѣпь общихъ знаній человеческихъ, когда всякое искусство, даже романтическое, наиболѣе своевольное, пребуещъ своей науки, когда даже въ нашемъ Отечествѣ, по возрасту своему отставшемъ отъ просвѣщенной Европы, начинаешь зарождашься хотя неясное стремленіе къ общимъ идеямъ, — удивительно, говорю, какъ до сихъ поръ не начертали теоріи журнализма, какъ искусства важнаго и необходимаго въ наше время. Не предоставляя себѣ разрѣшенія этой обширной задачи мы, считаемъ однако за нужное изложить предварительно наши общія понятія о томъ, чего требуется отъ Журнала современнаго, шѣмъ болѣе, что это лучше опредѣлишь для насъ самихъ наши обязанности передъ просвѣщенною публикою и покажешь намъ наши собственныя

недоспашки, равно и недоспашки Журналовъ, нами разбираемыхъ.

Судя по большей части нашихъ повременныхъ изданій, мы заключаемъ, что еще не совсемъ у насъ испребился старый предрасудокъ—требовать отъ Журнала пріяшнаго и легкаго чтенія для препровожденія времени за чашкою кофе. Неудѣлиительно для Журналиста видѣшь въ своемъ изданіи простое лекарство отъ скуки людямъ празднымъ. Не смощря на то, всякой долженъ отчасши покоряться сему требованію, хотя другіе, по видимому, и не ищущъ въ своихъ изданіяхъ иной цѣли. Но есть цѣль высшая, благороднѣйшая. Настоящее назначеніе Журнала состоитъ въ томъ, чтобы указывать своимъ соотечественникамъ на всѣ новыя, современные явленія въ обширной области твореній ума человѣческаго, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и въ другихъ государствахъ; разрѣшать по возможности всѣ *современные вопросы* (*), ибо всякій въкъ, всякій народъ, всякій человекъ имѣетъ свои задачи, для разрѣшенія которыхъ живетъ и дѣйствуетъ; указывая на новыя явленія ума, честно и правдиво, безъ приспрасія личнаго, открывать ихъ настоящую сторону, назначать имъ мѣсто въ постепенной лѣствицѣ просвѣще-

(*) Мы снова употребляемъ этотъ терминъ, не смощря на то, что Ред. Сѣв. Пчелы не понимаетъ его. Авось изъ нашего объясненія поймешь онъ значеніе сего слова.

нѣя, какъ въ отношеніи къ нашему опечесству, такъ въ отношеніи ко всему міру человѣковъ, и такимъ образомъ благородно и возвышенно направляешь непоспоянное вниманіе своихъ соопчицей на весь современный ходъ ума человѣческаго, на его успѣхи, уклоненія, заблужденія, и сосредоточиваешь воедино всѣ разногласныя мнѣнія публики, столь разнообразной во вкусахъ, въ характерахъ, въ склонностяхъ, въ приспращіяхъ. Вошь къ чему призванъ Журналистъ! Не въ правѣ ли онъ по сему гордиться своимъ званіемъ? не въ обязанности ли по крайней мѣрѣ не унижать его? — Онъ приноситъ великую жертву для публики, завѣщая всѣ шруды свои не попомсству, но настоящей минутѣ, связующей его съ современниками. Будущее для него не существуетъ; онъ имѣетъ въ виду одно настоящее, одно то мгновение, когда говоришь передъ лицомъ слушателей. Онъ поже самое, что актеръ на сценѣ, копораго слава живетъ въ однихъ помяко впечатлѣніяхъ мгновенныхъ, но не даромъ проходящихъ. Жертва великая шѣмъ болѣе, что всякому человѣку свойственно въ благородномъ желаніи славы имѣть въ виду не однихъ современниковъ, но и попомковъ. Прибавимъ къ тому, что желаніе славы попомственной безкорыстной желанія современной, и попому достойнѣе человѣка.

Изъ сказаннаго выше всякій увидишь необходимость и пользу журналовъ въ нашемъ Ошечествѣ, а вмѣстѣ и недоспашки оныхъ. Въ нихъ заключается одно изъ средствъ поставишь нашихъ соошечественниковъ на такую почву, съ копорой они могли бы обозрѣвать современные успѣхи просвѣщенія, принимавъ въ нихъ участие намѣреніемъ и дѣломъ, и пользовавшись ими, — однимъ словомъ, посредствомъ журналовъ можно Россію сдѣлать въ отношеніяхъ лишерашурно - ученыхъ, такъ сказать, *современною Европѣ*; ибо если не знаешь того, что до насъ дѣлалось, значишь бышь младенцемъ; шо не знаешь того, что дѣлается передъ нами въ 19 мѣ вѣкѣ, значишь существовать въ 18 мѣ, въ сравненіи съ другими народами. Если такъ важно у насъ назначеніе журналовъ, шо шѣмъ большее дѣжно обратишь вниманіе на ихъ недоспашки.

Сии недоспашки раздѣляются на два рода: одни принадлежатъ (просимъ извиненія) нашему вѣку и публикѣ, другіе самимъ журналамъ. Главный недоспашокъ перваго рода заключается въ *многосторонности* (*), въ томъ, что они объ-

(*) Можешь бышь, непонявшие насъ прежде, поймутъ шеперь, что мы разумѣли подъ словомъ: *младенческа я многосторонность*, объемлющая всѣ науки въ маломъ и пошерностномъ объемѣ, копорую дѣжно ошличить отъ той совершеннѣйшей эпохи знанія, когда всѣ части омаго вполне развиты и сведены въ одно цѣлое.

емлютъ все и вмѣстѣ ничего основательно. До сихъ поръ еще у насъ очень мало журналовъ, которые посвящались бы одной отрасли наукъ и слѣдили бы ее во всѣхъ современныхъ открытіяхъ, способствующихъ къ ея развитію, да и тѣ, которые есть, неободренные вниманіемъ публики, не имѣютъ никакихъ средствъ къ своему усовершенствованію. Причину сего недостатка мы объяснили еще въ обзорѣннѣ Словесности, когда, говоря о состояніи нашего просвѣщенія, замѣтили, что мы еще на *все* устремляемся, а не на части. Теперь эта мысль еще болѣе подтверждается недостатками нашихъ журналовъ. При началѣ образованія какого нибудь государства, науки существуютъ всегда въ какомъ-то шѣсномъ, общемъ узлѣ или зародышѣ, прививномъ болѣею частію; при дальнѣйшемъ развитіи образованія, онѣ выходящъ изъ сего зародыша, уже укрѣпленнаго, по разнымъ направленіямъ, и образуются отдѣльно: тогда появляются книги по разнымъ частямъ наукъ, тогда и журналы ограничиваютъ кругъ свой и преимущественно посвящаются не только одной наукѣ, но и какой нибудь частіи оной.

Объяснивъ общій недостатокъ нашихъ журналовъ, не отъ нихъ зависящій, а отъ вѣка и публики, мы должны перейти къ ихъ частнымъ недостаткамъ, которые яснѣе будутъ видны изъ подробнаго разбора. Замѣтимъ только, что пора бы намъ уже перестать потворствовать не-

доспашкамъ вѣка; пора бы швердостію и шертвнїемъ ошпанавливашь волны швенравныхъ предразсудковъ; а не увлєкашьяся ими, не пользвашьяся слабостями другихъ, но гнашь шолпу шарыхъ софизмовъ, заблужденій, вредныхъ прихотей, привычекъ и пр. въ лишшєрашурно - ученоемъ мїрѣ:

Показавъ прежде важное назначеніе Журналиста, мы спрашимся прежде за себя, а потомъ и за своихъ собратій; сами чувствуемъ и признаемъ свои недоспашки; просимъ каждаго указашь намъ ихъ (ибо мы увѣрены, что найдешя еще болѣе, нежели сколько сами видимъ) и; подавая на себя оружіе, рѣшаемъ смѣло сказашь о другихъ наше мнѣніе. Одного шолько просимъ: безприсрасшія.

При общемъ обзорнїи журналовъ, мы не будемъ, по примѣру другихъ, означашь ихъ характера въ нѣсколькихъ неопредѣленныхъ словахъ, ничѣмъ недоказанныхъ; не будемъ говорить о частныхъ, мѣлкихъ ошибкахъ, опечашкахъ и ш. п., оставляя другимъ сіи во всякомъ журналѣ богатые матеріалы для Кришкики; но преимущественно обратимъ вниманіе на характеръ, расположеніе, образъ мыслей, содержаніе и наконецъ на слогъ каждаго журшала.

Начинаемъ съ *Московскаго Телеграфа*, какъ изданія, болѣе другихъ сошвѣшшствующаго, въ

нѣкопоромъ отношеніи, тому общему назначенію журнала, которое мы представили читателямъ.

Телеграфъ есть явленіе весьма замѣчательное въ современной исторіи нашей Литтературы. Рѣшительно можно сказать, что въ немъ, болѣе нежели въ какомъ либо другомъ журналѣ, какъ въ вогнутомъ зеркалѣ, каррикатурно отражаются вся хорошая сторона и всѣ возможные недоспашки нашего образованія (*).

Чтобы полнѣе изобразить характеръ сего Журнала, постараемся немногими чертами означить все разнообразіе или лучше сказать всю яркую, разнодвѣшную, нарядную *пестроту* его. Въ немъ вы найдете спашьи по части Философіи, Словесности, Эстетики, Исторіи, Мисеологии, Археологии, Филологии, Нумизматики, Юриспруденціи, Грамматики, Экономіи Политической, Статистики, Исторіи Литтературы, Библиографіи, высшей Математики, спашьи литтературныя въ

(*) Въ доказательство сего приведемъ собственныя слова Издателя, который такъ выражаетъ свои мысли о томъ, каковъ долженъ быть журналъ: „Журналъ долженъ быть зеркаломъ современныхъ мнѣній, отражать въ себѣ свѣтъ и тѣни, истины и заблужденія современной эпохи, но отражать ихъ только съ *тестнымъ и несомнительнымъ направлениемъ*.“ (см. 1827 No 9. стр. 6.) Что значитъ *отражать съ направлениемъ*? что за *направление несомнительное*? Журналъ есть зеркало современныхъ мнѣній! Но ужели онъ не долженъ имѣть своего, по понятіямъ Телеграфа?

спихахъ и прозѣ, нравы, путешествія, біографіи современниковъ, извѣстія политическія, ученія, лишперашурныя и проч. и проч. и проч. Въ немъ же вы найдете пренія съ Журналами: Дамскимъ, Съвѣрною Пчелою, Вѣспникомъ Европы, Сыномъ Опечесшва, Московскимъ Вѣспникомъ, Съвѣрнымъ Архивомъ. Въ немъ читаеше разборы книгъ, писанныхъ на языкахъ: Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Дашскомъ, Сербскомъ, Румынскомъ, Армянскомъ и проч., книгъ по содержанию: лишперашурныхъ, философскихъ, физическихъ, медицинскихъ, эсщепическихъ, юридическихъ, машемашическихъ, богословскихъ, географическихъ, политическихъ, историческихъ, археологическихъ, хозяйственныхъ (по всѣмъ родамъ хозяйства, какъ то: коневодство, овцеводство, садоводство), технологическихъ, филологическихъ, (относящихся даже до языковъ Арабскаго, Персидскаго, Санскрипскаго) и проч. и проч. Въ немъ же вы найдете льшописимодь, изображенія и описанія мужскихъ и дамскихъ плашьевъ, шляпокъ, корсетовъ, косынокъ, леншь, башмаковъ, чулковъ, булавокъ, образчики разныхъ машерій въ нашурѣ, рисунки колясокъ, каминовъ, сшульевъ, кресель, дивановъ, и портрешы В. Скопшта, Гѣше, Шиллера, Байрона, Каннинга и проч. Однимъ словомъ, руководствуясь однимъ Телеграфомъ, вы можете заслужить имя уче-

наго въ обществѣ мнимыхъ Липшерашоровъ и Парижскаго щеголя (хотя заднимъ числомъ) на Тверскомъ бульварѣ, — можете узнатьъ наизусть всю пеструю номенклатуру современнаго Европейскаго просвѣщенія, начиная опъ Шамполіоновыхъ іероглифовъ до того цвѣша (?) жигучки, кошорымъ 20 го Іюня 1827 го года убирались въ Парижъ дамскіе чепчики, по свидѣтельству на угадъ нами развернушой 11 ой книжки Московскаго Телеграфа.

Теперь приступимъ къ господствующему въ ономъ образу мыслей. Чшобы шочнѣе опредѣлишь его (не изъ умозрѣнія, по любимому способу самаго Телеграфа, опъ кошораго въ эшомъ случаѣ онъ самъ вѣрояшно опкажешся, но изъ данныхъ), мы предсавимъ чипашелямъ, какъ можно короче, понятія о разныхъ наукахъ и ученія шребованія сего Журнала.

Понятія Телеграфа о Наукѣ вообще. Сіи понятія извлекаемъ мы изъ расположенія спашей въ семь Журналѣ. Первое опдѣленіе онаго сосшавляли (*) *Науки и Искусства*, и здѣсь помѣщались *Отрывки изъ путешествій*, какъ напр. по *Саксонской*

(*) Мы потому говоримъ въ прошедшемъ времени, что нынѣ Телеграфъ измѣнилъ расположеніе и все превратилъ въ одну *Смѣсь*.

Швейцаріи, Прогулка за Днѣпромъ, Письма о Сибири, статьи лихтературно-историческія, какъ на пр. *Завоеваніе Азова,* попомъ далѣе: *о Кабинетъ востогныхъ монетъ Шпревича, Приказы Суворова, Послужной списокъ Ломоносова* (въ Исторіи Лихтературы!!), *Грамоты, Отрывки изъ Жизнеописаній,* и проч. Въ слѣдствіе какого же понятія о наукъ и искусствѣ шаковыя статьи принадлежатъ сему отдѣленію? Не самъ ли Телеграфъ нѣкогда опредѣлилъ науку, какъ *познаніе законовъ, по которымъ предметъ представляется подъ извѣстною, опредѣленною формою* (?) (*)? Не самъ ли Телеграфъ еще въ нынѣшнемъ году, разбирая книгу Милиціи (**), спрашивалъ: *можетъ ли быть искусство смотрѣть на искусство?* и попомъ: *это это будетъ за искусство смотрѣть не разсуждая, разсуждать не имѣя познанія въ общей теоріи?* — И эпомъ же самый Телеграфъ ставилъ рядомъ науку и искусство, какъ будшо не зная, что теорія искусства есть уже наука! Или помянутыя статьи попомъ принадлежатъ наукъ, что изъ всякаго чтенія можно чему нибудь да *наугиться?* Или въ слѣдствіе аксіомы, еще въ 1826

(*) См. 1826 г. No 6. стран. 129.

(**) См. 1827 г. No 11. стран 245.

году утвержденной въ самомъ же Телеграфѣ (*), что „всѣ предметы, созерцаемые умомъ или чувствами, могутъ быть предметомъ науки?“ — какъ на пр. щипцы, перо, книга, чернила, свѣча и проч.

Опселя намъ удобнѣе перейши къ *понятіямъ Телеграфа о Теоріи Изящнаго*. Сія мнимая аксіома взята нами изъ огромнаго, но еще не конченнаго разбора чешырехъ книгъ; *Опыта Науки изящнаго Г. Галига, Амалтеи Г. Кронеберга и двухъ разсужденій о характерѣ древнихъ*, въ которыхъ Изд. Т. видѣлъ единое цѣлое. Сей разборъ помѣщенъ былъ въ 1826 году, въ 4 хъ книжкахъ Телеграфа: мы пошому воскрешаемъ сію спашью, что въ оной открывающіяся яснѣе понятія сего Журнала объ изящномъ и что онъ до сихъ поръ соображается на оную въ своихъ разборахъ теоретическихкихъ книгъ по сей части (**), какъ на авторитетъ важный. Предложивъ помянутую аксіому, по словамъ И. Телеграфа, открываемую умозрѣніемъ и подтверждаемую опытомъ (***) , онъ продолжаетъ: „изъ сего слѣдуешь, что Изящныя искусства, составляя предметъ умственнаго и чувственнаго созерцанія, должны быть пред-

(*) См. 1826 № 6. стран. 127.

(**) См. 1827. № 11. стран. 247.

(***) Послѣдующій Силлогизмъ есть лучшее доказательство того, что не все, открываемое умозрѣніемъ, подтверждается опытомъ.

’ мешомъ *особенной науки.*“ А мы прибавимъ: „изъ сего слѣдуешь, что и свѣча должна быть предметомъ особенной науки, ибо и она подлежитъ умственному и чувственному созерцанію: чувствами видимъ мы, что она создана изъ сала, а умомъ, что она назначена для освѣщенія комнаты.“ По примѣру такого Силлогизма не мудрено создать особья науки о *послужномъ спискѣ Ломоносова, о Бердигевской ярмаркѣ, описанной въ Прогулкѣ за Днѣпромъ,* и такимъ образомъ оправдать помѣщеніе сихъ спашей въ отдѣленіи Наукъ.

Отъ сей-шо зыбкой аксіомы началъ Изд. Т. и написалъ огромную спашью *объ изящномъ,* которая есть ни что иное, какъ смѣсь, выбранная изъ сочиненій Окена, Велланскаго, Галича, Гёрреса, Ашпа и другихъ, но не очищенная, не приведенная въ порядокъ умомъ здравымъ. Въспъ въращѣ содержаніе сей упомипельно длинной и шемной спашьи. Намѣреніе Авшора было, говоря его собственными словами: „*объяснить изящное по умозрѣнію и съ нимъ сообразить опытъ, обозрѣвши высшій кругъ знаній (Философію), дабы найти въ немъ частное (науку изящнаго).*“ Отъ „предложилъ общій объемъ природы и теловѣка, показалъ теловѣка и природу въ совершенной полнотѣ,“ и въ слѣдствіе обширнаго многословія вывелъ, что „*умъ, обратившись къ наслажденію чувственному (?), является фантазією, обозрѣваетъ природу, и перенося вещественное къ высшему*

идеалу, извлекает совокупность пріятнаго, прекраснаго, услаждающаго, составляет особенный идеаль: это изящное, царство наслажденій. Опселъ, въ слѣдствіе такого же многословія, онъ вывелъ, что въ сужденіи о произведеніяхъ изящнаго единственнѣмъ основаніемъ должно быть рѣшеніе вопроса: въ совершенной ли гармоніи находятся законы ума съ условіями вещества, въ томъ или другомъ изящномъ произведеніи? Послѣ этого вывода онъ восклицаетъ: вотъ сущность высшей Критики, а мы прибавимъ: копорою руководствуешься Телеграфъ. Опъ сихъ положеній онъ перешелъ къ разнымъ явленіямъ природы въ единствѣ изящнаго, къ эдуктивной и продуктивной сторонамъ Пластики, Тоники и проч. и проч. Вотъ сущность высшихъ понятій Телеграфа объ изящномъ. Вотъ на чемъ основана въ немъ Критика изящныхъ произведеній.

Понятія Телеграфа объ Исторіи. Онъ пребываетъ, чтобы „Историкъ (*), обозначивъ намъ первобытное состояніе потомковъ Ноя послѣ потопа, ихъ бѣдствія (?), и заблужденія (?), объяснялъ весь (?), міръ (**), и поспешенно (***) рас-

(*) См. 1826. No 15. стран. 250.

(**) Надо знать, что это требуетъ отъ учебной книги Г. Кайданова.

(***) Да что нибудь одно прикажите, Г. Рецензентъ: или объяснялъ весь міръ или раскрывать поспешенно.

крываль, какъ Божественная религія и просвѣщеніе разума возводили человѣка изъ дикаго его состоянія въ образованное, какъ знанія и законы ума (?), зачавшись (*) въ Азіи, распространились въ Европу, что этому способствовало, что составляло счастье и несчастье людей. Если Историкъ будетъ припомъ (при чемъ же?) *разсматривать* и *излагать* постепенно географическую и политическую (?) картину (?) всего свѣта, народы не будутъ у него Кипайскими шѣнями. Онъ откроетъ: почему именно, *такое-то* происшествіе случилось именно въ *такое-то* время, *такой-то* народъ поступалъ *такъ*, а не *иначе*, *шелъ туда*, а не *сюда*.“ Въсь сущность *высшихъ* понятій Телеграфа объ Исторіи. —

Пон. Тел. о Географіи. „Наши географіи, говоритъ Телеграфъ (**), обременены собственными именами, и *натверживая ихъ на память ученикамъ*, не даютъ общихъ главныхъ идей (?), а для ученыхъ онѣ *недостаточны*, и *вообще* (?): въ нихъ нѣтъ *центра* (?), на которомъ должно обращаться знаніе; *нѣтъ развитія гистностей изъ цѣлаго* (?).“ Таковы ученія требованія Телеграфа отъ учебныхъ Географій! Весьма жаль, что посредствомъ *высшаго умозрѣнія* онъ не опредѣлилъ: что такое *центръ Географіи*? —

(*) А прежде мы отъ Телеграфа же слышали, что *законы ума вѣчны*.

(**) No I 1827 г. стран. 83.

Пон. Т. о Юриспруденціи. „Юриспруденція, наука законовъ, имѣеть для самой себя законы, выведенные логически изъ непремѣнныхъ законовъ ума человѣческаго (*).“ Вошь какія средства предлагаешь Телеграфъ для того, чшобы усовершенствовашь сію науку въ нашемъ Ошечествѣ: 1) „Должно бы рѣшишься кому нибудь напечатаніемъ въ одномъ собраніи (1) *всѣхъ сколько есть узаконеній и посшановленій Россійскаго государства и скорымъ изданіемъ сего собранія (2) подаришь насъ собраніемъ (3!) факшовъ, въ коемъ помѣсшишь ихъ просшо (?) вполнѣ, какъ они сущь, дополняя, каждый годъ непремѣнно, эшо собраніе (4) вновь издаваемыми указами и успановленіями. Эшо (**) сосшавило бы основаніе *всѣмъ (?) нашимъ системамъ (?) и кодексамъ (?)*.“ 2) „Сдѣлать систематическій сводъ фактовъ. — Здѣсь должно бы приготошовишься къ работѣ *угеннымъ (?) образомъ*.“ — „До сихъ поръ еще не опшличающъ въ нашихъ юридическихъ системахъ *положительнаго, кореннаго опъ относительнаго и прикладнаго (?)*; не находящъ раздѣленія (?)*

(*) N 4, стран. 315. Ну какъ иной не согрѣшишь и не скажешь, что въ этомъ случаѣ едва ли *беззаконіе* не было бы лучше *всѣхъ эшихъ законовъ?*

(**) Развъ Изд. Тел. не знаетъ до сихъ поръ, что эшо у насъ давнымъ давно дѣлается и исъ Указы издающся въ томъ порядкѣ, какъ выходятъ? Но опъ чегоже до сихъ поръ эшо собраніе не послужило основаніемъ *всѣмъ нашимъ системамъ (?)*. Вошь въ чемъ дѣло. Да и гдѣ у насъ системы? —

предмета (?) ошь вещи (?), обрядовъ суда ошь законовъ и проч. (?) и проч. (?), не говоря уже о недоспашочности свѣдѣній.“ —

Пон. Т. о Грамматики. „Извлечъ тайныя (?) законы Грамматики изъ умозрѣнія и филологіи: вошь способъ сосшавишь Грамматику синшенически.“ — „Извлечъ (?) ее изъ философическаго умозрѣнія (?) и философіи (?) — шрудъ, шребующій необыкновенныхъ познаній и усилій (*).“ — „Лингвистика, сосшавляя внѣшность (?) шого знанія (?), котораго внутреннюю (?) шпорону сосшавляешъ *Всеобщая Грамматика*, даешъ намъ *матеріалы аналитическіе* (?) для повѣрки и исправленія *синтетическихъ результатовъ* (?) *Всеобщей Грамматики* (**).“

Пон. Т. о Словенскомъ языкѣ. До сихъ поръ мы ждемъ еще давно уже и неоднократно обѣщаннаго (***) разсужденія о Грамматики Добровскаго и о Словенскомъ языкѣ, изъ коего надѣмся узнать рѣшишельныя мнѣнія о семъ Изд. Телеграфа. А покамѣшъ въ продолженіи шрехъ лѣшь принимаемъ на вѣру, чшо ученый многолѣшній шрудъ Добровскаго *основанъ на пескѣ*; — изслѣ-

(*) *N* 22 1827. стран. 141, 142.

(**) *N* 16, стран. 339. Говоря простѣ, по мнѣнію Телеграфа, должно прежде написашъ на обумъ правила Грамматики какого нибудь языка, а потомъ и свѣришь ихъ съ настоящими.

(***) См. 1826 г. *№* 1. стран. 99 и 1827 г. той же *№*, стран. 16,

дованія же самого Изд. Телеграфа, коихъ мы еще не знаемъ, имѣють самое прочное основаніе. Вотъ собственныя слова его (№ 2, стран. 138): „Повторимъ здѣсь то, что говорили уже мы лѣтъ за нѣсколько (въ 1823 г.) (*). До сихъ поръ не будетъ у насъ положено прочныхъ основаній Русской Грамматики, пока мы не узнаемъ коренныхъ основаній древняго Славянскаго языка, а его не узнаемъ намъ изъ книгъ, писанныхъ на церковномъ или книжномъ языкѣ, который введенъ былъ въ переводъ Св. Писанія Греческими проповѣдниками, попомъ заключенъ въ грамматическія рамки Смотрицкимъ, и который теперь выдають намъ за настоящій древній Славянскій языкъ Аббапъ Добровскій (***) и его послѣдователи. Если мы, для составленія коренныхъ правилъ, по одному словечку переберемъ Остромирово Евангеліе, если напишемъ Грамматику еще огромнѣе Грамматики Добровскаго (***), зданіе наше все будетъ шатко и построено на песокъ. Не въ книжномъ языкѣ, который *сочиненъ Кирилломъ и Меѳодіемъ* (!! ad inf.), заключающагося для насъ основные законы кореннаго Славянскаго языка; но въ *древнѣйшихъ народныхъ памятникахъ*, которыхъ недостатокъ можешь подкрѣпить ученое соображеніе *нынѣшнихъ* опраслей языка Славянскаго, по естѣ язы-

(*) Можно ли такъ долго не отказываться отъ своихъ старыхъ предразсудковъ?

(**) Гдѣ?

(***) Шутка!

ковъ : Сербскаго , Богемскаго , Польскаго и проч.“
 Въ самомъ дѣлѣ рѣшеніе этой задачи стоишь великихъ усилій ума человѣческаго : какъ найти основные законы языка изъ умозрѣнія и памяшниковъ Словесности *несущестующихъ* ? — Осталось одно только средство угодить прѣбваніямъ Телеграфа : сообразишь *нынѣшніе* языки , происходящіе отъ Словенскаго . Это все поже , если бы мы , предположивъ совершенное испребленіе памяшниковъ языка Лашинскаго , захошѣли изъ нынѣшнихъ Европейскихъ языковъ , отъ онаго происходящихъ , воскресить самый Лашинскій ! Узнаешь пошъ языкъ Словенскій , которій существовала до раздѣленія на нарѣчія , немного полегче , чѣмъ узнаешь языкъ , существовавшій до столпошворенія Вавилонскаго ! Но мы всему бы рады вѣришь , еслибъ Изд. Т. не утверждалъ дѣла несбыточнаго : два человѣка сошворили языкъ ; два человѣка совершили дѣло , совершаемое цѣлымъ народомъ : какіежъ это были люди ? — Изд. Т. согласится , по крайней мѣрѣ , что это едва ли не труднѣе , нежели *извлечь тайные законы Грамматики изъ умозрѣнія и Философін !* (*)

(*) Кириллъ и Меѳодій , живя между Словенами , знали не однѣ только слова , но языкъ въ формахъ , въ употребленіи ; слѣдовательно имъ не нужно было *изобрѣтать* совершенно новаго , неслыханнаго языка . Они изобрѣтали только такіа формы , какихъ недоставало въ языкъ Словенскомъ , для выраженія мыслей подлинника , и въ такихъ только случаяхъ при-

Понятія Т. о Статистикѣ (см. № 20). „Система, высшій взглядъ: вошь два преобаванія наукъ, необходимы въ нынѣшнемъ ихъ высококомъ состояннн.“ (спран. 267) — „Спашисшикъ дол- женъ имѣшь глубокія предварительныя познанія вообще и кромѣ того большую опышность въ способахъ воззрѣнн на предметы (?).“ — „Ему въ высшей степени должно знаншь теорню поли- тическихъ знаннй вообще и опредѣлншь себѣ вѣр- ную систему науки.“ (спран. 262). — „Ученое сочиненн ешь рѣшенн какой ннбудь задачи. *Что слѣдуетъ рѣшнть статистику Росснн (?)?* Насшоющее состоянн Государства слнчншь съ способами и средсшвами его; руководсшвуясь фак- тами, предсшавншь Россню, какъ она ешь, дабы Политикъ могъ рѣшншь, *то она можетъ быть*, а Полит. Экономъ, *какъ она должна дости- гать* (*) высшей спепени жизни государсшвен- ной, если не живешъ еще полною жизнню въ на- стоящее время.“

бѣгали они къ Греческому Синтаксису. — Формы же, бывшн въ языкѣ, употреблены ими: такъ въ Сло- венскомъ, кажется, остался дашельной самостояшель- ной вмѣсто Греческаго родншельнаго; такъ въ Но- вомъ Завѣшъ явлнющня вездѣ число двойсшвенное, между шѣмъ какъ въ Греческомъ подлнвникъ нѣшь его; — число падежей въ Словенскомъ не то что въ Греческомъ и проч. *М. П.*

(*) Это уже все такъ извѣсшно и давно считается общнмъ мѣстомъ. Потому-шо понятнн въ Телегр. о Спашисшикъ кажется яснѣ прочнхъ.

Мы не можемъ представитьъ понятій Изд. Т. о Полипической Экономіи, которой онъ посвятилъ труды свои для пользы согражданъ (см. 1й Но М. Т.); ибо онъ досель не сдержалъ еще своего обѣщанія, не представилъ подробной криптики на сочиненіе Сея, въ коей мы надѣялись увидѣть собственныя наблюденія Изд. Т., — плоды занятій наукою важною. Мы только слышали предварительно, что Г. Сей не удовлетворяетъ требованіямъ Политической Экономіи, какъ науки, и что Полит. Экон. входитъ въ число наукъ, опредѣляющихъ идею благости, обнаруживающейся въ нравственно-политической жизни народовъ (см. Но 15, стран. 242 и 243).

Изъ эпитъ высшихъ взглядовъ Телеграфа на науки самъ собою опредѣляется характеръ его мыслей. Вездѣ вы видите какое-то неясное безпокойство объ одномъ всеобщемъ началѣ, безотчетное желаніе дать во всемъ себѣ отчетъ, безсильное стремленіе къ неопредѣленнымъ, общимъ идеямъ, въ какой-то міръ пустоты абсолютной, происекающее не изъ внутренняго убѣжденія, не отъ богатства силъ и знаній, не отъ чтенія идеалистовъ-Философовъ, — но прибрѣшенное по невѣрнымъ слухамъ о Германскихъ теоріяхъ. Правда, что философское направленіе ко всеобщему знанію, родившееся съ началомъ вѣка въ счастливой срединѣ Европы — въ Германіи, просперлось отшолъ и на Францію,

коснулось и насъ, хотя еще не совсѣмъ приготовленныхъ къ принятію онаго. Разумѣется, молодое поколѣніе должно было болѣе подвергнуться сему вліянію; съ жадностію, свойственною его возрасту, оно бросилось на новую Философію, какъ науку, въ которой разрѣшаются главные вопросы о самомъ человѣкѣ, — и кому же бы не польстило разрѣшеніе оныхъ? — Сначала оно приняло не столько мысли, сколько слова, и ограничивалось однѣми общими, неясными идеями; но первое броженіе ушло; пѣна словъ пустыхъ исчезла, — и неспрошенные, безопытные порывы превращаются въ тихое и ясное размышленіе. Юные умы, рассуждая о наукахъ, сами свободно начинаютъ вопрошать себя о каждомъ словѣ, о каждомъ впечатлѣніи, о каждомъ правилѣ, прежде на вѣру принятомъ, и послѣ такой повѣрки, уже по внутреннему, свободному убѣжденію, отвергаютъ не только старые предразсудки, но и новыя, пустыя формы, замѣняя ихъ идеями, и научаются говорить ошъ мысли. Другіе же, слѣпо, безъ благороднаго скептицизма, послѣдовавшіе стремленію въка, остаются при однихъ пустыхъ словахъ, при общихъ мѣстахъ, при слѣпой увѣренности, что ни къ чему негодно все старое, ошъ котораго они сами не могли освободиться, — и потому представляють собою жалкое безсиліе обнять все вдругъ и переступить съ старыхъ предразсудковъ съ новыми преду-

бъжденіями. Къ симъ послѣднимъ принадлежишь и Телеграфъ , такимъ образомъ до нес plus ultra каррикатурно отражающій въ себѣ благородное и полезное стремленіе новаго поколѣнія.

Опъ сего главнаго недосшатка, какъ опъ источника, происпекають всѣ прочіе, какъ неизбежныя слѣдствія. Вотъ онъ :

Гордое и безотгетное презрѣніе къ опытности и ко всѣмъ прежнимъ мнѣніямъ. Телеграфъ часто укоряешъ приверженцевъ прежнихъ теорій въ шомъ, что они слѣпо вѣрують въ давнія преданія; но самъ едва ли не шую же виною виновашъ въ опношеніи къ новымъ мнѣніямъ. Изо всѣхъ поняшій Телеграфа, нами предшавленныхъ, эшо ясно видно; слѣдуя обычаю вѣка, а не самоуврѣненію, онъ считаешъ доказаннымъ, что Искусшво не ешъ подражаніе природѣ, что умозрѣніе выше опыта, что изящное само себѣ цѣль и проч. Вотъ еще шому нѣсколько доказательствъ. Въ 8 мѣ Но Т. на страницѣ 280, читаемъ: „я согласенъ, что Поэзія всегда будетъ состоять шолько изъ шрехъ родовъ: Эпопей, Лирики и Драмы, потому что всегда *будетъ шолько прошедшее, будущее и настоящее*, потому что человекъ всегда *будетъ* человекомъ и *основныя силы его духа* (?) не перемѣняшся; но изъ эшого не слѣдуешъ, что-бы прошедшее, настоящее и будущее Греков (?) было шаково же какъ наше (?), и на оборощъ (?).“ Что эшо значить? откуда эша мысль.

выведена? — Не изъ предыдущаго (если чинаше-ли не въряшь, шо могушь справисься), а изъ Асповой Эспешики; но и у Аспа, который до суетвѣрія любить симметрію и аналогію въ своихъ подраздѣленіяхъ, эта мысль является въ видѣ сравненія поэшическаго, и не на ней основаль онъ раздѣленіе Поэзіи; въ Телеграфѣ же, которому сія мысль не принадлежитъ, она искажена.

Вошь еще другое мѣсто: „можешъ бышь, спросяшь: что же составляетъ тайну прагическаго искусства, что плѣняетъ насъ въ явныхъ (?) образахъ древней прагедіи и въ разнообразіи новѣйшей? что должно господствовать въ нашей прагедіи, если ни ужась, ни жалость, ни наказаніе порока не составляетъ ея сущности? Эши вопросы могушь бышь предметами многихъ помовъ и слѣд. не лзя намъ здѣсь взяться за рѣшеніе ихъ.“ — Такъ часто Телеграфъ уклоняешся отъ рѣшенія вопросовъ, которые самъ опредѣляль себѣ *нелсно*; мы просто не понимаемъ здѣсь: о чемъ онъ спрашиваетъ? —

Отъ гордаго презрѣнія къ опышности, Изд-лю Т. кажешся, что и шруды Добровскихъ построены на пескѣ, что существуешъ въ самомъ дѣлѣ призракъ кореннаго Словенскаго языка, созданный его воображеніемъ, что шруды Кондильяковъ и Баумейшеровъ шарье, что Сеи не имѣюшь вышшихъ взглядовъ. Отъ эшой самоувѣренности происпекаешъ и обиліе обѣщаній, ко-

порыхъ ни на одномъ Журналѣ не лежить столько, какъ на Телеграфѣ. Не упоминая о всѣхъ, переходя молчаніемъ многія спашья *первыя* давно ожидающія *вторыхъ*, исчислимъ только главныя обѣщанія, данныя въ нынѣшнемъ году, копорыхъ исполненія публика въ правѣ требовать, ибо онѣ касающаея вопросовъ довольно важныхъ: 1) Представить обзорѣніе Русскихъ Журналовъ за прошедшій годъ (№ 3. стран. 209). 2) Окончить разборъ сочиненій Шиллера (№ 8. стран. 303). 3) Разобрать сочиненіе Сея и изложить свои мнѣнія о Полишической Экономіи (№ 3. стран. 209). 4) Рѣшить наконецъ вопросы о Словенскомъ языкѣ и разобрать трудъ Добровскаго (во мног. ном.). 5) Опровергнуть общепринятые доннѣ мнѣнія, касательно происхожденія Румыновъ и Неспоровыхъ Волоховъ, мнѣнія, [которыя] утверждающаея Тунманомъ, Шлецеромъ, Карамзинымъ, Мальшебрюномъ и Фаперомъ (*), не знавшими, по свидѣтельству Тел., языка Румынскаго (**)

(*) Такія дѣла не должно бы было откладывать въ долгій ящикъ или обѣщать, тѣмъ болѣе потому, что тушь замѣшаны имена великія, и что самому Изд. Т. кажется весьма возможнымъ опровергнуть сіе мнѣніе, хотя еще онъ *не смѣетъ* (?) утвердить, правильно ли его собешвенное.

(**) А Издатель Телеграфа развѣ знаетъ Румынскій языкъ? — Вѣроятно; ибо онъ же даетъ совѣты Гну Марцеллю: какъ написать Румынскую Грамматику для Русскихъ (см. № 16 стран. 337). Безъ сего какъ бы, кажется, можно рѣшиться на подобныя совѣты?

стран. 342). 6). Разобрать сочинение Эверса: о древнѣйшемъ правѣ Руссовъ, которое, по мнѣнію Т., въ цѣломъ совершенно не достигаетъ цѣли, и главное отъ того, что оно и не было къ ней направлено (Но 16 стран. 333). 7). Представивъ любопытные статистическіе выводы изъ книги Г. Кеппена: *Матеріалы для Исторіи проsvщенія въ Россіи*. (Но 10 стран. 149). 8). Опшдай подробный опщешъ о двухъ сочиненіяхъ Б. Розенкампа (Но 9. стран. 59). 9). Разобрать Математическую Энциклопедію Г. Перевощикова (Но 12. стран. 352). 10). Разобрать Географію Мальшебрюна. 11) Раз. вторую главу Е. Онѣгина (Но 19. стран. 219). 12). Переводъ законовъ Платоновыхъ (Но 21. стран. 71.) и наконецъ роковымъ 13.) да будешъ давно ожидаемое М. Въспникомъ рѣшеніе о Жакардовой машинѣ, и проч. и проч.

Неопредѣленность и несоразмѣрность въ сужденіяхъ. Эшопъ недоспашокъ замѣченъ во всемъ опдѣленіи Кришкики. Во всѣхъ его разборахъ видно опсущствіе постоянной почки зрѣнія; всякая новая книга ещъ новая задача для Изд. Телеграфа; онъ, не имѣя опредѣленныхъ мыслей, не владѣя постояннымъ спекломъ и мѣсцомъ при взглядѣ на сочиненія, ходишь кругомъ ихъ, замѣчаешъ удачно частные, мѣлкіе недоспашки, никогда не проникая въ сущность сочиненій и не умѣя согласишь своихъ общихъ, неопредѣленныхъ

идей съ шѣмъ, что онъ видишь передъ собою. Отъ этого мы встрѣчаемъ у него такъ много выраженій, такъ сказать, *пустыхъ*, въ коихъ есть какой — то призракъ мысли, но ничего существеннаго. Вотъ примѣры: „Цѣль Авшора прекрасная: *общая польза!*“ (Это сказано о сочинителѣ *краткой Истории Телеграфовъ*. Но 15 стран. 276). „Разсмашивая сочиненіе, прежде всего надобно знать цѣль Авшора; ибо зная цѣль, можемъ сморѣть на описываемый предметъ съ той же точки зрѣнія, съ какой сморѣлъ на него Авшоръ (Но 15 стран. 267).“ Это все то же, что дайте мнѣ центръ, я узнаю вамъ всѣ точки окружности! — Не высшая ли степень неясности? Такими общими, ничего въ себѣ не заключающими мѣстами, частыми и скучными повтореніями одного и того же, и ссылками на то, что сказано за нѣсколько строчекъ, обременены всѣ книжки Телеграфа. Любопытные могутъ прочесть занимательную *теорію переводовъ* (въ 21 Но на стран. 76.), *теорію передачи свѣдѣній между языками извѣстнымъ и неизвѣстнымъ* (*) (Но 16 стран. 34а), *разборы Юридическихъ книгъ, разборъ*

(*) Это любопытное мѣсто мы выписываемъ: „Сія передача свѣдѣній производится двояко: или переводомъ Грамматики *извѣстнаго* языка на другой *неизвѣстный*, при чемъ *неизвѣстный* языкъ, объясняя законы *извѣстнаго*, показываетъ намъ свои законы; или составленіемъ Грамматики *неизвѣстнаго* языка на языкъ *извѣстномъ*, при чемъ законы перваго объясняются во второмъ.“ Просимъ понять!

Сербокскихъ писень, въ кошоромъ увѣряють всѣхъ Филологовъ Словенскаго языка, что изученіе Сербскаго нарѣчія для нихъ полезно и проч. и проч. Отъ этой неопредѣленности въ сужденіяхъ происпекають всѣ рѣшительные и рѣзкіе приговоры Телеграфа, рѣзкіе, потому что ничѣмъ не доказаны. Прижъры: „Логикъ Гг. Талызина и Могарскаго достигаютъ своей цѣли.“ (Но 22, стран. 168). — „Право Руссовъ Эверса не достигаетсяъ своей цѣли.“ — „Собраніе стихошвореній *такого-то* Поэта доказываетъ разнообразіе, оригинальность и богатство его дарованій.“ (Но 19 стран. 225) — „Такой-то Поэтъ есть Алкидъ въ колыбели.“ (Но 22 стран. 88.) и проч. Отъ эшаго шакъ нерѣдки бывають прошиворѣчія въ Телеграфѣ (*); отъ эшаго происпекають всѣ недоспашки его слога, — и многословіе главная причина шого, почему шакъ огромны книжки Телеграфа, и неясность, и неопредѣленность. Рѣшительно можно сказать, что нигдѣ сочиштели Ршпорикъ не найдуть шакого обилія при-

(*) На прим. на 58 стран. въ 1 мѣ Но доказываетъ, что Шиллеръ разнообразенъ, а на 295 с. 8 го Но, что онъ часто самъ виденъ въ лицахъ своихъ трагедій. Въ 12 Но на стран. 326 доказываютъ, что „Грамматика наша не младенчествуетъ, ибо мы имѣемъ хорошихъ Прозаиковъ; а въ 22 Но на стран. 141 говорится о Логикѣ съ примѣненіемъ къ Грамматикѣ: „Законы ума существовали бы, еслибы и не было науки мыслишь правильно.“

мѣровъ для плеоназма, для варваризма почти со всѣхъ языковъ Европейскихъ, какъ въ Телеграфѣ.

Не смотря на шаковые недоспапки въ образѣ мыслей сего Журнала, отдадимъ ему полную справедливость за благородный его характеръ вообще, за благонамѣренность; но къ сожалѣнію, вспомнивъ его пренія съ Издашелями Свѣ. Пчелы, Вѣспника Европы и проч., не можемъ назвать его безприсрасшнымъ, искреннимъ и правдивымъ.

Теперь слѣдуетъ намъ обратишь вниманіе чпашелей на то, что было замѣчательнаго въ Телеграфѣ прошедшаго года. Здѣсь нельзя не отдать похвалы неушомимому прудолюбію Издашеля, его расторопности, умѣнію разнообразишь содержаніе книжекъ, искусству сообщать все новое, привлекаясь всѣми *возможными* средствами своихъ чпашелей. Въ прошедшемъ году Телеграфа весьма было видно дѣшательное участіе одного изъ остроумнѣйшихъ нашихъ писателей, К. Вяземскаго, котораго ошсущствіе, къ сожалѣнію чпашелей Телеграфа, слишкомъ замѣшно въ первыхъ книжкахъ сего года. Большая часть лучшихъ спашей принадлежали ему или имъ были досшавлены. Хотя мысли К. Вяземскаго не всегда справедливы, часто спранны; но это мысли, а не общія мѣста, кшпорыми такъ богашъ Изд. Т. Съ К. Вяземскимъ не всегда можно согласишься; но онъ

заспавляешь мыслишь — и этого довольно. Ему обязанъ Телеграфъ разборами *Сонетовъ Мицкевича* (*), *Цыгановъ Пушкина*, статью о *Тальмъ*, кошорая была очень кшати, спихами Жуковского и Башюшкова, Иноспранною перепискою изъ Дрездена (**), весьма любопышною, сообщеніемъ извѣстій о многихъ новыхъ иноспранныхъ книгахъ, опривками изъ біографіи Каннинга, оспроумными насмѣшками Журнальнаго сыщика и проч.

Изъ оригинальныхъ піэсъ, помѣщенныхъ въ опдѣленіи Наукъ и Искусствъ, въ особенности обратимъ вниманіе на *завоеваніе Азова въ 1637 г.*, какъ спашью новую, занимательную по содержанию, написанную умно, обшоятельно и искусно, на *Разсужденіе о возможности Изящной Словесности какъ Науки* и на *Уголовный судъ во Франціи* (выписку изъ дневника одного Русскаго путешественника). Въ прочихъ спашьяхъ оригинальныхъ большею частію заключались маперіалы для знаній, собранные въ путешествіяхъ, болѣе или менѣ замѣчательные. Изъ спашей переводныхъ многія любопысны: но какъ онѣ переводились, это другое дѣло. Означимъ здѣсь спашью *Ся о Сущности Политической Экономіи; Философію*

(*) Но не переводомъ, ибо онъ не изященъ.

(**) Жаль только, что Изд. Т. очень мало пользовался, совѣтами умнаго и ученаго корреспондента и что эта переписка скоро прекратилась.

Истори изъ Кузена, въ кошорой видимъ совершенно новый взглядъ на Историю, а особенно для Французовъ; спашью Франкера о *Застрахованіяхъ; сравненіе промышленности Англии съ промышленностію Франціи; Историческое обозрѣніе Мифологій Сѣверныхъ народовъ Европы Моне* (*) и наконецъ *Гёте и Шиллеръ*. Последнюю спашью слѣдовало помѣстить, какъ явленіе современное, хотя и не доспойное Германскихъ ученыхъ и лишперашоровъ; но слѣдовало шакже предложить и возраженіе. Въ эшой спашь рѣшается дѣло важное: Гёте нравспвенно униженъ передъ Шиллеромъ, и безъ всякихъ видимыхъ доказательствъ, по произволу предубѣжденной и пристрастной партіи, которая унижаетъ и самаго Шиллера, упошребляя его недоспойнымъ орудіемъ противъ Гёте. Журналисту непросщительнo оставяшь шакого рода спашь безъ ошвѣта передъ своею публикою, шѣмъ болѣе, что это можешъ поселить въ людяхъ, незнающихъ Гёте, мнѣніе о немъ невыгодное, хотя не для него (эшо было бы слишкомъ много!), но для нихъ самихъ.

Мы должны ошдать справедливосшь Изд. Телеграфа за шо, что онъ одинъ изъ всѣхъ Русскихъ Журналистовъ взялся ошражать неспра-

(*) Эша спашья шемна; въ ней не столько видимъ Мифологию Сѣвера, сколько собственныя мысли Автора, къ ней примѣненныя. Къ томуъ и переведена она весьма шакело.

ведливые полки Французовъ о нашей Липшера-шуръ и отражалъ большею частію справедливо, обличая (хотя не крашко и не сильно, но ясно) ихъ невѣжесиво въ нашемъ важномъ дѣлѣ. Извѣ-стній объ Иностранныхъ книгахъ въ Телеграфѣ было весьма мало. Любопытнѣйшія изъ нихъ *Исторія войны на Испанскомъ полуостровѣ, сог. Фуа* и Кришика на *Жизнь Наполеона В. Скотта*, взяшая изъ Журнала Преній.

Ни въ какомъ изъ нашихъ журналовъ не находимъ, чшобъ извѣщалось о такомъ множесивѣ книгъ Русскихъ, начиная ошъ Логикъ, Сшашисшикъ до Крополововъ и собачьихъ Лечебникокъ, какъ въ Телеграфѣ. Достоинства его разборовъ показаны нами выше; замѣшимъ шолько, чшо мѣлкія книги, на копорыя Телеграфъ не считаешъ за нужное направляшъ высшихъ взглядовъ, разбирающся ино-гда удачно. Ошдадимъ справедливосшъ разборамъ книгъ по часши Еспешвенныхъ Наукъ W. W., въ кошорыхъ видно знаніе дѣла. Не лъзя здѣсь мимо-ходомъ не вспомнишъ пренія между Гг. — хо-вымъ и Ювскимъ о Химіи послѣдняго, кошо-рое одно шолько, если исключимъ негромкую пе-респрѣлку Телеграфа съ Дамскимъ Журналомъ и прочими, оглашало мирныя обласши нашей Лип-шерашуры. Не можемъ рѣшишъ, кшо оштался правъ и кшо виновашъ; ибо начали дѣломъ, а кон-чили *учеными шутками*. Чешъ прекрашившему!

Въ *Современныхъ Лѣтописяхъ* замѣшимъ особенно любопытныя переводныя статьи: о *последнемъ необыкновенномъ переломѣ въ Англійской торговлѣ и промышленности*, *Изображеніе нынѣшняго состоянія Греціи*, о *состояніи наукъ и Словесности въ Италіи*. Біографіи современниковъ могли бы быть весьма любопытны, еслибы только онѣ большею частію не выбирались изъ извѣстныхъ компиляцій. Впрочемъ за неимѣніемъ средствъ другихъ и это хорошо: отдаемъ справедливость намѣренію.

Изящная Словесность въ Телеграфѣ весьма была небогата. Двѣ, три піэсы Жуковского, и *На конгину* (8 N, стран. 157), составляютъ всѣ его сокровища стихотворныя. Между немногими піэсами хорошихъ Русскихъ Поэтовъ, (которыя впрочемъ вложили въ Телеграфъ не лучшее), близкими, но не поэтическими переводами изъ Шакспира и Байрона (*), встрѣчаемъ труды и шѣхъ стиходѣлателей, которыя недавно изъ Дамскаго Журнала начали понемножку перебираться черезъ ступени другихъ Журналовъ и въ самый Телеграфъ. Изъ прозаическихъ піэсъ, которыя всѣ почти переводныя, кромѣ статьи о *Тальмѣ* и *Злоупотребленія словъ*, занимательно по содержанию: *Удивительное дѣйствіе на во-*

(*) Исключая однако прекрасный переводъ Г. Облеухова.

ображеніе, производимое опіумомъ. Но переводныя спашь въ изящной прозѣ, почтивъ безъ исключенія, опличающя слогомъ неизящнымъ: шакъ на пр. переводы повѣстей Нѣмецкихъ, Заколдованный домъ Ирвинга Вашингтона, Ошрывки изъ жизни Наполеона и проч. Замѣшимъ еще, что пора бы насъ избавлять ошъ скучныхъ и неоспроумныхъ выходокъ прошивъ дядюшекъ и родни, кошорыя мы видѣли въ спашьяхъ: *Необходимость переписки между родными, Дядюшка или въ наше время все было лучше.*

Къ числу замѣчательнымъ явленій въ Телеграфѣ прошедшаго года принадлежишь шоржественное его примиреніе съ Сѣвренною Пчелою, Сыномъ Опечестваѣи Сѣвреннымъ Архивомъ послѣ двухлѣтней, непрерывной, неушомимой войны, славной въ Лѣтописяхъ Русской Журнальной Полемики, но пятнающей Исторію Русскаго Журнализма, какъ часть Исторіи нашей Словесности. Въ началѣ 1827 го года, сія война была еще во всей силѣ: еще горѣли раны, нанесенныя Телеграфу знаменными Сирами Барскими и Грипусе, и памяшны были Сыну Опечества, С. Пчелѣ и С. Архиву обиды задорнаго Машюши. Еще въ началѣ прош. года въ Телеграфѣ оприщали всѣ права Гг. Греча и Булгарина на званіе доспойныхъ писателей, а въ Журналахъ Сѣвренныхъ равномѣрно опшвергали всѣ доспоиштва Изд. Телеграфа. Наконецъ, преисполнилась мѣра шерпѣнія и сподви-

завшихся на полѣ ратномъ и зрители: послѣд-
вало молчаніе; вскорѣ, послѣ прелиминарныхъ по-
хвалъ, утверждень мирный договоръ, и Граммати-
ка Г. Греча была почкою соединенія. Признаны
права взаимно обѣими сторонами: не знаемъ на-
вѣрно всѣхъ статей сего договора; но вѣроятно
одною изъ нихъ было взаимное условіе хвалишь
другъ друга. Въ слѣдствіе сего ушли бранные
клики Св. Пчелы и начинаются по немногу (для
соблюденія приличій) похвалы Телеграфу. Въ слѣд-
ствіе сего Г. Гречъ признанъ въ Телеграфѣ ош-
личнымъ прозаикомъ, а Г. Булгаринъ Липшера-
шоромъ, подающимъ о себѣ большія надежды, и
сочиненія его разобраны весьма умѣренно и преи-
дены молчаніемъ всѣ ихъ недоспашки. Миръ со-
вершенъ. Да отдохнушь чашатели! Кшо изъ ис-
тинныхъ любителей просвѣщенія не пожелаетъ
однако, чшобы впредь не возобновлялись подоб-
ныя распри, недостойныя Липшерашоровъ, рас-
при, въ кошорыхъ люди невоздержные, подстре-
каемые мѣлкимъ самолюбіемъ, жалко издѣваясь другъ
надъ другомъ, обличая другъ друга въ невѣжествѣ,
осмѣливаясь посягать даже на личность непри-
косновенную, смѣшавъ полуобразованныхъ охош-
никовъ до пѣшущиныхъ боевъ въ Липшерашурѣ
и отвращающъ ошъ себя просвѣщенныхъ люби-
телей истины?

Авторъ сего Обозрѣнія Русской Словесности
здѣсь приличнымъ считаетъ объявить, что еслибы и

въ самомъ дѣлѣ Сѣв. Пчела на каждой строкѣ статьи его нашла по опечаткѣ; но и тогда онъ счелъ бы для себя неприличнымъ возражать на ея невоздержную выходку (*), внушенную оскорбленнымъ самолюбіемъ, позволившимъ коснуться даже и личности Автора. *Дѣло въ истинѣ, а не въ лицахъ.* Это святое правило неопытный молодой Императоръ смѣетъ напомнить опытнымъ Издашелямъ Сѣв. Пчелы и проситъ ихъ, чтобы они удержали излишне, не по лѣшамъ ихъ Журналовъ, пылкіе порывы необузданнаго негодованія, недостойнаго истинныхъ Императоровъ. Онъ увѣренъ, что эта же самая статья, изъ которой заключили они о его невѣжествѣ въ Грамматику и Логикѣ, была бы по ихъ же мнѣнію превосходна, еслибы въ ней распочился онъ въ похвалахъ *Согиненіямъ Г. Булгарина*. Но онъ сказалъ свое мнѣніе (и кшожь не въ правѣ сказать его?), основавши оное на доказательствахъ, и думалъ совершить тѣмъ дѣло честнаго Критика. Пускай опровергають его мнѣнія, — онъ сочтеть за необходимое оправдаться; но до тѣхъ поръ, пока будущъ ему говорить объ однѣхъ опечаткахъ, онъ будетъ сохранять молчаніе, считая неучливымъ передъ публикою начинать пустыя распри о невѣжествѣ другъ друга, о неисправности корректуры и проч. Да прощаютъ намъ сіе второе отступленіе, которое мы сочли необходимымъ для того, чтобы

(*) См. II й № Сѣв. Пчелы.

заранѣе оправдашь себя передъ публикою и опвѣчашъ такимъ образомъ на всѣ будущія выходки раздраженной Сѣв. Пчелы.

Возвратимся къ Телеграфу.

Въ отдѣленіи *Смѣси*—*Журнальный сыщикъ* игралъ главную роль. Онъ, смотря по шому, кто говорилъ его ушами, бывалъ и забавень и скучень, походя въ эшомъ отношеніи на оракула древняго. Конечно онъ забавлялъ не шогда, какъ высчитывалъ опечатки и недоспашки слога въ Сѣв. Пчелѣ и эпиграммилъ на самого себя, не шогда какъ давалъ совѣшны Журналистамъ, не шогда какъ рассказывалъ длинную повѣсть именъ Англійскихъ и Русскихъ Журналовъ, не шогда какъ говорилъ комплименты и острошны Дамскому Журналу; во всѣхъ его выходкахъ всего милѣе и остроумнѣе прощаніе съ Публикою, довольно льспивое, и совѣшны его наслѣдникамъ; но и шуть онъ не совѣсмъ былъ безприспращень (*). Не смотря на шо, не лзя не пожалѣшь о Журнальномъ Сыщикѣ; онъ, разспаваясь съ Телеграфомъ, занялъ у него всѣ недоспашки слога, о которыхъ шеперь остаешся сказать намъ.

Слогъ писателя всегда зависить отъ его внутреннихъ качествъ. Недоспашки Телеграфа, нами замѣченные, влекутъ за собою и недоспашки въ

(*) Въ чемъ, про эшо знаешь М. В.

слогъ. Считаемъ за нужное слѣдующую оговорку: мы смопримъ вообще на весь слогъ Журнала, не замѣчая піэсъ опдѣльныхъ; судимъ не о слогъ Г. Полеваго, Авшора прекраснаго опривка Испорческаго: Завоеваніе Азова въ 1637 г. и другихъ хорошихъ піэсъ лишшерашурныхъ. А говоримъ о слогъ Телеграфа.

Слогъ его вообще неопредѣленъ, неясень, непочень, разшянушь, болпливъ, изрѣдка живвъ, но большею частію вяль, нерѣдко пустъ, неучшиво - шемень, иногда щеголевать и въ переводахъ испещренъ галлицизмами, германизмами, бришанизмами, и проч. Изъ выписанныхъ нами опривковъ читатели могли видѣшь дошшоинства оригинальнаго слога въ Телеграфѣ; теперь ошалошь намъ скрѣпимъ свое мнѣніе примѣрами изъ спашей переводныхъ. Выбираемъ тѣ, копорыя по своему содержанію болте обратили на себя вниманіе читателей и слѣд. шребовали ошъ переводчиковъ болте спараній. Вошь на пр. первый періодъ изъ ученой спашьи Сея: „Если мы обратимъ наши взоры на обитателей земнаго шара, то начиная съ разсѣянныхъ семействъ, копорыя въ Австраліи вырываютъ и ѣдятъ сырыя произведенія земли, до обширныхъ обществъ, соединенныхъ однимъ языкомъ, равными полъзами, взаимными соглашениями, до шѣхъ обществъ, копорыя мы называемъ Государствами

и видимъ въ Европѣ, мы замѣчаемъ *безконечныя* постепенности соспоянія, до кошорыхъ (ш. е. до поспепенносней) *достигаютъ* народы по отношеніямъ ихъ образованности (?). Какой же опличительный признакъ образованности? Почему можемъ мы судить о степени его (?) усовершенствованія? Какими средствами оно (да что же оно? не ужели усовершенствованіе?) поддерживается и совершенствуется?“

Вошь начало 1-ой сшапьи о *Жизни Наполеона Бонапарте*, переведенной съ . . . по чишапели опгадающъ сами, съ какого языка: „Авшоръ *Писемъ Павла къ своему* семейству долженъ ли былъ писашъ сію исторію? — Непремѣнно, если сія исторія естъ жершва очиспительная! Кажешся, В. Скопшъ самъ эшо чувствоваль. Не одного челоуѣка только, но Францію полувѣковую, Францію всѣхъ паршій онъ имѣлъ несгастіе не узнать и оскорбить, какъ непріятель упрямый, ибо сказать, какъ сказалъ онъ: сраженіе выиграно, подлинно было настоящее слово, когда торжество одного дня разрушило двадцать лѣтъ торжествъ!“ Не ужели переводчикъ понимаетъ послѣднее предложеніе? Но если не понимаетъ, какъ рѣшилъ онъ написашъ его? — Если понимаетъ, — онъ вѣрно Французъ, недавно начавшій учитьсѣ по Русски. Вошь еще опривокъ изъ начала 2-ой сшапьи о той же книгѣ: „налегать на классы (?) воспи-

панника, еще ребенка, значило упомянуть не научая; напрошивъ *захватить этого упрямого гения*, копорый, образовывая самъ себя, чувствуешь, чтодесять лѣтъ онъ *возрастаетъ въ тѣни* для какого-то великаго, но еще неизвѣснаго назначенія, слѣдовашь за нимъ шагъ за шагомъ въ шайнахъ наспоющихъ его *изугеній* (!), — вошь что могло бышь для каждаго чашателя, сколько нибудь одареннаго силою мысли, *назиданіемъ* можешъ бышь единственнымъ и навѣрное *неизмѣримымъ и привлекательнымъ*“ и проч. Или шамъ же: „В. Скошь Англичанинъ, скажущъ намъ; онъ не могъ упоевашься шоржештвами нашего оружія, шакъ какъ мы? и не *того* шребую я ошь него. Патріошизмъ нашъ, къ несчастію, не шмоль *требователенъ*: его можно было удовольштвовашь *съ меньшими издержками*. Однакожь съ кошораго времени прекрасное, сильное, великое, уже не шоржештво всѣхъ высокихъ душъ?

Ужели хопяшь удивленіе

очерпишь границами личныхъ пользь, кошорыхъ *прикосновенія*

досшашочно для уничтоженія

всякаго удивленія?“

Такія ріемы и въ спихахъ должны бышь рѣдки!

Переводъ повѣсти Ирвинга Вашингтона напоминаешъ намъ своимъ слогомъ не только самыя дурныя переводы Романовъ В. Скошша, искажае-

маго неучшивыми барышниками лиштературными, за что ужьнѣсколько разъ доспавалось имъ въ самомъ же Телеграфѣ; но шѣ спаринно-вешіе переводы, кошорые шлѣюшъ въ подземныхъ книгохранилищахъ прошекшаго вѣка; однако переводъ славнаго *путешествія Гумфрїя Клинкера*, въ шомъ же юмористическомъ родѣ, какъ повѣсти Ирвинга В., возьмешъ верхъ надъ переводомъ Телеграфа. Мы предспавили бы тому ясныя доказательствя; но боимся упоминшъ читателей, и особенно читателей Телеграфа, повшоренїями шѣхъ выраженїй, кошорыя и однажды прочешъ весьма доволно. Къ тому же, еслибъ мы захотѣли выписывашъ все дурное по слогу, шо слѣдовало бы перепечашъ вновь большюю половиу Телеграфа. Читатели замѣшашъ, что мы съ умысломъ выбирали начало спашей, кошорое обыкновенно бывашъ лучше обработано всякимъ переводчикомъ.

Изъ выписанныхъ примѣровъ мы къ сожалѣнію ясно видимъ въ Телеграфѣ недоспашокъ умѣнїя постигашъ на языкѣ иностранномъ смыслъ рѣчи и передавашъ его на свой, — неумѣнїе, происходящее отъ недоспашочнаго знанїя обоихъ. Долгъ Журналиста и долгъ непремѣнный передавашъ сошпечественникамъ на своемъ языкѣ замѣчательныя произведенїя лиштературъ чужеземныхъ, и передавашъ вѣрно, легко и свободно; но искажашъ ихъ шакъ, какъ искажашъ Телеграфъ, превращашъ въ нескладную каррикашуру: — эшо

мы смѣло называемъ непрощительною неучи-
востью въ глазахъ просвѣщенной публики, и, по
собственному выраженію Телеграфа, *клеветою* на
писателей иноземныхъ. Не въ самомъ ли Телеграфѣ
читали мы теорію переводовъ? Не ошь него ли
слышали, что должно переводить не слова, а
мысли (см. Но 21, стран. 77.); что „не должно
братъся за переводы, не зная *общихъ* свойствъ
обоихъ языковъ?“ — И въ этомъ же Телеграфѣ
мы всегда безъ подписи узнаемъ, съ какого языка
переводить онь! — Такого слога не лзя изви-
нить никакою поспѣшностію. Сіе мнѣніе наше
подтверждается единогласными оцѣнками публики,
и весьма жаль, что Изд. до сихъ поръ не посо-
биль сему недоспашку, оскорбляющему вкусъ,
здравый разумъ, обидному для нашего времени
образованнаго.

Изъ всего этого мы въ правѣ заключить,
что Телеграфъ не столько заботился о томъ,
чтобы понимали его, сколько о томъ, чтобы наряд-
нымъ и пестрымъ собраніемъ спашей разнообраз-
ныхъ угождать всѣмъ приходящымъ шой части нашей
публики, которая любитъ одно огромное, пред-
почищаетъ число страницъ достоинству содер-
жанія, все перелистываетъ, читая одни отрывки,
и непонятное униженно приписываетъ недоспаш-
камъ своего понятія, а не Журналиста. Въ доба-
вокъ къ сему скажемъ еще одно замѣчаніе, извле-
ченное нами изъ подробнаго и ошчепливаго чпе-

нія Телеграфа, которое по требованию было намъ для сего разбора. Опять продолжительнаго чтенія онаго такъ привыкаешь къ странностямъ его слога, къ недостаткамъ образа мыслей, что всѣ сии странности и недостатки уже не кажутся болѣе таковыми; но если послѣ отдыха или послѣ чтенія какого нибудь богатаго мыслями писателя, съ свѣжею головою, съ бодрымъ пониманьемъ, пребывающимъ во всемъ отчета, принимаешься снова за Телеграфъ, — то нерѣдко приходишь въ невольное изумленіе и стараешься разгадать непостижимую шайну — пишешь не разсуждая, переводишь не вникая въ смыслъ подлинника.

Въ заключеніе нашего мнѣнія о Телеграфѣ, мы собираемъ вкупѣ тѣ отдѣльныя черты, которыя составляютъ его полную характеристику и которыя извлечены нами изъ подробнаго изслѣдованія сего журнала, и предлагаемъ ихъ читателямъ. Вотъ онѣ: трудолюбіе, неутомимость, разнообразіе, современность, пестрота, смѣсь новаго съ старымъ, многосторонность, всеобъемлемость, поверхностность, гордость, презрѣніе къ опытности, безпокойство, желаніе мыслишь, неопредѣленность, непочность, легкомысліе, неясность, совершенная темнота, рѣзкость въ приговорахъ, рѣшительность, расторопность, поспѣшность, оборотливость, скорость, опрометчивость, нешерпѣніе и шерпѣніе, варваризмы, многословіе, страшъ

къ общимъ мѣстамъ, пустоша; вялость, карикатура, благородство вообще, благонамѣренность вообще, отсутствіе личности, безошечное желаніе совершенствованія, пристрастіе, зависимость отъ отношеній (лишпературныхъ, но не личныхъ).

Кажется всѣ главныя черты нами не пропущены; остальные, частныя, отъ нихъ происходятъ.

Не смотря на всѣ сіи несовершенства, Телеграфъ есть лучший Журналь въ Россіи и болѣе соотвѣтствующій общему назначенію журнала, нами выше показанному. Онъ имѣетъ неопъемлемое право на признательность публики. Явившись въ то самое время, когда задремали всѣ Журналисты въ неприспительной недѣятельности и опучили публику отъ чтенія, когда во всѣхъ находилась потребность сообщаться со всѣмъ новымъ, говорить и судить обо всемъ, онъ весьма удачно пособилъ сему недостатку, въ любителяхъ чтенія поддержалъ сію благородную охоту, пріохотилъ новыхъ читателей, возбудилъ въ нихъ участіе ко всему современному въ Лишпературѣ, желаніемъ мысли пробудилъ въ другихъ это благородное желаніе, навелъ страхъ на шѣхъ мѣлкихъ писателей, которые прежде безнаказанно печатали все безъ разбора; наконецъ, показавъ другимъ Журналистамъ примѣръ въ неушомимомъ трудолюбіи, въ смысленной расшоронно-

спи, однимъ словомъ во всемъ искусствѣ Журналиста, проложилъ путь другимъ, приготоовиль чашапелей для Журнала, болѣе совершеннаго по образу мыслей, и шѣмъ принесъ (хошя оприцапельно) много пользы просвѣщенію опечесшвенному. По всѣмъ правамъ онъ заслуживаетъ, чшобы имя его означило новую эпоху въ Испоріи Русскаго Журнализма, какъ *журнала критическаго и современнаго*.

Все идешъ къ совершенству: можешъ бышь и Телеграфъ послѣдуетъ сему общему закону всего существующаго. Но по нашему предположенію, усовершенствованіе сего Журнала должно возвѣспишься шѣмъ, чшо онъ, великодушно опкинувь первую смѣлую половину своего прежняго Эпиграфа: тап бапп, таѣ тап шцц, скромно и благоразумно ограничшся вшорю: тап шцц, таѣ тап бапп.

Перейдемъ къ Сѣверной Пчелѣ...

(Продолженіе въ слѣдующихъ книжкахъ.)

Иностранныя книги.

Два года въ Константинополѣ и Морѣ, 1825, 1826, или историческія извѣстія о Махмудѣ, Янычарахъ, новыхъ войскахъ, Ибрагимъ-Пашѣ, Солиманъ-Бей и пр. 1827.

(*Deux années à Constantinople et en Morée. 1827*).

Есть оды на случай; вошь пѣлое швореніе, которое также можно назвать случайнымъ. Но кромѣ того, что оно является весьма кшати, оно имѣешь и другія достоинства, и, безъ сомнѣнія, переживешь обстоятельство, послужившія ему поводомъ. Сочинитель выспавляетъ только начальныя буквы своего имени; онъ долженъ быть молодъ, судя по жару его разсказовъ; но ясность и изящество его слога доказываютъ, что съ умомъ наблюдательнымъ онъ соединяешь навыкъ писанья и способность выражать сильно, и при томъ ненапыщенно, все, что живо чувствуешь. Очевидецъ самаго смѣлаго предпріянія, какое только внесено въ летописи Опшоманской Имперіи, и стремленія сильнаго корпуса Янычаръ, истребленія болѣе двадцати тысячъ сихъ дерзкихъ Препоріанцевъ, которые такъ часто спрашили и предавали смерти своихъ властителей, К . . . Д . . . дѣлаешь насъ свидѣтелями сего кроваваго зрѣлища. Главныя лица, досель дѣйствующія на смущномъ театрѣ Восшока, также

имъ описаны, и его описанія исполнены жизни. Не нужно сказывать, что несчастные Греки, съ неуспрашиваемостію опчаяніа сопротивляясь своимъ жестокииъ упѣснителямъ, не могутъ не внушить сильнаго участія къ судьбѣ своей шому, кто видѣлъ вблизи ихъ спраданія: участіе къ нимъ чувствуюшъ и издали всѣ души благородныя; лучъ надежды просіялъ снова; бышь можешь облегчиться жребій несчастныхъ, спасенныхъ ошъ меча Турецкаго, ошъ ужасовъ голода и сполькихъ бѣдствій.

Сіе сочиненіе напечатано весьма роскошно на прекрасной веленовой бумагѣ in 8°, и къ нему приложено шестнадцать опличныхъ лишогографій, хорошо раскрашенныхъ.

К . . . Д . . . выѣхалъ изъ Франціи въ 1825 году на королевскомъ фрегатѣ *Галатей*. На Греческомъ ошровѣ Мило въ первый разъ увидѣлъ онъ жершвы Мусульманской яроспи.

„Подобныя зрѣлища“ говорить онъ „я весьма часто видалъ въ послѣдствіи, какъ шо узнаюшъ мои читатели. Греки, о которыхъ говорю шеперь, были живели не ошрова Мило: ихъ гнали изъ Кандіи войскà Капитана-Паши, сдѣлавшія шуда высадку для испребленія сель и обиташелей. Пещеры Милоскія были наполнены женщинами, дѣшми, спариками: они лежали на землѣ, въ изнеможеніи, почши нагіе, издавая крики опчаяніа. Блѣдное, болѣзненное лице нѣкошорыхъ, ихъ шу-

склые глаза, блѣдныя губы, необыкновенная сухость ихъ членовъ — все показывало, что они скоро умрутъ: многіе были уже убиты спраданіями, но слабость, неподвижность бѣльшей части прочихъ несчастныхъ оставяла шакъ мало различія между ними, что почти не лзя было распознать шруповъ отъ живыхъ. Я не могъ долго оставаться въ шпомъ мѣстѣ ужаса, и удалился съ чувствомъ шягостнымъ, какого никогда не испытывалъ въ бѣльшей степени.“

Подобно всѣмъ прежнимъ путешественникамъ, К . . . Д . . . пораженъ былъ величественнымъ видомъ, который представляеть столица Имперіи Оттоманской, когда подъѣзжаешь къ ней съ моря. Корабль его спалъ на якорь на разсвѣтѣ. *Муэрзинъ* съ вершины своего минарета призывалъ уже вѣрныхъ къ молишвѣ. Множество домовъ, бѣседокъ, блестящихъ тысячью красокъ, множество садовъ, кладбищъ, остиаемыхъ кипарисами, вѣчно зелеными, воздушныхъ минарешовъ, возвышающихся надъ мечешями, а напротивъ бѣльшаго города Скутари и зеленѣющіяся берега Азіи, прекрасный портъ, надъ которымъ возноштся лѣсъ мачтъ, воды, ркзѣкаемыя во всѣхъ направленіяхъ множествомъ легкихъ судовъ, наконецъ одежды Мусульманъ, шакъ хорошо сливающіяся съ восшочной спранностию сихъ мѣстъ, — сіе соединеніе предметовъ, споль разнообразныхъ, составляеть, безъ сомнѣнія, великолѣпную кар-

шину для глазъ прїѣзжаго. „Но эша прелесть вѣшняго вида Констаншинополя скоро исчезаетъ и очарованіе разрушается, когда проникнешь во внутренность. Противоположность даже такъ чувствительна, что какая-то меланхолія совершенно овладѣваетъ душою иностранца, который, вступая въ первый разъ въ сей городъ, видишь повсюду улицы узкія, нечистыя, кривыя, дурно вымощенные; дома деревянные или кирпичныя, построенныя некрасиво и непрочно. Движеніе народа, столь живое, разнообразное въ большихъ городахъ нашихъ, здѣсь имѣетъ въ себѣ нѣчто медленное, однообразное, что печалишь воображеніе. Физиогномія Турковъ вообще важная и безпокойная; усмѣшка, кажется, имъ неизвѣстна; они запрещаютъ себѣ всякое выраженіе лица, обнаруживающее мысль: видны люди, приученные къ деспотизму. Представители нашихъ Европейскихъ народовъ ведутъ въ Констаншинополѣ жизнь самую прїятную, даютъ праздники, балы, на которыхъ собирается отъ двухъ до трехъ сотъ особъ. Удовольствія дипломатическія получаютъ новую прїятность въ сей землѣ чуждой, удаленной отъ странъ, гдѣ онѣ обыкновенны; нигдѣ не предаются имъ съ такимъ жаромъ; эша веселость распространяется и въ окрестностяхъ, и, по собственному сознанію Турковъ, Пера есть самая блестящая, самая оживленная часть Констаншинополя. Противоположность веселости,

шамъ господствующей, и обыкновенной скуки прочихъ частей города, ясно опредѣляешь одну ошь другихъ; шамъ, кажется, дышешь воздухомъ болѣе свободнымъ; не нужно прибавлять, что ни одинъ Турокъ не являешся въ общество Франковъ. Свободная атмосфера для нихъ ядовита, и въ Перѣ, такъ какъ и вездѣ, мы въ глазахъ Турковъ *поганые Христиане*.”

Возьмемъ на удачу нѣсколько чертъ изъ шворенія, нами разсматриваемаго, и онѣ доспашочно покажутъ мнѣніе сочинителя о народѣ Турецкомъ. Судя по исключеніямъ, которыя встрѣчаешь довольно часто, можно подуматъ, что многіе писатели оклеветали его. Мусульмане имѣютъ нѣкоторыя нравственные качества: у нихъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, находишь иногда черты великодушія; но скоро признаешься, что если прежнія сужденія несправедливы или пристрастны, то единственно въ отношеніи къ многимъ лицамъ. . .

Всѣмъ извѣстенъ обычай начальниковъ Опшоманской арміи, посылатъ Султану, послѣ побѣды, головы и связки ушей убитыхъ непріятелей: ихъ выставляють у дверей Серая. Съ начала Греческой революціи сіе зрѣлище было непрерывнымъ, и подобныя профей ежедневно вывѣшивались на вѣшахъ дворца Султанскаго; народъ съ удовольствіемъ считалъ ихъ, и его удовольствіе соразмѣрялось съ числомъ смѣхъ крова-

выхъ ошпашковъ. Овладевъ Миссолунга, Ибрагимъ-Паша поручилъ нѣкошорымъ плѣннымъ посолить уши ихъ соопечесшвенниковъ, кои надлежало оправить къ Султану; наполнились чешыре бочки; но Ибрагимъ, думая, что число не довольно велико и не можешь дашь Махмуду високаго понятія о его побѣдѣ, велѣлъ еще обрѣзашь уши Туркамъ, убитымъ подь сшѣнами крѣпосши, и присоединишь къ первымъ. Плѣнные, чтобы обнаружись обманъ, вложили въ бочки множество записокъ съ слѣдующею надписью: *По длинѣ сихъ ушей легко догадаться, что они не Грегескія.* Эшѣ бумаги прочшены были чиновниками Турецкой Конспаншинопольской шаможни.

Климашь конечно имѣеть большое вліяніе на нравы, и сей причинѣ приписашь надобно склонность, сущесшвенную въ народѣ Турецкомъ, къ нѣгѣ и удовольствіямъ чувсшвеннымъ. У нихъ нѣшъ ничего обыкновеннѣе шѣхъ постыдныхъ и прошивоесшесшвенныхъ страстей, кошорыхъ слѣды, къ сожалѣнію, находимъ въ писателяхъ древности. Но не только не скрывая развращенности своихъ нравовъ, Турки, кажешся, щесшлавяшся ими.

Описавъ замѣшными, рѣзкими чершами пороки и недоспашки Турковъ, сочинитель опдаеть справедливость и хорощимъ ихъ качесшвамъ. Одна изъ главныхъ ихъ добродѣшелей, говорись онъ, есть ошмѣнная честность. Воры, мошенники,

плушы рѣдки въ Турціи: можно ненаказанно забыть часы, кошелекъ въ кофейномъ домѣ или другомъ публичномъ мѣстѣ: ворошись шуда на другой день или хопя черезъ нѣсколько дней, и забывшая вещь возвращается со всею шочностію. Однажды ввечеру какого-шо Франка встрѣшили въ опдаленной улицѣ нѣсколько человекъ, шедшихъ дозоромъ. Вы знаете, сказалъ начальникъ, что Франку ночью позволено ходишь шолько съ Фонаремъ: вы нарушили успавъ, я долженъ васъ взять и опшести въ шюрьму. Франкъ хотѣлъ опвѣчать, но Турокъ опшановилъ его: опдайте мнѣ кошелекъ вашъ, сказалъ онъ, и получите свободу. Франкъ, желая лучше лишишься ста піаспровъ, нежели ипши въ шюрьму, опдалъ ихъ и пошелъ своей дорѳгой. Но каково было его удивленіе, когда черезъ шесть мѣсяцевъ онъ встрѣшилъ на улицѣ погоже самага Турка, и сей послѣдній ударивъ его по плечу, сказалъ ему: помнишь ли меня и сто піаспровъ, которыя я однажды вечеромъ у себя опнялъ? Я поступилъ очень дурно, но тогда былъ въ несчастіи, а шеперь мои дѣла поправились: вошь швои сто піаспровъ, возьми ихъ назадъ; давно я ищу тебя. И они разшались друзьями. Турки вообще гостепрімны и благодѣтельны: соединеніе сихъ добродѣтелей съ ихъ жестокостію было бы непоняшно, если бы онѣ имъ не были именно предписаны Кораномъ. Однакожь надобно признашья, что, бу-

лучи ревностны въ добрыхъ дѣлахъ своихъ, они ими не щеславятся и облегчаютъ бѣдствія себѣ подобныхъ, съ такою простиною и непринужденностию, какъ будто бы ихъ побуждала къ тому болѣе склонность, нежели обязанность.

Сочинитель приводитъ еще одинъ случай, мало извѣстный, хотя и давній, доказывающій, что знаменишый чиновникъ Турецкій можешь иногда измѣнить жестокости, свойственной его соотечественникамъ, и даже пожертвовашъ желаніемъ личной мести, нѣкошорымъ образомъ законенной нравами и предразсудками сего народа. Сынъ Великаго Визиря, спрасшно влюбившись въ молодую и прекрасную Армянку, недавно вышедшую за мужъ, нѣсколько разъ покушался соблазнить ее; упрямые отказы только что раздражали спрасшь; онъ искалъ единственно случая сдѣлать ей насиліе. Мужъ, узнавъ его намѣреніе, не видѣлъ другаго средства, предупредилъ свой спыдъ, какъ умершвивъ его, и закололъ съ согласія Армянки. Трупъ спрятали, и подозрѣніе не падало на убійць. Молодая была закона Каполическаго, подобно большей части Армянъ, живущихъ въ Константинополѣ. Терзаемая совѣстію, она пошла къ одному Армянскому, Каполическому священнику, кошорому довѣрляла, и открыла ему свое преступленіе. Сей человекъ, узнавъ такую важную тайну, грозилъ донести, если не получитъ знашной суммы денегъ, кошорую и

назначаетъ. Сего мало. Алчность не есть единственная спрасъ изверга; онъ дерзаетъ дѣлать ей преступныя предложенія, но на сей разъ ошибаешься. „Золотомъ, отвѣчала раздраженная Армянка, я могла купить швое молчаніе, но не захочу купить его цѣною своей чести.“ Однакожь Визирь, узнавъ, что сынъ его пропалъ, — велѣлъ публичнымъ глашатаямъ, въ городъ и окрестностяхъ объявить знашную награду шому, кто дастъ какія-нибудь извѣстія о судьбѣ его. Сребролюбивый священникъ воспользовался симъ случаемъ мщенія, явился и донесъ на супруговъ. Визирь призываетъ Армянку и ея мужа, которые почитаютъ смерть уже неизбѣжною. Ихъ допрашиваютъ, и отвѣсы подтверждають доносъ. Но не выдавая еще никакого рѣшенія, несчастный отецъ велитъ спросить Папріарха, отъ котораго зависятъ католическіе священники Армянскіе, какой казни долженъ подвергнуться служитель Божій, нарушающій свою клятву? „Онъ долженъ быть сожженъ,“ отвѣчаетъ Папріархъ. Визирь осудилъ недостойнаго священника къ сей казни, и потомъ, обратившись къ супругамъ и проливая слезы: „Я былъ ошцемъ,“ сказалъ онъ „но люблю справедливосшь. идите, прощаю вамъ; сынъ мой былъ виновень. .“ И въ шожее время велѣлъ онъ своему казначею ошсчитать Армянкѣ сумму, данную ею священнику. — Такой посту-

покъ можешъ сравнишься съ лучшими дѣянiями, какiя намъ представляешъ Исторiя; но мало подобныхъ примѣровъ встрѣчается въ Турции.

(*Продолженiе въ слѣдующемъ номерѣ*).

Шведы въ Прагѣ, или Эпизодъ изъ тридцатилѣтней войны, историческiй романъ, сочиненiе.

Г-жи Пиклеръ, 1828 г.

Недавно явился во Франции переводъ эшого романа Г-жи Пиклеръ. Предсшавляемъ здѣсь разборъ онаго, помѣщенный въ *Journal des Débats*. Наши читатели замѣнятъ, какъ часто у Французовъ бывають неумѣренны въ своихъ сужденiяхъ, и слѣдуютъ первому впечатлѣнiю.

„Г-жа Пиклеръ есть Вальшеръ Скоптъ Германiи. Слава ея повсюду распространяется. Сочиненiе, недавно вышедшее, даетъ ей еще бѣльшее право на всеобщее уваженiе.

Подобно знаменитому Шотландцу, Г-жа Пиклеръ начала Поэзiей (*) свое Литтературное поприще. Успѣхъ увѣнчалъ первые опыты ея, и Германiя украсилась новымъ шаланомъ.

Въ одно и то же время въ другой части Европы явилась женщина, не менѣ примѣчательная: Г-жа Спаль, подобно лучезарной звѣздѣ, воз-

(*) Не поэзiей, а стихотворенiями.

сіяла на горизонтъ Франціи. Но къ сожалѣнію сіяніе ея было не продолжительно и скоро померкло: между тѣмъ какъ Г - жа Пиклеръ не престаесть являть шруды свои и пожинать новые лавры. (*)

При переходѣ своемъ отъ Поэзіи къ Роману (**) Г-жа Пиклеръ воспріяла уже другое направленіе, нежели Вальсеръ Скоптъ. И это естественно: романъ для сего пола нѣжнаго, пламеннаго, безпокойнаго, естъ какъ бы нѣкій бардъ, пѣкій утѣшитель или паперсникъ. Въ немъ изливають онѣ свои вдохновенія, свои печали, желанія, мечшы, сожалѣнія, раскаяніе. (***)

Всѣ творенія Г - жи Пиклеръ преисполнены чистѣйшей нравственности, и симъ-то преимущественно отличаются онѣ отъ сочиненій подобнаго рода. (****) Всюду также выражается умъ возвышенный и воображеніе пламенное. (*****) Обладая таковымъ геніемъ, она не могла оспаться въ предѣлахъ романа, (*****) и въ *Агавокль* уже преступила ихъ. Сочиненіе сіе вышло въ одно время съ *Мугениками* Шатобріана; въ немъ занималась она однимъ и тѣмъ же предметомъ по-

(*) За то свѣтъ Г-жи Спаль будетъ свѣпиль долше.

(**) Отъ мѣлкихъ стихотвореній къ Роману.

(***) А Г-жа Радклифъ? Разница въ романахъ зависитъ не отъ пола сочинителей, а отъ ихъ свойства.

(****) Какъ будто бы романы *par excellence* не нравственны.

(*****) Общія мѣста.

(*****) Въ романъ никакому генію не тѣсно.

чши съ равнымъ успѣхомъ. Симв произведеніемъ она уже увѣковѣчила имя свое.

Замѣшшь надобно, что Г-жа Пиклеръ въ твореніяхъ своихъ, приближающихся болѣе къ Эпопѣ, гораздо счастливѣе была, нежели Вальшеръ Скопшъ, спаравшійся проникнуть во глубину Истории (?). Въ сочиненіяхъ своихъ она также живописуетъ нравы, обычаи, характеръ времени минувшихъ, и описанія ея могутъ служить для Истории полезнѣйшими комментаріями и драгоценными добавленіями (*). Выборомъ предметовъ она нѣкошорымъ образомъ польстила самолюбію своихъ соотечественниковъ: у всѣхъ народовъ примѣшна любовь къ отечественнымъ воспоминаніямъ, но нигдѣ любовь сія не выражается столь сильно, какъ въ поэтической Германіи.

Недавно явившееся сочиненіе Г-жи Пиклеръ приняшо было въ Германіи со всеобщимъ восторгомъ. Оно представляеть сцену изъ послѣдняго періода тридцатилѣтней войны: изображается въ ней именно то время, какъ великая распря сія приходитъ къ окончанію; религіозный и политическій фанатизмъ, бывшій причиною столь долгой брани, наконецъ исчезаетъ; вмѣсто пожаровъ, имъ возжигаемыхъ, виденьтолько одинъ пепель и развалины; всѣ сіи веплѣняютъ сердца читателей своихъ и увлекають ихъ быспрошою своего разсказа (?). — Вообще безо-

(*) По Агашоклесу нельзя было предполагать этого.

ликіе полководцы, Государственные люди, Принцы, которые повсюду рождались и восставали при кликъ раздора и войны, — уже не существуют; однѣ дѣши ихъ еще остаются и мелькають передъ глазами нашими какъ бы нѣкія шѣни великихъ мужей; Вестфальскій миръ преобразуетъ Европу и основываетъ то Публичное Право, которымъ продолжаетъ она руководствоваться до самыхъ временъ Французской Революціи и Вѣнскаго шракташа, когда уже полишическій міръ воспринимаетъ другія начала, другія правила, другое направленіе. —

Г-жа Пиклеръ не могла для описанія найши эпохи, болѣе драматической (?), эпохи, гдѣ бы вымыселъ можно было такъ легко слять съ событіями историческими. Читатель невольнымъ образомъ переносится во дворець Валленштейновъ: ежу живо представляются страшные войны Сѣвера, готовые уже наложить цѣпи на всю Германію, готовые опьять у разоренныхъ жителей ея право мышленія и свободу совѣсти. — Во всѣхъ лицахъ, дѣйствующихъ въ романѣ, отражается духъ и характеръ времени; разсказъ невольно привлекаетъ насъ и какъ бы непримѣтно содѣлывается поучительнымъ. — Г-жа Пиклеръ владеетъ также въ особенности даромъ слова и искусствомъ дѣлать завязку. Въ романѣ ея безчисленность стекающихся произшествій вовсе не мѣшаетъ интригѣ. Самъ Валшеръ-Скоптъ могъ бы позавидовать искусству ея безпрестанно.

шибочно предсказать можно, что *Шведы въ Прагѣ* будутъ имѣть величайшій успѣхъ во Франціи и что въ скоромъ времени романы Г-жи Пиклеръ содѣлаются чтеніемъ, споль же общенароднымъ, какъ и сочиненія знаменитаго Шотландца.“ — Л.

Вакедій о завоеваніи Месопотаміи. Изд. Евальда съ примѣчаніями. Libri Wakedii de Mesopotamiae historia pars e codice Bibliothecae Göttingensis Arabico edita et annotationibus illustrata. XXVI и 24 с. въ 4ку 1827.

Чѣмъ пемвѣ Исторія перваго разпространенія Ислама надъ половиною тогдашняго свѣта, тѣмъ нужнѣе приводитъ въ извѣстность всѣхъ древнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ Историковъ, и разбираетъ съ строжайшею Критикою всѣ извѣстія оставшіяся объ этомъ періодѣ, — съ критикою, о которой во все не думали въ нашихъ большихъ историческихъ сочиненіяхъ. Общее слѣдствіе критическихъ изслѣдованій до сихъ поръ вошъ какое: Арабы о первыхъ своихъ завоеваніяхъ оставили только извѣстія несвязныя, безъ хронологіи, — и это не могло бытъ иначе: дѣяній было слишкомъ много и по разнымъ мѣсяцамъ въ одно время; онѣ могли сохраняться сначала только въ Лирическихъ стихотвореніяхъ, — уже чрезъ 200 лѣтъ появляются у нихъ Историки. — Критика должна слѣдовательно разобрать всѣ извѣстія порознь, и отличить древнія отъ новыхъ, изукрашенныхъ, искаженныхъ; такимъ образомъ разрѣшашся сомнѣнія Историковъ. Имя Вакедія, современника Рашидова, блистало доселѣ въ мѣтописяхъ ранней Исторіи Аравійской. Повѣствованіе его о покореніи Сиріи, служило главнымъ источникомъ для всѣхъ позднѣйшихъ Историческихъ сочиненій. Вакедій писалъ еще о покореніи Египта и проч. — Гамакеръ, Профессоръ Лейденской, трудился надъ симъ Авторомъ, и объясняетъ его въ Историко-Критическомъ отношеніи. Впрочемъ въ объявляемомъ изданіи, хотя несовершенно очищенномъ, много матеріаловъ для Географіи Месопотаміи и проч. (Изъ Гет. в.)

С М Ъ С Б.

Мысли, замѣтанія и анекдоты.

У всякаго художественнаго произведенія есть почка, одна почка, съ которой оно представляется во всемъ своемъ величии. Взгляните вблизи на декорацию Гонзаго, эпо — мазанье; но изъ кресель, въ надлежащемъ разстоянii, освѣщенное, оно очаруетъ васъ. Многіе ошибаются въ своихъ сужденіяхъ пошому, что не попадають на почку, съ которой должно смотрѣть на произведеніе.

Въ Ашенеѣ кто-то насчиталъ множество ошибочныхъ выраженій въ Онѣгинѣ. — Числалъ ли Г. Кришикъ, занимаясь старыми своими Грамматиками, прочія Стихотворенія Пушкина? Замѣтилъ ли онъ, что у Пушкина особенное достоинство — вѣрность и точность выраженія, и что это достоинство принадлежитъ ему предпочтительно предъ всеми нашими поэтами? Пушкинъ слѣдовательно могъ, если бы захотѣлъ, избѣжать тѣхъ ошибокъ, въ которыхъ его упрекають (впрочемъ изъ замѣченнаго только $\frac{1}{10}$ справедливо), но у него именно, кажется, было цѣлюю оставить на этомъ произведеніи печать совершенной свободы и непринужденности. Онъ рассказываетъ вамъ романъ *первыми* словами, которая срывающся у него съ язы-

ка и въ этомъ отношеніи Онѣгинъ есть феномень въ Исторіи Русскаго языка и стихосложенія.

Къ нему удачно можно примѣнить, что Тассъ говоритъ о Софроніи:

Non sai ben dir, s'adorna o se negletta,
Se caso od arte il bel volto compose.

Московскій Градоначальникъ Брюсъ опзывался какъ то опромешчиво предъ Миспрополишомъ Платономъ объ одномъ изъ своихъ предшественниковъ, Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, памяшномъ доселѣ Москвѣ по опшличному своему управленію. Миспрополишъ перерваль его: „помилуйше, Графъ, что вы эшо говорите? такіе люди, какъ Графъ Захаръ Григорьевичъ, рождаюшся вѣками. Эшо вѣдь не шо, чшо мы, — мы такъ поминушно: шо Платонъ, шо Брюсъ, шо Платонъ, шо Брюсъ.“

S. S. критикуеть (*), что Е. Е. пишеть шолько по три странички въ годъ. Другъ мой! я получаю пять тысячь доходу въ годъ: -- какъ же шебъ не спыдно требовать, чтообъ я даваль шебъ по обѣду въ мѣсяць? Будь доволенъ према, если шолько ты сышь на нихъ, и позволь мнѣ бышь хозяиномъ своихъ доходовъ. — Пришомъ ты вѣдь не знаешь, куда я коплю ихъ. Можеть бышь когда нибудъ я задамъ пирь на весь мірь..

(*) Здѣсь эшотъ глаголь употребленъ въ среднемъ значеніи. Примѣчаніе для Пуристовъ.

Нѣкто Сичкаревъ, ученой и спранной чело-
вѣкъ, былъ опмѣнно любимъ Княземъ Пошемки-
нымъ, и сопровождалъ его во всѣхъ походахъ. Надъ
его палашкою было написано: Философъ его
Свѣтлости.

Читайше произведенія Древнихъ, хошь по
Русски однѣ Буколики и Георгики Виргилія, Цейк-
са и Гальціону Овидія, — не замѣшите ли вы съ
перваго взгляда, что *опредѣленность* естъ опли-
чисельный характеръ сихъ произведеній. Мѣсто,
лица, ихъ чувства, мысли, дѣйствія передъ ва-
шими глазами, — вы видите все какъ изваянную
группу. Правда? — и между шѣмъ соблазняюща
нѣкоторыя, если имъ скажущъ, что характеръ
древней Поэзіи естъ пластическій, и бранятъ
за такія выраженія какую - то новую фи-
лософію. Пусть вспомнятъ они при эшомъ,
что и въ собственно такъ называемой Пласшикѣ
Древніе достигли до такой высоты, на которую
Новые едва смогрѣтъ въ состояніи. За то Новые
берущъ пальму въ другомъ, неопредѣленномъ, ду-
ховномъ искусствѣ, Музыкѣ, и Моцартъ гово-
рилъ, что новая музыка можеть воскрешать
мершвыхъ, если правда, что древнюю чувство-
вали камни. Новой Поэзіи характеръ музыкальной.

Еще не было чудаковъ, которые опдавали
бы преимущество древнему ваянію на счетъ но-

вой музыки и живописи, а сколько людей, которые готовы ссориться не на живую, а на смерть, за классицизм и романтизм. — Мирь вамъ! —

Я очень вѣрю, что могутъ быть люди, которымъ Virgilii нравятся больше Байрона, Вернешь больше Корреджіо. У меня былъ товарищъ, который Римлянъ ставилъ выше всѣхъ людей на свѣтѣ. — Это для меня также понятно, какъ ясно вижу у одного встрѣчнаго Римской носъ, у другаго Греческую голову. По шемпераменту, способностямъ, характеру, воспитанію, добродѣтелямъ, порокамъ и проч. можно принадлежать всякому міру, и древнему, и среднему, и новому: одинъ съ Цицерономъ любилъ рѣшаться на площади дѣла Республики, другой съ Немвродомъ при звувъ трубъ и роговъ мчался по лѣсамъ за охотою, третій съ Браминономъ погружается въ созерцаніе, четвертой съ Гецомъ фонъ Берлихингенъ ни днемъ, ни ночью не знаетъ себя покою и рубится на всякомъ перекресткѣ. — Но вошь чего я не понимаю: зачѣмъ эти люди не хопяшь оставишь другъ друга въ покоѣ, за чѣмъ бранятся между собою и готовы даже гнать съ осмервененіемъ? — Пусть каждой защищается свое занятіе, и истина, рано или поздно, возьметъ верхъ.

Чѣмъ больше мнѣній о какомъ нибудь предметѣ, тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе обнаружится истина. Французы недавно цѣлой годъ швердили de 3 et 5 pour 100, и увидѣли наконецъ все дѣло, какъ на ладони. — Въ Литературѣ также. — Ясное доказательство нашего младенчества въ ней есть то, что у насъ на многіе важные предметы нѣтъ даже по одному мнѣнію. У насъ даже спраннымъ кажется, если кто рѣшился сказать свое вслухъ; невыгодное мнѣніе (нужды нѣтъ, искреннее ли оно или неискреннее) счищаютъ личнымъ оскорбленіемъ; никакъ не могутъ понять, что можно знать, даже уважать, любить человѣка, и между тѣмъ осуждать его сочиненія или находить въ немъ недоспашки. — Сказать искренно свое мнѣніе въ такомъ случаѣ, прекрасно выразился Б., есть подвигъ честнаго человѣка. Пусть больше совершается такихъ подвиговъ, и въ Литературѣ нашей увеличится движеніе, жизнь. — Припомъ всякое сочиненіе есть собственность публики, и члены ея, не говоря уже о должностныхъ, имѣютъ полное право хвалить и порицать его, какъ кому Богъ на умъ положитъ. — Даже на форму хвалы и порицанія не должно сердиться слишкомъ. Всякой говоритъ по своему, одинъ дискантомъ, другой басомъ, одинъ жестко, другой мягко. При всемъ моемъ благоговѣніи къ Карамзину (Карамзину) я съ удовольствіемъ чинилъ замѣча-

нія на его Исторію, которыя начали было помѣщать въ Вѣстникъ Европы, какъ ни пропивеньми былъ образъ ихъ изложенія. —

N. N.

~~~~~

Анекдотъ о Наполеонѣ.

Въ публичныхъ листахъ разсказываютъ слѣдующій, до нынѣ еще неизвѣстный анекдотъ о Наполеонѣ. Однажды прохаживался онъ вмѣстѣ съ Денонемъ по Луврской Карпинной галлерей. Долго разсматривая одну изъ превосходныхъ картинъ, онъ вдругъ воскликнулъ: „Вошь прекрасная картина, Денонъ!“ — *Безсмертное твореніе!* отвѣчалъ проводникъ Императора. „Ну, а какъ долго можешь сохранять подобнаго рода художественное произведеніе?“

Въ хорошей галлерей и при хорошемъ при-
смотрѣ пятьсотъ лѣтъ, по крайнѣй мѣрѣ!

„А когдабы это была спашуя?“

Въ такомъ случаѣ сохранилась бы она, можешь быть, пять тысячъ лѣтъ!

„И вошь что называете вы *безсмертіемъ*, люди!“ замѣшилъ Наполеонъ съ горькою улыбкою.

~~~~~

Разныя извѣстія.

Въ Англію прибылъ недавно знаменитый Лордъ Кокренъ. Неожиданное появленіе его произвело много шума и толковъ. Причиною возвращенія его почитаютъ Наваринское сраженіе, съ копорымъ должны были прекратиться всѣ военныя дѣйствія. Лордъ Кокренъ съ прискорбіемъ повѣствуетъ о жалоспномъ состояніи Греціи; но впрочемъ нимало не сомнѣвается въ будущемъ ея благополучіи и освобожденіи. Хотя онъ находится въ вожделѣнномъ здравіи; но опасности и труды, имъ понесенныя, заставили его преждевременно сошарѣться.

Прибытіе Лорда Кокрена породитъ вопросъ довольно странный, который будетъ причиною многихъ преній: слѣдуетъ рѣшить, должно ли выдать ему 36,000 фунт. стерл., копорые обѣщаны ему были въ случаѣ освобожденія Греціи? — Герой сей намѣревается вскорѣ опять возвратиться въ Грецію, гдѣ присутствіе его нужно для изстребленія морскихъ разбойниковъ.

Въ Парижѣ печатаются слѣдующія новыя сочиненія, относящіяся до Франц. революціи: *Собраніе записокъ, относящихся до Революціи* (Collection des mémoires sur la revolution); *Манускриптъ 3 го года* (manuscript de l'an III), изданный Гномъ Барономъ Gain, секретаремъ

Наполеона ; пренія національной конвенціи (Débats de la convention nationale); памлтные записки Герцога Ревиго (mémoires du duc de Révigo); подлинныя бумаги захваченныя у Робеспьера, Сен-Юста, Кална и проч., съ великимъ числомъ Fac simile и съ подписями замѣчательнѣйшихъ лицъ Революціи (papiers inédits saisis chez Robespierre, Saint - Just, Cayan, etc.).

Въ Парижѣ вышло новое изданіе Шамполионова сочиненія о Египетскихъ іероглифахъ (*Précis du système hiéroglyphique des anciens Egyptiens*). Изданіе сіе шѣмъ отличаетъ отъ перваго, что въ немъ находится множество значительныхъ прибавленій, которыя состоятъ: 1е въ ученомъ предувѣдомленіи, относящемся къ успѣхамъ нынѣшнихъ Историческихъ свѣденій о Египтѣ; 2е въ письмѣ къ Г-ну Дасе о іероглифической азбукѣ, и 3е въ разныхъ новыхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ по сей часпи. Въ немъ также находится весьма тонкое изслѣдованіе одного мѣсца, взятаго изъ Клименга Александрійскаго и относящагося до Египетскихъ письменъ, каковымъ трудомъ обязаны одному изъ знаменитѣйшихъ Кришниковъ, Г-ну Лепронну.

Вышелъ переводъ новаго сочиненія Ирвинга - Вашингтона: *Исторія жизни и путешествія Христофора Колумба*. Сей важный трудъ, какъ говорять, былъ предпринятъ авторомъ по желанію Американскаго правительсва. Ирвингъ-Вашингтонъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ жилъ въ Мадридѣ, и допущень былъ (милость неслыханная) ко всѣмъ архивамъ Испанскимъ: такимъ образомъ имѣлъ онъ случай обогатить свой трудъ подробностями любопытными и доселѣ неизвѣстными о Христофорѣ Колумбѣ, объ Америкѣ, и о самой Испаніи.

Извѣстное сочиненіе Барона Кювье о переворошахъ, бывшихъ на земномъ шарѣ, печатаешся, уже пятымъ изданіемъ. —

Сочиненіе Галлама, о коемъ извѣщено въ 3 N. Мос. Вѣспника уже переведено на Фр. языкъ и издаешся неушомимымъ Гизо съ предисловіемъ.

Безпрещанно выходять въ Парижѣ новыя изданія сочиненій В. Скопша и Байрона.

Валшеръ Скопшъ издалъ еще *Исторію Шотландіи, рассказываемую дѣдомъ внуку*. Любопытно видѣть, какимъ языкомъ эшотъ славный писатель говорить съ дѣшми. Языкъ у насъ еще неизвѣстный!

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

№ VI.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Нарциссъ.

Изъ Овидіевыхъ Превращеній.

Книга III, с. 407 — 510

(Посвящено А. Ф. Мерзлякову).

... Есть сокровенное мѣсто въ горахъ Тесса-
лійскихъ:

Тамъ не пасушся спада, не гуляютъ рѣзвыя козы;
Тамъ извивался ручей прозрачною, свѣтлой струею.
Пшица и звѣрь и древесная вѣшка внезапнымъ па-
деньемъ

Мирнаго шока его не смущали. Кругомъ разцвѣтала
Зелень, пишаяся ближнею влагой, и роца густая
Плотною тѣнью его заслоняла отъ знойнаго солнца.

Юноша здѣсь, упомянутый охотой и жаромъ по-
лудня,

Легъ опдыхашъ, нлбняся ручьемъ и прекрасной
долиной.

Хочешъ онъ жажду свою упоишь пылаешъ
другая.

Пьешъ, и въ водѣ очарованный видимымъ зракомъ
Любишь видѣнье безплошное; шѣнь ему кажется
шѣломъ.

Самъ изумляясь себѣ, онъ коснѣешь съ лицомъ не-
подвижнымъ ,

Какъ исшуканъ, изъ Паросскаго камня рѣзцемъ
изваянный.

Смотришь, къ землѣ преклоняся колѣномъ, на
звѣздные очи ,

На свѣшлорусыя кудри, красу Аполлона и Вакха,
На лилейную шею, румянецъ игривый въ ланишахъ,
И дивишся, какъ люди дивилися видя Нарцисса.

Самъ и прелестникъ, самъ и прельщенный; онъ
любишь ,

Онъ и любимъ. Чудесная страсть возгорѣлася въ
сердцѣ.

Сколько, увы! распочилъ онъ лобзаній въ ручьѣ
сихосшруйномъ ,

Сколько разъ, изспусленный, кидался онъ въ воду
руками!

Хочешъ поймашъ въ ней явленье напрасно
себя не поймашъ

Видишь, не зная кого, и видимый равню пылаешъ
Взоры одни внушающъ любовь и чаруютъ Нар-
цисса.

Что, легковѣрный, измѣнные призраки ловишь
напрасно!

Это вѣдь образъ швой отражается въ зеркальной
влагѣ:

Въ немъ ничего своего . . . съ побой оспашся,
приходишь;

Вмѣстѣ съ побой и уйдешь, если можешь уйдши
злополучный.

Долго лежалъ онъ въ густой муравѣ, уставая въ
видѣнне

Окомъ несмытымъ . . и ошдыхъ, и голодь, и жажда
забышы. —

Лишь на минушу ошвелъ отъ ручья онъ печальные
взоры;

И простирая къ дубравамъ дрожащія руки, вос-
кликнулъ:

„Кшо любилъ, о дубравы, несноснѣй меня несча-
спливца?“

Многимъ вы даровали приюсть безопасный во мракѣ,
Много вѣковъ пережили. Кшо болъ изъ смершныхъ
помился?

Вижу, люблю, и гдѣ же любимый? Люшая горесты!
Вмѣстѣ мы, кажешся; нѣшь никакой ужь прегра-
ды, не дѣлишь

Нась широкое море, ни горы, ни цушь опдаленный,
Ни высокія спѣны . . . лишь шонкая спруйка
межь нами:

Кинуться самъ онъ въ объятія жалаешь : чужь
 только къ попоку
 Я наклонясь, его поцѣлюю въ бѣгущую воду,
 Онъ поднимается къ верху съ лобзаньемъ ошвѣш-
 нымъ. Межь нами,
 Кажется, нѣшь разстоянья, почти прикоснулись
 другъ къ другу, —
 Юноша, кто бы ты ни былъ, явися! Меня ли
 обманомъ
 Будешь терзашь? за чѣмъ ты невнемлешь голосу
 спрасши?
 Или не нравлюсь тебѣ? Нѣшь — и Нимфы ласка-
 лись къ Нарциссу.
 Нѣшь — ты любишь меня. Я вѣрю, я чувствую это.
 Видь швой умильный надежду, не знаю какую,
 вселяешь
 Въ душу мнѣ: руку тебѣ я подамъ, ты манишь
 своею.
 Улыбнусь, и къ тебѣ на уста слетаешь улыбка.
 Плачу, и пошчасъ глаза швой свѣпящся тихой
 слезою.
 Въ нашихъ желаньяхъ, поступкахъ, какое-то чуд-
 ное сходство.
 Даже сказать ты хочешь мнѣ что-то: я вижу
 движенье
 У тебя на устахъ; но звуки, увы, не доходяшь.
 Такъ — наконецъ несчастную шайну я прозрѣваю:
 Ты — я, въ тебѣ я живу, меня не обманешъ
 мой образъ.

Я влюбился въ себя ; я самъ огонь возжигаю ,
Самъ и горю. На что мнѣ рѣшишься? — Меня ли

спросили ?

Я ли спросилъ ? Къ чему мнѣ вопросы ? Кто оп-
вѣчаешь ?

Мой любимый во мнѣ. Моя нищета опъ богашства.
Боги ! если бы можно мнѣ опъ себя опдѣлишься ,
Еслибъ разрознилось сердце ! Безумный , чего ты
желаешь ?

Но уже горесшь снѣдаешь меня. Не долго оспалось
Жишь мнѣ на свѣшѣ. Въ юности нѣжной я погибаю.
Смерщи я не спрашусь: спраданія ковчашся съ нею. —
Будь долговѣчнѣ ты , мой другъ незабвенный !

Нѣшь — вмѣспѣ

Мы умремъ: съ одною душою угаснушь два сердца.“
Такъ говорилъ онъ безумный , смотря на преле-
снное диво ,

И горючія слезы въ ручей полилися , — смуши-
лась въ пошокѣ

Свѣшломъ вода, пошускло видѣнье, кажешся, хочешъ
Внизъ опустишься. . . „Жестокій, останься! куда
убѣгаешь ?

Будемъ смотрѣшь. другъ на друга — намъ ешь
ушѣшенье.

Пушь получаешь новую пищу буйное пламя.“

И опчаянный, сбросилъ съ себя онъ одежду; спеная
Бьешъ себя въ перси; нѣжная краска на нихъ
показалась.

Яблоко такъ румянишь лѣшомъ снѣ на солнцѣ.
 Такъ виноградъ несозрѣлый сверкаетъ багрянцемъ
 Въ сочные грозды. Межь шѣмъ вода уравнилась
 въ пошокъ,

Снова онъ видишь себя и перси прелесныя видишь.
 Долѣ не можешь сносишь искушенья . . . пихоепламя
 Разливается въ членахъ . . . снѣдаемый люшою
 спрасью

Онъ, исчезаешь, какъ воскъ на огнѣ распус-
 каешь ярый,

Какъ роса опадаетъ согрѣшая солнцемъ поушру.
 Нѣжный румянецъ невидень въ пожелкыхъ блѣд-
 ныхъ ланипахъ.

Сила и крѣпость, всѣ прелести дивныя шѣла
 исчезли.

Нѣшь Нарцисса того, котораго Эхо любила.

Нимфа, увидя жестокою участь его, позабыла
 Прежнее сердце и ревность. Лишь шолько несча-
 сный воскликнешь

Голосомъ помнымъ *увы, увy* повшоряешь и Эхо.
 Въ перси ударить — и звукъ опзовешся Эхомъ
 унылой. —

Между шѣмъ, неподвижный, глядѣль онъ, глядѣль
 безпрестанно

Въ волну родную. Слово послѣднее было Нарцисса:
 „Другъ мой, *прости.*“ *Прости* повшорило и вѣр-
 ное Эхо.

Тихо поникнуль Нарциссъ на праву усталой главою,
Смерщью замкнулися очи, пѣнныя собствен-
нымъ видомъ.

И въ Плутоново мрачное царство низшелъ не-
счастливецъ.

Чтоже? — и шамъ онъ глядися въ Спигійскія
мушныя волны.

Сестры Наяды, обрѣзавши кудри, плачущь о братѣ,
Плачущь подруги Дриады, и плачущимъ вшорипъ
уныло

Грустное Эхо. — Гошовяшъ Сбрядъ погребенья
печальной,

Сложенъ косерьъ, приносяшъ смолистыя сосны,
куренья.

Ищущь почившаго шѣло . . . иѣшу ни гдѣ . . . на
мѣстѣ кончины

Въ вѣничкѣ бѣломъ прекрасный душистый цвѣшокъ
разцвѣщается.

1824.

N.

К о в а р н о с т ь .

Когда швой другъ на гласъ швоихъ рѣчей
 Ошвѣстшвуешь язвительнымъ молчаньемъ ;
 Когда свою онъ ошь руки швоей ,
 Какъ ошь змѣи , ошдернешъ съ содроганьемъ ;
 Какъ на себя взоръ оспрый пригвоздя ,
 Качаешь онъ съ презрѣньемъ головою ; —
 Не говори : „онъ боленъ , онъ дилля ,

Онъ мучишся безумною шоскою.“

Не говори : „неблагодарень онъ ;

Онъ слабъ и золь , онъ дружбы недостоинъ ;
 Вся жизнь его какой-шо шяжкой сонъ.“ . . .

Ужель шы правъ ? ужели шы спокоень ?
 Ахъ , если шакъ , онъ въ прахъ гошовъ упасть ,
 Чшобъ вымолишь у друга примиренье .
 Но если шы свяшую дружбы власшь
 Упошреблялъ на злобное гоненье , —
 Но если шы зашѣйливо язвиль
 Пугливое его воображенье ,
 И гордую забаву находиль
 Въ его шоскѣ , рыданьяхъ , униженьѣ , —
 Но если самъ презрѣнной клеветы
 Ты про него невидимымъ былъ эхомъ , —
 Но если цѣпь ему накинуйшь шы
 И соннаго врагу предашь со смѣхомъ , —

И онъ прочель въ нѣмой душѣ швоей
 Все шайное своимъ печальнымъ взоромъ; —
 Тогда спупай, не спрашь пущыхъ рѣчей:
 Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

А. Пушкинъ.

Аккерманскія степи.

(Изъ Мицкевича).

Въ океанѣ сухомъ и безбрежномъ плывешь
 Колесница моя, шочно въ морѣ ладья.
 Средь играющихъ водъ, — шо лешипь, шо нырнешь,
 Средь волнистыхъ луговъ, средь разлива цвѣшовъ,
 И проносишь мимо гряды острововъ
 Ярко-цвѣшущихъ бурьяна.

Вошь покрыла все мгла; ни спези, ни кургана.
 Какъ все мрачно окрешь, — пушеводныхъ нѣшь
звѣздъ,
 Облачкó вошь блешпешь и заря ужъ горинь:
 Нѣшь, шо блещешь шамъ Днѣспрь, шо маякъ Аккер-
мана

Тамъ запымалъ въ вышинѣ,

Но, поспойше: какъ тихо! Слышится мнѣ,
 Какъ шумяшь журавли въ недостижной дали
 Соколинымъ очамъ... Вопь я слышу, какъ шамъ
 Пошашнулся цвѣшокъ и вспорхнулъ мошылекъ...
 И какъ, скользкою грудью касаясь травы,
 Проползаетъ змѣя... Ахъ, какъ тихо здѣсь! — я
 Напрягаю шакъ слухъ, чпо изъ милой Липвы
 Ко мнѣ голосъ привѣшный — чупь слышный
 дойдешь. . .

Бдемь — никшо не зовешь.

Кіевъ 1827

Мая 26.

Юр. Познанскій.

~~~~~
 С т а н с ы .

Къ Н. Н.

Когда подь дѣвственнымъ покровомъ
 Скрывались прелеспи швои,
 Ты съ каждымъ ушромъ въ блескъ новомъ.
 Цвѣла какъ дивный цвѣшь любви.

*

Ты въ даль стремилась съ упованьемъ. . . .
 Увы! Гимеиъ шебя увлекъ;
 И, роза, подь его дыханьемъ
 Ты вмигъ разсыпалась на вѣкъ.

*

Мой свѣшлый Ангель на чужбинѣ!
 Поэзія моей весны!
 Тебяль, себяль узрѣль я нынѣ,
 Какъ привидѣнье спарины?

*

Гдѣ вдохновенья полны очи?
 Гдѣ пламень розовый ланишь?
 И блѣдной пеленою ночи
 За чѣмъ швой юный день покрышь?

*

О даръ минушный и напрасный!
 Въ тѣ горделивыя лѣща,
 Когда шакъ сладко бышь прекрасной, —
 Твоя увяла красота.

*

Нѣтъ! не сбылися предвѣщанья
 Зари плѣнительной швоей;
 Твои разсѣялись мечшанья,
 Умчался рой швоихъ друзей.

*

Лишь другъ единый шайно внемлешь
 Восминаньямъ прошлыхъ дней,
 И вѣрный плющъ одинъ объемлешь
 Развалины красоты швоей.

В. Туманскій.

Москва,
 Августъ 1826.

Народная пѣснь.

Какъ по садику, по зеленому
 Добрай молодець похаживаешьъ,
 Онъ шугой лукъ напягиваешьъ,
 Калену сшрѣлу накладываешьъ,
 Каленой сшрѣлѣ приказываешьъ:
 „Ты леши, леши, каленая сшрѣла,
 „Выше лѣсу по поднебесью,
 „Пронози, убей, каленая сшрѣла,
 „Сиза голубя на каменной сшѣнѣ,
 „Сѣру ушицу на Волгѣ на рѣкѣ,
 „Красиу дѣвицу въ высокомъ перему,
 „Чшобъ доспалася ни мнѣ и никому,
 „Ни разлучнику злодѣю моему, —
 „Чшобъ доспалась она матери сырой землѣ,
 „Чшобъ сырой землѣ доспалась, гробовой доскѣ.“

З в ѣ з д ы.

О звѣзды, кто на васъ взираль,
 Не забывая бѣдной жизни,
 И кто душой не презираль
 Спрасшей и бѣдъ земной опчизны?

*

Очами Аргуса горяшь
 Надъ сей землею звѣздны своды,
 И не въ земныхъ словахъ гласяшь
 О темныхъ таинствахъ природы.

*

Вы ієрогліфы земли —

Сей пирамиды во вселенной :

Въ васъ чувства шайной смыслъ прочли ;

Но стерь все разумъ дерзновенной.

*

Какъ изъ азбесша дивный плашь ,

Покрышый знаками , кругами :

Такъ въ шверди голубой горяшь

Собышя земли лучами.

*

Незыблемъ сей небесный сводъ ,

Но солнца гаснушь , померкаюшь , —

И смершнымъ въ немъ изъ рода въ родъ

Скрижали горня сияюшь.

*

Въ нихъ вѣчный Моисей изрекъ

Законы вамъ , земли народы :

Весь міръ ему во слѣдъ пошекъ ,

И преклонился чинъ природы.

М. Лихонинъ.

Время и Поэтъ.

(изъ Гёте).

Такъ, отъ Зевса несетесь вы, бурно текущія волны!

Рвете и брегъ и оплошь, мчите поля и сады!

Вижу: единый сѣдитъ и вшоритъ грозъ разрушенья;

Но и пѣсни его мощный уноситъ потокъ.

П Р О З А.

Г-жа Бельоль.

(Отрывокъ изъ Chronicles of the Canongate, соз.
В. Скотта) (*).

Г-жа Марса Бишонъ Бельоль была женщина знатная и богатая, въ томъ смыслѣ, какъ сіи выраженія принимаются въ Шотландіи. Она была происхожденія древняго, имѣла почтенныя связи, не слишкомъ любила сказывать въ почтоспи льща свои; но воспоминанія ея молодоспи просширались за достопамятный 1745 й годъ, и она, хошя смушно, помнила шо время, когда столица Шотландіи находилась подъ властію Горскихъ Клановъ. Пользуясь соспояніемъ независимымъ послѣ смерти опцовской, она обогатилась еще наслѣдспвомъ нѣсколькихъ храбрыхъ брашьевъ, которые пали одинъ за другимъ на службѣ опечеспва; шакимъ образомъ все родовое достпояніе соединилось у сей единспвенной опрасли спариннаго дома Бишонъ-Бельоль. Мое корошкое знакомспво съ сею почтенною дамою началось послѣ всѣхъ

(*) Это послѣдній романъ В. Скотта, издаанный имъ въ прошломъ году. Надѣмся угодишь нашимъ читателямъ сообщеніемъ имъ сей свѣжей новости:

сихъ произшествій, когда она была уже въ льпахъ, нѣсколько преклонныхъ.

Она проводила всегда зиму въ Единбургъ и жила въ одномъ изъ спаринныхъ замковъ, копорые лишь недавно испребились въ сосѣдствѣ Канонгетпа и дворца Голирудскаго; сіи замки, отдѣленные отъ улицы, нынѣ грязной и нечистой, мощеными дворами и садами просторными, въ замѣну своей неприманчивой наружности поражали всякаго пришельца какою-то пышностію и уединеніемъ. Домъ Г-жи Белболь теперь сломанъ; скоро пожары и новое домостроеніе подвергнутъ подобной участи и всѣ древніе памятники Шотландской столицы. Но я замолчу о мѣстныхъ воспоминаніяхъ, и если природа, давъ мнѣ въ руку перо, отказала въ кисти, то постараюсь словами замѣнить рисунокъ.

Трубы жилища Белболь, между копорыми были видны одна или двѣ башенки и небольшая покашая платформа, возвышались не подалеку отъ дворца изъ среды низкихъ новыхъ строеній, окружающихъ Канонгетъ съ южной стороны. Вороша, съ камишкою для пѣшеходовъ, въ торжественныхъ случаяхъ были важно опворяемы хромымъ, высокимъ, худощавымъ спарикомъ, копорый, въ качествѣ привраш-

ника, жилъ возлѣ подъ навѣсомъ. Моя пріятельница пожаловала его въ сію должность, часпю изъ соспрананія къ спарому служилелю, часпю попому, что находила въ его правильномъ лицѣ сходство съ Гаррикомъ въ роля Лузиньяна. Онъ былъ чедовѣкъ угрюмый, молчаливый, медленный, и ни за что бывало не опворилъ ворошъ для ямской карешы, а укажетъ пальцемъ на калишку, какъ приличный входъ по его мнѣнію для всякаго, прѣхавшаго въ эпомъ презрѣнномъ экипажѣ, копорому не позволялось унижать своимъ присущивіемъ двора замка Бельолева. Эта спранность, я думаю, не слишкомъ нравилась барынѣ, равно какъ и приспранствіе Лузиньяна иногда къ лишнему спакану. Но Г-жа Бельоль чувспвовала, что, если онъ и будетъ уличенъ въ просшупкъ, она не рѣшился свести сего повелителя Палестины съ каменной скамьи, на копорой онъ по цѣлымъ часамъ сиживалъ за чулкомъ своимъ, и пришворялась, что не вѣришь обвиненіямъ; чрезъ сіе она избѣгала дальнихъ розысковъ, зная напередъ, что онъ гораздо менѣ станеть остерегаться, когда, опкрывъ его вину, опщавяшь безъ наказанія.

За пышными ворошами для карешъ и низкою калишкою для пѣшеходовъ, оп-

крывалась корошкая и узкая дорога между двумя рядами липъ, зелень которыхъ весною соспавляла спранныю прошивоположность съ двумя ближними спънами, почернѣвшими опъ времени. Сія дорога приводила къ фасаду, соспавленному прямоугольнымъ фронтонномъ съ выемкою въ серединѣ, котораго оконницы были опягчены готическихкими украсеніями, а середина дополнена полукруглою башнею, гдѣ помѣщенъ былъ входъ и лѣспница. На одной споронѣ лѣснаго двора, гдѣ только и было мѣсто для того, чптобы оборонить повозку, находилось нѣсколько низкихъ спроеній, гдѣ помѣщались службы; на другой былъ валъ съ желѣзною рѣшеткою, которую покрывала каприфолія и другія віющіяся распенія; за нимъ взору предспавлялся прекрасный загородный садъ, гдѣ росло много спаринныхъ деревьевъ, еще же болѣе цвѣповъ, и даже нѣкоторые овощи. Отличная чисптома двора показывала, что въ эпомъ благословенномъ мѣстѣ грабли, мешла были въ частомъ употребленіи, не такъ какъ въ неопряшной окружающей часпи города.

Надъ дверями находился гербъ Биспона и Белболя, съ разными другими изображеніями изъ камня; самая дверь была изъ чернаго дуба съ желѣзными гвоздями; на ней, вмѣсто молотка, висѣла

жельзная, пакъ называемая *малина*, для вызыванія служителя. На сей вызовъ являлся обыкновенно мальчикъ или дѣвочка, а разъ другой, помнился, былъ я впущень и самимъ Г. Бьюфешомъ, кошорый наружноспію походилъ сполько же на важнаго церковника, сколько на дворецкаго въ благородномъ домѣ. Сія особа, служившая камердинеромъ у покойнаго Сиръ Ричарда Бишонъ-Бельоль, пользовалась высокою спененью довѣрія при нынѣшней госпожѣ. Полная пара плашья темнаго цвѣта, золотыя пряжки на башмакахъ и на исподнемъ плашѣ ниже колѣнъ, напудренные волосы и щцашельно причесанные — все это возвѣщало въ немъ важнаго служителя, почтеннаго особеннымъ довѣріемъ. Но кто можеть уккрышься ошъ клеветы? Иные поговаривали и о Бьюфешѣ, что будно бы онъ ошъ своего мѣста щечился болѣе, нежели сколько позволяло скудное его жалованье, назначенное по старому обычаю. Эшотъ человекъ со мной былъ всегда очень вѣжливъ. Онъ ужъ давно былъ въ домѣ, получалъ доходы и опкладывалъ про себя денежку другую; пошому можеть нынѣ жить въ довольствѣ, не измѣняя важности характера, разумѣлся въ шой мѣрѣ, какъ сіе дозволяетъ ему супруга, съ кошорой онъ недавно обвѣнчался.

Замокъ — но милый чипашель, если вы устали, пропустише спраницы шри, чешыре — замокъ вовсе не былъ такъ обширенъ, какъ думали люди, судя по его наружному виду. Внутренніе покои были спѣснены поперечными спѣнами, длинными корридорами, и шѣмъ нерадѣніемъ объ уютности, копорымъ отличаетсѣ старинная Архитектура Шотландцевъ. Но все оставалось много лишняго мѣста, и значительная часть дома не была занята даже тогда, когда у моей пріятельницы (безъ чего рѣдко обходилось) госпило по 4 или по 5 племянницъ. Гжа Бельоль никогда шакъ не сердилась въ моемъ присутствіи, какъ одинъ разъ на постороннюю особу, совѣщовавшую ей велѣшь задѣлать окна въ ненужныхъ покояхъ, чпобъ не плашишь напрасно подаши. „Пока я жива,“ сказала она въ гнѣвъ, „не закрою дома предковъ моихъ опъ свѣта Божія, а пока имѣю въ карманѣ одинъ пенсъ, не перестану плашишь должное Государю и опечеству.“ Въ самомъ дѣлѣ она никогда не измѣняла преданности къ нимъ, и успояла въ сей добродѣтели даже при плашежѣ подаши, чшò едва ли не было самымъ жестокимъ ей искушеніемъ. Мнѣ говорилъ Г. Бьюфетъ, что ему было приказано всякій разъ подносишь спяканъ вина сборщику подаши съ доходовъ,

и эптопъ бѣднякъ въ первый разъ до того былъ пораженъ споль необычайно щедрымъ угощеніемъ, что едва не упалъ въ обморокъ на мѣстѣ.

Прошедъ переднюю, успланную рогожами, входили вы въ споловую, успавленную спаринною мебелью и обвѣщанную семейными поршрешами, которые всѣ были преспрашные, исключая поршрешъ Сирь Бернарда Битонъ, приписываемый Джемсону, художнику царствованія Іакова VI. За споловою была длинная, узкая госпиная, копорой окна выдавались на южную спорону дворца Голирудскаго, на огромную покашость Аршуровой горы, на поясъ оспрыхъ скаль, называемыхъ Салисбурийскими. Сіи предметы своимъ дикимъ величіемъ поражали тѣмъ сильнѣе, что находились въ сосѣдствѣ сподлицы многолюдной. Госпиная была увѣщана карпинами иноспранныхъ масперовъ, большею частію прекрасными. Но дабы видѣшь лучшія, надлежало бышь допущеннымъ въ шайное мѣсто обителю, и приподнявъ обои на дальнемъ концѣ госпиной, войши въ уборную Г-жи Марфы. Трудно описатьъ фигуру сей прелестной комнашки: шакъ много въ ней было нишей, заспавленныхъ шкафами, изъ чернаго дерева, кабинетами расписными или ог толу, частію для книгъ, ибо у Г-жи Марфы

была чудесная библіюшека, частію для фарфора, или раковинъ и подобныхъ рѣдкостей. Въ маломъ альковѣ, полузавѣшанномъ пунцовою шафпою, сохранилось полное вооруженіе изъ высеребренной стали, которое имѣлъ на себѣ Сиръ Бернардъ Бишонъ при какомъ-то достопамятномъ случаѣ; подъ альковымъ висѣли: широкій палашъ, которымъ отецъ Гжи Марѣы въ 1715 г. хотѣлъ перевернуть судьбу Британніи, и эспоншонъ, съ которымъ ея старшій братъ предводительствовалъ рогою черной стражи на сраженіи при Фон-тенуа.

Сверхъ того находилось въ этой комнатѣ нѣсколько подлинниковъ Италіанской и Фламандской живописи, бронзы и другія рѣдкости, собранныя въ чужихъ краяхъ ея братьями или ею самою. Словомъ пусть было такъ много всего, что зѣвака по неволѣ сдѣлался бы ученымъ, а ученый зѣвакою, — задумчивый нашель бы способъ развеселиться, а веселый задуматься.

Чтобы напрасно не носить имя уборной, эта комната была украшена великолѣпнымъ зеркаломъ въ серебряной филограмовой рамѣ, наряднымъ шуалешомъ, покрытымъ Фландрскою кисеею и кучею коробочекъ, стольже драго-

цѣннаго вещесива и работы, какъ и зеркало.

Въ семь маломъ будуарѣ Г-жа Марѳа Белъоль принимала избранное общество. Къ ней собирались ранѣе обыкновеннаго, а если приходили на упрѳо, то сидѣли до шрехъ, но оппюдь не долѣе какъ до чешырехъ часовъ. Сии привычки немного были шягоспны для посѣшителей; за то они вспрѣчали у ней лучшее общество, самыя свѣжія и вѣрныя извѣспія въ Эдинбургѣ. Она не пускалась въ ученость, но любила чпеніе, и если Авторъ былъ человекъ порядочный, долгомъ почитала за принесенное удовольствіе плашить ему личнымъ расположеніемъ. Изрѣдка давала она обѣды для немногихъ, и въ такихъ случаяхъ, по свойственнъмъ ей добросердечію и благоразумію, умѣла находить, какіе люди всего болѣе соотвѣтствовали другъ другу; она соби-
рала бесѣду, по примѣру Шакспирова ГерцогаТезея, который собиралъ стаю собакъ какъ, „колокольчики подбираются по звону.“ Такимъ образомъ каждый изъ гостей могъ участвовать въ бесѣдѣ, чего не бываешь, коль скоро заберется какойнибудь дюжій Докторъ Джонсонъ, и всѣхъ заспавитъ безмолвствовать предъ спрашной высотой своего баса. Для такихъ бесѣдъ была у Г-жи Марѳы *chѣге exquisite*: подавали иногда кушанье Фран-

цузскаго или даже Шотландскаго происхожденія; Г. Бьюфетъ щеголялъ сокровищами вѣреннаго ему погреба: vins extraordinaires, — и все это, придавая угощенію нѣчто старобышнее и иноземное, дѣлало его пѣмъ занимательнѣе.

Важнымъ почтшалось бытъ позвану на такой обѣдъ, или на упренію бесѣду (conversazione), которую хозяйка, вопреки модѣ, собирала иногда къ себѣ и не въ обычную пору, въ 8 часовъ вечера, и угощала чуднымъ кофе, лучшимъ чаемъ. Тупъ любезная спарушка, казалось, совершенно была счастлива удовольствіемъ гостей своихъ; они въ свой чередъ старались продлить собственное и ея наслажденіе: бесѣда оживлялась какою-то волшебною прелестію, рѣдко встрѣчаемою въ веселыхъ собраніяхъ и основанною на желаніи каждаго собесѣдника содѣйствовать общему веселію.

Но еще болѣе сихъ упреннихъ, обѣденныхъ и вечернихъ бесѣдъ дорожилъ я присвоеннымъ мною по старому знакомству преимуществомъ посѣщать замокъ Белъоль около 6 часовъ вечера, когда почтенная хозяйка онаго гоповилась къ чаю. Она позволяла сію вольность только двумъ или тремъ старымъ пріятелямъ, и болѣе 5 человекъ

никогда не сходилось на сіи чрезвычайныя бесѣды. Кпо приходилъ позже, тому опказомъ давали чувспвовать, что общесство на сей вечеръ было укомплексовано. Такимъ образомъ имѣвшіе право посѣщать Г-жу Бельоль въ сей безцеремонный часъ пріучались къ точности, а побѣжденная трудность удвоивала наслаждение бесѣдою. Чаше случалось одной или двумъ особамъ встрѣчаться у ней на сихъ вечеринкахъ; когда же приходилъ только одинъ мужчина, то Г-жа Марса, хотя по преимуществу, присвоенному дамами Французской и шпаринной Шопландской школы, и позволяла ему входить въ свой будуаръ, однако для соблюденія приличій призывала главную свою горничную, Элизу Лашкинъ, которая съ своею величественною важностію могла бы надзирать надъ цѣлою школою, а не только надъ шпарою дѣвицею лѣтъ за 80 опъ роду. Г-жа Элиза сидѣла въ почпипельномъ опдаленіи опъ бесѣды или за экраномъ камина, или подъ окномъ, смотря по времени года, и наблюдая Карпезіанское молчаніе, неушомимо прудилась надъ шпшьемъ, предспавлявшимъ вѣрное изображеніе безконечности.

Но я доселѣ не познакомилъ еще чпшашеля лично съ моею пріапсельницей — и пспшарюсь сдѣлать сіе въ шой мѣрѣ, какъ слова позволяшъ мнѣ

выразить особенности, какими отличалась ее наружность и беседа.

Росль малый, станъ и черты лица обыкновенные, волосы въ ея молодости не имѣвшіе опредѣленнаго цвѣта: все это заставляло върять словамъ самой Г-жи Марѣы, что она никогда не бывала особенно пригожею; сію скромную истину охотно подтверждали о ней другія спарыя дамы, ея сверстницы, которыя, не смотря на преимуществва красоты, бывшей нѣкогда ихъ удѣломъ и иногда припоминаемой въ ихъ разговорѣ искусными намѣтками, подъ спаросль уступали достоинственной моею знакомкѣ во всемъ, даже и въ наружности. Черты лица Г-жи Марѣы были изъ такихъ, которыя, какъ говорится, долго не спарѣются; неправильность ихъ при живости ея разговора едва была замѣтна; у нея были весьма хорошіе зубы, и глаза, хотя нѣсколько сѣроватые, но живые, не поухшіе отъ времени. Легкая пѣнь румянца, несоразмѣрная съ лѣтами, подавала поводъ злорѣчію обвиняшь мою пріятельницу въ томъ, что будтобы она, слѣдуя иностранному обычаю, съ должнымъ предусмотрѣніемъ употребляетъ румяны; но это сущая клевета: часто, когда она слушала или рассказывала занимательную или прогатель-

ную повѣсть, краска, я самъ видѣлъ, играла на щекахъ у ней, какъ будто у дѣвушки 18-лѣтней.

Волосы ея блискали самую пріятной сѣдиной, какую только время произвести можешь; они были расположены щипательно, хотя со всевозможною простиетою, и приглаженные просвѣчивали изъ-подъ Фландрскаго кружевнаго чепчика, стариннаго, но красиваго покроя, который вѣрно имѣетъ названіе, и я бы его припомнилъ, еслибы это могло хоть малость прибавить къ ясности моего описанія. Помнился, она при мнѣ рассказывала, что такіе чепчики были любимымъ головнымъ уборомъ ея матери и вошли въ моду у женщинъ въ одно время съ особенными мужскими париками, которые показались около эпохи сраженія Рамилійскаго. Остальной нарядъ ея всегда былъ богатъ, особенно вечеромъ. Шелковое и атласное платье, цвѣтомъ приличное лѣтамъ ея, а покроемъ всегда нѣсколько припоминавшее опдаленные годы, было украшено тройными брыжами; башмаки съ брилліаншовыми пряжками были на каблукахъ, которые она, по ея увѣренію, не оставляла въ старости потому, что они ей необходимы были въ молодыхъ лѣтахъ по ея малому росту. На рукахъ всегда были кольца, браслеты

и другія украшенія, драгоценныя по веществу или по оцѣнкѣ; можешь бышь, она даже слишкомъ любила пышность въ этомъ отношеніи; но носила ихъ, какъ вещи неважныя, по старинной привычкѣ своей къ большому свѣту; она полагала, что носишь ихъ прилично сану ея, а впрочемъ не болѣе думала о сихъ украшеніяхъ, какъ господинъ, одѣвшійся къ обѣду, думаетъ о своемъ бѣломъ галстухѣ и хорошо вычищенномъ плащѣ, — а не такъ какъ деревенской щеголь, котораго праздничный нарядъ его всегда приводитъ въ большое замѣшательство.

Всякое постороннее замѣчаніе о красотѣ или рѣдкости камня или убора, служило поводомъ къ занимательному разсказу о томъ, какъ она приобрѣла его, отъ какой особы онъ перешелъ въ шеперешнія руки. Въ подобныхъ случаяхъ моя пріятельница была словоохотлива, — это не диво; но вопль что удивительно: рѣчь ея была увлекательна, а въ эпизодахъ о чужихъ краяхъ и быломъ времени, составлявшихъ занимательную часть ея бесѣды, она имѣла рѣдкій даръ пропускать всѣ обыкновенныя повторы о времени, мѣсцѣ, обстоятельствахъ (которыя какъ шуманъ тяготеютъ надъ холодными и вялыми разсказами старости), и между тѣмъ оспанавливалась, медлила

именно на шѣхъ чертахъ и приключеніяхъ, кои придають повѣсти важность любопытную.

Мы уже сказали, что она много путешествовала по чужимъ краямъ; одинъ любимый ею братъ былъ многократно посыланъ на твердую землю съ важными порученіями, и она не разъ ему соупростовала. Это доставляло ей богатые запасы для повѣствованія, особенно ея странствіе въ послѣднюю войну, когда материкъ нѣсколько лѣтъ былъ герметически закрытъ для Англичанъ. Припомъ Г-жа Битонъ-Бельоль странствовала по чужбинѣ, не такъ какъ наши соотечественники нынѣ странствуютъ караванами, не видя во Франціи и въ Италіи почти никого, кромѣ ежедневныхъ своихъ Лондонскихъ знакомыхъ. Напротивъ, она вмѣшивалась въ бесѣды туземцевъ, и вмѣстѣ могла пользоваться ихъ сообществомъ, и сравнивать ихъ нравы съ нравами Бришанскими.

Привыкнувъ къ иностраннымъ обычаямъ, Г-жа Битонъ-Бельоль, можетъ быть, и сама подверглась ихъ вліянію. Но я всегда писалъ убѣжденіе, что необыкновенная живость ея взгляда и шѣлодвиженій, приличіе, съ копорымъ она выражалась, употребленіе золотой алмазной пабакерки, или лучше ска-

зашь, бонбоньерки (ибо она не нюхала табаку, но въ коробочкѣ держала про запасъ леденецъ и тому подобныя дамскія сласти), — все сіе принадлежало къ спаринному образу жизни Шотландской. Г-жѣ Бельоль знакомы были нравы чужеземные; но свои образовала она на родинѣ, въ такое время, когда большіе люди жили въ шѣсномъ околоткѣ, и высокія имена лучшаго общества давали Эдинбургу шопъ блескъ, котораго мы напрасно ищемъ шеперь въ неотграниченной распочительности и обширномъ кругу удовольствій.

Въ семь мнѣніи утвердила меня особенная черта, замѣченная въ нарѣчій Г-жи Бельоль. Оно было Шотландское, рѣшительно Шотландское, и часто встрѣчались въ немъ выраженія, весьма рѣдко употребляемыя въ наши дни. Но шопъ ея и выговоръ такъ были отличны отъ обыкновеннаго Шотландскаго проспорѣчія, какъ выговоръ Сен-Джемской отличенъ отъ употребляемаго въ Биллингс-гепѣ: словомъ, ея языкъ долженствовалъ бытъ шопъ самый, которыми говорили при древнемъ Шотландскомъ дворѣ; онъ не напоминалъ ничего низкаго, и живыя шѣлодвиженія, которыми она сопровождала свои рѣчи, такъ согласовались съ голосомъ и образомъ разсказа, что я увѣ-

рень въ истинѣ произхожденія сего языка. Если идти въ дальнѣйшія розысканія, то обычаи Шотландскаго двора могли бытъ образованы первоначально по обычаямъ Французскаго, съ коими безъ сомнѣнія имѣли много сходства; но я живу и умру въ помянутомъ убѣжденіи, что Г-жа Бельоль заняла свои обычаи, равно привлекательные и оригинальные, непосредственно отъ знаменитыхъ барынь, издревле украшавшихъ своимъ присутствіемъ Королевскія палаты дворца Голирудскаго.

Предлагаемъ сей отрывокъ, желая дать нашимъ читателямъ понятіе о новомъ твореніи знаменитаго Англійскаго Романиста. Его Геній какъ будто усомился наблюдать челоуѣчество въ періодахъ времени минувшаго и отдыхаетъ на явленіяхъ ближайшаго къ намъ современнаго образа жизни. В. Скопшъ, кажется, имѣлъ въ головѣ древнее изреченіе: *difficile est proprie communia dicere*. Предоставляемъ суду образованныхъ читателей рѣшишь: одинаково-ли счастливъ онъ на семь новомъ поприщѣ; скажемъ только, что по нашему мнѣнію, описанія Канонгетскія не выдержатъ сравненія съ лучшими его романами. — Два вышедшіе тома содержатъ три повѣсти: *Вдова горскаго разбойника*, *Два Гуртовщика* и *Дочь сель-*

скаго врата. Рамою для нихъ служить четвертая, кошорой содержаніе весьма просто: богатый Шотландскій помѣщикъ, Г. Крофшенгри, былъ нѣсколько времени депутатомъ въ Парламентъ; попомъ возвращаясь въ свое помѣстье, пустился въ мошовство, и наконецъ, чтобы избавишься отъ кредиторовъ, принужденъ былъ жить въ паркѣ Канонгетскомъ, около Единбурга; сей паркъ, принадлежа къ древнему Королевскому дворцу, пользуется тѣмъ преимуществвомъ, что въ немъ никшо не можешь бышь взять подъ спражу. Два честные адвоката помогли ему освободиться изъ сего започенія; онъ продалъ помѣстье, расплашился съ кредиторами и уѣхалъ за море. Опшуда ворошилъ онъ подъ старость съ порядочнымъ достаткомъ, шакъ что племяннички опять спали обходиться съ нимъ вѣжливо, а сосѣди между собой швердили: кому-шо старый Крофшъ откажетъ свое наслѣдство? — Сначала онъ хотѣлъ купитьъ участокъ прежняго своего помѣстья, но попомъ рѣшился поселиться въ Единбургѣ, гдѣ избралъ жилище именно въ томъ самомъ Канонгетѣ, гдѣ нѣкогда шомился въ започеніи. Эшо спранное явленіе В. Скопшъ объясняетъ примѣромъ спараго офицера, копорый, вышедъ въ опставку, велѣлъ будить себя каждое утро въ часъ парада, единшвенно для того, чтобы имѣть удовольствіе сказать: чоршъ возьми парадъ! и обороты на другой бокъ,

заснушь еще крѣпче. — Ошь скуки нашъ опщельникъ началъ издавать сіи лѣшописи, и представляешь намъ характеристику лицъ, сообщавшихъ ему матеріалы для оныхъ; въ Г-жѣ Бельоль, кошорой характеръ описанъ въ предлагаемомъ опривкѣ, предспавлены оспашки нравовъ, господспвовавшихъ въ Шопландіи, въ высшемъ кругу, около начала XVIII вѣка, и разсказъ о Г. Крофшенгри посвященъ большею частію изображенію Шопландскихъ нравовъ и обычаевъ. — Изъ шрехъ вспавочныхъ повѣстей, *два Гуртовщика* — анекдотъ разсказанный слишкомъ длинно; двѣ другія примѣчательны: *Вдова* по необычайной силѣ, съ кошорою предспавлены спраести дикой вольности, а *Догъ врага* по занимательности приключеній: здѣсь В. Скопшъ въ первый разъ переносишь насъ на почву Оспъ-Индіи, и знакомишь, хопя бѣгло, съ управленіемъ компаніи и съ характеромъ неушомимаго врага ея, Гайдеръ-Али, владѣтеля Мизорскаго.

Н А У К И.

Ботаника.

Жизнь растенія.

. . . Въ каждомъ зернышкѣ тихо и смирно
 Спишь невидимкой малюшка-зародышъ. Долго, долго
 Спишь онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣшь, и не пьешь
 и не пикнешь, доколѣ
 Въ рыхлую землю его не положашь и въ ней не
 согрѣюшь!
 Вотъ онъ лежишь въ бороздѣ и малюшкѣ тепло
 подъ землею;
 Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и со-
 сешь, какъ младенецъ,
 Сокъ изъ роднаго зерна; и роснешь, и невидимо
 зрѣешь;
 Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ про-
 буравилъ;
 Роешь въ глубь, и корма ищешь въ землѣ, и
 находишь. —
 Чшо же? . . . Вдругъ скучно и тѣсно въ пошем-
 кахъ! . . . „Какъ бы провѣдашь,
 „Чшо тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?“ . . .
 Тайкомъ, бояливо
 Выглянулъ онъ изъ земли. . . . .

Вотъ первый періодъ жизни растенія, называемый *прозябеніемъ*. Зародышъ, пребывая иногда цѣлые вѣки усыпленнымъ въ сѣмени, наконецъ пробуждается къ новой жизни; влага, ще-

площа и воздухъ помогающъ ему разор-
вашь его облекающія *пелены*, от-
дѣлились отъ роднаго лона и содѣлашь-
ся особымъ распеніемъ.

Зародышъ, какъ извѣстно, у рас-
пеній совершенныхъ, состоитъ изъ
корешка, перышка съ очкомъ и *сѣмен-*
ной доли — одной, чаще двухъ, иног-
да и болѣе.

Сѣменные доли доставляютъ пищу
корешку, отъ чего онъ увеличивается,
протягивается въ землю и спановится
уже въ силахъ самъ всасывать изъ оной
влагу, которая восходитъ къ очку и
заспавляетъ его развивающъ далѣе. —
Корешокъ зародыша есть источникъ
пѣхъ частей, кои удаляясь отъ свѣша
низходящъ въ подземное царство тем-
ноты и влажности, т. е. изъ ко-
решка дѣлается корень; напротивъ то-
го очко убѣгаетъ мрака и обращаетъ
ся къ стихіямъ болѣе эфирнымъ, каковы
воздухъ и свѣшь.

Въ очкѣ заключаеися возможность
произвести всѣ части, кои стремятся
къ солнцу и проспираются въ воздухъ;
всѣ надземныя части распенія (стебель,
листья, цвѣты и плоды) суть развитіе
очка, — всѣ онѣ заключающыя въ немъ
уже сначала, но не дѣйствительнымъ, а
возможнымъ образомъ.

Сѣменные доли, вскормившія зародышъ, также выходятъ обыкновенно поверхъ земли и представляють собою первые сѣменные листочки; но онѣ уже становящяся излишними, когда начинается развиваться очко, почему очень часто опадають; а бывшее мѣсто ихъ прикрѣпленія составляетъ *жизненный узелъ* или *шейку* — границу между частями восходящими и корнемъ.

Помысливъ, что изъ небольшого зерна вырастають огромныя деревья, тошчасъ убѣждаемся въ совершенной необходимости къ тому посторонняго вещества. Жизнь, возбужденная къ дѣйствію, облекается въ вещественный покровъ, пріемля внутрь зародыша постороннія вещества, измѣняя оныя различнымъ образомъ и превращая въ такія формы, въ какія Вѣчнымъ Міродателемъ опредѣлено ей всегда облекаться.

Корень, стебель и листь суть органы воспріятія пищи; они погружаются въ окружныя стихіи, какъ бы усиливаясь схватить и поглотить ихъ: опъ того и форма у нихъ такая протяженная, либо разширенная. — Корень, стебель и листь (*), взятыя вмѣстѣ,

---

(*) Къ листоватымъ частямъ стана принадлежать настоящіе листь, прилистники и цвѣтнички.

составляюшь какъ бы пуловище растенія, и я называю ихъ *станомъ* его.

Второй періодъ жизни, въ которомъ развивается сей станъ, называю *возрастаніемъ*. *Прозябеніе* и *возрастаніе* суть два періода *питанія*; и если прозябеніе составляетъ *младенческой* возрастъ растенія, которое тогда подобно выходящему на свѣтъ младенцу; то возрастаніе можно назвать его *юностію*, когда жизнь все еще возходитъ и растеніе прибавляется въ своей величинѣ, — когда каждая новая почка продолжается въ новый сплелъ (вѣтви) и новые листья.

Но время же устояться жизни и прекратиться возрастанію; сіе производится образованіемъ такой почки, которая полагаетъ уже предѣлъ приращенію — и это есть *цвѣтокъ*. — Третій періодъ жизни, называемый *цвѣтеніемъ*, составляетъ *возмужалость* растенія; здѣсь жизнь какъ бы останавливается на время въ своемъ развитіи, являясь въ полномъ блескѣ и красотѣ, достигнувъ предназначеннаго совершенства. Но цвѣтъ уже не питаетъ растенія; его цѣль состоитъ въ томъ, что бы зародить новое растеніе, и коль скоро цѣль сія будетъ достигнута, то цвѣщеніе кончается и начинается четвертый періодъ жизни — *созрѣваніе*

или *плодотвореніе*. Въ сіе время центральная часть цвѣтика, называемая *завязью* (germen, ovariūm), дѣлается *плодомъ*, въ коемъ жизнь сосредоточиваясь, зачинаетъ зародышъ новаго растенія, и приходитъ въ то состояніе, изъ коего вышла — и такимъ образомъ, совершивъ прежній кругъ явленія своего въ міръ вещественномъ, оставляетъ прежнее растеніе, отпадаетъ отъ него вмѣстѣ съ новымъ зародышемъ и созидаетъ новое, изъ коего, совершивъ слѣдующій кругъ, опять переходитъ въ новое — и такъ далѣе.

Всѣ живущія растенія, по сему, суть временныя пребыванія единой, неизмѣнной жизни, которая останавливается на нихъ, какъ бы на станціяхъ, по пути своему отъ прошедшаго въ будущее время.

Каждое живое растеніе, будучи временнымъ содержашелемъ жизни, есть *настоящее* оной явленіе, возникшее отъ *прошедшаго* и полное *будущими*, т. е. растеніе происходитъ отъ подобнаго себѣ и имѣетъ возможность произвести подобныя. — Содержа въ себѣ ту жизнь, которая произвела его и производила длинный рядъ прошедшихъ, каждое растеніе есть какъ бы сама о вещественная жизнь, и само является плодовитымъ, — имѣетъ возможность произ-

веспи спольже, можешъ бытъ, длин-
ный рядъ будущихъ, какъ былъ длинень
рядъ прошедшихъ, ему подобныхъ ра-
стеній. И вопъ на чемъ основывается
могущественная сила рожденія, продол-
жительность произведеній природы!

Жизнь, облекшаяся въ вещественные
образы, называется *экземпляромъ* (ин-
дивидуомъ); но сіе явленіе оной въ фор-
махъ, чувствамъ подлежащихъ, есть
временное, преходящее; постоянно же
существуетъ жизнь въ безплесныхъ,
очами воображенія только видимыхъ
образахъ. Такая невещественная, опредѣ-
ленная форма всеобщей жизни, въ міръ
чувственный всегда одинаково являю-
щаяся, п. е. всегда одинаковые экзем-
пляры производящая, составляетъ *по-
роду* растенія (*espèce*).

Жизнь подъ видомъ экземпляра есть
какъ бы слѣдствіе; та же самая жизнь,
какъ порода, составляетъ причину. Эк-
земпляръ есть вещественное, дѣйстви-
тельное образованіе жизни; порода есть
безплесное, возможное бытіе оной.
Экземпляръ есть *форма* явленія; по-
рода составляетъ *сущность* онаго. И
если видимая природа, въ копорой
царствуетъ такое предначертанное,
изумляющее нашъ умъ согласіе, есть
произведеніе и выраженіе воли Творца:
то сіи неизмѣнныя породы суть мы-

сли Его — идеи, а экземпляры суть переходящіе символы оныхъ.

Жизнь изъ возможнаго состоянія переходитъ въ дѣйствительное, т. е. изъ породы дѣлается экземпляромъ, посредствомъ *питанія*; но поелику вещественному явленію жизни положенъ извѣстный предѣлъ, за который переступить она не можетъ: по экземпляръ, достигнувъ сего предѣла, долженъ свою жизнь уступить другому, и тутъ послѣдуетъ *рожденіе*, которымъ сохраняется и возобновляется порода.

Вообразите себѣ породу, какъ одно великое растеніе искони продолжающееся: вы увидите, что сіи переходящіе экземпляры въ отношеніи къ ней суть тоже, что въ самомъ экземплярѣ вещественныя частицы, его составляющія. Какъ жизнь экземпляра состоитъ въ непрестанномъ составленіи, разрушеніи и возобновленіи частицъ; такъ и жизнь породы состоитъ въ непрестанной измѣняемости: ея составленіе — *питаніе* экземпляровъ, ея разрушеніе — *смерть* старыхъ, а возобновляется она *рожденіемъ* новыхъ. Рожденіе и смерть частицъ въ экземплярѣ, экземпляровъ въ породѣ, суть необходимыя условія къ тому, чтобы порода и экземпляры продолжались: рожденіе и смерть слѣдуютъ одно за другимъ поочередно.

Но возвратимся къ распенію, которое мы оставили разцвѣтшимъ, на высшей степени его развитія. Здѣсь оно является въ полномъ блескѣ; но вмѣстѣ съ симъ уже прекращается его возрастаніе, ибо цвѣтъ назначенъ не къ питанію прежняго, но къ произведенію новаго растенія. Цвѣтеніе есть первый періодъ рожденія; здѣсь жизнь уже готова переселиться въ новую обитель и является споль великолѣпною и пламенною въ цвѣткѣ, какъ бы предчувствуя скорую разлуку съ прежнимъ жилищемъ и желая сколько можно болѣе нарасоваться видимымъ бытіемъ; она убираетъ растеніе благоухающими радужными цвѣтами, какъ бы желая усладить послѣднія минушны ея живаго пребыванія. —

Если прозябеніе и возрастаніе составляютъ младенчество и юность растенія, а цвѣтеніе — лучшая пора бытія — есть возмужалость его; то *созрѣваніе* или *плодоношеніе* есть уже низходящій періодъ *старости*. Въ сіе время жизнь устремляется къ плоду и переселяясь въ оный, такъ сказать, смыкается сама въ себѣ: растеніе, сперва возрасшавшее, протяженное въ длинныя корни и стебли и широкіе листья, въ цвѣтъ сбирается уже въ кружокъ, а въ плодъ сокращается и замыкается

формою сферическою. Созрваніе плода есть уже новое бытіе на развалинахъ прежняго; остальное распеніе въ сіе время упадаетъ: цвѣтъ поблекъ и завялъ; облешаютъ пожелтѣвшіе листья, нѣкогда споль успокоительные для очей; нѣтъ уже возхожденія соковъ; засыхаетъ и стебель и корень — и наконецъ жизнь покидаетъ все распеніе, какъ вешнюю хижину, грозящую задавить ее своимъ паденіемъ; она переселится въ зародышъ, гдѣ засыпаетъ на время, какъ бы утомленная своимъ поприщемъ. Опустѣвшая обитель жизни предана на жертву стихіямъ и пламени гніенія бранные остатки сіи пережигаетъ въ черноземъ, который опять переходитъ въ зерно; на него павшее, изъ коего снова жизнь созидаетъ спрройное жилище, возникая подобно фениксу изъ собственнаго праха.

Усыпленное состояніе жизни въ зародышъ есть ночь ея; въ прозябеніи занимается заря и возходитъ свѣтлое утро; въ цвѣткѣ сілеть она пламенемъ полудневымъ — и наконецъ, оставляя въ плодѣ прощальные лучи зари вечерней, западаетъ подъ темную завѣсу новой ночи и переходитъ къ новому дню. У немногихъ растений вечеръ сходитъ съ утромъ, т. е. плодъ издаетъ новое распеніе, находясь еще на прежнемъ.

Сравненіе жизни съ печеніемъ дня не есть прослая риторическая фигура. Природа, неизмѣнная въ своихъ законахъ и всегда единая въ разнообразіи, всему назначила жребій одинаковъй: день, годъ и кругъ жизни — суть обороты одного и того же вѣчнаго колеса времени. Такимъ образомъ и годъ *веснуетъ* свое упрое, лѣтомъ сіяетъ его полдень, осенью онъ вечерѣетъ, а хладная зима налагаетъ на жизнь ледяной саванъ смерти, подобно какъ усыпительная ночь подъ чернымъ крепомъ скрываетъ ошь очей нашихъ красавицу-природу. Хладъ и мракъ однозначительны; смерть есть долгое усыпленіе, сонъ есть крашкая смерть. —

И если усыпленіе жизни въ зародышѣ мы уподобили шемной ночи, то не видимъ ли дѣйствительнo, что время года для сего состоянія есть хладная зима? Весна — заря и упрое жизни — есть время для прозябенія и возрастанія; лѣто есть наспоющее время цвѣшовъ; а осень, за вкусные плоды, развѣнчиваетъ сѣнолиственныя деревья и, скашивая подобно смерти зеленую мураву полей и луговъ, обнажаетъ землю какъ свѣжую могилу, гдѣ зима засыпаетъ пушистымъ снѣгомъ опустѣвшіе прупы расшеній. —

1827 года, Нолбрь. М. Максимовиць.

К Р И Т И К А.

Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина.

Опдавашь себѣ опчелъ въ томъ наслажденіи, которое доставляютъ намъ произведенія изящныя, — еслъ необходимая погрбеноспъ и вмѣспъ од-но изъ высочайшихъ удовольствій обра-зованнаго ума: опъ чего же до сихъ поръ пакъ мало говорятъ о Пушкинѣ? — Опъ чего лучшія его произведенія осша-ются неразобранными (*), а вмѣспо разборовъ и сужденій слышимъ мы/однѣ пустыя восклицанія: „Пушкинъ поэтъ! Пушкинъ испинный поэтъ! Онѣгинъ поэма превосходная! Цыганы маспер-ское произведеніе!“ и ш. д.? — Опъ чего никто до сихъ поръ не предпри-нялъ опредѣлить характеръ его поэзіи вообще, оцѣнить ея красопы и недо-спашки, показашь мѣспо, которое Поэтъ нашъ успѣлъ заняшъ между пер-воклассными Поэтами своего времени?— Такое молчаніе пѣмъ непоняпнѣе, что

(*) Все, что въ Сынѣ Опеч., Дамск. Жур., Вѣст. Евр. и Моск. Телег. было сказано до сихъ поръ о Русланѣ и Людмилѣ, Кавк. Пльнникъ, Бахч. фонша-нѣ и Ояѣгинѣ, ограничивалось простымъ извѣщеніемъ о выходѣ упомянушихъ поэмъ, или имѣло главнымъ предметомъ своимъ что либо постороннее, какъ напр. романшическую поэзію и ш. п.; но собственно разборовъ поэмъ Пушкина мы еще не имѣемъ.

здѣсь публику всего менѣе можно упрекнуть въ равнодушіи. — Но, скажешь мнѣ можешь бышь, кто имѣешь право говоришь о Пушкинѣ? —

Тамъ, гдѣ просвѣщенная публика нашла себѣ законныхъ предсшавителей въ Липпературѣ, тамъ немногіе, законодательствуя общимъ мнѣніемъ, имѣють власшь произносить окончательные приговоры необыкновеннымъ явленіямъ словеснаго міра. Но у насъ ничей голосъ не лишній; мнѣніе каждаго, если оно составлено по совѣсти и основано на чистомъ убѣжденіи, имѣешь право на всеобщее вниманіе. Скажу болѣе: въ наше время каждый мыслящій человекъ не только можешь, но еще обязанъ выражать свой образъ мыслей передъ лицомъ публики, — если, впрочемъ, не препятствуютъ тому посторонніи обстоятельства; ибо только общимъ содѣйствіемъ можешь у насъ сосшавишься то, чего такъ давно желаютъ всѣ люди благомыслящіе, чего до сихъ поръ, однакоже, мы еще не имѣемъ, и что, бывъ результатомъ, служимъ вмѣстѣ и условіемъ народной образованности, а слѣдовательно и народнаго благосостоянія; я говорю объ общемъ мнѣніи. Къ тому же все сказанное передъ публикой, полезно уже потому, что сказано: справедливое — какъ справедливое; не-

справедливое — какъ вызовъ на возраженія.

Но говоря о Пушкинѣ, трудно высказать свое мнѣніе рѣшительно; трудно привести къ единству все разнообразіе его произведеній и приискать общее выраженіе для характера его Поэзіи, принимавшей сколько различныхъ видовъ. Ибо, выключая красоту и оригинальность стихопворнаго языка, какіе слѣды общаго произхожденія находимъ мы въ Русланѣ и Людмиль, въ Кавказскомъ плѣнникѣ, въ Онегинѣ, въ Цыганахъ и п. д.? — Не только каждая изъ сихъ поэмъ отличаеться особенностью хода и образа изложенія (la manière); но еще нѣкоторыя изъ нихъ различествуютъ и самымъ характеромъ Поэзіи, отражая различное возрѣніе Поэта на вещи, такъ что въ переводѣ ихъ легко можно бы было почесть произведеніями не одного, но многихъ авторовъ. Эта легкая шушка, дыша веселости и остроумія, которая въ Русланѣ и Людмиль одѣвается въ краски блестящія и свѣтлыя, уже не встрѣчается больше въ другихъ произведеніяхъ нашего Поэта: ея мѣсто въ Онегинѣ заняла уничтожающая насмѣшка, опголосокъ сердечнаго скептицизма, и добродушная веселость смѣнилась здѣсь на мрачную холод-

ность, которая на все предметы смотритъ сквозь темную завѣсу сомнѣній, свои наблюденія передаетъ въ каррикатуры и создаетъ какъ бы для того только, чтобы черезъ минушу насладиться разрушеніемъ созданнаго. Въ Кавказскомъ плѣнникѣ, написавъ это, не находимъ мы ни той доверчивости къ судьбѣ, которая одушевляетъ Руслана, ни того презрѣнія къ человеку, которое замѣчаемъ въ Онѣгинѣ. Здѣсь видимъ душу, огорченную изменами и уприсами, но еще не изменившую самой себя, еще не уприсавшую свѣжести прежнихъ чувствованій, еще верную завѣтному влеченію, — душу, расперзавшую судьбой, но не побѣжденную: исходъ борьбы еще зависитъ отъ будущаго. Въ поэмѣ: Цыганы, характеръ поэзіи также совершенно особенный, отличный отъ другихъ поэмъ Пушкина; тоже можно сказать почти про каждое изъ важнѣйшихъ его твореній.

Но разсматривая внимательно произведенія Пушкина, отъ Руслана и Людмилы до пятой главы Онѣгина, находимъ мы, что при всѣхъ измененіяхъ своего направленія, поэзія его имѣла при періода развитія, рѣзко отличавшихся одинъ отъ другаго. Постараемся опредѣлить особенность и содержаніе каждаго изъ нихъ и тогда уже выве-

демъ полное заключеніе о поэзи Пушкина вообще.

Если по характеру, тону и опдѣлкѣ, сроднымъ духу искусственныхъ произведеній различныхъ націй, стихотворство, какъ живопись, можно дѣлать на школы, то первый періодъ поэзи Пушкина, заключающій въ себѣ Руслана и нѣкоторыя изъ мѣлкихъ стихотвореній, назвалъ бы я *періодомъ школы Итальянско-Французской*. Сладость Парни, непринужденное и легкое остроуміе, нѣжность, чистота опдѣлки, свойственные характеру Французской поэзи вообще, соединились здѣсь съ роскошью, съ изобиліемъ жизни и свободою Аріоста. Но остановимся нѣсколько времени на томъ произведеніи нашего Поэта, которымъ совершилось первое знакомство Русской публики съ ея любимцемъ.

Если въ своихъ послѣдующихъ твореніяхъ, почти во всѣ созданія своей фантазіи влечетъ Пушкинъ индивидуальность своего характера и образа мыслей, то здѣсь является онъ чисто *творцомъ-поэтомъ*. Онъ не ищетъ передать намъ свое особенное воззрѣніе на міръ, судьбу, жизнь и человека; но просто создаетъ намъ новую судьбу, новую жизнь, свой новый міръ, населяя его существами новыми, отличными,

принадлежащими исключительно его творческому воображенію. Опъ того ни одна изъ его поэмъ не имѣешь той полноты и оконченности, какую замѣчаемъ въ Русланѣ. Опъ того каждая пѣснь, каждая сцена, каждое опсупленіе живешь самобытно и полно; опъ того каждая часть шакъ необходимо вплетается въ составъ цѣлаго созданія, / что не лзя ничего прибавить или выбросить, не разрушивъ совершенно его гармоніи. Опъ того Черноморъ, Наина, Голова, Финнъ, Рогдай, Фарлафъ, Рагмиръ, Людмила, словомъ каждое изъ лицъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ (выключая можетъ быть одного: самаго героя поэмы), получило характеръ особенный, рѣзко образованный и вмѣстѣ глубокій. Опъ того, наблюдая соотвѣтственность частей къ цѣлому, Авторъ шщательно избѣгаетъ всего патетическаго, могущаго сильно попряси душу читателя; ибо сильное чувство несомѣстно съ охотою къ чудесному комическому и уживается шолько съ величественно-чудеснымъ. Одно очаровательное можетъ завлечь насъ въ царство волшебствъ; и если среди пльнишней невозможности чтонибудь пронешъ насъ не на шупку, заставя обратиться къ самимъ себѣ, шо проси тогда вѣра въ невѣроятное! Чудесное

призраки разлешятся въ ничто и цѣ-
 лый міръ небывалаго рушится, исче-
 знешь, какъ прерывается песнрое сно-
 видѣніе, когда что нибудь въ его соз-
 даніяхъ напомнишь намъ о дѣйствитель-
 носпи. Разсказъ Финна, имѣя другой
 конецъ, уничтожилъ бы дѣйствіе цѣлой
 поэмы: какъ въ Виландовомъ Оберонѣ
 одинъ, — Впрочемъ одинъ изъ лучшихъ
 опривковъ его, — описаніе несчастій
 главнаго героя, слишкомъ сильно по-
 прысая душу, разрушаетъ очарованіе
 цѣлаго, и, такимъ образомъ, опнишаетъ
 у него главное его достоинство. Но не-
 ожиданность развязки, безобразіе спа-
 рой колдуньи и смѣшное положеніе Фин-
 на разомъ превращаютъ въ каррикашу-
 ру всю прежнюю картину несчастной
 любви, и такъ масперски связываютъ
 эпизодъ съ пономъ цѣлой поэмы, что
 онъ уже дѣлается одною изъ ея необ-
 ходимыхъ составныхъ частей. Вообще
 можно сказать про Руслана и Людми-
 лу, что если спрогая кришика и най-
 дешь въ ней иное слабымъ, невыдер-
 жаннымъ; по конечно не сыщешь ни-
 чего лишняго, ничего неумѣспнаго. Ры-
 царство, любовь, чародѣйство, пиры,
 война, русалки, всѣ спихіи волшебнаго
 міра совокупились здѣсь въ одно соз-
 даніе и, не смотря на песнрошу частей,
 въ немъ все спройно, согласно, *цѣло*.

Самые приспуги къ пѣснямъ, занятыя у пѣвца Іоанны, сохраняя вездѣ одинъ шонъ, набрасываютъ и на все швореніе одинъ/ общій опшѣнокъ веселости и оспроумія.

Замѣшимъ, между прочимъ, что ша изъ поэмъ Пушкина, въ которой всего менѣе вспрѣчаемъ мы сильныя поспрашенія и глубокость чувствованій, еспѣ однакоже самое совершенное изъ всѣхъ его произведеній по соразмѣрности часпей, по гармоніи и полнопѣ изобрѣшенія, по богатспву содержанія, по спройности переходовъ, по безпрерывности господспвующаго тона, и, наконецъ, по вѣрности, разнообразію и оригинальности характеровъ. Напроливъ того Кавказскій плѣнникъ, менѣе всѣхъ оспальныхъ поэмъ удовлетворяющій справедливымъ шребованіямъ искусства, несмотря на то богаче всѣхъ силою и глубиокостию чувствованій.

Кавказскимъ плѣнникомъ начинается *второй періодъ Пушкинской поэзіи* копорый можно назвашь *отголоскомъ лиры Байрона*.

Если въ Русланѣ и Людмилѣ Пушкинъ былъ исключительно *Поэтомъ*, передавая вѣрно и чисто внушенія своей фанпазіи; то теперь является онъ *Поэтомъ философомъ*, копорый въ самой Поэзіи *мечеть* выразить сомнѣнія своего раз

ма, который всѣмъ предметамъ даетъ общія краски своего особеннаго возрѣнія и часто отвлекается отъ предметовъ, чтобы жить въ области мысленія. Уже не волшебниковъ съ ихъ чудесами, не героевъ непобѣдимыхъ, не очарованные сады представляешь онъ въ Кавказскомъ плѣнникѣ, Онѣгинѣ и проч.: — жизнь дѣйствительная и человѣкъ нашего времени съ ихъ пустою, ничтожностію и прозою дѣлается предметомъ его пѣсень. Но онъ не ищетъ, подобно Гёте, возвысить предметъ свой, открывая поэзію въ жизни обыкновенной, а въ человѣкѣ нашего времени — полный отзывъ всего человѣчества; а, подобно Байрону, онъ въ цѣломъ мірѣ видитъ одно рошнворѣчіе, одну обманную надежду, и почти каждому изъ его героев ожно придаетъ названіе *разочарованнаго*.

Не только своимъ возрѣніемъ на жизнь и человѣка совпадается Пушкинъ съ пѣвцомъ Гяура; онъ сходствуешь съ нимъ и въ остальныхъ частяхъ своей поэзіи: пошь же способъ изложенія, пошь же тонъ, та же форма поэмъ, такая же неопредѣленность въ цѣломъ подробная опчешливістьъ въ частяхъ, такое же расположеніе, и даже характеры лицъ по большей части столь

сходные, что съ перваго взгляда ихъ почтешь за чужеземцевъ - эмигрантовъ, переселившихся изъ Байронова міра въ шворенія Пушкина.

Однакоже, не смотря на такое сходство съ Британскимъ Поэтомъ, мы находимъ въ Онѣгинѣ, въ Цыганахъ, въ Кавказскомъ плѣнникѣ и проч. столько красоты самобытныхъ, принадлежащихъ исключительно нашему Поэту, такую неподдѣльную свѣжесть чувствъ, такую вѣрность описаній, такую тонкость въ замѣчаніяхъ и естественность въ ходѣ, такую оригинальность въ языкѣ, и наконецъ столько національнаго, чисто Русскаго, что даже въ этомъ /періодѣ его Поэзіи не лзя назвать его простымъ подражателемъ. Не лзя однако же допустить и того, что Пушкинъ случайно совпадается съ Байрономъ; что воспитанные однимъ вѣкомъ, и, можетъ быть, одинакими обстоятельствоми, они должны были сойтись и въ образѣ мыслей и въ духѣ Поэзіи, а слѣдовательно и въ самыхъ формахъ ея; ибо у истинныхъ Поэтовъ формы произведеній не бываютъ случайными, но также слины съ духомъ цѣлаго, какъ шло съ душою въ произведеніяхъ Творца. Не лзя, говорю я, допустить сего мнѣнія пошому, что Пушкинъ тамъ даже, гдѣ онъ всего болѣе приближается къ Бай-

рону, все еще сохраняешь столько своего особеннаго, обнаруживающаго природное его направленіе, / что для внимавшихъ въ духъ обоихъ Поэтовъ очевидно, что Пушкинъ не случайно встрѣтился съ Байрономъ, но заимствовалъ у него, или лучше сказать, невольно подчинился его вліянію. Лирика Байрона должна была опознаться въ своемъ вѣкѣ, бывъ сама голосомъ своего вѣка. Одно изъ двухъ противоположныхъ направленій нашего времени достигло въ ней своего выраженія. Мудрено ли, что и для Пушкина она звучала не даромъ? Хотя, можешь быть, онъ уже слишкомъ много уступалъ ея вліянію, и — сохранивъ болѣе оригинальности по крайней мѣрѣ въ наружной формѣ своихъ поэмъ, придавалъ бы имъ еще большее достоинство.

Такое вліяніе обнаружилось прежде всего въ Кавказскомъ пѣвникѣ. Здѣсь особенно видны тѣ черты сходства съ Байрономъ, которыхъ мы выше замѣтили; но расположеніе поэмы доказываетъ, что она была первымъ опытомъ Пушкина въ произведеніяхъ такого рода; ибо всѣ описанія Черкесовъ, ихъ образа жизни, обычаевъ, игръ и т. д., которыми наполнена первая пѣсня, бесполезно останавливаются дѣйствіе, разрывающъ лишь интереса и

не вяжущся съ пономъ цѣлой Поэмы. Поэма вообще, кажется, имѣетъ не одно, но два содержанія, которыя не слипы вмѣстѣ, но являются каждое ошдѣльно, развлекая вниманіе и чувства на двѣ различныя спороны. За то какими достоинствами выкупаешся этомъ важный недоспашокъ! какая Поэзія разлипа на всѣ сцены! какая свѣжестъ, какая сила чувствъ! Какая вѣрностъ въ живыхъ описаніяхъ! — Ни одно изъ произведеній Пушкина не предспавляетъ сполько недоспашковъ и сполько красоты.

Такое же, или можетъ бытъ, еще большее сходство съ Байрономъ является въ Бахчисарайскомъ фонпанѣ; но здѣсь искуснѣйшее исполненіе доказываетъ уже большую зрѣлостъ Поэта. Жизнь гаремская также относится къ содержанію Бахчисарайскаго фонпана, какъ Черкесскій бытъ къ содержанію Кавказскаго плѣнника: оба составляютъ основу картины, и, не смотря на то, какъ различно ихъ значеніе! Все, что происходитъ между Гиреемъ, Марією и Заремою, такъ тѣсно соединено съ окружающими предметами, что всю повѣсть можно назвать одною сценою изъ жизни гарема. Всѣ отспупленія и перерывы связаны между собой однимъ общимъ чувствомъ; все стремится къ

произведенію одного, главнаго впечатлѣнія. Вообще, видимый беспорядокъ изложенія есть неопытная принадлежность Байроновскаго рода; но эпическій беспорядокъ есть только мнимый, и нестройное представленіе предметовъ отражается въ душѣ стройнымъ переходомъ ощущеній. Чтобы понять такого рода гармонію, надобно прислушиваться къ внутренней музыкѣ чувствованій, рождающейся изъ впечатлѣній отъ описываемыхъ предметовъ, между тѣмъ какъ самые предметы служатъ здѣсь только орудіемъ, клавишами, ударяющими въ струны сердца.

Эта душевная мелодія составляетъ главное достоинство Бахчисарайскаго фонтана. Какъ естественнѣе, гармонически, восточная нѣга, восточное сладострастіе, слились здѣсь съ самыми сильными порывами южныхъ страстей! — Въ противоположности роскошнаго описанія гарема съ мрачностью главнаго произшествія виденъ творецъ Руслана, изъ безсмертнаго міра очарованій спустившійся на землю, гдѣ среди разногласія страстей и несчастій, онъ еще не позабылъ чувства упоительнаго сладострастія. Его поэзію въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ можно сравнить съ Восточною Пери, которая, упрасивъ рай, еще сохранила красоту неземную; ея

видь задумчивь и мраченъ ; сквозь припворную холодность замѣшно сильное волненіе души ; она быспро и неслышно , какъ духъ , какъ Зарема , пролеташаешь мимо насъ , одѣшая густымъ облакомъ , и мы плѣняемся шѣмъ , что видѣли , а еще болѣе шѣмъ , чѣмъ наспроенное воображеніе невольнo дополняешь незримое. — Тонъ всей поэмы болѣе всѣхъ другихъ приближается къ Байроновскому.

За то далѣе всѣхъ описаній ошъ Байрона поэма : Разбойники , не смотря на то , что содержаніе , сцены , описанія , все въ ней можно назвашь сколкомъ съ Шильйонскаго узника . Она больше каррикатура Байрона , нежели подражаніе ему . Бонниварь спрадаелъ для того , чтообы

Спассти души своей любовь ;

и какъ ни жестоки его мученія , но въ нихъ естъ какая-то поэзія , которая принуждаешь насъ къ учасшію , между шѣмъ какъ подробное описаніе страданій пойманыхъ разбойниковъ поселяешь въ душѣ одно отвращеніе , чувство , подобное тому , какое произвелъ бы видъ мученія пресупника , осужденнаго къ заслуженной казни . Можно рѣшишельно сказашь , что въ этой поэмѣ нѣшъ ничего поэшическаго , вы-

ключая вступленіе и красота стиховъ, вездѣ и всегда свойственную Пушкину.

Сія красота стиховъ всего болѣе видна въ Цыганахъ, гдѣ мастерство стихосложенія достигло высшей степеніи своего совершенства и гдѣ искусство приняло видъ свободной небрежности. Здѣсь каждый звукъ, кажешся, непринужденно вылился изъ души и, не смотря на то, каждый стихъ получилъ послѣднюю отработку, за исключеніемъ можетъ быть двухъ или трехъ изъ цѣлой поэмы: все чисто, округлено и вольно.

Но соотвѣтствуетъ ли содержаніе поэмы достоинству ея отдѣлки? — Мы видимъ народъ кочующій, полудикій, который не знаетъ законовъ, презираетъ роскошь и просвѣщеніе и любитъ свободу болѣе всего; но народъ сей знакомъ съ чувствами, свойственными самому утонченному общежитію: воспоминаніе прежней любви и тоска по измѣнившей Маріулѣ наполняютъ всю жизнь спараго Цыгана. Но зная любовь исключительную, вѣчную, Цыганы не знаютъ ревности; имъ непонятны чувства Алеко. Подумаешь, авторъ хотѣлъ предсавить золотой вѣкъ, гдѣ люди справедливы, не зная законовъ; гдѣ спраши никогда не выходятъ изъ границъ долгаго; гдѣ все свободно, но ничто не нарушаетъ общей гармоніи, и внутрен-

нее совершенство есть слѣдствіе не трудной образованности, но счастливой неиспорченности совершенства природнаго. Такая мысль могла бы имѣть высокое поэтическое достоинство. Но здѣсь, къ несчастію, прекрасный полъ разрушаетъ все очарованіе, и между тѣмъ какъ бѣдные Цыганы любящъ горестно и трудно, ихъ жены, какъ вольная луна, на всю природу мимоходомъ изливаютъ равное сіяніе. Совмѣстно ли такое несовершенство женщинъ съ такимъ совершенствомъ народа? — Либо Цыганы не знаютъ вѣчной, исключительной привязанности, либо они ревнуютъ непостоянныхъ женъ своихъ, и тогда мечь и другія спраски также должны быть имъ не чужды; тогда Алеко не можетъ уже казаться имъ страннымъ и непонятнымъ; тогда весь бытъ Европейцевъ опличается опъ нихъ только выгодами образованности; тогда, вмѣсто зодшаго вѣка, они представляють просто полудикій народъ, несвязанный законами, бѣдный, несчастный, какъ дѣйствительные Цыганы Бессарабіи; тогда вся поэма проливочитъ самой себѣ.

Но, можетъ быть, мы не должны судить о Цыганахъ вообще по одному опцу Земфиры; можетъ быть, его характеръ не есть характеръ его наро-

да. Но если онъ существо необыкновенное, которое всегда и при всякихъ обстоятельствахъ образовалось бы одинаково, и слѣдовательно всегда составляетъ исключеніе изъ своего народа; то цѣль Поэта все еще оспается неразгаданною. Ибо, описывая Цыганъ, выбравъ изъ среды ихъ именно того, который противорѣчитъ ихъ общему характеру, и его одного представишь передъ читателемъ, оспавляя другихъ въ неясномъ отдаленіи: — поже, что, описывая характеръ челоуѣка, приводишь въ примѣръ именно тѣ изъ его дѣйствій, которыя находящя въ разногласіи съ описаніемъ.

Впрочемъ характеръ Алеко, эпизоды и все частныя, отдѣльно взятыя, такъ богаты поэтическими красотами, что если бы можно было, прочтя поэму, позабыть ея содержаніе и сохранить въ душѣ память одного наслажденія, доставленнаго ею; то ее можно бы было называть однимъ изъ лучшихъ произведеній Пушкина. Но въ томъ-то и заключается отличіе чувства изящнаго отъ простаго удовольствія, что оно дѣйствуетъ на насъ еще больше въ послѣдующія минуты воспоминанія и отчета, нежели въ самую минуту перваго наслажденія. Созданія, истинно поэтиче-

скія, живутъ въ нашемъ воображеніи; мы забываемся въ нихъ, развиваемъ неразвитое, рассказываемъ недосказанное и, переселяясь такимъ образомъ въ новый міръ, созданный Поэтомъ, живемъ просторнѣе, полнѣе и счастливѣе, нежели въ спаромъ дѣйствительномъ. Такъ и Цыганскій бытъ привлекаетъ сначала нашу мечту; но при первомъ покушеніи присвоить его нашему воображенію, размешается въ ничто, какъ туманы Ледовитаго моря, копорые, принимая видъ твердой земли, заманивають къ себѣ любопытнаго путешественника и при его же глазахъ, разогрѣтые лучами солнца, улетаютъ на небеса.

Но есть качество въ Цыганахъ, копорое вознаграждаетъ насъ нѣкоторымъ образомъ за неспройдность содержанія. Качество сіе есть бѣлая самобытность Поэта. Справедливо сказалъ Авторъ обзорнія Словесности за 1827 й годъ (*), что въ сей поэмѣ замѣтна кака-то борьба между идеальностью Байрона и живописною народностью Поэта Русскаго. Въ самомъ дѣлѣ: возмите описанія Цыганской жизни отдѣльно; смотрите на опца Земфиры не какъ на Цыгана, но просто какъ на спари-

---

(*) См. I Но Моск. Вѣст. 1828-го года.

ка, не заботясь о томъ, къ какому народу онъ принадлежишь; вникните въ эпизодъ объ Овидіи; — и полноша созданій, развившая до подробностей, одушевленная поэзією оригинальною, докажетъ вамъ, что Пушкинъ уже почувствовалъ силу дарованія самоспопьятельнаго, свободнаго опъ поспороннихъ вліяній.

Всѣ недоспашки въ Цыганахъ зависяшь опъ пропиворвчія двухъ разногласныхъ спремленій: одного самобытнаго, другаго Байроническаго; посему самое несовершенство поэмы есть для насъ залогъ усовершенствованія Поэта.

Еще болѣе спремленіе къ самобытному роду поэзіи обнаруживается въ Онѣгинѣ, хопя не въ первыхъ главахъ его, гдѣ вліяніе Байрона очевидно, не въ образѣ изложенія, копорый принадлежитъ Донъ Жуану и Беппо, и не въ характерѣ самаго Онѣгина, однородномъ съ характеромъ Чильдъ Гарольда. Но чѣмъ болѣе Поэтъ опдалается опъ главнаго героя и забывается въ поспороннихъ описаніяхъ, тѣмъ онъ самобытнѣе и національнѣе.

Время Чильдъ Гарольдовъ, слава Богу! еще не настало для нашего опечества: молодая Россія не участвовала въ жизни западныхъ государствъ, и народъ,

какъ челоѡкъ, не спарѡется чужими опышами. Блеспящее поприще опкрыто еще для Русской дѡшельности; всѡ роды искусствѡ, всѡ опрасли познаній еще оспающся неусвоенными нашему опечеству; намѡ дано еще: надѡяться — что же дѡлашь у насѡ разочарованному Чильдѡ Гарольду? —

Посмотримѡ, какія качества сохранилъ и упрасилъ цѡвьшѡ Британіи, бывѡ пересаженѡ на Русскую почву.

Любимая мечта Британскаго Поэта есть существо необыкновенное, высокое. Не бѡдность, но преизбытокѡ внутреннихѡ силѡ дѡлаешь его холоднымѡ къ окружающему мѡру. Безсмертная мысль живетѡ въ его сердцѡ и день и ночь, поглощаетѡ въ себя все бышїе его и оправляетѡ всѡ наслажденїя. Но въ какомѡ бы видѡ она ни являлась: какѡ гордое презрѡнїе къ челоѡчеству, или какѡ мучительное раскаянїе, или какѡ мрачная безнадежность, или какѡ неушопимая жажда забвенїя, — эта мысль всеобъемлющая, вѡчная, — что она, если не невольное, постоянное спремленїе къ лучшему, попка по недосыгаемомѡ совершенствѡ? Нѡшь ничего общаго между Чильдѡ Гарольдомѡ и шоплюю людей обыкновенныхѡ: его спрданїя, его мечты, его наслажденїя,

непонятны для другихъ; только высокія горы да голыя /ушесы говорятъ ему опивѣшныя тайны, ему одному слышныя. Но поному именно, что онъ опличень отъ обыкновенныхъ людей, можетъ онъ опражать въ себѣ духъ своего времени и служить границею съ будущимъ; ибо *только разногласіе связуетъ два различныя созвучія.*

Напротивъ того Онѣгинъ есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное. Онъ также равнодушенъ ко всему окружающему; но не ожесточеніе, а неспособность любить сдѣлали его холоднымъ. Его молодость также прошла въ вихрь забавъ и разсѣянія; но онъ не завлеченъ былъ кипѣніемъ страстной, ненасытной души, но на паркетѣ провелъ пущую, холодную жизнь моднаго франта. Онъ также бросилъ свѣтъ и людей, но не для того, чтобы въ уединеніи найдши просторъ взволнованнымъ думамъ, но для того, что ему было равно скучно вездѣ,

. . . . что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Онъ не живетъ внутри себя жизнью особенною, опивѣнною отъ жизни другихъ людей, и презираешь челоуѣчество

пошому шолько, что не умѣешь уважать его. — Нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей, и всего меньше поэзіи въ такомъ характерѣ. —

Вошъ Чильдъ Гарольдъ въ нашемъ опечесствѣ, — и честь поэту, что онъ представилъ намъ не настоящаго; ибо, какъ мы уже сказали, это время еще не пришло для Россіи, и дай Богъ, чтобы никогда не приходило.

Самъ Пушкинъ, кажется, чувствоваль пустошу своего героя и пошому нигдѣ не спарался коропко познакомиться съ нимъ своихъ чинапелей. Онъ не даль ему опредѣленной физиогноміи, и не одного человека, но цѣлый классъ людей представилъ онъ въ его портретѣ: тысячъ различныхъ характеровъ можешь принадлежать описаніе Онѣгина.

Эта пустоша главнаго героя была можеть бышь одною изъ причинъ пустошы содержанія первыхъ пяти главъ романа; но форма повѣствованія, вѣроятно, также къ тому содѣйствовала. Тѣ, которые оправдываютъ ее, ссылаясь на Байрона, забываютъ въ какомъ отношеніи находилась форма Беппо и Д. Жуана къ ихъ содержанію и характерамъ главныхъ героевъ.

Что касается до поэмы Онѣгинъ вообще, то мы не имѣемъ права судить

по началу о сюжете дѣла, хотя съ прудомъ можемъ предсказать себѣ возможность чего либо спройнаго, полнаго и богатаго въ замыслѣ при[ш]акомъ началѣ. Впрочемъ: кто можетъ разгадать границы возможнаго для Поэтовъ, каковъ Пушкинъ; — имъ суждено всегда удивлять своихъ кришниковъ.

Недоспашки Онѣгина суть, кажется, послѣдняя дань Пушкина Брипанскому поэту. Но всѣ неизчислимыя красоты поэмы: Ленскій, Татьяна, Ольга, Петербургъ, деревни, сонъ, зима, письмо и пр. и пр. — суть неопшьяемая; собственность нашего Поэта. Здѣсь-то обнаружилъ онъ ясно природное направление своего генія, и эти слѣды самобытнаго созиданія въ Цыганахъ и Онѣгинѣ, соединенные съ извѣстною сценою изъ Бориса Годунова (*), составляютъ не истощая, прешій періодъ развитія его Поэзіи, которъ можно назвать *періодомъ поэзіи Русско - Пушкинской*. Отличительныя черты его суть: живописность, какая-то безпечность, какая-то особенная задумчивость, и, наконецъ, что-то невыразимое, понятное лишь Русскому сердцу; ибо какъ назвать то чувство, которымъ дышатъ мелодіи Русскихъ

(*) Мы не говоримъ объ мѣлкихъ сочиненіяхъ Пушкина, которыя обнаруживаютъ также три періода развитія его поэзіи.

ивсень, къ которому чаще всего возвращается Русскій народъ и которое можно назвать центромъ его сердечной жизни? —

Въ этомъ періодъ развитія поэзіи Пушкина особенно замѣтна способность: забываться въ окружающихъ предметахъ и текущей минутѣ. Таже способность есть основаніе Русскаго характера: она служитъ началомъ всѣхъ добродѣтелей и недоспатковъ Русскаго народа; изъ нея происходитъ смѣлость, беспечность, неукропимость минутныхъ желаній, великодушіе, неумѣренность, запальчивость, понашливость, добродушіе, и проч. и проч.

Не нужно, кажется, высчитывать всѣхъ красотъ Онѣгина, анатомировать характеры, положенія и вводныя описанія, чтобы доказать превосходство послѣднихъ произведеній Пушкина надъ прежними. Есть вещи, которыя можно чувствовать, но не лѣзя доказывать иначе, какъ написавши нѣсколько помовъ комментарій на каждую страницу. Характеръ Татьяны есть одно изъ лучшихъ созданій нашего Поэта; мы не будемъ говорить объ немъ, ибо онъ самъ себя выказываетъ вполне.

Для чего хвалишь прекрасное не такъ же легко, какъ находишь недоспадки? — Съ какимъ бы восторгомъ вы-

сказали мы всю несравненность ихъ наслаждений, которыми мы одолжены Поэту, и которыми, какъ самоцѣнные камни въ простомъ ожерельѣ, блестящъ въ однообразной нити жизни Русскаго народа!

Въ упомянутой сценѣ изъ Бориса Годунова особенно обнаруживается зрѣлость Пушкина. Искусство, съ которымъ предсавленъ, въ столь шѣсной рамѣ, характеръ вѣка, монашеская жизнь, характеръ Пимена, положеніе дѣлъ и начало завязки; чувство особенное, прагматически спокойное, которое внушаютъ намъ жизнь и присущіе лѣтописца; новый и разительный способъ, посредствомъ котораго Поэтъ знакомитъ насъ съ Гришкою; наконецъ языкъ, неподражаемый, поэтический, вѣрный, — все это вмѣстѣ составляетъ насъ ожиданіе оцѣнки трагедіи, скажемъ смѣло, чего-то великаго.

Пушкинъ рожденъ для драматическаго рода. Онъ слишкомъ многостороненъ, слишкомъ объективенъ (*), чтобы быть Лирикомъ; въ каждой изъ его поэмъ замѣтно невольное стремленіе: дать особенную жизнь отдѣльнымъ частямъ, стремленіе, часомъ клонящееся

(*) Мы принуждены употреблять это выраженіе, куда не имѣемъ однозначительнаго на нашемъ языкѣ.

ковреду цѣлаго въ швореніяхъ эпическихъ, но необходимое, драгоценное для драматика.

Упѣшиительно въ постепенномъ развитіи Поэта замѣчашь безпрестранное усовершенствованіе; но еще упѣшипельнѣе видѣшь сильное вліяніе, которое Поэтъ имѣетъ на своихъ соотечественниковъ. Немногимъ, избраннымъ судьбою, досталось въ удѣлъ еще при жизни наслаждаться ихъ — любовью Пушкинъ принадлежишь къ ихъ числу, и это открываетъ намъ еще одно важное качество въ характерѣ его поэзіи: *соответственность съ своимъ временемъ.*

Мало бышь Поэтомъ, чтобы бышь народнымъ; надобно еще бышь воспитаннымъ, такъ сказать, въ средоточіи жизни своего народа, раздѣляшь надежды своего отечества, его стремленіе, его утрапы, — словомъ, жить его жизнію и выражать его невольно, выражая себя. Пусть случай такое счастье; — но не также ли мало зависяшь отъ насъ красота, умъ, прозорливость, всѣ тѣ качества, которыми человекъ плѣняетъ человека? и ужели качества сіи существеннѣе достоинства: отражаютъ въ себѣ жизнь своего народа? —

А л ь м а н а х ъ и.

(Продолженіе.)

Альбомъ Сѣверныхъ Музъ. Альманахъ на 1828 годъ, изданный А. И. С. Пешербургъ. Въ Тип. А. Смирдина. 1828. въ 12-ю д. 348, VIII.

Сей Альманахъ, украшенный поршрешомъ Карамзина, беретъ рѣшительное преимущество надъ всѣми своими соперниками, кромѣ Сѣверныхъ Цвѣшовъ; даже и надъ сими послѣдними достоинствомъ Прозы. Почти всѣ лучшіе Лиштераторы обѣихъ столицъ разнообразно исписали листы сего Альбома, привлекательнаго для всѣхъ любителей изящнаго.

Лучшая изъ прозаическимъ піесъ есть Арабская Повѣсть Г. Сенковского: *Смерть Шанфарія*, занимательная по содержанию и носящая на себѣ яркія краски богатой восточной Поэзіи. Въ ней выражена страшная мысль о предопредѣленіи судьбы, мысль, принадлежащая Востоку Шанфарій, поэтъ и воинъ, изъ поколѣнія Аздъ, враждовавшаго съ Саламанами, за похищеніе сими послѣдними его возлюбленной Дальфы, даетъ кляшву убишь сто человекъ изъ ихъ племени. 99 убиты мѣшками спирѣлами Шанфарія; но враги настигають его въ часъ отдыха съ возвращенною подругой. Сошый падаетъ отъ руки Шанфарія, но это другъ его — Селикъ, лепѣвшій ему на помощь. Паль и мспишель отъ копы злобнаго

Асира; но прошли годы, — и черепъ Шанфарія опмешилъ Асиру. „Такъ сбылось предсказаніе Хансы; такъ совершилась и клятва великаго Шанфарія.“ — Богатство поэтическихъ сравненій, новыхъ и блестящихъ, украшаетъ слогъ сей повѣсти. Однимъ словомъ, это одно изъ лучшихъ произведеній Мавришанской Поэзіи, переданныхъ намъ Г. Сенковскимъ.

За симъ слѣдуетъ по достоинству: *Встрѣча съ Карамзинымъ*, Г. Булгарина. Здѣсь читатели найдутъ съ удовольствіемъ нѣсколько правильныхъ, хорошо выраженныхъ мыслей объ искусствѣ бесѣдовать, занимательныя подробности о покойномъ Песторіографѣ, и особливо благородную черту его души челоѣколюбивой. Приносимъ благодарность Г-ну Булгарину за то, что онъ сохранилъ ее въ своихъ *Литтературныхъ воспоминаніяхъ*.

Двѣ историческія повѣсти: *Утро ветра мудренѣ* Г. Спарожилова и *Татьяна Болтова* самаго Г. Издашеля, взяты изъ Исторіи Петра Великаго. Первая имѣетъ недоспажокъ въ планѣ, который не нравится и самому Автору, какъ мы видимъ изъ его *прибавленія для Гг. Крипиковъ*; но мы охотно прощаемъ ему сей недоспажокъ, искупленный занимательностью содержанія. Тутъ найдутъ читатели вѣрное описаніе свадебнаго угощенія, какъ водилось оно у нашихъ хлѣбосодовъ-предковъ, и любопытную черту изъ жизни

славнаго Князя - Кесаря, вѣрнаго слуга Петру и Отечеству. Во второй повѣсти также много любопытныхъ подробностей.

Тоска неизвѣстнаго вѣроячно упѣшишь прекрасныхъ чипательницъ, въ особенности послѣ того неучтиваго нападенія, которое претерпѣли онѣ въ Сѣверныхъ Цвѣцахъ отъ неизвѣстнаго сочинителя неизданныхъ записокъ, спрашнаго Мизогина. Здѣсь онѣ прочтуть свое назначеніе, и, какъ въ зеркалѣ, увидяшь по свое качество, которое составляетъ ихъ лучшій перлъ и счастье ихъ обожашелей. Вотъ слова самаго Автора, изъ коихъ они узнають, что мы разумѣемъ: „какъ раненый голубь жметъ свои крылья, и покрываетъ и хоронитъ стрѣлку, въ него вонзенную; шакова-то и природа женщины, чтобы скрывать отъ свѣта тоску оскорбленной склонности. Любовь нѣжной женщины застѣнчива и безмолвна.“ — Не правда ли, прекрасныя чипательницы, что Альбомъ Музы лучше Сѣверныхъ Цвѣтовъ? — Въ вашей безмолвной улыбкѣ мы читаемъ да, сладкое для Издателя Альбома; но читаемъ и то, что ваше убѣжденіе не всегда . . . не смѣемъ договорить.

Изъ *Мыслей, замѣтаний и выписокъ* Г. Сомова мы, къ сожалѣнію, не можемъ ничего ни замѣнить, ни выписать, кромѣ одного изреченія Поэта: *Si cadendum est mihi, coelo cecidisse velim* (если падать, такъ ужь съ неба!); но оно не нравится Г. Сомову!! Онъ охладилъ это новѣ

пическое выраженіе души высокой своимъ прозаическимъ переводомъ (*) и замѣчаніемъ.

Сей Альбомъ обилень и хорошими стихами. Чашатели найдуть здѣсь новыя произведенія Пушкина, оригинальнаго и нравственнаго Глинки, остроумнаго Вяземскаго, чувствительнаго Козлова, нѣжнаго Раича, благозвучнаго Языкова, мечшательнаго Туманскаго и другихъ. Въ особенноти обратимъ вниманіе чашателей на *Талисманъ* Пушкина, плѣняющій новымъ счастливымъ оборотомъ мысли, всегда оригинально выражающейся подъ перомъ Поэта искуснаго; на свѣжее *Утреннее гувство* Г. Глинки; на *Воспоминаніе* и отрывокъ изъ повѣсти *Мегеносецъ Аранъ* Г. Языкова. Честъ Издашелю Альбома копорый своимъ собраніемъ умѣлъ поддержать славу Альманаховъ нынѣшняго года.

Рыбаки. Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе П... Ч... ва. Москва. Въ Типогр. Авг. Семена. 1828. въ 12 ю д. 34 стран.

Дѣйствующія лица этой повѣсти: Андрей, Яковъ, Напалья и Чернецъ. Вошь въ нѣсколькихъ стихахъ ея сокращеніе.

Андрей Напалю полюбилъ. . . .

(*) У Г. Сомова переведено такъ: „если мнѣ упасть, то хотѣлъ бы упасть съ неба.“

Надеждой сладкой обольщенный,
Онъ все Натальѣ разсказалъ. . . .

— — — — —
Бѣги, бѣги! — Прошу одно,
Намъ счастье вмѣстѣ не дано, —
Такъ дѣва юная сказала.

— — — — —
Съ нимъ вмѣстѣ Яковъ горевалъ. . . .

— — — — —
Онъ говорилъ, льстившій не умѣя:
Андрей, надменную забудь!

— — — — —
Есть Днѣпръ! . . . . .

Чернецъ.

Есть Богъ, рыбакъ! къ Нему,
Къ Нему прибѣгни одному! —

— — — — —
Андрей несчастный сѣлъ въ челнокъ.

— — — — —
И долго съ грустію стоялъ
Чернецъ печальной, онѣмѣлой;
Главою, въ кельѣ постѣмой,
Онъ съ содроганіемъ качалъ.

Молва гласитъ: вошце Андрея
Въ полночь вечеръ Яковъ ожидалъ. . . . .

Рецензентъ находится въ недоумѣніи: что
скажешь объ этой повѣсти? Если это пародія на
современныя романтическія поэмы (копорья, ска-

жемъ мимоходомъ, должно же отличить отъ современныхъ классическихъ, какова на пр. Александроида); то ее легко принять за чистыя деньги. Но если это не пародія?! . . .

Во всякомъ случаѣ о ней можно сказать то же самое, что Авторъ оной говоритъ объ хижинѣ рыбака:

Какъ лугъ на сѣверѣ цвѣтешъ :
 Такъ чисто въ ней, но все убого ;
 Съ изминкомъ многого немного
 И многого недоспаешъ,

Донна Эльвира де Назарро, или мать, каковыхъ мало. Изъ Мейснера. Повѣсть въ стихахъ Николая Данилевскаго. Москва. Въ Тип. Авг. Семена. 1828. въ 8 ю д. VIII, 42,44.

Вотъ Поэма, каковыхъ мало въ наше время! Она представляешь собою литературную загадку, которую разрѣшить не легко: какимъ образомъ въ наше время, когда всякій жесткій стихъ слишкомъ ярко замѣшенъ, когда всякій ученикъ, едва начинающій подъ ферулою наставника робкими пальцами марать бумагу, пишетъ слишкомъ гладкіе, какимъ образомъ могутъ еще у насъ являться цѣлыя поэмы, писанныя слогомъ поборничковъ Сумарокова, поэмы, въ которыхъ видны незнаніе просодіи, примѣры стихотворческихъ запычекъ, искаженія словъ, устарѣлыхъ и

низкихъ выраженій и проч. и проч. Много выхо-
дитъ у насъ поэмъ; но всё онѣ сколько нибудь
носящъ на себѣ признаки нашего времени, а такіе
анакронизмы, какова Донна Эльвира, непрости-
пельны. Вотъ убѣдительные примѣры для невѣ-
рующихъ:

И ручка бѣлая, какъ лилія, собой,
И ножка маленька . . . какою, ахъ! великой,
Очаровательной блистали красой.

Или слѣдующій:

Перлы слезъ прозрачныхъ
Невольно капаются изъ глазъ печально мрач-
ныхъ,

. . . . . Скользя, ахъ! по груди моей.

Но довольно. — Авторъ проситъ улыбки:
мы надѣмся, что читатели подарятъ его чѣмъ
нибудь погромче.

Зонъ і й.

---

*Замѣчанія на Исторію Государства
Россійскаго, сочиненную Н. М. Карам-
зинымъ.*

О титулѣ Великаго Князя.

(сообщено).

Русскіе и Иностранцы, писавшіе Исторію
Государства Россійскаго, или часто о предме-
сахъ къ ней относящихся, обыкновенно называютъ
первыхъ нашей Государей, въ Новгородѣ и Кіевѣ,
Великими Князьями. Не знаю, на чемъ основано

сіе мнѣніе; ибо чѣтобъ первые Государи Русскіе назывались Великими Князьями, о шомъ въ Лѣтописяхъ не сказано.

Безъ сомнѣнія, древніе владѣтели Россіи, пошомки храбрыхъ Норманскихъ Вишязей, заслуживающъ по дѣламъ своимъ и просшранству владѣнія, не шолько почешнаго шишула Великихъ Князей, но досшойны Королевскаго имени, наравнѣ съ другими Государями; однакожь, бышь досшойнымъ шишла знаменишаго, и дѣйствившельно сіе шишло носиль сушь вещи разныя.

Августъ Шлецеръ, неушомимый и ученый исполкователь древней нашей Испоріи, но не всегда правильно понимавшій Словенскій шекшъ лѣтописей (*), говоритъ въ заглавіи Рюрикова Княженія, въ переведенной имъ на Нѣмецкой языкъ Несторовой лѣтописи: „*Rußlands - Geschichte. Der Großfürst Rurik, von J. 865—879.* (Исторія Россійская. Великій Князь Рюрикъ, съ 865 го по 879 й годъ) (**),“ и такимъ образомъ называетъ всѣхъ Россійскихъ Князей шолковаго своего Нестора, исключая Ярополка, сына Свяшославова, о кошоромъ именно говоритъ „*Fürst (nicht Großfürst) in Kief.* Князь, а не великій Князь Кіевскій. (***)“

(*) О семъ недостаткѣ Шлецера полезно и должно впредь писать, дабы иносшранцевъ вывести изъ заблужденія и чѣто бъ они не основывались на Нѣмецкомъ переводѣ Нестора, безъ сличенія его съ подлинникомъ.

Это можно сказать шолько въ особенноти о мѣстахъ темныхъ и спорныхъ въ Несторѣ. М. П.

(**) См. Несторъ von M. L. Schlözer, Göttingen. 1802.

(***) Ibidem часть 5 я, стр. 187.

Да просишь мнѣ шѣнь великаго мужа. Въ этомъ случаѣ онъ не только погрѣшилъ пропивъ любимаго своего правила *prima lex historiae, ne quid falsi dicat*, но судилъ даже спрранно. *Quandoque bonus dormitat Homerus*. Послѣ смерти несчастнаго Олега, упавшаго въ ровъ близъ Овруча, и послѣ бѣгства Владимірова за море, не осмавалось другихъ власпишелей въ Россіи, кромѣ Ярополка. слѣдовательно онъ былъ Княземъ въ Россіи, а не въ одномъ Кіевѣ, и если Шлецеръ, удаляясь отъ исторической истины, назвалъ бы произвольно шѣхъ Государей Россійскихъ Великими Князьями, копорые обладали Русью нераздѣльно (*dans son intégrité*), то почему Ярополкъ послѣ смерти Олегавой и бѣгства Владимірова (*) былъ въ политическомъ, (*не нравственномъ*), отношеніи ниже Рюрика, Игоря и Свяшослава? Шлецеромъ же переведенная лѣтопись говоритъ „Слышавъ же Володиміръ въ Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга и уболся, бѣжа за море. И Ярополкъ посади свои посадники въ Новѣгородѣ, и *владѣя единъ въ Руси.*“ (**)

Исторіографъ Н. М. Карамзинъ первыхъ Государей нашихъ называетъ, въ заглавіяхъ, Князьями, а Ярополка Свяшославича Великимъ Княземъ, и пошомъ уже всѣхъ послѣдующихъ Князей Кіевскихъ именуешь Великими Князьями. слѣдовательно

(*) Шлецеръ, (въ слѣдствіе произвольнаго своего положенія) назвалъ Ярополка Княземъ только въ отношеніи къ предшествовавшему времени. *М. П.*

(**) Несторъ Шлецера ч. 5. стр. 193.

но поступаетъ вопреки Августа Шлецера. Сказали ли, однако, Исторіографъ, что въ такое-то время и при такомъ-то случаѣ Ярополкъ, или положимъ другой Государь Россійскій, перемѣнилъ титулъ Князя и сталъ называться Великимъ Княземъ, какъ напримѣръ въ послѣдствіи времени сіе произошло съ принятіемъ Государями нашими Титула Царскаго и пошомъ Императорскаго? Нѣтъ, а безъ объясненія, на 195 й страницѣ Исторіи Государства Россійскаго, (*) почтили уже рѣшительно сына Святослава титуломъ Великаго Князя и продолжали украшать симъ названіемъ послѣдующихъ Государей.

Заглянемъ теперь въ лѣтописи. Походъ Олега къ Кіеву описанъ въ нихъ слѣдующими словами (**): „И пріидоша подъ Смоленскъ, спаша выше города, и шапры оставиша многи различны цвѣты. Увѣдавшѣ же Смольняне и изыдоша спарѣйшины ихъ къ шапромъ, и спросиша единого челоуѣка: Кто сей пріиде? Царь ли или Князь въ велицей славъ? И изыдѣ изъ шапра Ольгъ, имѣй на рукахъ у себя Игоря, и рече Смольняномъ: Сей есть Игорь *Князь* Игоревичъ Русскій. И нарекоша его Смольняне Государемъ, и вдася весь градъ за Игоря.“ Далѣ (***) о бѣдствіи Аскольда и Дира, подъ Кіевомъ: „Аскольдъ же и Диръ пріидоша къ нимъ. Ольгъ же возьмъ на

(*) Изданіе второе, исправленное. С. П. Бургъ 1818.

(**) Несморъ Шлецера, ч. 3 я стр. 42 я. —

(***) *ibidem* стр. 49 я.

руцѣ свои Игоря, и рече Аскольду и Дюру: Вы нѣста Князя, ни роду Княжа, мнѣ достоитъ княжиши; а се естъ сынъ Рюриковичъ Игорь *Князь*." (*).

Когда юный Святославъ, подъ надзоромъ Полководцевъ Свенельда и Асмуса, выѣхалъ на сраженіе противъ Древлянъ, тогда Свенельдъ сказалъ Асмусу: „*Князь* же уже почалъ, по-пягнемъ, дружино, по *Князи* (**).“ Далѣе: „А Древляне затворишася въ градъ, и боряхусь крѣпко изъ града; вѣдаху бо яко сами убили *Князя*.“ (***)

Описывая Княженіе Святославова лѣтописецъ говоритъ: „*Князю* (****) Святославу взрослошю и взмужавшю нача совокупляти вои многы и храбры“ Далѣе, когда посланы были гонцы къ Святославу изъ Кіева, послѣ нанесшвіа на сей городъ Печенеговъ: „Ты, *Княже* чужія земли ищещи, своей ся охабивъ и проч. (*****).“ Рускіе послы, отправленные къ Греческому Императору Іоанну Цимисхию, съ предложеніемъ мира, изъясняются по словамъ лѣтописи, слѣдующимъ образомъ: „Ониже (послы) реша: такъ глаголивъ *Князь* нашъ; хочу имѣти любовь со Царемъ Грецькимъ свершеную прочая вся лѣша. (*****)

(*) Въ другихъ спискахъ Нестора: „Азъ есмь Олегъ Князь, а се естъ сынъ Рюриковъ Игорь Княжичъ.“

(**) Несторъ Шлецера Часъь 5я стр. 39 я

(***) Ibidem стр 40 я

(****) Несторъ Шлецера ч 5 я стр. 120 я

(*****) ibidem ч. 5я стр: 137 я

(******) ibidem стр. 169 я.

Хошя пакъ называемый Ушавъ Владиміра о церковныхъ Судахъ и не имѣешь исторической достовѣрности, чшобъ онъ дѣйствительно принадлежалъ Св. Князю, но достоинъ замѣчанія по древности своей; ибо найденный Исторіографомъ Н. М. Карамзинымъ въ Синодальной библіотекѣ писанъ въ 13 мѣ столѣтіи (*). Въ семь Ушавъ Государь Русскій Владимиръ Свяшославичъ вездѣ названъ Княземъ, и супруга его Анна Княгиней, а о Великокняжескомъ пишуть и въ поминѣ нѣшъ. Выпишемъ здѣсь хошя начало: „Се язъ *Князь* Василій, нарицаемый Володимиръ, сынъ Свяшославль, внукъ Игоревъ и Блаженныя *Княгини* Олгы и проч:“

Изъ Государшвенныхъ Грамошъ нашихъ явсвуешь, чшо въ первый разъ называется Великимъ Княземъ Михаилъ Ярославичъ Тверскій въ началѣ 14 го столѣтія, между 1305 мѣ и 1308 мѣ годами (**). До сего времени, въ Грамошахъ пишется Князь, а не Великій Князь.

Правда, въ мирныхъ договорахъ Олега и Игоря съ Греками иногда Князья сіи называются Великими. Но 1-е вовсей Россійской Исторіи не существуешь актовъ, болѣе искаженныхъ писцами, какъ сіи мирные договоры. 2е Самый шонъ изложенія сихъ актовъ показываешь какое то Христіанское благочестіе

(*) См. Истор. Гос. Росс. Томъ 1 й Прим : 506.

(**) См. Собраніе Гос. Грам. и догов. Москва. 1813 года. Часшь 1 я стр. 7 я.

сочинителей, а не языческой образъ мыслей, хотя Олегъ и Игорь поклонялись идоламъ. Изъ сего можно заключить съ вѣроятностію, что упомянутыя акшны или обезображены, въ послѣдствіи времени, во многихъ частяхъ — переписчиками Христіанами, изъ усердія къ вѣрѣ Христіанской и опечесшву, или писаны были по вліянію Грековъ, болѣе грамотныхъ, нежели Русь, и называвшихъ иногда на своемъ [языкѣ Русскихъ Государей *μεγαλοι Ἀρχοντες* (Великими Архонтами)]. Здѣсь не о томъ идешь рѣчь, какъ иностранцы ихъ именovali, но какой титулъ носили Русскіе Государи въ самой Россіи. Елисавета, Королева Англійская, называла Царя Ивана Васильевича Императоромъ, а Французы до времени Императрицы Елисаветы Пепровны не всегда признавали Императорскій титулъ Россійскихъ Государей. Русскій Игумень Даниль, ходившій въ 12 мѣ спольши въ Палестину, называетъ Короля Іерусалимскаго Балдуина (*Bauduin*) *Княземъ*. (*)

Вопросъ : когда Государи Россійскіе въ собственной своей землѣ и ошъ своихъ подданныхъ спали называшься *Великими Князьями* ?

М. Гусятниковъ.

С. Пешербургъ.

(*) См. Ист. Г. Р. т. II. пр. 211

Иностранная книга.

Два года въ Константинополѣ и Моретѣ 1827.

(Продолженіе).

Махмудъ, нынѣшній Султанъ, род. въ 1804, получилъ престолъ, умершвивъ своего брата Мустафу, который самъ былъ убійцею несчастнаго Селима. Сей Султанъ съ глубокостию ума и дальновидностию соединяетъ твердость характера и смѣлость испытанную. Во время смятеній, предшествовавшихъ смерти Селима и послѣдовавшихъ за оною, равно какъ и въ послѣднія времена, онъ показалъ силу души, почти неизвѣстную. Узнавъ, что открылся мятежъ между Янычарами, и что сіе войско, сильнѣйшее въ Имперіи, готово подать знакъ бунта, онъ воскликнулъ въ бѣшенствѣ: „они всѣ истребятся, или плугъ пройдетъ по развалинамъ Константинополя.“ Извѣстно, до какой степени онъ выполнилъ сію угрозу. Но главные черты его характера составляютъ алчность и жестокость. Въ подтвержденіе сего Авторъ приводитъ многіе примѣры. Три брата, Дузь - Оглу, банкиры Армянскіе, коихъ вся вина состояла въ богатствѣ, приобретенномъ честными способами, были схвачены однажды ночью, окованы, опшведены въ одну изъ галлерей сераля, пышаны и преданы смерти. Говоряшъ, что, погибая, одинъ изъ нихъ изрекъ на Султана и Турковъ ужаснѣйшія проклятія: „Да

истребить васъ мечъ Русскихъ," сказала она, „и
 да обращать народы Христіанскіе Константино-
 поль въ кучу кошей и развалинъ.“ Черезъ нѣ-
 сколько мѣсяцевъ, Галешъ-Еффенди, любимецъ
 Султана, присовѣтовавшій ему умершвишь прехъ
 брашьевъ и взять въ казну ихъ имѣніе, былъ самъ
 умерщвленъ, по повелѣнію Султана. „Однажды,“
 говоритъ сочинитель, „былъ я въ Арнаушъ-Кени,
 селеніи лежащемъ на берегу Босфора. Замѣтивъ
 множество народа, спешагося передъ однимъ
 домомъ, я подошелъ изъ любопытства, и чтоже
 увидѣлъ? шрупъ, лежащій въ пыли. Я содрогнулъ
 ся, узнавъ въ мертвомъ того самаго челоука,
 котораго, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, видѣлъ
 катавшагося въ лодкѣ по Босфору со всемъ сво-
 имъ семействомъ. Это былъ Жидъ *Шапги*, одинъ
 изъ самыхъ честныхъ банкировъ въ Константино-
 поль. Любимый всеми Израильянами, онъ былъ
 ихъ подпорою, ангеломъ-хранишителемъ, и ни одинъ
 несчастный не выходилъ изъ его дома, не буду-
 чи совершенно доволенъ. Но онъ былъ богатъ, и
 богатство было причиною его смерти. Боспанд-
 жи-Баши, сопровождаемый нѣсколькими чиновни-
 камъ Серая, пришелъ къ несчастному Жиду. Не
 зная опасности, *Шапги* благодарилъ ихъ за не-
 ожиданную честь и радовался ихъ приходу; оказалъ
 имъ всѣ возможныя учтивости; подали шубокъ,
 кофе, варенья; четверть часа продолжался раз-
 говоръ самый веселый; вдругъ Боспанджи и его

шоварищи встають, бросаюся, какъ бѣшеные, на *Шапги*; одинъ закрываетъ ему ротъ рукою; другой надѣваетъ на шею снурокъ и давить его; шѣло выброшено на набережную; все его имѣніе, всѣ дома спали добычею Султана.“

„Но иго тиранства особенно шягошѣеть на бѣдныхъ Грекахъ. Послѣ мяшежа Янычаровъ и ихъ испребленія, о коемъ скоро будемъ говорить, сдѣланы были списки осужденныхъ на смерть. Одинъ *Густа* (Полковникъ янычарскаго полка), не знаю: виновный или невинный, былъ шуда вписанъ. Боясь бытъ выданнымъ своими единовѣрцами, если попроситъ у нихъ помощи, онъ обратился къ одному Христіанину; надѣялся, что здѣсь найдеть болѣе состраданія, и не обманулся. Василаки, молодой Грекъ, принялъ его, скрываетъ какъ можно лучше, надѣясь дать ему попомъ средство къ побѣгу. Черезъ недѣлю послѣ кровопролитія, чиновники Султанскіе являюся къ нему и приносятъ съ собой повелѣніе обыскать домъ его. Каковъ долженствовало бытъ ужасъ молодаго челоуѣка! Но каково было и положеніе несчастнаго, обреченнаго на погибель, кошорый едва дышалъ, спряшанный въ сундукъ! Уже обыскъ кончался; вдругъ одинъ изъ Турковъ, подвинушый какимъ-то злымъ духомъ, ошворяетъ сундукъ: *Густу* беруть, ошводятъ въ Констаншинополь и предають казни. Но Грекъ, коего вся вина заключалась въ великодушіи, избѣгнулъ ли мщенія

Султанскаго? Разъяренный противъ его несчастной націи, Султанъ велѣлъ схватишь его и опшдашь палачамъ.“

„Приведу другой примѣръ изъ множества представляющихся моему воображенію. *Афендули*, одна изъ знатнѣйшихъ Греческихъ фамилій, жила зимою въ Куру-чекме, прекрасномъ селеніи, лежащемъ на Европейскомъ берегу Босфора, а лѣтомъ занимала загородный домъ на островахъ Принцевъ. *Афендули* были богашы, и совершенное согласіе царствовало между ними. Отець семейства, почтенный старецъ, оказалъ важныя услуги Султану; но чѣмъ значашь услуги въ глазахъ челоуѣка хищнаго, кошорый, для исполненія своихъ намѣреній, не щадить ни лѣнъ, ни пола, ни добродѣтели? *Афендули* жили на островахъ Принцевъ, совсѣмъ не предвидя ужаснаго жребія, ихъ ожидавшаго. Султанъ призывалъ къ себѣ старика и двухъ сыновей его. Едва вошли они въ Сераль, какъ ликторы, всегда окружающіе престоль Султанскій, схватили ихъ, опвели въ ихъ домъ, чѣмъ въ Куру-чекме, и бросили въ глубочайшій колодезь ихъ сада. Остальная часть семейства была въ неописанномъ безпокойствѣ. . . Наконецъ являеься посланный Султана. Едва увидѣвъ его, Елена, одна изъ дочерей *Афендули*, бѣжишь къ дверямъ комнашы и спрашиваешь годокомъ опчаянїя—„скажи, какое извѣстіе?“ — „Радуйтесь, опвѣчаетъ злодѣй съ жестокою иронїей;

великая милость оказана Султаномъ вашему опцу и вашимъ брашьямъ. Вы неперпѣливо хопише узнать, какая? не правда ли? Сдѣлайте мнѣ подарокъ, и я удовлетворю вашему любопытству.“ — Эша ложь, внушенная алчностію, на нѣсколько минушь возвращаешь надежду несчастному семейству. Немедленно угощаютъ Султанскаго чиновника, и пока онъ за столомъ, ему подносятъ шишую шаль, цѣною болѣе чѣмъ въ 1200 піаспировъ. Осыпавъ сихъ женщинъ выраженіями благодарности, онъ вспадъ и сказала: „Афендули погибли, Государь описалъ ваше имѣніе, и эшошь домъ, въ кошоромъ вы живете, принадлежишь уже не вамъ“... Черезъ два дни Султанскіе чиновники выгнали послѣднихъ членовъ семейства Афендули изъ ихъ загороднаго дома. . .

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, Султанъ, присутствуя на праздникѣ *джиридѣ*, данномъ ему черными евнухами, услышалъ ружейной выспрѣлъ: мододой Грекъ пробовалъ ружье, только что купленное. Султанъ велѣлъ привести его и обвинилъ въ покушеніи на жизнь его. Онъ былъ Грекъ, слѣдовательно виновенъ въ глазахъ Махмуда, и немедленно преданъ смерти. Надобно однакоже замѣшшь, что сей Государь расчешливъ въ своей жестокости, и Турки (исключая Янычаровъ и ихъ приверженцевъ) рѣдко подвергающся его кровавымъ повелѣніямъ, кошорыя падають преимущественно на *Райасовъ*, ш. е. Армянъ, Жидовъ

и особенно Греческихъ его подданныхъ. Мусульмане вѣрятъ, что Султанъ получаетъ иногда вдохновеніе свыше, въ слѣдствіе котораго, по древнему закону, не боясь ничьихъ осужденій, и безъ предварительнаго суда, онъ можетъ обрекать на смерть по четырнадцать подданныхъ въ день. Пятнадцатая голова на плахѣ была бы лишнею, и благоразумнѣе оставялъ ее до завтра на плечахъ опальнаго или подозрѣваемаго.

Не этъ жестокости особенно раздражили жителей Константинополя противъ ихъ Государя; но измѣненіе монеты нанесло гибельный ударъ ихъ торговлѣ и лучшимъ ихъ выгодамъ. Болѣе трехъ десятыхъ лигашуры было примѣшано къ монетамъ золошымъ и серебрянымъ, копорья, однакожь, въ сношеніяхъ правительства съ подданными, сохранили свою именную цѣну. Въ слѣдствіе сей порчи, Турки покупають все у иностранцевъ вдвое противъ прежнихъ цѣнъ.

„Султанъ можетъ имѣть семь законныхъ женъ и столько рабынь, сколько ему угодно; сіи послѣднія называются одаликами отъ *ода* — комната, въ которыхъ онѣ скрываются. . . Не могу сообщити подробностей о *гаремѣ* Султана, куда никто не проникаетъ. Знаю только то, что жены Махмуда всѣ рѣдкой красоты, что большая часть одаликовъ изъ Гречанокъ, Грузинокъ и Чер-

кешенокъ, и что ревность мучитъ ихъ. Въ вечеру, онъ собирающся въ обширной залѣ, легко одѣшья, и пляшущъ передъ Государемъ въ сладострастныхъ положеніяхъ. . . Лѣтомъ онъ отправляется въ одинъ изъ увеселительныхъ домовъ своихъ; но предпочитаетъ всѣмъ *Бешиктахъ*, лежащій при Босфорѣ, около получаса разстоянемъ отъ Серая. Туда переводятся и его жены, пажи и юноши приащной наружности, коихъ должность есть забавлять его своими плясками. Часто устывая отъ удовольствій, быть можешь перзаемый угрызеніями совѣсти, Махмудъ призываетъ карловъ, воспитанныхъ во дворцѣ, и забавляется ими. Ихъ гримасы и спранный видъ возбуждаютъ иногда улыбку на лицѣ его; но большую часть дня онъ, говорящъ, проводитъ въ молчаніи и размышленіи; около него нѣмые, которые служатъ ему и за споломъ. Какой странный видъ долженъ имѣть дворъ, гдѣ пороки природы и болѣзни сущи шипла, приближающія людей къ особѣ Государя!“

Два замѣчательнѣйшія событія настоящей эпохи сущъ, безъ сомнѣнія, побѣда, одержанная въ Константинополѣ надъ Янычарами, и побѣда Христіанъ подъ Навариномъ, надъ Музульманами. Сокращая, за недостаткомъ мѣста, любопытный рассказъ С. . . Д. . . и исключая историческія подробности о погибшемъ войскѣ, мы опишемъ

катастрофу, которою кончилось бышье его. „Я не могъ предвидѣть, „говорить нашъ Авторъ,“ что буду свидѣтелемъ подобныхъ происшествій; можно сказать даже, что онѣ были вѣтъ всѣхъ вѣроятностей. Кто бы подумалъ, что, презрѣвъ опытъ Селима, Махмудъ подвергнулъ опасности и свой проиъ и свою жизнь, въ дѣлѣ, которое позволяло столь мало надѣяться на успѣхъ, и которое, напрошивъ того, столько прежнихъ, гибельныхъ случаевъ представляли невозможнымъ? Однакожь онѣ это сдѣлалъ, и въ эпомъ не лзя не удивиться его непоколебимой твердоспи. Корпусъ Янычаровъ, столь могущественный, столь привыкшій царствовать силою мяшежа и управлять самимъ деспотизмомъ, не устоялъ противъ воли одного человѣка. Спрашною смертію заплашили они за прежнія шоржества, и мечъ, на кошоромъ они основывали свое могущество, былъ орудіемъ ихъ гибели. Такъ въ наши времена, въ нѣсколько часовъ, Магометь Али уничтожилъ весь корпусъ Мамелюковъ. Осмнадцать лѣтъ обдумывалъ Махмудъ сей политическій замыселъ, всегда откладывая его исполненіе: доказательствомъ служить то, что немедленно послѣ убіенія Султана Мустафы, онъ велѣлъ собрать оружіе и патроны *Низамъ-джедидовъ* (новыхъ войскъ) и положить ихъ въ Серальскіе магазины; и за шри мѣсяца до ужаснаго истребленія, 50,000 ружей.

привезенныхъ изъ Липшиха, были судаже положены. Никшо не зналъ шого; Махмудъ ждалъ полько удобнаго случая и имѣлъ смѣлость произвести его. Слово *Низамъ-джедидъ*, со времени смерти Селима, было проклято въ Турецкой Имперіи, какъ нынѣ имя *Янычаръ*. Махмудъ осмѣлился произнести его снова въ собраніи *Улемъ* по поводу реформы, имъ предполагаемой; слухъ о ней, еще не подтвержденный *гагги-шерифомъ* или Имперашорскимъ опредѣленіемъ, распространился въ народъ: благоразумнѣйшіе не вѣрили ему, не думая, чшобы Сулшанъ, наученный жрѣбіемъ Селима, имѣлъ смѣлость подвергнуться ненависти Янычаровъ. Но онъ скоро снялъ съ себя личину, и его рѣшеніе было обнародовано; немедленно началось въ столицѣ Европейское преобразование, и курьеры разнесли Пашамъ провинцій приказъ устройшь также новыя полки. Съ тѣхъ поръ мы ждали мятежей. Мирные граждане, испытавшіе, во времена Кобакчи и Байракшара, ужась гражданскихъ войнъ, спрашились за свою жизнь и имущество; а мы, въ своемъ кварталѣ Франковъ, видя себя на волканѣ, готовомъ къ изверженію, мы также были не весьма спокойны. . . 16 Іюня (1826 года) мы увидѣли основательность своихъ опасеній. Въ два часа ночи разнесся слухъ въ Перѣ, что вынесены кошлы на площадь Эшмейдапскую, и что Янычары съ громкимъ крикомъ пребують пяши головы: головы

своего Аги или главнаго начальника, головы Гуссейна-Паши бывшаго Аги, головы Неджидь-Эффенди, посланнаго Магомешомъ Аліемъ, головы великаго Визиря и Муфши. Уже совершено было множество злодѣйствъ, разграблены были многіе дома, и Янычары, бѣгая по улицамъ Константинополя кричали — *Гибель Султану Махмуду! да здравствуетъ Ахметъ, сынъ его! Гибель Низамъ-джедидамъ! да здравствуютъ гада Хаджи-Бекташа!* Султанъ былъ тогда въ Бешикшашъ, своемъ загородномъ домѣ; услышавъ о бунтѣ, онъ поспѣшно прибылъ въ свой Сераль Константинпольскій, окруженный своими чиновниками. Но Янычары вмѣсто того, чтобы принять мѣры на будущее, предали всякаго рода буйству; привыкши повелѣвать, они не могли вообразить, чтобы Султанъ осмѣлился имъ сопровивляться, и эта безразсудная увѣренность въ себя была причиною ихъ справедливой гибели.

Гуссейнъ-Паша, Экс-Агаянычаровъ, былъ недалеко отъ Константинополя. Съ помощію нѣкоторыхъ вѣрныхъ воиновъ, онъ собралъ канонеровъ, бомбардировъ, боспанджей или стражей садовъ Серальскихъ, и честь побѣды принадлежала ему. Бывъ пламеннымъ Янычаромъ при Селимѣ, сей человекъ, соединяющій смѣлосшь льва съ лютоштію шигра, былъ изъ числа тѣхъ, копорые помогли Мустафѣ свергнуть съ престола

его брата. Но его политическія праявлія измѣнились вмѣстѣ съ обстоятельствомъ. Онъ предался Махмуду, который сдѣлалъ его Агою Янычаровъ, а потомъ прехбунчужнымъ Пашою. Бывъ начальникомъ сего корпуса, онъ часто усмиралъ мятежи, и много головъ слетѣло отъ собственной руки его. Его боялись, ненавидѣли и упорно требовали его смерти. Пріѣхавъ въ Констанцинополь, онъ немедленно помчался въ Сераль. „Ощдашь ли мою голову Янычарамъ, сказалъ онъ Султану, или рука моя будетъ защищать престоль твою?“ — „Настало время,“ отвѣчаетъ Султанъ, „испробить враговъ прона: на тебя возлагаю долгъ мщенія; Янычары будутъ испреблены до одного, или плугъ пройдетъ по развалинамъ Констанцинополя.“ Распущенъ былъ *санджакъ-шерифъ*, знамя Магометово, на которое не смѣеть взглянуть подъ смертною казнію ни одинъ Христіанинъ, и которое выносятся только въ случаѣ опасности цѣлой Имперіи. *Муфти*, окруженный *Улемми*, *Кадіями* и Начальниками Дервишей; три раза произнесъ слѣдующія слова: „Во имя Всевышняго Бога, во имя Магомета, величайшаго изъ пророковъ, и повелѣніемъ непобѣдимаго Султана Махмуда, Янычары обречены на гибель. Гибель вѣмъ мятежникамъ; здравіе и счастье тѣмъ, которые стануть подъ священнымъ знаменемъ.“

Скоро по всѣмъ улицамъ раздались голоса народныхъ глашатаевъ, которые читали салвующій *гатти-шерифъ* : „всякой Мусульманинъ, вѣрный религiи, да возьметъ оружіе и придетъ подъ священное знамя, къ мечети Сулпана Ахмета!“ *Муэцины* повшоряють опредѣленіе, провозглашая его съ высоты своихъ минаретовъ ; всякой считаеть первымъ долгомъ повиноваться волѣ высшей ; жипели каждаго квартала, предшествуемые своими *имамами*, идушь къ Ипподрому. Тотъ же вызовъ былъ сдѣланъ въ Скупари и во всѣхъ селеніяхъ по берегамъ Босфора : число защитниковъ престола скоро стало значительно. Гуссеинъ, предводя сею чернiю, хорошо, хотя наскоро, вооруженною, съ 8 или 10,000 канонеровъ, приходитъ на площадь Эшмейданскую и велитъ стрѣлять. Янычары, изумленные такимъ внезапнымъ нападеніемъ, не смотря на то, защищаются мужественно, и съ помощію нѣсколькихъ пушекъ, заряженныхъ карпечами, они долго оспариваютъ побѣду ; но число солдатъ Гуссеиновыхъ возрастаетъ болѣе и болѣе, и борьба становится неровною. Мятежники, страшась, чтобъ не окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, ищутъ убѣжища и находятъ его въ огромной казармѣ, гдѣ они надѣются на сраженіе болѣе выгодное ; но они затворились тамъ, и это ускорило ихъ гибель. Гуссеинъ велѣлъ пушками разбить двери казармы. Янычары изъ шести орудій стрѣ-

люють въ осаждающихъ, между стѣмъ какъ въ нихъ съ высоты оконъ палятъ безъ пощады.

Тогда-то Махмудъ, бывшій въ своемъ сералѣ, а не предводившій войсками, какъ утверждали нѣкоторые, чрезъ эмиссаровъ (которые всякое мгновеніе доносили ему обо всемъ новомъ) узнавши о сопротивленіи мятежниковъ, повелѣлъ Гуссеину заечь казарму. Сей послѣдній, алкающій одного убійства, поспѣшаетъ исполнить приказъ, и пламя съ четырехъ сторонъ обняло зданіе. Янычары, занятыя защитою, не могутъ въ то же время шипеть возраспающаго пламени. Жаръ, дымъ, паденіе горящихъ бревенъ принуждаютъ ихъ выбѣжать на большой дворъ. Но и здѣсь не находясь они убѣжища. Пушки, поставленные у каждой двери казармы и заряженные картечами, безпощадно ихъ истребляютъ. Напрасно призывають они канонеровъ на свою сторону, именуя ихъ друзьями, братьями: *толгисы*, вмѣсто отвѣта, посылають имъ смерть. Напрасно молятъ они о жизни: всѣ погибають отъ картечь или отъ пламени. Успѣвшіе бѣжать настигнуты войсками Султана и умерщвлены на мѣстѣ. Солнце никогда не освѣщало подобнаго убійства.

Но еще не всѣ Янычары были истреблены, еще при другія казармы, находившіяся недалеко отъ первыхъ, не были взяты; но скоро и онѣ были уничтожены: ихъ защитники погибли,

выключая весьма немногихъ, успѣвшихъ спастись въ Азію, или укрышсь въ Бѣлградскомъ лѣсу, въ семи миляхъ отъ Константинополя. Наконецъ, по испеченіи сушокъ, окончилось совершенное истребленіе ужаснѣйшаго войска Опшоманской Имперіи. Около двадцати начальниковъ, еще прежде присягнувшихъ Гуссейну, получили пощаду. Ихъ Ага или главный Генераль, кошораго голову требовали возмушители, пошчасъ послѣ того, какъ Муфши произнесъ проклятіе противъ Янычарь, сбросилъ съ себя янычарскую шапку, и, попирая ее ногами, надѣлъ шюрбанъ новыхъ войскъ.

Аршиллеристы сражались какъ львы; еще при Селимѣ образованные въ особый полкъ, они продолжали и при Махмудѣ свой *талымъ* или свои экзерциціи: это было причиною соперничества между ими и Янычарами, и Султанъ умѣлъ ею воспользоваться.

Гуссейнъ-Ага-Паша былъ произведенъ въ Ханы, достоинство, возвышавшее его даже надъ великимъ Визиремъ и надъ Сераскиръ-Пашою, главнымъ начальникомъ всѣхъ армій. Султанъ лично благодарилъ всѣхъ ошличившихся во время сраженія и далъ имъ названіе Аскеръ-Мухамедъ, или Магомешова войска. Онъ не заснулъ, однакоже, на кровавыхъ лаврахъ, и принималъ всѣ мѣры для искорененія зла въ самомъ основаніи. По его повелѣнію главный Визирь, окруженный

палачами, расположился под шашромъ поередки двора Ахметовой мечети, гдѣ побѣдоносно развивалось знамя пророка, между шѣмъ, какъ Гуссейнъ, съ нѣсколькими сорнями вооруженныхъ, обходилъ городъ, останавливалъ всѣхъ жителей на удачу, спрашивая каждаго: Мусульманинъ онъ или Янычаръ? . . . Большая часть спѣшили отвѣчать не запинаясь: я Мусульманинъ. Нѣкопорые, однако, хотѣли лучше умереть, нежели объявить противное совѣсти и называли себя Янычарами, прибавляя, что гордятся эшимъ названіемъ. Нужно ли прибавлять, что вѣрная смерть тотчасъ же ожидала ихъ на ипподромѣ? — Но кромѣ вышеприведеннаго вопроса, Гуссейнъ давалъ еще и другіе: объ имени и образѣ жизни каждаго. Тѣхъ, чьи отвѣты были не совѣмъ удовлетворительны, отводили къ судилищу, тогда же составленному, гдѣ должно было представлять бумаги, свидѣтелей, и доказывать свою всегдашнюю вѣрность Государю и религіи. Во время одного изъ своихъ обходовъ Гуссейнъ встрѣтилъ Армянина, который показался ему однимъ изъ Янычарскихъ *Густъ*. „Кто ты, спросилъ онъ его, Католическій Армянинъ или ерешикъ?“ — Я Католикъ, отвѣчалъ несчастный, начинавшій уже терять присутствіе духа. — „Если такъ, то прочти мнѣ Символь швоей вѣры.“ Янычаръ не могъ произнести на слова. „Ты попался“ ска-

заль тогда Гуссейнъ, „я узнаю въ тебѣ Гуспу 14 го полка,“ — и немедленно велѣлъ опвесити его на казнь.

Эшо кровопролитіе продолжалось болѣе пшнадцати дней. Не только Янычаровъ, копорыхъ удавалось опыскашь, не только шѣхъ, о копорыхъ доказано было, что они имѣють одинъ образъ мыслей съ Янычарами, предавали смерти; но еще казнили всѣхъ, копорые въ чемъ либо замѣчены были во время возмущенія прошивъ Селима, и копорымъ имѣлъ списокъ Гуссейнъ, бывшій самъ тогда Янычаромъ. Между ними были спарики, копорыхъ сѣдые власы не могли смягчить наказанія: всѣ были умерщвлены. Болѣе шысячи человекъ ежедневно погибало въ Конспаншинополѣ опъ различныхъ казней. Палачи ушомились; глубокое уныніе царствовало въ городѣ.

Но народное неудовольствіе, сначала подавленное спрахомъ, обнаружилось однако черезъ нѣсколько дней послѣ ужасной кашаспрофы. Многочисленные друзья Янычаровъ вшайнѣ составляли заговоры и выжидали только благопріятнаго случая для мести. На ворошахъ Сераля явился однажды пасквиль, на Турецкомъ языкѣ, въ чешырехъ спихахъ слѣдующаго содержания: „палача Махмуда ожидаешь участь ужаснѣе участи Селима. Пусть же онъ узнаешь, что живущи Янычаръ,

и нелегко истребишь ихъ.“ Султанъ, еще болѣе раздраженный, къ несчастнымъ жертвамъ, въ кошорыхъ его упрекали, прибавилъ еще новыя. Тѣ, коихъ подозрѣвали въ сочиненіи пасквиля, были схвачены и казнены безъ суда. Женщинъ, кричавшихъ: *да здравствуютъ Яныгары. да погибнуть Низамъ - джедиды*, завязали въ мѣшки и бросили въ Босфоръ. Но скоро Констаншинополь подоженъ былъ въ чешырехъ различныхъ мѣстахъ. Пламя уничтожило болѣе пяти сотъ тысячъ домовъ, и остановилось только у стѣнъ Серая. Болѣе столѣтія уже не терпѣлъ городъ столь ужаснаго бѣдствія. Черезъ мѣсяць послѣ сего пожара подожгли Скушари и скоро претій пожаръ уничтожилъ большія казармы близъ Серая.

Гамалы или носильщики, составлявшіе многочисленное сословіе и дружные съ Янычарами, прешерпѣли судьбу послѣднихъ. Нѣкоторые были умерщвлены въ Констаншинополь; другіе сосланные въ Азію, нашли тамъ смерть по приказанію правительства и были умерщвлены начальниками областей. Съ того времени запрещено было Туркамъ исполнять должность *Гамаловъ*, и ихъ мѣсто заступили Армяне. Изъ нихъ же, за исключеніемъ Турокъ, составили всю пожарную команду.

„Теперь, говоритъ нашъ Авторъ, остаешся рѣшеніе важнаго вопроса: можешь ли продолжишь-

ся сей новый порядокъ вещей , прошивной религии и нравамъ Турецкаго народа?“ —

Но прежде, нежели мы оставимъ эшошь городъ , кровавый и грязный , безпрестанно опущошаемый огнемъ и мечемъ , бросимъ быстрый взглядъ на новыя войска Махмуда , копорыми онъ замѣнилъ древнюю милицію Имперіи , когда избіеніемъ Янычаровъ освободился на минушу ошь докучныхъ сопрошивленій. Султанъ самъ надѣлъ плашье Полковника *Низамъ-джедидовъ*, плашье красивое и легкое, весьма опличное ошь его обыкновенной , сяжелой одежды. Онъ любитъ учить солдатъ своихъ на Констаншинопольскихъ площадяхъ и часшо раздавать имъ награжденія. Народъ шолпами собирается во время *талыма* (экзерциціи) , смоприть и удивляешся. Но Авторъ нашъ увѣряешъ, что никогда не видывалъ ничего нелѣпѣе. Хопя не нужно большихъ свѣденій въ Геометріи , чтобы протянуть прямую линію , но сстрой Турецкихъ солдатъ не можешъ удержашъ прямаго направленія; они не могушъ шакже идти ровнымъ шагомъ , и ошь шого произходяшъ безпорядокъ и неправильность самыхъ смѣшныхъ движеній. Мало шого : нѣкоторые изъ солдатъ носяшъ ружья на правомъ , а другіе на лѣвомъ плечѣ ; каждая команда исполняешся у нихъ , не разомъ , но мало по малу , и часшо въ прошивность

словамъ команды ; а что всего смѣшнѣе , каждая рота ихъ состоить изъ сорока человекъ , способныхъ носить оружіе и шестидесяти дѣшей , съ трудомъ поднимающихъ свои тяжелые ружья . Все въ этой внезапно-образованной арміи кажется каррикатурой Европейскихъ войскъ . Для обучения солдатъ здѣсь съ неперпѣніемъ ожидають иностранныхъ офицеровъ и уже многіе изъ нихъ прибыли изъ Египта , изъ Франціи и изъ Италіи . Впрочемъ нѣтъ ничего красивѣе мундира полковниковъ : они носятъ шаль на головѣ , и вмѣсто пояса длинная сабля виситъ съ лѣвой стороны ; ихъ верхнее платье вышито золотомъ ; шаравары краснаго цвѣта съ обѣихъ сторонъ обшиты золотымъ галуномъ ; маншіи у нихъ изъ краснаго бархата , а сопоги желтые ; на лошадахъ збруя богатая . Солдаты носятъ куртки , шаровары широкія до колѣнъ и узкія на половинѣ икры , шпіблешы и шапку дынеобразную , уложенную сверху до ногъ золотыми полосками . Одежда офицеровъ , поручиковъ , подпоручиковъ и сержантовъ мало отличается отъ солдатской ; серебряныя бляхи спереди служатъ означеніемъ ихъ степени . . . . Спаги составляютъ кавалерію Опшоманскую ; ихъ очень много , и новое преобразованіе до нихъ еще не дошло , крѣпость лошадей Турецкихъ , ихъ многочисленность , ловкость всадниковъ , искусство , съ копорымъ

они владѣють холоднымъ оружіемъ (*), все это можешь служишь основаніемъ опличной кавалеріи, если Султанъ захочетъ образовашь ее. Остальныя сухопутныя силы въ Турціи состоишь изъ *толгей* (канонеровъ), изъ *кулбарджиевъ* (бомбардировъ) изъ *ямаковъ*, образующихъ гарнизоны Босфорскихъ крѣпостей, и наконецъ изъ войскъ Пашей, сборища разбойниковъ, безпрестанно опустошающихъ провинціи. Теперь думаютъ о приведеніи ихъ къ дисциплинѣ.

Морская сила Турковъ находилась въ жалкомъ состояніи. Прежде возстанія Греціи почти весь флотъ былъ въ рукахъ Грековъ, споль же дѣлательныхъ, сколько лѣнныя сами Турки. Теперь какіе по невѣждѣ капишаны управляютъ кораблями; имъ помогаютъ Италіанскіе лоцманы, по большей части бродяги, поддавшіеся Турціи за лучшую плату. Остальный экипажъ есть скопище низкой черни изъ провинцій; разбойники по большимъ дорогамъ, бѣжавшіе изъ шюрмы, Армяне; Жиды, всѣ шѣ, у которыхъ нѣтъ ни кола, ни двора, посылаются на флотъ и остаются тамъ на неопредѣленное время; даже въ горахъ Азіи набираютъ людей, отъ рода не видавшихъ моря, и дѣлаютъ ихъ машросами. При такомъ странномъ образованіи легко

(*) Они упражняются въ срубаніи головъ съ глиняныхъ людей.

себѣ представивъ безпорядокъ, находящійся на Турецкихъ корабляхъ. . . . Одно опдѣленіе флота долженствовало соединиться съ Капитанъ-пашою, вышедшимъ за нѣсколько времени прежде. Около десяти большихъ судовъ сняты были съ якоря. „Я сидѣлъ почти на берегу,“ говоритъ нашъ Авторъ, „и видѣлъ, какъ самый большой корабль завязъ у берега, близъ Скушари, напрошивъ самаго дворца Султанскаго. Десять дней оставался онъ шамъ предметомъ насмѣшекъ другихъ Капитановъ и маіросовъ купеческихъ кораблей; между тѣмъ Махмудъ проклиналъ виновника сего несчастія, а Турецкій народъ, всегда склонный къ суевѣрію, видѣлъ въ семъ произшествіи дурное предзнаменованіе. Наконецъ Султанъ велѣлъ, во чтѣбы шо нистало, освободить корабль или уничтожить. Уже много щещныхъ усилій сдѣлано было со стороны Турковъ, когда одинъ изъ иностранныхъ Капитановъ взялся за значительную сумму пособить дѣлу. На его пребыванія согласились и ему удалось. Чшоже касается до Турецкаго Капитана, котораго неискусству приписали сіе злополучіе, шо, по приказанію Махмуда, посадили его на колъ.“

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

С М Ъ С Ъ.

Разныя извѣстія

Элфинстонъ, уроженецъ Шотландской, участвовавшій въ побѣдахъ Орлова при Чесмѣ, видя еще несовершенно въ то время состояніе флота Русскаго и упадокъ Турецкой морской силы и невѣжество ея предводителей, говорилъ: „Русскіе, какъ дѣши, ничего не знаютъ; но жадны къ ученью; Турки же, какъ слабые шаррики, и учишься ничему не могутъ.“ — „Каковы теперь спали дѣши!“ — восклицаетъ Издашель Нѣм. Газеты, изъ кошорой мы заимствуемъ сей анекдотъ.

Эшотъ же самый Элфинстонъ, первый, послѣ сраженія при Чесмѣ, осмѣлился проникнуть въ Дарданеллы, и, вѣлѣвши подѣ Турецкими пушками бить въ барабаны и играть въ трубы, самъ преспокойно пилъ чай на палубѣ корабля.

Кохранъ въ своемъ путешествіи говоритъ о *ядовитыхъ стрѣлахъ*, употребляемыхъ дикими Индѣйцами въ Попайской долинѣ. Онъ при эшотъ рассказываетъ странный образъ приготовленія яда. Берутъ ядовитую лягушку, (*gana de veneno*), кошорая шамъ водяится. Ее сквозь горло прошыкають острою деревянной спицей. Ошъ сего шерзанія она покрывается бѣлой пѣной; сія-шо пѣна есть шотъ ядъ, кошорымъ будшо

бы дикіе оправляющъ свои спрѣлы. Онъ въ продолженіи года сохраняешь свою силу, и даже шигрь, пронзенный шакою спрѣлою, болѣе пяти минушь жишь не можешь.

Изъ всѣхъ игръ каршочныхъ древнѣйшая, какъ говорящъ, есть пикешъ. Слѣды оной найдяся во Франціи еще въ 1430 году.

Неаполишанцы по неопряиости въ жизни, по суевтрію, нынѣ могутъ назваться родными брашьями Испанцамъ: у нихъ слуги обоихъ половъ спящъ и спряпающъ на лѣстницахъ богатыхъ домовъ господскихъ. — Тосканцы не въ примѣръ ихъ лучше. Они не богаты, и считающъ доходы свои не деньгами, а количествомъ штофовъ масла или вина. Даже и дворяне во Флоренціи шоргують избытками сихъ произведеній. У дверей даже богатѣйшихъ домовъ находится мѣсто, куда можно поставишь какой нибудь сосудъ и колокольчикъ. Вы позвоните, положите деньги, и слуга вынесетъ вамъ масла или вина, по желанію.

Л и т т е р а т у р н ы я н о в о с т и .

Пріятнѣйшія извѣстія мы сообщимъ здѣсь любителямъ опечесшвенной Исторіи. Переведенный, чужеземными источниками и разнаго рода объясненіями дополненный сводъ лѣтописей, надъ

кошорымъ прудился съ 1802 года Н. С. Арцыбышевъ, доведенъ до 1581 года. Неупомимый нашъ изслѣдователь надѣется скоро окончить прудную, Египетскую свою работу до пресавлѣнiя Царя Иоанна Васильевича. — Не мѣсто и не время говорить шеперь о пользѣ, кошорую принесешь сей сводъ Россiйской исторiи, по всѣмъ частямъ ея, собственно Исторiи, Географiи, Хронологiи и проч. — Пожелаемъ шолько, чшобъ онъ явился скорѣе въ свѣшъ, и принесемъ благодарность дошпочтенному сочинителю за посвященiе 26 шлѣтъ жизни шакому общепользному пруду. —

П. М. Спроевъ кончилъ *Ключъ къ Исторiи Государства Россiйскаго* Н. М. Карамзина, надъ составленiемъ коего онъ прудился шлишкомъ чешыре года. Сей ключъ состоишь изъ чешырехъ азбучныхъ Росписей или указашелей (Indices): 1-е собшвенныхъ именъ лицъ, 2-е Географическихъ и шопографическихъ наименованiй, 3-е монашырей и церквей, 4-е предметовъ или машерiй. Онъ указываетъ и на шексшъ Исторiи и на примѣчанiя къ ней, на си богатые машериалы для всѣхъ ошраслей нашей Исторiи. Печашанiе сего Ключа начнешся, когда ожидаемый 12-й томъ Исторiи Карамзина выдешъ въ свѣшъ. Между шѣмъ Авторъ облегчаетъ занимающихся ошечшвенными древностями, ошотно позволяя справляшья въ своихъ Указашеляхъ всякому, кшо къ нему адресуется.

Важное изслѣдованіе о Кормчей книгѣ Барона Розенкампа на дняхъ будетъ оппечашано.

Н. М. Рожалинъ приступаетъ къ печашанію перевода Геренова большаго сочиненія: о политикѣ, сношеніяхъ и шорговлѣ древнихъ народовъ. Первую часть, содержащую общія замѣчанія объ Азіи и изслѣдованія о Персахъ, онъ издастъ особо. Надѣмся, что всѣ благомыслящіе соотечественники пожелаютъ Переводчику успѣшнаго окончанія сего прекраснаго труда.

Гець фонъ Берлихингенъ, трагедія Гете, переведенная издашелемъ М. В., пропущена цензурою и оппечашана будетъ къ Маю мѣсяцу.

Поэма Лорда Байрона Манфредъ переведена и будетъ напечатана вся въ слѣдующей книжкѣ Московскаго Вѣспника.

Мысли, замѣтанія и Анекдоты.

Суворовъ разсердился за что то на одного Полковника, который пользовался однакожь его благосклонноешію, — и приказаль ему явишься къ себѣ. Тотъ являешся въ назначенное время. — Суворовъ выходитъ изъ своей комнаты, и будшо бы не видя его начинаеть ходишь и бѣгашь около него, приговоривая: „ну ужъ эшопъ мнѣ Полковникъ! Помилуй Богъ, какъ надоѣль мнѣ! — Ужь дамъ ему знашь; ужъ нагоняю его порядкомъ, лишь только бѣ онъ явился ко мнѣ; раздѣлаюъ я

еъ нимъ; да что онъ нейдешь до сихъ поръ? — вѣрно наряжаешься, ужь поподчую его“ и пр. и пр. — Добѣгавъ и поворчавъ такимъ образомъ около виновашаго, Суворовъ отправился въ свою комнату, и вышедши изъ нея чрезъ полчаса, принялъ Полковника, какъ ни въ чемъ небывалаго.

Смѣшно вѣдь смотрѣть на Поззію, какъ на средство чинать въ слухъ спихи, — а между тѣмъ мы всѣ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, учимся Грамматику только для того, чтобы правильно писать и говорить. — По этому нѣмой и безрукой могутъ обойтись безъ Грамматики? По этому Грамматику должно будетъ исключитъ изъ числа наукъ, когда азбука такъ усовершенствуется, что не лзя будетъ неправильно писать? По этому умѣющій правильно писать и говорить уже знаешь Грамматику? По этому у дикаго, неумѣющаго писать и правильно говорить, нѣтъ Грамматики? По этому ... впрочемъ довольно и этого. —

Хотя безпрестанно толкуютъ вездѣ объ опредѣленіяхъ; но еще очень мало важнѣйшихъ предметовъ опредѣлено удовлетворительнымъ образомъ. — Хотя бы *покаместъ* ввели однообразіе въ опредѣленія наукъ! Если согласились опредѣлить Ариеметику наукою о числахъ, Ботанику наукою о растеніяхъ; то почему же не говорить, что

Исторія есть наука о дѣйствіяхъ человѣческаго рода; Спашистика наука о настоящемъ состояніи Государства: во всѣхъ сихъ опредѣленіяхъ показывается, правда, только предметъ науки, а не сущность ея), но эшотъ недоставокъ дополняется опредѣленіемъ науки *вообще*. —

Нигдѣ нѣтъ столько сбивчивости и неясности въ опредѣленіяхъ, какъ въ Грамматицѣ. Тамъ лучший образчикъ того, что называютъ *circulus in definiendo*.

Уши вянутъ, сказала Н. Н., прочтя въ одномъ Журналѣ одну спашью. — Нѣтъ, длиннѣе — возразилъ его пріятель. —

„Вотъ до какихъ ужасныхъ послѣдствій, до какого позора, пагубная спрась къ игрѣ доводитъ вашу братью, легкомысленную молодежь,“ сказала своему племяннику старикъ Н, восхищенный ударами, которые въ последнее время посыпались у насъ со всѣхъ сторонъ на невинную забаву Французскаго Короля Карла VII. „Прочти Жизнь Игрока, сочиненіе Г. неизвѣстнаго, прочти Сапиру на игровую, сочиненіе Г. Великопольскаго, прочти Прологъ къ комедіи Игроки: Князя Шаховскаго, посмотри на несчастнаго Дюканжева Адольфа, который былъ поверженъ въ бездну мученій.“ . . . Дядюшка, отвѣчала, въ слезахъ, тронутый пле-

мяннжкъ , вѣдъ Адольфъ поншировалъ , ему надобно бы мешать . . .

Вся публика приняла сочиненія Г. Булгарина по его свидѣтельству (см. предисловіе къ III тому) , съ отмѣнною благосклонностію ; одинъ только человекъ предложилъ о нихъ свое неблагопріятное мнѣніе ; кажется , можно было бытъ довольно такою пропорціею ? — Нѣтъ . Авторъ , при всей своей скромности , недоволенъ и шеперь на 20 страницахъ мешеть стрѣлы въ дерзкую единицу . — Помилуйте Господа Автора ! можно ли пребывать единогласія отъ Публики ? Quot capita , tot sententiae . Сколько головъ , столько умовъ .

N. N.

Какой то забавникъ прислалъ въ эпо новое опдѣленіе смѣси слѣдующее изъясненіе *Комедіи* и *Трагедіи*: „Цѣль *Комедіи* всегда свадьба , цѣль *Трагедіи* убійство ; ибо завязки шой и другой рѣшительно основываются на сихъ двухъ событіяхъ . Будеть либо свадьба , либо убійство ? въ эпомъ состоить *первое дѣйствіе* . Содержаніе всего *второго дѣйствія* обыкновенно заключается въ слѣдующихъ положеніяхъ : не бывать свадьбъ или не бывать убійству . Забавный случай , вспомошествоующій свадьбъ , или страшное произшествіе , способствующее убійству , составляютъ предметъ *третьяго дѣйствія* . Неожиданное обстоятельство , препящ-

спвующее свадьбѣ или убійству, непременно наполняетъ *тетвертое дѣйствіе*. Наконецъ, когда уже надоѣдають всѣ перемѣны, сочинитель поспѣшаетъ играть свадьбу или совершить убійство, ради заключенія *пятого дѣйствія*. Намъ кажется это изъясненіе довольно удовлетворительнымъ и остроумнымъ, особливо когда приложишь его къ *нѣкоторымъ произведеніямъ* нашей драматической Поэзіи: извините Гг. *нѣкоторые* драматическіе Поэты!

Некрологія.

Марша 15 го, въ 6 мь часу утра, скончался Александръ Ивановичъ Писаревъ отъ изнурительной чахотной лихорадки (*). Безкорыстные усилія знаменитаго врача не могли спасти его; умственная дѣятельность слишкомъ далеко превышала въ немъ силы племени. Писаревъ увлекъ во гробъ съ собою великія, блистательныя надежды друзей своихъ и всѣхъ коротко его знавшихъ.

Онъ родился въ 1801 мь году, 14 Іюля, въ селѣ Паникахъ, Данковскаго уѣзда, Рязанской Губерніи. Съ самаго дѣтства отличался умомъ и памятью необыкновенными. Въ 1817 году онъ былъ отданъ въ Университетскій благородный Пансіонъ; тамъ пробылъ 4 года, ознаменованные от-

(*) Ровно черезъ годъ, въ одинъ день и часъ съ Д. В. Веневитиновымъ.

личными успѣхами въ наукахъ и тамъ открылась въ немъ рѣшительная склонность къ Словесности: поприще свое началъ онъ, какъ и всегда почти бываетъ, Лирическими стихотвореніями, въ которыхъ и тогда ярко блистало истинное дарованіе. Въ 1821 мѣ году онъ былъ выпущенъ изъ Пансіона: золотая доска и 10 й классъ свидѣтельствуютъ объ его успѣхахъ. Любовь къ Театру заставила его служить при немъ; испытавъ своимъ способностямъ въ разныхъ родахъ Словесности, онъ совершенно посвятилъ себя Драматической Литтературѣ: его переводныя комедіи и водевили суть только опыты упражненія въ слогѣ; но кто незнаешь остроумныхъ, колкихъ, иногда глубокомысленныхъ куплетовъ его? . . . Къ несчастію онъ не успѣлъ написать начашой имъ большой Исторической комедіи, *Колумбъ*. Планъ расположенъ превосходно, обдуманъ во всѣхъ подробностяхъ: онъ извѣстенъ многимъ Литтературамъ; одно дѣйствіе уже написано. Эта Комедія, при хорошемъ исполненіи, въ чемъ нельзя было сомнѣваться, увѣнчала бы его долговѣчными лаврами.

Люди, некоротко знавшіе покойнаго, не могутъ вполнѣ раздѣлять скорби друзей его; онъ былъ холоденъ въ обращеніи; но пламенный чувства кипѣли подъ сей холодною наружностію; въ дарованіяхъ же его никто не сомнѣвался; онъ сдѣлалъ мало, — но могъ сдѣлать много. Высокая комедія быда бы достойнымъ его поприщемъ и онъ воору-

жилъ бы Талію (скажемъ его словами *) кинжаломъ Мельпомены! . . . Глубокій , пронизательный умъ , чуждый оковъ присраспія и предразсудковъ липшерапурныхъ, спрогій, вѣрный вкусъ, сила мыслей новыхъ, свѣжихъ, смѣлосшь, рѣзкость въ ихъ выраженіи , ѣдка, убійственна оспроша, любовь къ справедливоспи, ненависть къ пороку . . . все заставляло ожидать ошь него комедій Аристофановскихъ . . . .

Да не сочтущь слова сіи — присраспными словами дружбы: я говорю о потерѣ общей; скорблю о помъ , о чемъ скорбятъ всѣ истинные любители изящнаго и дарованій. О своей потерѣ дружба неказала еще ни слова . . .

Писаревъ погребень 20 Марта въ Покровскомъ монашпырѣ.

А—въ.

(*) Похвальное слово Капнисту. См. Ашенел No 5.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ , чшобы по напечатаніи , до выпуска изъ типографіи, предсшавлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва , Марта 20 го дня , 1828 года.

*Въ должности Предсдателя Цензоръ
Сергій Аксаковъ.*

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

№ VII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Манфредъ.

Соч. Лорда Байрона.

Манфредъ (одинъ).

Лампада гаснешь — здѣсь и внѣ

Такой же сумракъ, какъ во мнѣ. —

Безъ сна, иль въ страшномъ снѣ мечшаній,

Я не смыкаю глазъ, или смыкаю ихъ,

Чтобъ взоры углубишь въ пучину золь монхъ,

Чтобъ мыслью обшекашь весь мрачный міръ
спраданій,

И черпашь ужасы среди воспоминаній. —

И я еще дышу! —

Я образъ существа живущаго ношу!

О скорбь, ты грозною назначена судьбою

Насъ къ истинѣ веспи унылою спезею! —

Познанья горькій плодъ! — кто больше всѣхъ

позналъ,

Тотъ кубокъ роковой всѣхъ чаще испиваль,
 Всѣхъ чаще грусть ему попокомъ изливалась,
 И рѣдко для него на днѣ

Надежды сладость оставалась!

О бездны мудрости! я въ вашей глубинѣ
 Мнилъ тайны естества читашъ какъ въ свѣтѣ
 дневномъ;

Но что открылось мнѣ во мракѣ сѣмъ плачевномъ?
 Быспрошекущій лучъ огнистою спруей
 Блеснулъ, какъ молнія, внезапно предо мной;
 Тайнственна нить въ рукѣ моей явилась,
 И свѣтлая спезя опъ мрака опдѣлилась, —

Я смѣло въ новый путь вступилъ,
 Ко свѣту взоры обратилъ,
 Но скоро лучъ во тьмѣ угасъ,
 Заспигъ полночныхъ страховъ часъ,
 Сокрылся дальній, свѣшлый міръ,
 И я остался мраченъ, сиръ.
 Туманъ сгустился вокругъ меня,
 Не зрю ни тмы ноцной, ни дня;
 И зло и благо, свѣшъ и мракъ, —
 Надежда, рздость, скорбь и страхъ,
 Все чуждо въ сердцѣ — все, какъ злакъ
 Въ сожженныхъ Ливіи пескахъ.

О вы, парящіе въ Ээирѣ,
 Свободно опъ тѣлесныхъ узъ,
 Невидимые сонмы въ мірѣ,
 Могучій таинсшва союзъ,
 Я васъ на помощь призываю.

И страшнымъ именемъ того,
Кто міръ колеблеть, заклинаю
Услышашъ гласъ трубы его.

*Звѣзда является на темномъ краю горницы;
она стоитъ неподвижно, и въ то же время слы-
шанъ поющій голосъ.*

1 й Голосъ.

Смершній! я изъ царства грома:
Въ нѣдрѣ облачнаго дома,
Чистомъ, свѣпломъ, какъ спруя,
Прошекаетъ жизнь моя.
Подо мною — вихрь и бури,
Надо мною — миръ лазури;
Но и въ нашъ блаженный ликъ
Вопль несчастнаго проникъ;
Въ мигъ покой нашъ возмутился, —
Въ мигъ на помощь я явился.

2 Голосъ.

Мой домъ на вершинѣ алмазной горы,
Гдѣ въ бѣломъ сіяешь виссонѣ,
Союзнымъ лучемъ сребристой луны,
Подъ огромнымъ шапромъ шумановъ и мглы,
Зима на спеклянномъ престолѣ.
Подножіе шрона — громады снѣговъ, —
Столпы его — льдисты спремнины;
Ихъ корни низходящъ къ жилицу духовъ,
Главы ихъ восходящъ къ державѣ громовъ.
Подошва — цвѣшущи равнины.

Твой голосъ, о смершнй, раздался въ горахъ,
 Въ пушынныхъ хлада вертепахъ,
 Подвигнушы сонмы, какъ волны въ моряхъ,
 Окованны мразомъ въ желѣзныхъ цѣпяхъ,
 Во льдиспыхъ вѣчныхъ закляпахъ.
 Пушыни и горы и камни и льды
 Ошвѣспивуюшъ воплю несчастныхъ;
 Онъ рушилъ швердыни желѣзной зимы,
 Онъ мчишся чрезъ холмы и доли и рвы,
 Въ сердцахъ раздаешся согласныхъ.

3й голосъ.

Моя опчизна — дно глубоко
 Тѣхъ мирныхъ и криспальныхъ водъ,
 Гдѣ, какъ въ зеркаль, видишь око
 Лазурный, ясный неба сводъ,
 Гдѣ грозный Аквилонъ не смѣешъ
 Равнину моря колебашъ,
 Гдѣ буря власпи не имѣешъ
 Мяшежны волны воздвигашъ.
 Внезапу гласъ швой надъ водами
 Низпаль, какъ быспрошечный громъ,
 Извилъ равнину водъ спруями
 И всколебалъ мой мирный домъ.

4й голосъ.

Изъ нѣдра Волкана,
 Изъ области шьмы,
 Изъ волнь океана
 Кпящей смолы,

Ошкуда сполпами,
 Къ верхамъ голубымъ,
 Восходишь надъ вами
 И пламень и дымъ, —
 Изъ сей раскаленной
 Пучины огня,
 Мольбой дерзновенной
 Ты вызвалъ меня.

5й голосъ.

Чада бурныя Эола
 Колесница мнѣ и конь;
 Опъ его я мчу прешола
 Вихрь и громы и огонь;
 Я прошекъ верхи долины
 И моря и берега;
 Слѣдъ мой — въ знойныя пущыни
 Изсушенныя луга.

6й голосъ.

Мое обипалище въ сѣни ноцной;
 Какое сообщество свѣту со тьмой?

7й голосъ.

Звѣзда, съ копорой я низшелъ,
 Была мой искони удѣлъ;
 То былъ прекрасный, свѣшлый міръ,
 Какъ солнце лившій свѣшь въ эирь,
 Его печенье — шопъ законъ,
 Который вамъ опкрылъ Невтонъ;
 Но грозный часъ наспалъ суда, —
 Померкла свѣшлая звѣзда

И стала мѣшомъ безъ оспрадъ. —
 Блуждающій въ ээирѣ адъ,
 Развалины природы всей,
 Неспройный хаосъ — снѣдь огней,
 Столпомъ клубящій смрадный дымъ,
 Гроза и спрахъ мірамъ инымъ,
 Свѣшящій длинной полосой
 Какъ Эшна пламенной рѣкой,
 Безъ образа, безъ жизни, силъ,
 Чудовище среди свѣпиль,
 Безъ постояннаго пуши,
 Безъ силъ въ союзъ планешъ войши,
 Бѣгущій въ дальный свѣша край
 Ошъ спранъ, гдѣ солнца, жизнь и рай.

Семь духовъ.

Нощь, горы, вихри, адъ, земля, ээиръ и море
 Являюща швое разрушншь, смертннй, горе.
 Промолви, для чего швой гласъ
 Изъ сихъ селеній вызвалъ насъ?

Манфредъ.

Свободы алчу я, я алчу избавленья! —

1 й Духъ.

Но ошъ кого и какъ?

Манфредъ.

Ошъ самага себя! —

Чишай въ моей душѣ — шамъ язва угрызенья —
 Она и въ самый гробъ преслѣдуешъ меня.

Д у х ъ.

Не можемъ дать того, что не у насъ во власти;
 Намъ каждому даны природы мершвой часпи,
 Но духа огнень шокъ пресѣчь
 Лишь можешъ шопъ, кшо могъ возжечь.

М а н ф р е д ъ.

И такъ забвенія мнѣ силу принесише,
 Забвенье мнѣ въ ключахъ геенны почерпнише!
 Доколь опверсшый адъ передъ собою зрѣшь?

Д у х ъ.

Не властны мы и въ семь . . . . шы власненъ —
 умерешъ.

М а н ф р е д ъ.

Но погрузишь ли смерть меня въ рѣку забвенья? . . . .
 Не смерти алчу я — уничтоженья.

Д у х ъ.

Мы всѣ безсмертны, и въ рѣкахъ
 Не плаваемъ забвенья;
 Но въ шонкихъ воздуха парахъ
 Всѣ тайны зримъ шворенья;
 Вѣка протекшіе, какъ свѣшь,
 Сіяють передъ нами;
 Въ одно мгновенье шокъ планешъ
 Объемлемъ мы крылами.

М а н ф р е д ъ.

Но что до таинствъ вашихъ мнѣ? —
 Я ихъ довольно знаю!

Довольно въ слезной сей спранѣ
 Ошъ шаинствѣ я спенаю;
 Но скоро пламень сокрушитъ
 Тѣлесныя оковы,
 И духъ мой смѣло воспаритъ
 Подъ ваши свѣшлы кровы.
 Я знаю — нѣтъ мнѣ нужды въ васъ,
 Чшобъ знашь, что я вамъ равенъ:
 Равно звучитъ мнѣ правды гласъ,
 Равно я свѣшомъ славенъ.

Д у х ъ.

Когда спупенью равенъ намъ
 На лѣсшвицѣ шворенья,
 За чѣмъ, въ прошивность небесамъ,
 Ты жаждешъ униженья?

М а н ф р е д ъ.

И такъ вошще взываль я къ вамъ!
 И духи не въ опраду!

Д у х ъ.

Мы все даемъ, что можно намъ:
 Богашство, силу, славу.
 Вошь кубокъ съ чудною водой:
 Пей жизни наслажденье.

М а н ф р е д ъ.

Да стибнешъ горькій даръ съ тобой! ....
 Исчезло упоенье! —

Д у х ъ.

Одно лишь слово — и пивои
 Покленники полною ....

Манфредъ.

Но прежде образы свои
Явише предо мною.

Духъ.

Какъ звѣзды на шверди небесной ,
Сіяють союзы духовъ ;
Но свѣтъ сей не славы шѣлесной ,
Но славы сердець и умовъ .
Спруя быспрошока мгновенно
Полуденнымъ солнцемъ горить ;
Сіянiе духа неплѣнно
Земное на время живишь .
Спруя за спруею кашишься ,
Та меркнешь — другая въ лучахъ ,
И шѣмъ же свѣшиломъ запишся . . . . .
Такъ вѣчное въ брѣнныхъ шѣлахъ .
До утра природы злапаго
Невидимъ нашъ ликъ на землѣ ;
Но если ты алчешь земнаго ,
Въ земномъ я предстану тебѣ .
Лучъ свѣша въ спруѣ не зашмишься ;
Онъ свѣшишь въ союзѣ съ спруей :
Безсмершное въ плѣнѣ явишся ,
Небесное въ ризѣ земной .

*Духъ явлется въ знакомомъ Манфреду женскомъ образѣ. — Манфредъ упадетъ въ обморокъ. Въ это время духъ изгезаетъ и слышанъ голось ,
поющій сии слова :*

Въ часъ ночной , когда луной
Серебришся море ,

Свѣшишь червь въ правѣ гусшой,
 Огнь блуждаешъ надъ водой,
 Надъ могилой парь земной
     Свѣшишь въ метеорѣ,
 Звѣзды падають съ небесъ,
 Крикомъ совъ наполненъ лѣсъ,
 И деревьевъ дружныхъ сонмы
 Спашь въ тѣни холмовъ безмолвны,
 Духъ мой будешь надъ шобой
 Въяшь силой роковой.

И въ полночномъ крѣпкомъ снѣ
 Будешь духъ швой плѣнникъ мнѣ;
 Чада мрака предъ шобою
 Черной, длинною грядою
 Будушь вѣчно проходить,
 Вѣчно скорбь съ шобою жишь;
 Какъ могильной пеленою,
 Облеченъ мечпаній мглою,
 Вѣчно будешь жить швой умъ
 Въ шемномъ мѣрѣ грустныхъ думъ.

Какъ незримыми цѣпями
 Сердце скованно мечшами
 Узришь въ сѣши чудной сей
 Тайну мощь руки моей.
 Я, какъ врагъ кровавый съ бою,
 Всюду слѣдомъ за шобою;
 Ты вращаешь взоръ — но я
 Ушекаю, какъ спруя.

Я лечу, какъ быстро пламя,
 Предъ собой, подьема знамя
 Всѣмъ безчисленнымъ полкамъ —
 Всѣмъ разстяннымъ мечамъ.

На пуши швоемъ всегда
 Съши, ужась и бѣда;
 Воздухъ будешь надъ побой
 Тяжекъ кляшвой и грозой;
 Какъ шипѣніе змѣи,
 Въ уши вѣтръ свисташъ швой!
 Не найдешь въ порѣ ночной
 Ты насущный всѣмъ покой;
 Солнце въ свѣтлый день взойдешъ,
 Но тебя лишь зной сожжешъ.

Твой пришворно сладкій взглядъ
 Растворилъ я въ смершный ядъ;
 Изъ швоихъ коварныхъ словъ
 Я изрылъ напашти ровъ;
 Изъ дна души швоей
 Поднялъ я шипящихъ змѣй;
 Сердца кладязъ швой глубокъ
 Я отверзь въ полынный шокъ;
 Ядъ измѣрилъ всѣхъ отправъ,
 Всякой пагубы составъ,
 И нашель сильнѣй его
 Ядъ коваршва швоего.

Улыбкой швоею змѣиной
 И хладнымъ сердцемъ швоимъ;

Бездонною лести пучиной,
 Извергшей чарующій дымъ,
 Взоромъ алчбы ненасытной,
 Съющимъ призраковъ свѣшъ,
 Сѣрдца измѣною скрышной,
 Горькимъ испочникомъ бѣдъ,
 Съ первымъ погибели чадомъ
 Вѣчнымъ собращешвомъ швоимъ —
 Тебя заклинаю бышь собственнымъ адомъ,
 И казнью злодѣямъ инымъ.

На главу, о льшець, швою
 Я фіаль сей кляшвы лью;
 Да не будешь ввѣкъ судьбой
 Сонъ и смерть шевъ въ покой!
 Съ вѣчной жаждой умерешь,
 Страхъ въ близи погибель зрѣшь;
 Цѣпь беззвучная шевя
 Обвиваешь, какъ змія.
 Огнь и въ сердце и въ чело —
 Кляшвы грозное клеймо.

*Гора Юнгфрау. — Утро. Манфредъ одинъ на
 утесахъ.*

М а н ф р е д ъ.

Вошце духовъ я призывалъ,
 Вошце я шайны открывалъ:
 Нѣшь въ цѣлой безднѣ естества
 На язвы сердца врачевства:

Въ пропекшемъ все меня спрашншь
 И грозень будущаго видъ;
 Я въ томъ не власнень — все за мной
 Всемошноу сковано рукоу;
 Но что во власти зрю моеу,
 Тамъ меркнешъ слабухъ свѣшъ очей.
 Земля, несчастныхъ мирна сѣнь,
 Холмы, поля, свѣпящій день,
 За чѣмъ вы живы предо мной
 Веселья свѣшлаюу красоу?
 А ты, о жизнь природы всеу,
 Твоу лучъ ешь адъ души моеу.
 Скалы, спремнины, гдѣ спюу
 На самоеу пропасней краю,
 Гдѣ шагъ, гдѣ мигъ, дыханье, взоръ
 Свергаешь въ бездну съ верха горъ.
 Почто я медлю? — Что я жду?
 Я вижу смерть — и вспяшь иду.
 Я жажду гибели, но спрахъ
 Сковаль меня на снхъ скалахъ.
 Нога не дрогнешъ въ адъ ступншь,
 Но бездна спрахомъ мысль кружншь.
 Незримоу силоу во шьмѣ
 Прикованъ я къ своей шюрмѣ. —
 Такъ! — спрашноу вижу я шюрмоу
 И мнръ и жизнь передъ собою,
 Когда то можешъ жизнью бышь,
 Чтобы жизнь сердца пережншь,
 Чтобы гробомъ бышь душъ своеу,

Когда померкъ свѣтъ жизни въ ней,
И правды гласъ гремишь всегда,
Какъ громъ грозящаго суда.

Орель пролетаетъ мимо.

А ты, крылатый спражь громовъ,
Парящій въ нѣдрѣ облаковъ,
Склони полеть свой къ глубинѣ,
Неси съ небесъ погибель мнѣ;
Но ты паришь превыше шучь
Туда, гдѣ меркнешь смершный лучъ,
Гдѣ вѣчень свѣтъ и чистъ эфиръ. —
О сколь прекрасенъ горній міръ!
Но мы въ сей безднѣ естества, —
Мы — зримый образъ Божества —
Цари природы — мы рабы
Въ цѣпяхъ желѣзныя судьбы.

Слышенъ въ дали звукъ пастушеской свирѣли.

Вотъ звукъ злыхъ природы дней —
Природы въ красотѣ своей. . . .
О еслибъ я симъ звукомъ былъ,
Духаньемъ гласа въ небѣ жилъ —
Живое эхо въ нѣдрѣ горъ —
Свободный, чистый духа взоръ,
Являющій природѣ всей
Источникъ красоты своей.

Появляется снизу охотникъ.

Охотникъ.

Серна, какъ молнія, шамъ за скалой
Мелькнула и скрылась,

И съ нею награда работы дневной,
 Какъ въ шучи луна, закашилась, —
 Но кто на крушой высотѣ шамъ стоишь?
 Онъ мнѣ не товарищъ, но смѣло глядишь.
 Никшо изъ жильцовъ въ сей горной странѣ
 Во вѣкъ не бывалъ на такой вышинѣ, —
 Лишь серны съ ловцами подобными мнѣ.

Манфредъ.

(*Не замѣтая охотника*)

О горны цѣпи вѣчныхъ льдовъ,
 Снѣговъ висящія громады,
 Готовыя упасъ съ верховъ,
 И пошопить поля и грады,
 Падише прежде на меня,
 Сокройше отъ сіянья дня.
 Одно дыханье въ каждый мигъ
 Васъ можете свергнуть съ горъ крушыхъ:
 Я слышу трескъ вашъ надъ собой,
 Но васъ не зыблетъ голосъ мой;
 Падете вы, какъ громъ съ небесъ,
 На нивы, жатвы, степь, иль лѣсъ,
 На мирныхъ жителей села —
 На шѣхъ, которымъ жизнь мила...

Охотникъ.

Уже шуманы къ облакамъ
 Восходящъ изъ долинъ:
 Опасно ходишь по скаламъ
 Онъ съ гибелью одинъ.

Манфредъ.

Туманы шеляшся вокругъ льдисныхъ главъ,
какъ дымъ,

И тучи плавають, какъ бездны адской пѣна,
Біющая о брегъ живой —

Безчисленный песокъ морской

Сыновъ погибели и пѣна. —

Кружишся голова.

Охотникъ.

Онъ гибнепъ, шагъ одинъ :

И онъ спремглавъ на дно долинь. —

Я спану между имъ и гибельной спремниной.

Манфредъ.

Огромная гора съ холмистою вершиной
Низверглась въ глубину — цѣпь Альповъ
потряслась,

И облачныхъ громадь разрушилася связь,

Паденіемъ ея сравнялись рвы глубоки

И рѣки всяпъ свои оборотили шоки,

И съ брызгами смѣшавъ обломковъ горныхъ
прахъ,

Взвилися къ облакамъ въ шуманахъ и сполпахъ.

Такъ нынѣ съ Розскою свершилося горою.

О ешьлибъ я шога низвергся въ адъ съ шобю!

Охотникъ.

Прохожій, берегись — швой первый шагъ
бѣда!

Манфредъ.

(*Не слыша его.*) О если бы сбылась поги-
бель мнѣ тогда,

Мой прахъ спокойно бы спалъ въ нѣдрѣ горъ
глубокомъ

И не развѣялся бѣ всѣхъ вихрей быстримъ
покомъ;

Но что до праха мнѣ? — Пустѣ вѣтрѣ его
несешь!

Я въ бездну, въ адъ. Прощай, небесъ
опвершый сводъ!

Не привлекай меня ты свѣтлостью своею,
Ты не былъ мой удѣлъ; я въ безднѣ часъ имѣю.
О бездна, веселись! . . .

Когда Манфредъ готовъ сброситься съ утеса, въ самую ту минуту охотникъ внезапно его схватываетъ и удерживаетъ.

Охотникъ.

Посшой, безумецъ, итьшь!

Когда тебѣ дошло прошивенъ солнца свѣтъ,
Страшися осквернишь своей преступной
кровью

Долины чистыя, цвѣшущія любовью.

Я не пушу тебя, иди отсель за мной! —

Манфредъ.

Пусти — я изнемогъ и шѣломъ и душой;
Вѣтрѣ дуешь вокругъ меня, снѣгъ пылью о-
сыпаешь;

Кшо ты?

Охотникъ.

Спупай за мной, въспрь шучи накопиаешь,
 — Здѣсь, здѣсь иди, — вошь шросшь, — у
 дерева пошой, —

Дай руку, — ошдохни, — держись за поясь мой.

Мы скоро спушимся съ сей гибельной спремнины
 И выйдемъ черезъ часъ, на гладкія равнины;
 Ошшуда на холмѣ ошкроешся мой домъ; —
 Дорога не круша — мы скоро ошдохнемъ.

Уходятъ.

Хижина на Альпійскихъ горахъ. — Манфредъ и охотникъ.

Охотникъ.

Нѣшь, нѣшь; не уходи, побудь еще со мной, —
 Ты слабъ — тебѣ еще необходимъ покой;
 Когда шы ошдохнешь и шѣломъ и душою, —
 Я спушникъ швой — иду повсюду за шобою.

Манфредъ.

Не нужно — пушь мой мнѣ знакомъ.
 Нѣшь больше нужды мнѣ ни въ комъ.

Охотникъ.

Нарядъ и видъ швой мнѣ являющъ
 Единаго изъ шѣхъ вельможъ,
 Кошорыхъ замки ошѣняющъ
 Поля, гдѣ блещешъ злашомъ рождъ.
 Гдѣ домъ швой? — Мнѣ сихъ замковъ пышныхъ
 Знакомы шолько лишъ враша;

Въ полпу прислужниковъ излишнихъ
 Свобода мной не продана.
 Но всё спези отъ горь къ ворошамъ
 Отъ дѣшсшва знаю моего. —
 Гдѣ домъ швой? — Всякимъ изворопомъ
 Довесшь умѣю до него.

Манфредъ.

Не нужно.

Охотникъ.

Такъ со мной обѣдай
 И за просшимъ моимъ споломъ
 Вина спариннаго опшѣдай
 И поминай мой бѣдный домъ.

Манфредъ.

О прочь съ кровавымъ ошпріемъ! —
 Иль въ бездну вѣкъ оно съ шбой не по-
 грузишься? —

Охотникъ.

Въ какихъ мечшахъ швой умъ кружишься?

Манфредъ.

Я вижу кровь.... она восходишь къ облакамъ! —
 Она мнѣ вѣчная преграда къ небесамъ.

Охотникъ.

Твой ужась, рѣчи, испушленье
 Грѣховъ являюшь шяжкихъ слѣдъ. —
 Но успокойся — ушѣшенье
 Подасшь небесное шерпѣнье
 И душъ свяшыхъ благій совѣшь.

Манфредъ.

Совѣшь — шерпѣные — эшѣ рѣчи
 Не волку слушаешь, а овцамъ.
 Пусть будущъ стада послушныхъ плечи
 Повинны вѣчно бременамъ! —
 Спущай къ нимъ съ проповѣдью сею; —
 Я съ чернью чаши не имѣю. —
 Я не товарищъ швой.

Охотникъ.

Благодарю судьбѣ,
 Чшо я не созданъ бытъ товарищемъ тебѣ,
 Чшо темный мой удѣлъ не съ свѣтлостью швоею,
 Хоша бы Телль въ тебѣ сиялъ спрѣлой своею. —
 Но чшо бы ни сбилось съ тобой. . .
 Сноси — сей гнѣвъ напрасень швой! —

Манфредъ.

Я развѣ не несу несносной жизни бремя?

Охотникъ.

Но несть, какъ ты — спасенья нѣтъ.

Манфредъ.

Какъ горькѣй шокъ, мой вѣкъ прошекъ ужь
 много лѣтъ;
 Но чшо прошекшее ничшожной жизни время,
 Чшо быстрыхъ молній въ мракѣ слѣдъ
 Предъ бездной, шысящыми вѣковъ ненасышимой,
 Предъ жаждой умереть, во вѣкъ неугасимой,
 Предъ вѣчною рѣкой палащаго огня? —

Охотникъ.

Но ты не старѣ меня! —
 А мой такъ быстро вѣкъ промчался,
 Какъ я за серной не гонялся.

Манфредъ.

Не спрѣлки бѣгъ, но жизнь души
 Считаешь годы намъ и дни,
 Какъ медленъ шокъ сквозь вязкій иль,
 Сквозь скорби духъ мой жизнь влачилъ,
 А нынѣ степь передо мной,
 Пески и камни, вихрь и зной,
 И памъ послѣднїя мои
 Исчезнушь жизненны спруи.

Охотникъ.

Въ мечтахъ ты мрачныхъ внѣ себя.
 О какъ оставишь мнѣ тебя?

Манфредъ.

О если бы я былъ мечтами окружёнъ! —
 О если бы меня тревожилъ страшный сонъ! —

Охотникъ.

Но что, скажи, тебя спрашивъ,
 Что въ мирной сѣни духъ мушишь?

Манфредъ.

Я, пышный властелинъ Альпійскїя вершины,
 Подъ кровлей бѣднаго ловца! —
 Твой промыслъ шрудный, но невидный,
 Покой и свѣтлая душа,

Дни радости и ночи мира,
 Надежды будущаго міра. . . . .
 Когда на эшо все смошрю,
 И послѣ въ мракъ мой взоръ вперю —
 Тогда — но чшо мнѣ пользы въ шомъ? —
 Я мершвъ уже вошелъ въ швой домъ! —

О х о т н и к ъ.

Но захотѣлъ ли бы шы мнѣ
 Свой жребій промѣннать?

М а н ф р е д ъ.

Могули съ гибелью шебѣ
 Ошрады я искашь?

О х о т н и к ъ.

Да будешь съ неба миръ шебѣ;
 Раскаянія плодь. —
 Желаньямъ чисшымъ и мольбѣ
 Богъ щедро подаешъ.

М а н ф р е д ъ.

Не нужно мнѣ мольбы швоей,
 Не нужно сожалѣнья. —
 Вошь злашо — съ нимъ души моей
 Тебѣ благодаренье.
 Возми — ни слова мнѣ въ опказъ;
 Оно швое — дай руку. —
 Прощай, насшалъ полудня часъ! —
 Благословляй разлуку.

Долина въ Альпійскихъ горахъ. — Водопадъ. Входитъ Манфредъ.

Манфредъ.

Долины свѣжія, средь васъ,
 Не спрашенъ полдня знойный часъ.
 Лучи палящаго свѣшила
 Низходящъ шихо надъ водой
 И сводъ смарагдовъ и сафира
 Вънчающъ свѣшлую дугой.
 Но гдѣ кремнистая гора
 Свергаешъ въ бездну сполкъ сребра,
 Тамъ солнце свѣшлыми парами
 Обратно емлець падшій лучъ,
 Жемчужну пѣну вверхъ клубами
 Спремилъ къ союзу нѣдру шучь. (*)
 Въ семь мѣсѣ шихія прохлады
 Мой взоръ одинъ піешъ опрады.
 Сколь сладоспенъ пусыни миръ!
 О еслибъ могъ забышь я міръ! . . —
 Здѣсь въ шихой нѣгѣ обивашъ
 И Нимфу водъ сихъ призывашъ!

*Манфредъ подходитъ къ водопаду. Въ сіе самое
 время слышенъ голосъ:*

Живущій здѣсь безсмершнй духъ
 Склонилъ къ швоимъ желаньямъ слухъ.

(*) Здѣсь употреблено въ подлинникъ слѣдующее сравненіе: „Стрѣлы солнечнаго лука . . . разсыпающъ „лучи пѣнащагося своего свѣша во всѣ стороны, „подобно хвосту блѣднаго коня, на кошоромъ воз- „сидешъ смерть, какъ сказано въ Апокалипсисѣ.“

Огонь облекся крошкой мглою —

Я въ ликъ смершномъ предъ шобою.

*Нимфа Альпійкихъ горъ является подъ сводомъ,
который солнечные дуги составляютъ надъ водо-
падомъ.*

М а н ф р е д ъ.

Прекрасная Нимфа!

Какъ солнце, швоя

Сіяешь злашыми

Власами глава.

Безсмершіе дышешь

Во взорахъ швоихъ,

Въ семь видъ прелесшномъ

Явѣтся въ Эдемъ

Дщери земли,

Когда просіаюшь

Нешлѣнною славой

Ихъ шлѣнны шѣла.

Твой образъ прелесшный

Юности вѣчной

Румянцомъ горишь.

Предъ жизнію цвѣша

На шѣлѣ безсмершномъ

Вся прелесшь земная

Тускла и мершѣа;

Не блещушь лилеи,

Не блещушь снѣга,

И темны земнаго

Слащнаа луча.

Прекрасная Нимфа!
 Какъ радуги мира
 Брови швои;
 Какъ свѣшлось ээира,
 Надъ ними играешь
 Вѣчная радость
 Безсмершной весны.
 На нихъ я чишаю
 Прощенье ошвагъ
 Сына земли.
 Къ шебъ я взываю;
 Дыханіемъ жизни
 Скорбнаго сердца
 Огонь ушли.

Н и м ф а.

О сынъ земли!
 Я знаю шебя
 И шайные силы
 Подземныхъ ключей,
 Гдѣ черпаешь мудрость
 И власшь надъ духами,
 Я знаю шебя;
 Глубокія думы,
 Какъ черная шуча
 Надъ снѣжнымъ холмомъ,
 Лежатъ надъ швоимъ,
 Высокимъ челомъ.
 Ты смершній,
 Извѣсшній

И благомъ и зломъ,
 И смертныхъ превыше
 И въ шомъ и другомъ.
 Союзно съ кругами
 Колесъ роковыхъ
 Вершитя у Парокъ
 Тайншвенной ниши
 Твоей врешено.
 У сихъ водопадовъ
 Ждала я шебя.
 Чшо хочешь, о смертный!
 Чшо просишь ошь насъ?

Манфредъ.

Я мраченъ шоскою,
 Какъ здѣшній подлунный,
 Унылый мѣрь.
 Я быстрые взоры
 Безсмертнаго духа
 Къ жилищамъ безплошныхъ
 Вошце обращалъ,
 Вошце я изъ нѣдра
 Незримой державы
 Горняго мѣра
 Ошрады искалъ,
 Искалъ я шого,
 Чего мнѣ не могушь
 Ни воздухъ, ни море,!
 Ни бездна подать.

Искашь ли съ побою
Еще на земли ?

Нимфа.

Чего ты искалъ ?
Чшо выше круговъ
Могучей державы
Незримыхъ духовъ ?

Манфредъ.

Искалъ я покоя,
Искалъ угасишь
Горящую совѣсть
Геенны огнемъ !
Но чшо опшверзаю
Ужасныя шайны
Преступнаго сердца ? —
Ты вѣдаешь все ! —

Нимфа.

Кшо можешь извѣдашь
Тайны сердцець ?
Кшо можешь измѣришь
Глубокія бездны
Безмершнаго духа ? —
Не шощь ли единый,
Кшо создалъ его ?

Манфредъ.

Горестно сердцу,
Но сладко ушами

Повѣдашь тебѣ,
 Прелестная Нимфа,
 Тайну мою,
 И въ крошкѣмъ дыханьи
 Небеснаго духа
 Новыя жизни
 Испишь аромашь.

Мой духъ ошь юности моеи
 Бѣжалъ сообществу людей,
 Дѣла земныя, суешы
 Мнѣ были шѣни и мечшы;
 Кумирь людей — не мой кумирь,
 И цѣль моя — не здѣшній міръ.
 Въ печали, въ радости моеи
 Я вѣчно странникъ межъ людей,
 Я образъ смертнаго носилъ,
 Но духомъ въ горнемъ мірѣ жилъ;
 Союзъ съ людьми мнѣ плѣнь и цѣпь;
 Моя свобода — горы, степь. —
 Тамъ на вершинахъ льдистыхъ скалъ
 Я вольнымъ воздухомъ дышалъ,
 Гдѣ птицы гнѣздъ не смѣли вишь,
 Ни серны паству находить.
 Или надъ бурной глубиной
 Носимый быспрою волной,
 Я духъ мой гибелью пишалъ
 И съ скорбью страхъ на миръ мѣнялъ.
 Или на сводѣ голубомъ
 Мечтался рай свѣшлый домъ, —

Въ союзъ звѣздъ — въ сей шмъ шаровъ —
 Союзъ безчисленныхъ міровъ.
 Мой взоръ искалъ громовъ полещъ,
 Быстропекущихъ молній слѣдъ,
 Мой слухъ прельщаль въ вершепахъ горъ
 Осеннихъ въшровъ поздній хоръ.
 Я былъ средь общесва людей,
 Какъ холмъ пустынный средь полей.
 Во дни — природы свѣтъ искалъ,
 Въ нощи — мракъ шаинствъ проникалъ,
 Доколѣ мнѣ и нощъ и день
 Слилися въ сумрачную сѣнь,
 Гдѣ я съ духами обижалъ
 И къ безднамъ вѣчности взиралъ.
 Но даръ шаинсвенной судьбы
 Не уполялъ моею ачбы;
 Чѣмъ горьче знаній плодъ сердцамъ,
 Тѣмъ слаще снѣдъ его усшамъ.
 Сей быстрой шѣнюю прежнихъ дней
 Слѣшу я къ корню мглы моею. —
 Ни машъ, ни другъ, ни кшо иной,
 Носившій жизни цѣпъ со мной —
 Со мной цѣпъ сердца не носилъ:
 Всѣ чужды мнѣ — всемъ чуждъ я былъ.
 Ашарта, какъ весна цвѣла,
 Во всемъ подобна мнѣ была, —
 Осанка, голосъ, видъ, чершъ,
 Все шожъ — но съ жизнью красоты;
 Равна глубокой думой мнѣ,

Равна любовью къ шипинѣ
 И взоромъ, сильнымъ вдругъ открышь
 Тайственную міра нишь;
 Но что превыше сихъ даровъ,
 Жила въ душѣ ея любовь,
 Мощь слезы лишь и сосрадашь, —
 Я силенъ шолько лишь — спрадашь;
 Она любила всѣхъ душой, —
 Я нѣженъ шолько къ ней одной.
 Смиренье въ ней — души вѣнецъ;
 Во мнѣ надменность, бичъ сердцець.
 Пороки были въ ней — мои;
 Красы ея — красы свои.
 Асшаршу я одну любилъ
 И я Асшаршу погубилъ.
 Не винна въ шомъ рука моя,
 Но сердца горькая струя;
 Я сердцемъ сердце заразилъ
 И жизни шокъ въ немъ изсушилъ.
 Съ того ужаснаго часа
 Мнѣ мрачны стали небеса,
 Земля шрепещеть подо мной
 И вѣтры стонъ разносятъ мой;
 Вершины самыхъ дальныхъ горъ
 Уже не пусты мнѣ съ шѣхъ поръ, —
 Вездѣ я слышу надъ собой
 Мечшаній адскихъ шумный рой.
 Я въ ночь до дня средь голыхъ скалъ
 Ошъ язвы сердца скрежешалъ;

Я въ день до ноши клялъ свои
 Огнемъ геенны свѣшлы дни.
 Ошь неба я не ждалъ опрадь,
 Ни грома — пасшь въ опверсшый адъ.
 Какъ даръ, я бѣшенства желалъ,
 Вездѣ я гибели искалъ,
 Но неподвижною судьбой
 Къ сей цѣпи духъ прикованъ мой.
 Земля, моря и бездны дно
 Слились въ мечшанье мнѣ одно;
 Огнемъ опчаянья горю
 И мукъ моихъ конца не зрю.
 О ешь ли въ небѣ, иль въ землѣ,
 Чшо можешъ дашъ опраду мнѣ? —
 Или Асшаршу воскреси,
 Иль жизни огонь мой угаси.

Н и м ф а.

Асшаршы нѣшь у насъ швоей
 И не во власши шо моей.

Исгезаетъ.

М а н ф р е д ъ.

(*Одинъ*) О жалкѣй мы безумцевъ родъ!
 День каждый скорби намъ несѣшь —
 И смерть, какъ шашъ, — но мы живемъ,
 Спрашимся смерти, жизнь клянemъ.
 Во дни тяжелой цѣпи сей
 Сколь мало ясныхъ счастья дней!
 Сколь рѣдки шѣ часы, гдѣ мнѣ
 Прѣлшнѣй жизнь, чѣмъ сонъ въ землѣ.

Гдѣ помощи шеперь искашь? —
 Уже ли мертвыхъ вопрошаешь? —
 Явился ль предъ глаза мои
 Съ глаголомъ правды тѣнь изъ тьмы?
 Предскажешь ли мнѣ смерть мою,
 Какъ древле падшему Царю? —
 Но ужась духъ объемлешь мой; —
 Спрашусь я тѣни гробовой!
 Доселѣ я не шрепещалъ,
 Когда на ужасы взиралъ,
 А нынѣ льещя въ сердце хладъ,
 Спрашусь того, въ чемъ жду оспрадь.
 Но что мнѣ слабыхъ смертныхъ спрашь?
 Иду — лучъ меркнешь на горахъ.

Уходитъ.

Вершина горы Юнгфрау. — Входитъ первал Судьба, и говоритъ :

Луна восходитъ къ небесамъ
 Надъ нашею главою,
 Мы здѣсь, на снѣжныхъ сихъ поляхъ,
 Гдѣ смертнаго спою
 Еще не погранъ мягкій снѣгъ,
 Зимы коверъ пушистый;
 Мы здѣсь — какъ тѣнь нашъ легкій слѣдъ
 Не сронишь снѣжной искры. —
 Мы здѣсь надъ шепью горныхъ льдовъ,
 Надъ сшкляннымъ океаномъ,
 Подобіемъ морскихъ валовъ,
 Опъценѣвшихъ хладомъ,

Видь мершвыи пѣнящихся безднѣ!
 Мы здѣсь печемъ, какъ буря,
 А шамъ, гдѣ льешся шихій свѣтъ
 Отъ темнаго лазура,
 Блещишь ушесисшый Колоссъ,
 Рѣзцомъ огней подземныхъ,
 Туда Борея шокъ занёсъ
 Громаду шучь сгущенныхъ.
 Тамъ приспанъ наша — дворъ и домъ;
 Здѣсь сеспръ мы ожидаемъ.
 Мы въ Аримановъ сонмъ идёмъ,
 Гдѣ шайны всѣ узнаемъ.

Голосъ внѣ поющій.

Хищникъ плѣненный
 Скванъ въ цѣпяхъ;
 Въ живъ забвенный
 Гибнешъ въ степяхъ.

Могучее слово

Какъ молнія въ ношѣ —
 И войско гошова —
 Онъ въ славу и въ мощь!
 Кровь снова пошомъ по браннымъ полямъ;
 Онъ шысяци губишь — но сгибнешъ и самъ!

2й голосъ, внѣ поющій.

Какъ стрѣлы пернашы неслись корабли;
 Вихрь волны подьемаешъ, шрескъ слышанъ
 вдали;

Ни мачшы, ни дски не спаслося одной,
 Ни вопля не слышно, ни швари живой. —
 Одинъ за власы мной схвачень, спасень
 И жизни изъ всѣхъ недоспойнѣ онъ;
 Измѣнникъ на сушѣ, на морѣ злодѣй,
 Но мною онъ спасся для казни своей.

1 я Судьба.

Градъ мира средь ночи
 Подъ снѣю сна;
 Ихъ сомкнушы очи,
 Безмолвны уша;
 Въ мигъ вѣшеръ плетворной
 Заразы, сирѣмой
 Пронесся отъ знойной
 Спраны гробовой;
 Онъ шысящи губишь
 Дыханьемъ своимъ;
 Къ опшешствію прубишь
 Звукъ прубный живымъ,
 Но язва несется
 И звука быспрѣй:
 Все вихремъ мяшется,
 Все гибнешъ отъ ней.
 Блаженны шѣ жершвы,
 Не видяшь бича,
 Какъ падаюшь мершвы
 Подъ лезвьемъ меча.
 Сей ужась приводишь
 Вихрь ноши одной;

Вопль утра пизходишь

Пусынной росой.

Все мершно, все хладно — но солнце взойдешь,
Воскреснешь природа и градъ процвѣшешь.

Входятъ 2я и 3я Судьбы.

3я Судьба.

Сердца людей у насъ въ рукахъ;

Ихъ гробы подь шпопой;

Пусть вѣшь плѣномъ смерть въ поляхъ;

Жизнь слѣдомъ за грозой!

1-я Судьба.

Ты здѣсь, но гдѣ же Немезида?

2-я Судьба.

Она за нами въ слѣдъ печешь:

Немезида входитъ.

1-я Судьба.

Куда поржештвенный съ ззира

Ты свой направила полешь? —

Немезида.

Я падши проны возспавляла,

Законовъ царшво на земли,

Я чуждымъ хищникамъ опмщала

За кровь неправедной войны,

Свѣшь буйной мудрости подлунной

Я обращала въ мрачну ночь

И арфѣ міра шихоспрунной

Дала согласье, жизнь и мощь.

*Дворецъ Аримана. — Ариманъ на тронѣ въ видѣ
огненнаго шара, окруженнаго духами.*

Гимнъ духовъ.

Хвала подземныхъ безднъ владыкъ,
Тебѣ, могучій Ариманъ!
Твой тронъ — мракъ шучь, вершепы дикы,
Держава — бурный океанъ.
Спихи и всё тебѣ подвластны:
Речешь — и рушишь ихъ союзъ;
Дохнешь — и вихрей сонмъ ужасный
Ошь тяжкихъ ошрышаешь узъ;
Какъ горы, всходяшь волны яры
На шихой спклянной глубинѣ;
Согласно имъ звучашь удары
И огонь спруишься въ вышинѣ.

Ошь взоровъ швоихъ лучъ солнца бѣжишь,
Ты двигнешь — и сердце земное дрожишь;
Дымныя шучи, волканы огней
Всходяшь подъ быстрой спопою швоей;
Язва, какъ шѣнь, во слѣдъ за шобой,
Ты въ небѣ несешься кометы спезей;
Ошь вѣка до вѣка мѣрь въ цѣпи швоей,
Олшарь швой дымишься кровью людей;
Смерть ежечасно дань носишь тебѣ,
Гибель и зло — удѣль швой въ судьбѣ.
Входятъ Судьбы и Немезида.

Хоръ духовъ.

Ариману слава!
Каждый день и ноцъ

Тьмы распешь держава,
Тронъ его и мощь!

Судьбы и Немезида.

Пусть во мрачныхъ безднахъ
Сставишь зло свой шронъ;
Въ свѣшлыхъ царшвахъ звѣздныхъ
Царшвуешь законъ.

Входитъ Манфредъ.

Одинъ изъ духовъ.

Кто здѣсь? — О смершннй дерзновеннй!
Пади предъ образомъ владыки швоего!

Другой духъ.

Онъ смершннй, силой одареннй
Превыше духа швоего.

Третій духъ.

Пади и поклонись, здѣсь Царь швой на пре-
шподѣ,
О рабъ шѣлесныхъ узъ въ земной плачевной
доли!

Всѣ духи.

Пади и преклони
Чело швое, сынъ праха!
Пади, иль шрепещи
Предъ обласшю страха!

Манфредъ.

Я знаю — гибель ждешь меня
Въ семь царшвѣ сумрака и пашна;

Но предъ кумиромъ леспи я
Не преклоню колѣна!

4 й Духъ.

Смири надменное чело.

М а н ф р е д ъ.

Давно ужъ я смирилъ его; —
Я нощи многія во мглѣ
Склонялъ лице свое къ землѣ;
На голыхъ камняхъ я лежалъ,
Главу я пепломъ посыпалъ,
И верхъ ничтожества людей
Позналъ я въ немощи своей,
Когда лишенный жизни силъ
Предъ скорбью гордый духъ смирилъ,
Когда надменнымъ билъ челомъ
Предъ угнешавшимъ сердце зломъ.

5 й Духъ.

Пади-жь предъ шѣмъ, чья мощна длань
Вращаетъ зло, какъ мечъ во брань;
Предъ шѣмъ колѣна преклони,
Кшо стѣшь въ жизни скорбны дни.

М а н ф р е д ъ.

Пусшь прежде самъ падешь во прахъ
Предъ шѣмъ, чей шронъ на небесахъ,
Кому нѣшь мѣры, ни конца,
И узришь съ прещесомъ Творца,
Кѣмъ солнца ясный свѣшь возжень
И кѣмъ мракъ нощи сошворень,

Кто въ мигъ дыханіемъ своимъ
Разсѣешь бездны пымы, какъ дымъ.

Д у х и.

Но прежде пы, какъ червь и плѣнь
Въ сихъ безднахъ будешь сокрушень!

1-я С у д ѣ б а.

Оставше грозныя слова,
Онъ силъ невидимыхъ глава:
Онъ на челъ своемъ несешь
Глубокихъ думъ безсмертный слѣдъ;
Въ своихъ спраданьяхъ онъ доспигъ
До края мощи силъ земныхъ;
Въ полешъ къ свѣшлой высотѣ
Несешь къ роковой чертѣ,
Предѣлу неба и земли,
И въ мрачной зришь его дали.

Д у х и.

За чемъ же онъ приходишь къ намъ?

1. С у д ѣ б а.

О томъ повѣдаешь онъ самъ.

М а н ф р е д ѣ.

Извѣсна аду мощь моя:
Живой въ державѣ смерти я
И движимъ силой роковой,
У мершвыхъ я ищу живой.

А р и м а н ѣ Д у х а м ѣ.

Отверзише ему врата;
Да явицца живая та.

Немезида.

Изъ обласши шлѣна,
 Царсшва духовъ,
 Изыди изъ плѣца,
 Смерши оковъ,
 Свѣша сїаньемъ
 Вновь облекись,
 Новымъ созданьемъ
 Жизни явись.

Является образъ Астарты.

Манфредъ.

Кто ты? — Астарта, иль мечта? —
 Астарты видъ и красоша!
 Но можноль, чшобъ изъ смерши нѣдръ
 Возвѣялъ жизни духъ, какъ вѣспрь,
 Чшобъ свѣшь изъ шмы возникъ ярчей
 Сїанья прежнихъ жизни дней.

Немезида.

Могуществомъ силы,
 Воздвигшей шебя
 Изъ мрачной могилы
 Къ сїанію дня,
 Къ дыханію новой
 Жизни струей,
 Промолви намъ слово,
 Образъ нѣмой!

Манфредъ.

Она безмолвна, но для насъ
 Ея молчанье — ясный гласъ! —

Не можешь смершью жизнь дышатьъ ,
 Лучь въ мглѣ , жизнь въ плѣнѣ обипашь ;
 Когдабъ не щещная мечша ,
 Ея ошверзлись бы уша ,
 Когда дыханье усть моихъ
 Здѣсь вѣшь воздухомъ живыхъ ;
 Но нѣшь души въ ея усахъ , —
 То призракъ леши , мершвый прахъ . —
 Вошще низшелъ я въ мракъ земной
 Искашъ межъ мершвыми живой ,
 Прощайше , бездны вѣчной шьмы ,
 Мечшаній суешныхъ спраны ,
 Не можешь жизнь въ васъ обипашь ,
 Ни смершь опраду смершнымъ дашь .

Уходитъ.

*Горница въ замкѣ Манфредовомъ. Везерь. — Ман-
фредъ одинъ.*

Непосшижимый , свѣшлый мѣръ ,
 Какъ ясный надо мной эфиръ ,
 Послѣдній призракъ въ вихрѣ дня ,
 Онъ всѣхъ чудеснѣй для меня .
 Когдабъ не испышалъ собой
 Я свѣша мудрости земной
 И не прошель бы всѣ спраны
 Подземной мрачной глубины ,
 Мечшался бы мнѣ свѣшлый лучь ;
 Таиншвенной науки ключъ ,
 Преддверіе блаженства дней , —
 Печашъ души , — но скоро въ ней

Угаснешь мира быстрый лучь
И снова буря мрачныхъ шучь
Ошкроешь призрака щещу
И сердца хладну пустошу.

Входитъ слуга и говоритъ :

Пустынный горныя вершины!
Желаешь видѣться съ шобой .

За нимъ входитъ Пустынный.

Богъ мира , Богъ моея пустыни
Тебѣ да даршвуешь покой !

Манфредъ.

Мужъ праведный ! благодаренье
Тебѣ ошъ сердца моего.
Приходь швой мнѣ благословенье
И миръ ошъ Бога швоего.

Пустынный.

Я долженъ говоришь съ шобою!

Слуга уходитъ.

Манфредъ.

Чего шы хочешь ошъ меня ?

Пустынный.

Весь здѣшній край гремишь молвою ,
Манфредъ , безславной для шебя.

Манфредъ.

Ты можешь продолжашь , я внемлю.

Пустынный.

Внимай , Манфредъ , и шрепещи :

Она вришма и въ нашу землю

И въ нашей раздалась шиши.
 Ты, сказано, живешь съ духами
 И роешь въ адскихъ глубинахъ,
 И неизвѣснными пушями
 Измѣриль мрачной бездны страхъ.
 Я знаю, ты исчезъ опъ міра
 И скрылся какъ во гробъ живой;
 Дай Богъ, чшобъ въ эшой сѣни мира
 Невинно длится ошдыхъ швой!

Манфредъ.

Но кто сей слухъ разпространяешь?

Пустынныйкъ.

Мои собрашья. . . бурный сонмъ
 Тебъ подвласныхъ призываетъ
 На замокъ швой небесный громъ.

Манфредъ.

Пусть онъ погибнешъ и со мною.

Пустынныйкъ.

Не гибель я, но миръ несу. —
 Сердечны шайны скрышы шьюю;
 Я ихъ проникнушь не ищу;
 Но если гласъ правдивъ народа, —
 Еще къ спасенью время ешь: —
 Прибѣгни къ милосердью Бога,
 Пролей предъ нимъ пошоки слезъ,
 Ко храму вѣрныхъ обратися,
 Пади предъ алшаремъ свящымъ,
 И въ нѣдрѣ церкви примирися
 Ты съ Богомъ и ошцемъ швоимъ.

Манфредъ

О сколь бы ни былъ я грѣхами
 Пресшущной жизни ошягченъ,
 Но по межъ мной и небесами:
 Я ими долженъ бышь сужденъ.
 Какой у трона вѣчной правды
 Заслушникъ смершный можешь бышь? . . . .
 Но я нарушилъ ли уставы?
 Ищи, — гошовься осудишь! —

Пустынникъ.

Не о судѣ и наказаньи
 Тебѣ пришелъ я говоришь: —
 О крошкоть, чисшомъ покаяньи,
 Гошовомъ сердце изцѣлить.
 Заслушникъ нашъ — одинъ, ты знаешь,
 Могущій съ Богомъ примирить,
 За чѣмъ къ нему не прибѣгаешь? —
 Гошовъ съ любовью онъ простишь.

Манфредъ.

О, нѣтъ прощенья для меня,
 Нѣтъ больше покаянья,
 Но бичъ карающій огня
 И вѣчныя спрданья.
 Чшо можешь въ сердцѣ утлоить
 Эной язвы неизцѣльной?
 Какая казнь ужасна бышь
 Предъ собственной гееной?

Пустынникъ.

Раскайся: огонь потухнешъ сей,
 Надежды крошко пламя

Воздвигнешь жизнь въ душѣ твоей,
Какъ рая свѣтло знамя.

Раскайся — вѣрный сонмъ рабовъ

Господнихъ предъ шобою :

Дары ихъ : радость, миръ, любовь,

Пушь къ райскому покою.

Манфредъ.

Все щещно — часъ мой роковой. . . .

Пустынникъ.

Чѣмъ ближе надъ шобою ,

Тѣмъ больше нужды, громовой

Ударъ отвеситъ мольбою.

Кто въ морѣ понешъ , шопъ и вервь

Съ надеждой жизни смелшъ , —

А руку мощи слабый червь

Къ спасенью не приемлешъ.

Манфредъ.

Такъ! . . . Слабый червь! . . . и сей урокъ

Мнѣ данъ уже судьбою ;

Но сколько лѣтъ мой вѣкъ прошѣкъ

Съ погибельной мечшою :

Орломъ я къ солнцу мнилъ летѣть

На крыліяхъ Дедала , —

Низпалъ съ вышш въ подземну сѣшь ; —

Мечша съ меня низпала.

Пустынникъ.

Мечша низпала , но твой взоръ ,

Еще не ищетъ свѣта ;

Ты въ мрачны доли съ свѣтлыхъ горъ
 Склонилъ всю мощь полеша.
 Такъ! сердца истинный зенишь
 Есть глубина смиренья ;
 Ты въ ней, но гордый духъ кипишь
 Огнемъ ожесточенья.

Манфредъ.

Во мнѣ свирѣпая судьба
 Рукой неумолимой
 Давно спраданій развела
 Огонь неугасимой.
 Дивися не шому, что я —
 Иль чѣмъ себѣ кажуся, —
 Но что въ семъ пламени огня
 Я съ жизнію борюся.

Пустынникъ.

Увы, несчастный, можешь? . . . я
 Съ побою незамѣшно. . .
 Такъ слушай. . . .

Манфредъ.

Долго я тебя,
 О странникъ, слушалъ шщетно!
 Теперь проси!

Уходитъ.

Пустынникъ.

Я шрепещу! —
 Но можешь мнѣ ошкрышься? —
 Въ себѣ ошрады я ищу,
 О небо! — Мнѣ ль спрашишься? —

Уходитъ.

Другая горница. — Манфредъ смотритъ на заходящее солнце.

Свѣшило дневное! кумиръ
 Природы дней весеннихъ!
 Тебя племень могучихъ мѣръ,
 Сонмъ ангеловъ прельщенныхъ
 Чшилъ славой вышняго Творца,
 Въ тебѣ зрѣлъ образъ Бога. —
 Не ты ли тѣнь его лица,
 Тѣнь свѣшлаго чершого,
 Гдѣ правды чада, какъ эфиръ
 Небесный возсіяють,
 Гдѣ спройны звуки сладкихъ лиръ
 Пѣснь радости разыграють?
 Къ тебѣ вознесъ я первый взоръ
 Любви и удивленья.
 Проси! своихъ не узрю горь,
 Опчизны наслажденья!

Уходитъ.

Внутренность башни. — Манфредъ одинъ.

Померкли звѣзды, и луна
 Надъ верхомъ снѣжныхъ горъ явилась.
 О сколь прелестна пишина
 Часа полунощи мнѣ длилась!
 Дружнѣй душа моя со тѣмой,
 Чемъ съ свѣшлой радостью природы;

Мнѣ шамъ мечшался мѣръ иной,
 Союзы брашьевъ всѣ народы.
 Въ шакую почно помню ношь,
 Когда на Тибрѣ я скишался,
 Пресполь вселенной, жезль и мощь
 Въ обломкахъ мнѣ своихъ являлся.
 Древа безмолвно шамъ росли,
     Гдѣ шумны легионы
 На гибель мѣра въ даль шекли,
     Какъ моря бурны волны.
 За Тибромъ песь печально выль,
     Крикъ филина унылый
 Изъ оконъ замковъ исходилъ,
     Какъ призракъ изъ могилы.
 Подъ свисомъ вѣтра умираль
     Гласъ пѣсни часоваго,
 Печальный кипарисъ стояль
     Въ стѣнахъ дворца злашаго.
 Пѣвцовъ полночныхъ сонмы шамъ
     Согласну пѣснь звучали,
 И лучъ швой, мѣсяць, по гробамъ
     Скользилъ сквозь мракъ печали.
 Такаяжъ ночь тогда была,
 Такой же мѣсяць блѣдный.

Входитъ пустынный.

Ошавъ меня . . . въ сей безднѣ зла
     Насшалъ мой часъ послѣдній.

Пустынникъ.

Наспалъ послѣдній часъ швоимъ

Сспраданьямъ здѣсь и жизни.

Будь вѣрнымъ спущникомъ моимъ

Подъ свѣшлый кровь опчизны.

*Туть пустыникъ открывається Манфреду, и онъ
узнаеть въ немъ Астарту.*

П Р О З А.

Конрадъ Валленродъ.

Историческая повѣсть,

*взятая изъ Лѣтописей Литовскихъ и Прусскихъ.**Сог. Адама Мицкевича (*)*

Вступленіе.

Уже сто лѣтъ испекало, какъ Орденъ Крестоносцевъ плавалъ въ крови полночнаго язычества; уже Прусакъ преклонилъ выю подъ цѣпи, или ославлялъ землю родную, унося съ собой одну жизнь, а Нѣмецъ бросался въ погоню за бѣглецами, бралъ ихъ въ плѣнъ, и убійствомъ означалъ путь до границъ самой Липвы.

Нѣмень разделяетъ Липовцевъ отъ враговъ ихъ: на одной сторонѣ рѣки блистающъ вершины храмовъ, шумящъ лѣса, обищели боговъ; на другой виденъ крестъ, знаменіе Нѣмцевъ, водруженный на холмѣ, кроющій чело свое въ небѣ: къ Липвѣ проспираетъ онъ грозныя рамена свои, какъ будто желая съ верху горы обнять и попрасть всѣ земли Палемона.

(*) Желая познакомить читателей съ симъ новымъ произведеніемъ Польскаго Поэта, мы осмѣлились предложить имъ на первый разъ прозаическій переводъ оного, сколь можно близкій къ подлиннику.

На той сторонѣ, толпы Липовскихъ юношей, въ рысбыхъ колпакахъ, въ медвѣжьихъ одеждахъ, съ лукомъ за плечами, съ горстными стрѣль, бродящъ и слѣдящъ движенія Нѣмцевъ. На другой сторонѣ, Нѣмецъ въ шишакѣ и въ лапахъ, неподвиженъ сидитъ на конѣ, и вперивъ очи въ спанъ непріятельскій, заряжаетъ ружье и перебираетъ чешки.

И тѣ и другіе сперегуть переправу. Такъ Нѣмень, издревле славный госпепрїимствомъ, соединявшій державы народовъ брашнихъ, шеперь спалъ для нихъ порогомъ вѣчности, — и никто, безъ пошери жизни или свободы, не можетъ пресшупишь водъ заповѣданныхъ. Лишь только вѣшка Липовскаго хмѣлю, манимая прелесшями Прусскаго шополя, вѣшся по вербамъ, по воднымъ растеніямъ, смѣлая, какъ прежде, проспираетъ свои обьяшїя, и краснымъ вѣнкомъ перевивая рѣку, на брегѣ чуждомъ обнимается съ своимъ любовникомъ. Лишь только соловьи дубравы Ковенской съ брашьями своими, жшшелями горы Запущанской, ведутъ, какъ прежде, бесѣду Липовскую, или, на крылахъ свободныхъ, слешающся на общїе ошрова въ госпи другъ къ другу.

А люди? — Людей раздѣлила война! Пала въ забвеніе давняя дружба Прусакъ и Липовцевъ; только любовь иногда и ихъ сближаетъ. Я зналъ шаковую чешу. . . .

О Нѣмень! скоро шолпы, несущія и смерть и пожары, вринутся въ швои волны; сѣкира развѣчаетъ швои досель щадимые берега и посѣчетъ вѣнки зеленые, и соловьи покинутъ сады опъ грома пушекъ. И все, что связала золотая цѣпь природы, все разорветъ ненависть народовъ, все; — но сердца любовниковъ сочешаются снова въ пѣсняхъ Вайделоты.

И з б р а н і е.

Зазвонили въ колоколь съ Маріенбургской башни (1), загремѣли пушки, забили въ барабаны: день порожественный для Ордена крестоносцевъ! Отвсюду Компурь поспѣшаютъ въ столицу: шамъ, въ собраніи капишула, призвавъ на помощь Духа святаго, слѣдуетъ рѣшить: на чьей груди повѣсится великій крестъ? въ чьи руки ввѣрится великій мечъ? (2) Дни за днями проходятъ въ совѣщаніяхъ: многіе мужи добиваются сей почести; всѣ равно высокаго рода, у всѣхъ равныя заслуги въ Орденъ; но общимъ согласіемъ брашій выше всѣхъ поставленъ Валленродъ.

Онъ чужестранецъ, неизвѣстный въ Пруссіи; онъ славою наполнилъ обители (ѣ) иноземныя. Преслѣдовалъ ли Мавровъ на горахъ Каспійскихъ или Ошпомановъ на пучинахъ моря, — вездѣ онъ первый былъ въ битвахъ, первый на стѣнахъ, первый сѣплялся съ кораблями язычниковъ. Бывало на шурнирахъ, когда всушишь въ ограду, вздумаешь поднять свое забрало, — то никто уже не дерзнетъ съ нимъ сражаться на смерть, и всѣ единодушно уступаютъ ему вѣнцы первые.

Но не только оружіемъ прославилъ онъ свои молодые годы между полками крестоносцевъ: его украшаютъ и Христіанскія добродѣтели; убожество, скромность и презрѣніе міра.

Конрадъ не славился въ рядахъ придворныхъ ни сладкими рѣчами, ни ловкими поклонами; изъ низкой корысти не отдавалъ въ наймы своего оружія враждовавшимъ баронамъ. Онъ свои юные дни посвятилъ стѣнамъ монастырскимъ, презрѣлъ почестями и высокимъ саномъ; даже награды благороднѣйшія и болѣе сладкія, — пѣсни менеспредей и ласки красавиць не прогали его души холодной. Валленродъ равнодушно внималъ похваламъ, на красавиць смотрѣлъ издали и убѣгалъ рѣчей очаровательныхъ.

Разгадавъ трудно, природа ли льща ли сдѣлали его нечувствительнымъ и гордымъ: онъ былъ еще молодъ, а волосы его посѣдѣли, ланиты увяли, занечашленныя древностию спраданій. Случались минушы, когда онъ раздѣлялъ игры юношества, съ удовольствіемъ выслушивалъ лецешъ женщинъ, остроуми опражалъ остроуми придворныхъ и сыпалъ дамамъ, съ холодною улыбкою, сошпи учшивыхъ словъ, какъ дѣшамъ сласпи. То были рѣдкія минушы забвенія; но какъ часпо одно случайное слово, для другихъ совсѣмъ незначительное, пробуждало въ немъ порывы спраспи! Слова; опечество, долгъ, любезная, намѣки о кресповыхъ походахъ и Липвѣ, внезапно оправляли веселость Валленрода. Слыша ихъ, онъ снова опвращалъ лицо, снова спановился ко всему нечувствительенъ и погружался въ шайныя думы. Бышь можешъ вспоминая свяшость своего долга, онъ самъ возбранялъ себѣ земныя удовольствія. Однѣ шолько удовольствія зналъ онъ, — удовольствія дружбы; одного шолько избралъ онъ друга, свашаго добродѣшелью и духовнымъ саномъ. То былъ сѣдой монахъ, по имени Гальбанъ. Онъ раздѣлялъ уединеніе Валленрода; онъ былъ исповѣдникомъ души его, повѣ-

реннымъ его сердца. Счастливая дружба! Топь свящъ на земль, кто умьль заключишь дружбу со свящыми.

Такъ предводилели совѣта Орденскаго разсуждали о достоинствахъ Валленрода. Но онъ имьль одинъ порокъ, — и кпоже безъ порока? — Конрадъ не любилъ суешы свѣтской, Конрадъ не участвовалъ въ буйныхъ пиршествахъ. Однако, когда скука или грусть терзали его въ уединенномъ покоѣ, — онъ искалъ утѣшенія въ винѣ, — и тогда казалось, облакался въ новый образъ. Лице его, дошоль блѣдное и суровое, украшалось какимъ-то болѣзненнымъ румянцемъ; въ большихъ, нѣкогда голубыхъ очахъ, немного пошемельшихъ и угасшихъ опъ времени, загорались прежнія молніи, изъ груди вылеталъ печальный вздохъ, опъ слезъ перловыхъ вздымались вѣки, рука искала люшны, изъ устъ выливались пѣсни. Тѣ пѣсни были пѣшы на языкѣ иноземномъ, но ихъ понимали сердца слушателей. Довольно слышать его погребальный напѣвъ, довольно наблюдать лице пѣвца, видѣшь на челѣ напряженіе памяти, видѣшь поднятыя брови и пошупленный взоръ, какъ будто желающій изъ глубины земной вырвать что-то . . . и узнаешь какой предметъ его пѣсенъ? Онъ вѣрно

мыслию, въ блуждающихъ порывахъ, преслѣдуешь свою младоспш на пучинахъ минувшаго. . . Гдѣ же душа его? — Въ странѣ воспоминаній.

Но никогда рука, въ музыкальномъ восторгѣ, не испоргается изъ люшн веселыхъ звуковъ; лице его, кажется, также спрашивается невинной улыбки, какъ грѣховъ смертельныхъ. Во всѣ струны ударяешь онъ попеременно, кромѣ одной струны, — струны веселія; всѣ чувствуя раздѣляетъ съ нимъ слушатель, кромѣ единого чувства — надежды.

Не разъ братья заспавали его нечаянно въ такомъ положеніи и не могли надивиться переменѣ. Пробужденный Конрадъ и досадовалъ и сердился, бросалъ люшню, оставлялъ пѣсни, громко произносилъ слова безбожныя, что-то тайно шепталъ Гальбану, кричалъ на войска, выдавалъ приказы и ужасно грозилъ, но кому неизвѣстно.

Братья пугаются, — но старый Гальбанъ садится и вперяетъ взоръ въ лице Конрада, взоръ пронцапельный, хладный и суровый, исполненный какого-то тайнаго краснорѣчія. Или на-поминаніемъ, или совѣшномъ, или пробудивъ боязнь въ сердцѣ Валленрода, онъ въ минушу проясняетъ пасмурное

чело его и гасишь взоры и прохлаждаешь ланипы. Такъ на игрищахъ, когда спражь львовъ, созвавши вельможъ, дамъ и Рыцарей, разломишь рѣшешку дворца желѣзнаго и загремишь въ прубу, — внезапно царспивенный звѣрь издаешь ревъ изъ глубины груди; ужась падаешь на зришелей; одинъ спражь не прогаеся съ мѣспа, и спокойно сложивъ на персяхъ руки, ударяещъ въ могучаго льва очами и симъ безсмертнымъ талисманомъ души (4) удерживаешь въ оковахъ силу безумную.

II.

Ударили въ колоколь на башнѣ Мариенбургской. Изъ залы совѣща идушь въ храмъ первый Комшуръ, великіе сановники, священники, брапія и шолпа Рыцарей. Капитуль слушаешь вечернія молишвы и поешь гимнь Святому Духу.

Г и м н ъ.

О Духъ, свѣтъ Божій! голубъ Сіона! Нынѣ освѣпи видимымъ образомъ міръ Христіанскій, земное подножіе Твоего прешола, и проспри надъ брапіею Сіона Свой крылія, да изъ подъ нихъ ударишь лучъ свѣтомъ солнечнымъ и да украсишь злашымъ вѣнцомъ главу доспойнѣйшаго свѣшѣйшей милосши! Да падемъ мы ниць, сыны челоуѣка,

предъ шѣмъ, на комъ почиеть храненіе криль Твоихъ. О Сыне Искупишелю! Мановеніемъ всемоцной руки укажи того, кому достойнѣе подобаешь украситься святымъ знаменіемъ Твоего мученія, мечемъ Пепра предводишель-спивовашь воинспву Твоей вѣры и предъ очами язычниковъ развишь хоругви Твоего царствія; — и сынъ земли да повергнешь чело и сердце свое предъ шѣмъ, на чьей груди возблещеть звѣзда крешная!

Они вышли, скончавши молитвы. Архикомшуръ повелѣлъ послѣ крашкаго опдыха снова собраться въ храмъ и снова молишься, да просвѣпипшь Богъ священниковъ, брапію и мужей избирашелей.

Вышли оживишься прокладою ночи. Одни сѣли на террасѣ замка; другіе гуляли по садамъ и роцамъ. Ночь была шиха и прекрасна; издали выглядывало невѣрное ушро. Луна обѣжала долину сапфирную, часто мѣняя лицо и блескъ очей, дремля шо въ шемномъ, шо въ серебряномъ облакѣ, и наконецъ опушила свою шихую и одинокую голову. Такъ любовникъ, мечпающій въ пустынь, пробѣгая мыслию весь кругъ своей жизни, всѣ надежды, радости, спраданія, шо проливаетъ слезы, шо

взглянешь весело и наконецъ склонивъ къ груди упомянутое чело, впадаешь въ мершвую задумчивость.

Между шѣмъкакъ иные рыцари забавляюся прогулкою, Архикомшуръ (5), не теряя времени, призываетъ къ себѣ Гальбана и знашнѣйшихъ братьевъ, удаляешся съ ними въ спорону, дабы вдали ошъ полны любопытныхъ приняшъ совѣшы и дашъ наспавленія. Они выходяшъ изъ замка, спѣшашъ на равнину; нѣсколькочасовъ, въ бесѣдѣ взаимной, не держась дороги, они блуждаютъ въ окрестностяхъ, близъ тихихъ береговъ озера. Ужъ утро; пора возвращашся въ столицу. Вдругъ остановились. . . . Чей-то голосъ . . . откуда онъ? . . . изъ наугольной башни. . . . Слушаютъ со вниманіемъ. Это голосъ пустыницы. Лѣшъ десятишюму назадъ, какая-то неизвѣстная, благочестивая жена, (6) прибыла сюда издалека, въ градъ Маріи; небо ли внушило ей благое намѣреніе, сама ли пожелала она изцѣлитель балзамомъ покаянія утрызенія виновной совѣсти, — долго искала она пустыннаго уединенія и наконецъ въ эшой башнѣ нашла себѣ гробъ при жизни.

Долго не дозволяли ей шого священники; но попомъ, убѣжденные мольбою неопешупною, дали ей въ

башнѣ приюсть уединенный. Едва только переспустила она за порогъ священный, какъ заложили двери кирпичемъ и каменьями; и она оспалась одна съ Богомъ и мыслями, и развѣ только Ангелы въ день суда опверзуть врата, опдѣляющія ее отъ смертныхъ.

Вверху видно малое окно съ рѣшешкой; черезъ него набожный народъ подавалъ ей пищу, а небо — воздухъ и лучи дневные. Бѣдная грѣшница! Ужели ненависть къ міру до того убила твою юную душу, что ты спрашишься и солнца и воздуха? Съ тѣхъ поръ какъ заключилась она въ своей гробницѣ, никто не видалъ, чтобъ она у окна вкушала свѣжее дыханіе вѣтерка, чтобъ смогрѣла на небо въ свѣпломъ его украшеніи, на милые цвѣтны земной юдоли, на лица своихъ ближнихъ, которые и тѣхъ цвѣтновъ спокрасть милѣе.

Знали только, что она жива, ибо не разъ какой-то милый звукъ удерживалъ на минушу набожнаго спранника, когда онъ блуждалъ во время ночи вокругъ ея уединенія. Вѣрно то былъ звукъ молищенной пѣсни! Еще бывало, когда дѣти, сбѣжавшись изъ Прусскихъ деревень, играютъ вечеромъ у ближней роши, — тогда какъ будто лучъ восходящей Авроры, что-то бѣлое блискаетъ въ окнѣ, янтарный ли то локонь

власовъ ея, милостивая ли, бѣлоснѣжная рука ея, благословляющая невинныхъ малютокъ. Комшуръ направляетъ шуда шаги, напрягаетъ слухъ проходя мимо угольной башни, и слышитъ: „Ты ли, Конрадъ! — ужели совершились судьбы Божіи — ты ли будешь Магистромъ, дабы погубишь ихъ? Развѣ не узнаюшь? — Напрасно скрываешься. Хотя бы ты, какъ змѣя, принялъ иное шѣло, еще въ душѣ твоей много оспалось бы прежняго, какъ оспалось во мнѣ! Хотя бы ты возвратился изъ могилы, еще узнали бы тебя Крестоносцы.“ — Рыцари внемлютъ: по голосъ пустынницы! Смотрятъ на рѣшетку; кто-то, кажется, наклонился къ землѣ, проспираетъ руки, но къ кому же? — Все пусто въ окрестности. Только вдали мелькнулъ какой-то блескъ, какъ будто ошвѣтъ спальнаго забрала; промчалась тѣнь по землѣ, или то былъ плащъ рыцаря! . . . Но все исчезло . . . нѣтъ, то былъ обманъ очей, то блеснулъ румяный взглядъ денницы и промчались по землѣ шуманы упренніе.

„Братъ! сказалъ Гальбанъ, возблагодаримъ небо! Оно привело насъ сюда: дадимъ вѣру пророческому гласу пустынницы. Вы слышали вѣщее имя: — Конрадъ имя храбраго Вал-

ленрода. Спойште, дускай брагъ дасгъ
 брапу руку и слово рыцарское! На
 завпрашнемъ совѣгъ онъ да будетъ
 нашимъ Магиспромъ!“ (7) — И всѣ вос-
 кликнули : согласны, согласны!

И удалились съ восклицаніями. Долго
 въ долинѣ раздавался гласъ шоржештва
 и радости : „да здравствуетъ Конрадъ!
 да здравствуетъ великій Магиспръ ! да
 здравствуетъ Орденъ ! гибель языч-
 никамъ !“

Одинъ Гальбанъ оставался въ глу-
 бокой задумчивости, онъ бросилъ пре-
 зришельной взглядъ на восклицающихъ,
 посмотрѣлъ на башню и уходя, шихимъ
 голосомъ запѣлъ шакую пѣсню :

„Вилія, мать нашихъ потоковъ,
 дно имѣешь злашишее, лицо небесное;
 но у той прекрасной Липвинки, чшб
 приходитъ черпашъ изъ Виліи воду,
 сердце чище и ланишы прелесниѣе.

*

„Вилія печешъ въ прекрасной Ко-
 венской долинѣ между шюльпановъ и
 нарциссовъ; у ногъ Липвинки цвѣшъ на-
 шихъ юношей, прекраснѣе и розъ и
 шюльпановъ.

*

„Вилія презираешъ цвѣшы долины,
 она ищешъ Нѣмена своего любовника;

Липвинкѣ скучно между Липвинами, она полюбила иноземнаго юношу.

*

„Нѣмень принимаетъ ее въ свои быспрыя объяшїя, несетъ на скалы, въ вершешы дикїе, прижимаетъ любезную къ хладному лону и вмѣстѣ съ нею гибнетъ въ пучинахъ моря.

*

„Такъ равно и себя, бѣдная Липвинка, удалишь чужеземець опъ долинь опеческихъ, и шы упонешъ въ волнахъ забвенїя, но груспнѣе, чѣмъ Вилїя: шы упонешъ одна.

*

„Сердце и рѣка, уроки вамъ напрасны. Дѣва любитъ, Вилїя шечешъ; Вилїя исчезла въ любимомъ Нѣмень, дѣва плачетъ въ пустынной башнѣ.“

(Продолженіе впрѣдъ.)

НВ. Примѣчанїя находяща при концѣ книжки.

НАУКИ.

Астрономія.

Извѣстie

объ измѣреніи градусовъ меридіана въ Россіи.

Опредѣленіе фигуры земли принадлежишь къ числу важнѣйшихъ вопросовъ *физической Географіи*.

Древніе Астрономы рѣшишельно считали землю правильнымъ шаромъ и старались только вымѣришь ея величину; ихъ мнѣніе основывалось на общемъ предразсудкѣ: тогда полагали, что кругъ и шаръ необходимы въ простомъ и величественномъ устройствѣ Вселенныя.

Но съ преобразованіемъ Астрономіи т. е. съ того времени, когда *Кеплеръ* открылъ истинные законы обращенія планетъ, спали сомнѣвашься къ справедливости мнѣнія древнихъ, и начали думать объ опредѣленіи величины и фигуры земли съ математической точностію.

Тремя способами можно удовлетворишь сему требованію: посредствомъ измѣренія меридіана; опредѣленіемъ длины маятника въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности; и наконецъ помощію теоріи пятгошвія.

Измѣреніе меридіана начато было во Франціи *Пикаромъ* (1669 и 1670 год.) ; продолжали оное *Лагиръ* и *Кассини*; но какъ Астрономы сіи получили заключенія , противныя Нютоновой теоріи , то между учеными возникли споры , бесполезно продолжавшіеся болѣе *тридцати* лѣтъ ; чѣлобъ кончить оныя , Французская Академія наукъ опредѣлила измѣрить нѣсколько градусовъ меридіана подъ экваторомъ и близъ сѣвернаго полюса. Первый министръ, Кардиналь Флѣри, и Графъ Морепа (Maugeras) испросили у Людовика XV утверженіе сего ученаго предпріятія. Въ 1735 году Бугеръ и Кондаминъ оправились въ Перу, а Мопершюи въ Лапландію. Впрочемъ надобно замѣнить , что планъ путешествія къ сѣверному полюсу принадлежишь одному Мопершюи , который не ученостію , но пріятною игрою на гитарѣ и сочиненіемъ пѣсенокъ обратилъ на себя вниманіе и благоволеніе Графа Морепа (*).

Труды Французскихъ Академикомъ увѣнчались желаемымъ успѣхомъ : открылось , что Лагиръ и Кассини ошиблись въ своемъ измѣреніи , и что Нютонъ справедливо принималъ землю за сфероидъ , сжатый подъ полюсами и

(*) Histoire des Mathématiques, par Montucla; T. IV, pag. 149.

расширенный подъ экваторомъ. Для Географіи сіе заключеніе удовлетворительно; но Аспрономъ не можетъ здѣсь остановиться: онъ долженъ узнать фигуру меридіана съ такою точностію, чтобъ можно было выразить оную алгебраической формулою. Для сего надлежало распространить измѣреніе земной поверхности: въ концѣ испекшаго столѣтія Делабрь, Мешень, Біопъ и Араго возобновили оное во Франціи, и опредѣлили длину слишкомъ *девятнадцати* градусовъ меридіана отъ Балеарскихъ острововъ до Дюнкирхена; къ симъ градусамъ присоединены $2^{\circ} 50'$, вымѣренные Англійскимъ полковникомъ Муидга. Попомъ въ 1801 и 1803 годахъ Шведскій Аспрономъ Шванбергъ повѣрилъ измѣреніе Мопершюи; отъ разности заключеній возродилось новое сомнѣніе, возбудившее дѣятельность Аспрономовъ: градусы Муидга продолжены Шумахеромъ чрезъ Гамбургъ до Сѣвернаго мыса Юшландіи, т. е. до $57^{\circ} 43'$ Сѣв. широты. Наконецъ и сіе измѣреніе распространено Гаусомъ къ Югу чрезъ Ганноверское Королевство. Но какъ параллель сѣвернаго берега Юшландіи проходитъ въ Россіи чрезъ Остъ-зейскія провинціи; то Дерптскій Аспрономъ Спруве рѣшилъ продолжать измѣреніе Европейскаго Меридіана. Онъ

спрудился шесть лѣтъ (1821 — 1827), и опчешь въ своихъ занятіяхъ прочишалъ въ шоржественномъ собраніи Дерптскаго Университета, который прошедшаго года 12 Декабря праздновалъ свой 25 - лѣтній юбилей. Прилагаемъ здѣсь извлеченіе изъ сего любопытнаго опчеша.

Въ 1819 году, Спруве составилъ планъ своего предпріянія. Князь Ливень, Попечитель Дерптскаго Университета, имѣлъ счастье предсавлять оный Государю Императору Александру Павловичу. Высочайшее соизволеніе послѣдовало вмѣстѣ съ повелѣніемъ о выдачѣ тысячи червонныхъ для пріобрѣтенія необходимыхъ снарядовъ. Въ 1820 году, Спруве отправился въ Германію на счетъ Университета; онъ желалъ во первыхъ лично заказать снаряды въ Минхенскомъ механическомъ заведеніи Рейхенбаха и Эршеля; во вторыхъ надѣялся имѣть свиданіе съ Гаусомъ и Шумахеромъ для полученія отъ нихъ полезныхъ совѣщовъ и замѣчаній, извлеченныхъ ими изъ собственныхъ опыщовъ при шаковомъ же измѣреніи градусовъ меридіана. Пупешествіе сіе было кончено съ совершеннымъ успѣхомъ: великодушное ходатайство Князя Ливена обогатило Спруве многими снарядами высокаго достоинства; изъ нихъ замѣчательнѣй-

шіе еуть: 1, Универсальный снаряд Рейхенбаха и Эршеля; 2, осьмнадцатидюймовой вертикальный круг шехъ же художниковъ; 3, ихъ же осьмидюймовой теодолидъ; 4, пятеро часовъ Либгерра, Репсольда и Арнольда; 5, Форшеневъ шпазъ, кошорый Французскій Академикъ Араго свѣрять съ шпазомъ Перуанскимъ; 6, большой полуденный кругъ Рейхенбаха, уставленный неподвижно въ самой Дерпшской Обсерваторіи; 7, снарядъ для измѣренія основанія, состоящій изъ 4 желѣзныхъ полосъ въ 12 фуш. длиною и $1\frac{1}{4}$ дюйм. толщиною, оправленныхъ деревомъ и обложенныхъ худыми проводниками; при томъ къ каждой полосѣ прикрѣплены по два термометра. Къ сему снаряду принадлежатъ еще 12 деревянныхъ козелъ и 16 желѣзныхъ шреножниковъ. Сверхъ того Спруве имѣлъ чешыре гелиотрона, нѣскольکو секстаншовъ и зрительныхъ шрубъ.

Измѣришь два, три и пр. градуса меридіана значить измѣришь на землѣ по направленію онаго такую линію, кошорой бы на небесномъ сводѣ соотвѣшествовала дуга въ два, три и пр. градуса. Но какъ въ спрахахъ обишаемыхъ невозможно пропягивать сію линію прямо и безпрепятственно; шо Астро-

номы раздѣляютъ ее на нѣсколько частей, изъ коихъ каждую опредѣляютъ помощію вычисленія многихъ тригонометрическихъ, соединенныхъ съ *основаніемъ*, измѣряемымъ непосредственно. Такимъ образомъ, избравши часть меридіана, просширающуюся чрезъ Дерптскую Обсерваторію отъ *Якобштадта* до скалы *Меги - Пелюсъ* на островѣ *Гохландѣ*, должно было предварительно назначить вершины тригонометрическихъ и успавить для оныхъ *сигналы*: сіи занятія продолжались въ 1821 году; въ слѣдующемъ же начато измѣреніе угловъ посредствомъ *универсальнаго снаряда* по способу *Борды*; но опыты показали, что для снарядовъ Рейхенбаха сей продолжительный способъ совершенно не нуженъ; а потому положено было снова произвести измѣреніе угловъ безъ *повтореній*, и въ 1823 и 1824 годахъ успѣли вымѣрить вершикальные и горизонтальные углы 24 тригонометрическихъ. Но какъ въ 1825 году Спруве не могъ оплучаться изъ Дерпта; то измѣреніе меридіана опложили до 1826 года.

„Въ Апрѣль 1826 года — пишеть Спруве — все вышеупомянутое собраніе снарядовъ, кромѣ полуденнаго круга и снаряда для измѣренія основанія, было перевезено въ *Якобштадтъ* и уставлено въ чепырежъ

шапрахъ , устроенныхъ на подобіе подвижныхъ Обсерваторій и охраняемыхъ военною стражею. Здѣсь производились наблюденія надъ высокою полюса и азимутомъ ; также мѣсто Обсерваторій соединено было съ вершиною главнаго приугольника въ Крейцбургѣ. Опредѣливши такимъ образомъ южную оконечность измѣряемой части меридіана , Астрономическій станъ перенесенъ былъ въ Ревель , откуда на военномъ бригѣ *Охтинка* переправили его на островъ Гохландъ. Сей каменистый островъ простирается отъ NW къ SO ; въ длину имѣетъ 10 верстъ , въ ширину 2 ; берега его круты , и только на восточной сторонѣ суда могутъ остановившись въ двухъ бухтахъ. На всемъ островѣ только двѣ деревни: *Гохландъ* и *Раголахто* ; въ послѣдней есть церковь , которую посѣщаетъ два раза въ годъ проповѣдникъ изъ Выборга , что въ Финляндіи. Островъ состоитъ изъ порфира , покрытъ скалами , изъ коихъ высочайшая на югѣ называется *Лауна-Кёрге* ; ниже оной скала *Гавунаворъ* , потомъ *Меги - Пелюсъ* , на которой устроенъ былъ пассажный снарядъ. Здѣсь наблюденія продолжались восемь недѣль и при томъ съ большими затрудненіями ; потому что дымъ отъ го-

рящихъ лѣсовъ въ Эспляндіи, Ингерманландіи и Финляндіи, помрачалъ небо.“

Въ печеніи лѣша 1827 года всячески спарались окончить измѣреніе; въ Апрѣль пріискивали мѣсто для основанія: нашли его въ Эспляндіи, на Гоффельдской долинѣ, въ приходѣ Св. Симона. Неблагопріятная погода много препятствовала какъ измѣренію сего основанія въ $4\frac{1}{4}$ версты, такъ и опредѣленію угловъ послѣднихъ приугольниковъ; но всѣ препятствія были побѣждены дѣятельностію и спараніемъ самаго Спруве и его соудниковъ, изъ коихъ наибольшее усердіе оказывалъ Флопа-Лейшенантъ, Баронъ Врангель, который участвовалъ въ измѣреніи меридіана съ самаго начала. Теперь осмѣется произвести вычисленія,

Занимающіеся Астрономіею съ неперыніемъ должны ожидать слѣдствія сего предпріянія, сподящаго многихъ трудовъ и значительныхъ издержекъ, тѣмъ болѣе, что изъ произведенныхъ до сихъ поръ измѣреній получающіяся различныя заключенія, изъ коихъ многія несогласны съ теоріею и особенно съ наблюденіями надъ длиною маятниковъ. Не позволяя себѣ никакихъ замѣчаній, припомнимъ слова Даламберта:

„чѣмъ болѣе собираемъ наблюдений, тѣмъ затруднительнѣе спановишся вопросъ о фигурѣ земли; ибо тѣмъ явственнѣе обнаруживаются уклоненія отъ шара или эллипсоида вращения; а пошому неподвержено никакому сомнѣнiю только то, что земля есть шѣло круглое, сжатое подъ полюсами и разширенное подъ экваторомъ (*).“ Также заслуживаетъ вниманiя и мнѣнiе Шуберта: „въ изысканiяхъ о фигурѣ земли много темнаго и сомнительнаго; по видимому вопросъ сей навсегда останется въ семъ нерѣшительномъ состоянiи (**).“ Дѣйствительно, неправильность земли неподвержена никакому сомнѣнiю; но какъ мы можемъ безошибочно пренебрегать неровностями на ея поверхности, то также не сдѣлаемъ никакой погрѣшности, когда принимаемъ ее за эллипсоидъ вращения: надобно только опредѣлить разности между полуосеречниками, соотвѣтствующими полюсу и экватору; отношенiе сей разности къ полуосеречнику экватора называется *сжатiемъ* земли; Лапласъ вывелъ изъ теорiи пятошнiя, что сiе сжатiе равняется дроби $\frac{1}{290}$; срав-

(*) Recherches sur différens points importants du système du monde, T. III, préf.

(**) Traité d'Astron. théorique. T. I. chap. 206.

неніе измѣреній меридіана подь экваторомъ и въ широтѣ 45° даешъ оное $= \frac{1}{309}$; прѣмій резульшатъ надлежало бы получить чрезъ сравненіе вшораго изъ сихъ измѣреній съ Лапландскимъ: но какъ разность въ заключеніяхъ, выведенныхъ Шванбергомъ и Мопершюи, заставляешъ сомнѣваться въ ихъ точности, то окончаніе важнаго труда Спруве дополнишь сей недоспашокъ, и тогда сжатіе земли будетъ опредѣлено рѣшишельно.

Д. Првцковъ,

К Р И Т И К А.

Русскія книги.

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая. *Согиненіе Ивана Козлова*. С. Пешербургъ. Въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщенія. 1828. 93. въ 12 ю д.

Любишели и любительницы Поэзіи уже успѣли насладиться новымъ произведеніемъ нашего унылаго Поэша. Но вѣроятно не исчезли еще въ ихъ памяти, еще свѣжи шѣ впечатлѣнія, которыя ощутили они, внимая разсказъ о печальномъ странствіи злополучной Нашальи и ея постриженій. Они согласяся съ нами, что это было повшореніе шѣхъ же впечатлѣній, какія возбудилъ въ нихъ *Чернецъ* повѣстью своихъ несчастій. То же святое, *нравственное* чувство, преданность Промыслу въ несчастіяхъ, одушевляетъ и новое произведеніе, какъ одушевляло и прежнее. То же знакомое намъ чувство, которое внушило Пѣвцу Чернеца слѣдующіе стихи:

Гдѣ сердце любить, гдѣ спрадаешь,

И милосердый Богъ нашъ тамъ:

Онъ крестъ даетъ и Онъ же намъ

Въ крестѣ надежду посылаетъ, —

по же чувство, говорю, ошзывается и въ эсихъ звукахъ пѣвца Нашальи Долгорукой:

Такъ Богъ велѣлъ; предъ нимъ смиришь,

Прими съ любовью крестъ тяжелый,

Терпи, надѣйся и молишь;

Онъ самъ носилъ вѣнецъ перновый;

Не унывай, не смѣй ропсать,
Терпи — въ спрадахи благодать!

Въ тихой обители мира нашель Чернецъ
вѣрное пристанище отъ бурныхъ спрасей сво-
ихъ: въ той же обители печальная странница,
Долгорукая, обрѣла предѣлъ своимъ несчастіямъ.
Эта обитель олицетворяеть по сладкое спокой-
ствіе души, по убѣжище Поэта - спрадальца,
изъ коего высылаеть онъ намъ свои унылыя и
однообразныя пѣсни.

Мы имѣемъ Поэтовъ, которые поспешенно
развивающяся, зрѣють вмѣстѣ съ Словесностью,
и въ каждомъ новомъ произведеніи представляя
ушѣшительное доказательство своего дѣятельна-
го стремленія къ совершенствованію, являють
вмѣстѣ залогъ и будущихъ надеждъ, обильныхъ,
разнообразныхъ. Отъ сихъ Поэтовъ ошечество
въ правѣ требовать большей и большей зрѣлости;
Кришика обязана слѣдить за ними, отдавать ош-
четъ просвѣщенной публикѣ въ ихъ произведені-
яхъ, строго и смѣло указывать на ихъ недо-
спашки, но вмѣстѣ съ благородною любовью
радоваться ихъ новымъ успѣхамъ, какъ новымъ
плодамъ ихъ шрудолюбія.

Козловъ, коего жизнь сдѣлала Поэтомъ, не
принадлежитъ къ сему числу поспешенно зрѣю-
щихъ и образующихся писателей, подчиненныхъ
строгому надзору Кришики. Козловъ остаеться при
одномъ и томъ же чувствѣ, съ котораго началъ

свои пѣсни, и кошорому никогда не измѣнишь. Онъ спрадалъ и ничто въ мірѣ его не ушѣшило; онъ обратился къ своему сердцу, не нашель въ немъ чувствъ обильныхъ, разнообразныхъ; но на шихомъ пепелищѣ угасшихъ спраспей юности увидѣлъ одно свѣшное чувство — вѣру, убѣжденіе въ Промысль, покорность его воли, — и эшо чувство ешь первый и послѣдній источникъ его жизни и пѣсень. Мы напередъ знаемъ, что оно повшорилсъ въ каждой изъ нихъ и опшзвелелсъ въ послѣднемъ его звукѣ, какъ опшзвалось и въ первомъ спонѣ Чернеца. — Козловъ выспрадалъ свою Поэзію; пѣсни его шекушь, какъ сладкія слезы, облегчающія горе душевное. Онъ въ дубравахъ нашей Поэзіи поешъ не какъ соловей разнообразный; но, какъ грушная горлица, жалобно и однообразно шоскующая о пошерѣ друга, оплакиваетъ онъ всѣ, вмѣстѣ со зрѣніемъ ушраченныя для него, блага міра, и ушѣшаешелсъ грядущимъ, пошеравъ настоящее. Ему любяшь внимашъ шихая горешъ, безнадежная любовь, шерпѣливое несчастіе: не лучшая ли же награда Поэшу за его пѣсни въ шомъ, что не онъ одинъ ими ушѣшаешелсъ, но и родные ему по спраданіямъ? —

*Дѣтскій Цвѣтникъ. Книжка въ пользу воспита-
нія, составленная на 1828 ой годъ Борисомъ Фе-
доровомъ, изданная Иваномъ Заикинымъ: С. Пешер-
бургъ. Въ Т. Депарш. вн. торговли. 1828. въ 12ю
д. IV, 262.*

Г. Федоровъ, кажешся, преимущественно, по-
свящаешь шруды свои на пользу Русскаго юно-
шества. *Дѣтскій Цвѣтникъ* его на 1828 й
годъ въ своемъ родѣ, какъ шрудъ полезный,
превосходишь Памяшникъ Отечественныхъ Музъ.
Онъ изданъ довольно хорошо и украшенъ во-
семью карпинками. Содержаніе всѣхъ піесъ при-
способлено къ понятіямъ дѣшей. — Здѣсь най-
душъ онѣ историческіе рассказы, волшебныя по-
вѣсти, небольшія драматическія піэсы, сказочки и
басенки, легкіе стишки и анекдоты. Желатель-
но бы было, чшобъ Г. Издашель оживлялъ свои
повѣствованія историческія болѣе просшымъ, но
игривымъ слогомъ, яркою, живою и даже мѣлоч-
ною подробностью описаній, кошорая всегда
нравится воображенію дѣшей болѣе, нежели со-
держаніе сухаго происшествія, ибо онѣ вообще
способнѣ замѣчаютъ часши, нежели цѣлое.
Изъ піесъ неисторическихъ, по нашему мнѣнію,
всего болѣе должна понравиться дѣшямъ волшеб-
ная сказка: *Красавица безпрестанно прядущая.*
Въ ней много фаншастическаго, а фаншазія въ
юномъ возрастѣ дѣйствуетъ всегда сильнѣе про-

чихъ способностей. Черезъ нее можемъ мы принимашь и первые уроки нравственности и первыя испины ума и первыя впечатлѣнія изящнаго. Вспомнимъ късати слова Шиллера, который сказалъ, что чрезъ ушреннія враша фантазіи мы входимъ въ страну познанія. Онь того басня и сказка такъ нравяшся въ возрастѣ младенческомъ : волшебные рассказы нашихъ говорливыхъ няней можно сравнить съ первыми снами дѣшешва, въ которыхъ мы заранѣе смушно видимъ загадочныя явленія еще непоняшой нами жизни. Желающіе доставить дѣшямъ пріянное чтеніе болѣе всего должны обращашь вниманіе на сіи сказки, какъ на вѣрное средство удобнѣе развить ихъ способности и вмѣстѣ съ первыми впечатлѣніями глубоко заронить въ нихъ сѣмена первоначальнаго образованія.

Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту. Москва. 1828. съ эпиграфомъ: *Il faut bien voir le monde avant d'en sortir.*

Записки Москвитя Москва. 1828. съ эпиграфомъ: *наблюденія вашего путешественника не очень важны: что дѣлать? Москва не Римъ.*

Съ нѣкотораго времени замѣтна въ нашей Литтературѣ какая то особенность; такъ напри- мѣръ поэты наши являющся въ публику не иначе, какъ съ поэмами лирическими, героическими и всякими, — въ добавокъ ошкрыли еще новый родъ

поэмы подъ шишлою: *современной*, и это опкрытіе, по чесши удачное, рѣшительно принадлежишь намъ. Гг. Прозаики, напротивъ, хлопчуть только о томъ, чибобъ описывать (*списывать?*) *нравы* и списываютъ ихъ самымъ оригинальнымъ образомъ: переряжая Французскаго Жуи въ Русскаго, они вовсе нехспати олицешворяють для насъ общества С. Жерменскаго предмѣстія на Невскомъ проспектѣ или въ урочищахъ Москвы бѣлокаменной. Спрасъ эта такъ сильна и направленіе ея споль могущественно, что даже Журналы, не говоримъ листерашурные, но и ученые, непременно должны обѣцашь спашь о нравахъ, и въ слѣдствіе сего одинъ изъ ученыхъ Журналовъ, въ сославъ кошораго входяшь только древности, Географія и Спашистика, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣшь постоянно говорись въ объявленіяхъ обь Адиссоновомъ Зрителѣ, и во что бы ни спало, а въ каждомъ номерѣ помѣщаетъ какую нибудь спашейку подь рубрикою: *Нравы*. Такова пошребность времени. —

Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту, вѣрояшно, обявано своимъ сущешствованіемъ сему же листерашурному повѣшрью, шѣмъ болѣе, что мы видѣли его нѣкогда въ листкахъ покойнаго Благонамѣреннаго. Можетъ бышь скучная обязанность доспавишь въ срочное время

статью о нравахъ въ редакцію Журнала, есть существенная причина неудачи, съ которою Авторъ совершилъ свое первое путешествіе; но справедливость требуетъ замѣнить, что шалашъ проглядываетъ здѣсь почти на каждой страницѣ, и что ежелибы Авторъ захотѣлъ прогуляться далѣе по снѣжъ, избранной имъ въ литературномъ царствѣ, то безъ сомнѣнія подарилъ бы насъ чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ истинно хорошимъ. Мы просимъ его отъ лица читающей снова отправиться путешествовать.

Записки Москвитя Рецензентъ прочелъ съ удовольствіемъ и смѣло рекомендуетъ ихъ всѣмъ любителямъ пріятнаго и легкаго чтенія. По всему видно, что Авторъ смотрѣлъ на вещи съ надлежащей точки зрѣнія и умѣлъ показать ихъ точно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ должны быть предъ лицомъ неподкупной истины. Многіе изъ помѣщенныхъ здѣсь спашей, копорыхъ всѣхъ 28, исполнены остроумія, каршинъ вѣрныхъ и занимательныхъ, какъ на примѣръ: *Пустяковъ, Письма, Климыги, письмо молодого мужа, искусство отказывать, нѣтъ худа безъ добра и проч.*

А. Т.

Отвѣтъ Гну Ю. на замѣчанія о Грамматицѣ Г. Греча, помѣщенныя въ 3 Н. Атеней (*).

Руководствуясь безпристрастіемъ я писалъ замѣчанія на Грамматику Г. Греча по собственному его желанію (Моск. Вѣстн. N. 24); держась той-же середины между ѣдкою криптикою и неумѣренно похвалою, я буду защищать Г. Греча. Цѣль моя: ошкрѣпленіе новыхъ истинъ и опроверженіе несправедливыхъ мнѣній ошчосительно языка Русскаго, къ чему, смѣю сказать, обязываешь меня моя опытность. И такъ, да не причтешь мнѣ въ вину Г. Ю., кошораго я во все не имѣю чески знать, что я покажу ему неосновательность многихъ замѣчаній его на Г. Греча. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ я съ нимъ соглашаюсь, въ однихъ совершенно, въ другихъ съ условіями. Я пройду молчаніемъ сіи мѣста изъ опасенія упомянуть шерптѣніе чипашелей подробностями, и, замѣшивъ Гну Ю., что не Гречь списывалъ у Рейфа, а Рейфъ, какъ онъ самъ лично говорилъ мнѣ, пользовался, наспавленіями Греча, (доказательствами пропивнаго Гнъ Ю. занялъ напрасно почти четвершую часть своей Криптики), и что выходки на Грамматики философскія спранны въ нашемъ вѣкѣ, присту-

---

(*) Мы помѣщаемъ сію Аншикриптику въ новое доказательство, шого что М. Вѣстникъ столько же готовъ защищать и хвалить похвальное, сколько и порицать — достойное порицанія, по его мнѣнію. М. П.

плю къ обвинительнымъ пунктамъ, по которымъ расположены крипическія замѣчанія Гна Ю.

1. „Недѣлимья части словъ, шо есть звуки и знаки ихъ, сущъ переходъ ошь Азбуки къ Грамашикъ“ — говоришь Гнъ Ю. или вымысленный имъ Сибилье. Какъ переходъ? Это самая Азбука. Чшбъ есть Азбука? Искусство изображать знаками звуки голоса человѣческаго и сосповляемыя изъ нихъ слова. — „Звуки и знаки могушь заняшь въ Грамашикъ шолько мѣсто введенія и не должны соспавляшь предмета особой части.“ Чшбъ такое введеніе? Приготовительныя истины, почерпнушыя изъ другой науки. Такъ Географическое описаніе древней Греціи будешь служишь введеніемъ въ древнюю Исторію Греціи. Но если сїи истины есть основаніе, необходимое условіе, на кошоромъ воздвигнуто все остальное зданіе науки, шо онъ уже не могушь бышь однимъ введеніемъ, онъ сущъ предметъ особой части шой науки. Шо сей-шо причинъ нумерація излагается въ началѣ Матемашики, иначе и Ариемешнику должно бы назвашъ введеніемъ въ Алгебру. — „Дальнѣйшее раскрытіе теоріи звуковъ принадлежишь къ Ореографіи.“ Слово Ореографія значишь *правописаніе*; и шакъ чшб-же будешь *правопроизношеніе*, если шолько мы не думаемъ совершенно изгнать сїю часть изъ Грамашики?

3. „Для меня странно, почему Г. Грець соспавилъ изъ одной буквы и двѣ.“ Звуки разные

и буквы различия: и и й. — „У Грековъ и, не смотря на двойное ея произношеніе, въ алфавитъ составляла одну букву.“ Греки намъ не указъ. — „Принявши въ Азбуку Русскую э, Авторъ исключилъ изъ нее *ϰ*, едвали не сполькоже необходимую для Орфографіи нашего языка, по свойству его съ Греческимъ.“ Букву э и я не считаю необходимою; но, прежде совершеннаго уничтоженія оной, следовало бы почтѣе опредѣлить употребленіе буквъ *ε* и *ζ*; чтоже касается до буквы *ϰ*; я не вижу никакой необходимости удерживать особый знакъ для двухъ-трехъ словъ, а свойство нашего языка съ Греческимъ опшнудь не пострадаетъ, когда мы исключимъ еще одну Греческую букву изъ нашей Азбуки, какъ исключили *κσι* и *πσι*. — „До сихъ поръ народъ говоритъ муръ, а не муро.“ Развѣ пишешь. Но что хочешь доказать Гнъ Ю. простонароднымъ окончаніемъ слова *миро* на *ъ*? — „И въ важнѣйшихъ государственныхъ бумагахъ писали и вѣроятно долго будутъ писать: *сѣнодь*, *муропомазаніе*.“ Къ чему тутъ ссылка на государственныя бумаги? въ прошеніяхъ у насъ доселѣ пишушь и можешь быть долго будутъ писать: *прошу* вашего превосходительства, хотя всякой знаетъ, что должно говорить: *прошу* ваше превосходительство.

6. Не защищая изложенія ученія о совокупныхъ глаголахъ, скажу, что оно дѣйствительно *ведетъ* къ лучшему уразумѣнію состава предложе-

мій. Какъ иначе располковать учащемуся, что предложеніе *всегда* состоитъ изъ трехъ частей? Что же касается до выраженій *онъ живетъ* и *онъ живущъ* и подобныхъ имъ, то и Г. Грець не считаешь ихъ равносильными. Должно принимашъ въ разсужденіе не причастіе или прилагательное, но корень глагола, послужившій вмѣстѣ съ глаголомъ *есмь* къ составленію глагола качественнаго или совокупнаго. Ближе примѣры: *есмь радъ* и *радуюсь*, *быль боленъ* и *болѣлъ*, *будь здоровъ* и *здравствуй*.

12. Заключение, выведенное Гнъ Ю. изъ опредѣленія чисель, сдѣланнаго Г. Гречемъ, несправедливо. *Сами*, *вилы*, *ножницы* и подобныя слова принадлежашъ и единственному и множественному числу, то есть означающъ безъ переменны окончанія и одинъ предметъ и не одинъ; а *дюжина*, *сотня*, *полкъ* ошнудь не означающъ *двухъ* предметовъ или *болѣе*; слова сіи выражающъ ошвлеченныя идеи о цѣлыхъ предметахъ, составленныя изъ многихъ недѣлимыхъ.

13. Гнъ Ю. весьма ошибается, почитая будто слова, выписанныя изъ 62 § практической Грамматики, употребляющя въ единственномъ числѣ, то есть, имѣющъ окончаніе сего числа. *Антиподъ* никпо неговорить, ни Словарь Академіи; *ботки* есть особенный родъ женскаго убора (см. Словарь Акад.); *зубцы* — часть сѣннаго укрѣпленія или пальцы колеса въ машинахъ, ни-

когда не имѣли единственнаго *зубецъ*, *зубки*, правда можно допустить въ ед., равно какъ *огарки* и *паголенки*; но *колокольчики*, *кувшинчики*, *ноготки*, *одуванчики* — извѣстные цвѣты, неупотребляющагося въ единственномъ; *коньки* (родъ лыжъ для катанья по льду и *конекъ*, *мозги* (кушанье) и *мозгъ*, *пальцы* (зубцы въ колесахъ) и *палець*, *переборы* (каменные гряды въ рѣкахъ) и *переборъ*, *переводы* (сплешни) и *переводъ*, *передки* (переднія колеса у повозокъ) и *передокъ*, *перепелы* (головной уборъ) и *перепель*, *рубцы* (желудокъ коровій и кушанье изъ него) и *рубець*, *тасы* (машина для измѣренія времени) и *тась*, *деньги* (знаки цѣнности вообще) и *дѣньга* (видъ монеты) совершенно разныя вещи и ш. д.

(*Окончаніе въпредъ*).

Иностранная книга.

Два года въ Константинополѣ и Морев. 1827.

(Окончаніе).

Познакомившись съ Султаномъ, Махмудомъ путешественникъ нашъ хотѣлъ узнать и его достойный pendant Ибрагимъ Пашу. Онъ отправился сначала въ Смирну, посѣтилъ многіе острова Архипелага, наконецъ прибылъ въ Морею, на подленную Турками, Арабами, Европейскими ренегатами. Мы не станемъ, вмѣстѣ съ нашимъ Авторомъ, рисовать картину убійствъ на островѣ Скіо. Напомнимъ только, что Турки сами почувствовали упреки совѣсти ошъ злодѣяній, ими совершенныхъ: такъ были онѣ ужасны. Изъ среды пожара, сокрушившаго въ послѣдствіи 20,000 домовъ въ Константинополѣ, раздавались восклицанія Мусульманъ: „Богъ правосуденъ, мы заслужили сію казнь; небо наказуетъ насъ за наши злодѣянія на островѣ Скіо.“

Послѣ непріятной встрѣчи съ Турецкимъ кораблемъ, которая кончилась счастливо для нашихъ путешественниковъ, они прибыли въ гавань Наваринскую.

„Городъ Наваринъ, имѣющій около мили въ окружности, построенъ на небольшой возвышенности; онъ окруженъ стѣною, снабженною пушками, и защищаемъ довольно крѣпкою цитаделью.

Сии укрѣпленія сдѣланы были Венеціанами, копорые долго владѣли симъ городомъ и не прежде 1715 г. отдали его Туркамъ. Я досѣпшилъ внутренность онаго; дома его малы и нечисты; жишели одѣвающяся по Албански, кромѣ солдашовъ Ибрагимовыхъ; ихъ суровая наружность оцвращаетъ иноземца; впрочемъ нѣтъ ничего замѣчательнаго въ Наваринѣ. Посреди города естѣ зданіе: эшо былъ нѣкогда храмъ Греческій; шеперь въ немъ лежатъ ядра и порохъ. Наваринъ показался мнѣ болѣе убѣжищемъ разбойниковъ, нежели городомъ.“

„Ибрагимъ обязанъ былъ взятіемъ Наварина Неаполишанскому инженеру Роме, по совѣшу кошораго сдѣланъ былъ проломъ посредствомъ двѣнадцати орудій большаго калибра, пославленныхъ на возвышеніи противъ самаго мѣста, на споронѣ противолежашей морю.“ . .

Изъ Наварина нашъ путешественникъ переходилъ въ Модонъ, гдѣ въ шо время находилась главная квартира арміи Египетской и самъ Ибрагимъ.

„Сколько воспоминаній спѣснилось въ умѣ моемъ, когда я пошрала землю генія и славы! Я сообщилъ моему поварищу мысли, въ шо время меня волновавшія, и онъ сказалъ мнѣ: „Нынѣшніе Греки были спольже храбры, какъ древніе Мессенцы. Одно и шоже чувство воспламеняло ихъ на бой: свобода. Но какъ часто одна смерть награждаетъ мужество: они почши всѣ погибли.

Иныхъ пощадилъ мечъ, но они спонаюшъ въ шенницахъ Модона.“ Идучи по долинь, ведущей къ Модону, я удивлялся плодородію почвы необработанной. Здѣсь росли лимонныя и апельсинныя деревья: шамъ цвѣшны безчисленныхъ красокъ образовали прекрасный цвѣшникъ; далѣ миртъ и розовый лавръ украшали берега свѣшлаго ручья, — и шолько соловей нѣжною мелодіей оглашалъ мѣспа пущынный. Но какую прошивоположность представляло съ другой спороны нагое и опущошенное поле, слѣды кровавыхъ разбоевъ и развалины цѣлыхъ сель, сокрушенныхъ Арабами! Такое-шо зрѣлище представляешся взору спранника опъ Наварина до Модона. Печальный видъ сихъ опущошеній и мысль о безчисленныхъ убійствахъ, здѣсь совершенныхъ, шуманили мое воображеніе; но еще ужаснѣйшее зрѣлище меня поразило: неумолимый Турокъ гналь двадцашъ женщизъ Греческихъ, и какъ спадо живопныхъ, немилосердно билъ ихъ плешью, когла замедлялись онѣ на пущи своемъ. Несчастныя, всѣ немолодаго возраста, осуждены были еобирашъ на горѣ дрова и шаскашъ ихъ въ городъ. „Откуда шы, добрая женщизна?“ спросилъ я одну изъ нихъ. — „Спранпикъ, опвѣчала она споная, мы были взяшы въ Миссолонги и съ шѣхъ поръ переносимъ всѣ ужасы рабства. На ночь запираюшъ насъ въ сырденое мѣспо, гдѣ мы спимъ на голыхъ камняхъ, а днемъ гоняюшъ за мучипельной работою на

эту гору, гдѣ мы должны сносить и непогоду и жестокія наказанія отъ злобнаго стража.“ — Чѣмъ вы кормишься, спросилъ я ее? — „справою и иногда чернымъ хлѣбомъ. Простите, молодой человѣкъ, помолишься Богу, чтобъ Онъ укротилъ наши сшраданія, простите!“ Я хотѣлъ ей дать нѣсколько пшасровъ. — „Нѣтъ, благодарю васъ, берегите у себя эти деньги,“ сказала она, Турокъ у меня ихъ опшнмешь.“ Пожелавъ ей отъ души лучшей участи, я съ горькимъ чувствомъ продолжалъ путь свой; но другое печальное зрѣлище меня ожидало. Опшедъ немного, у самой дороги я увидѣлъ другую спарую женщину, лежавшую на землѣ. Второю спраю билъ ее палкою за то, что она, удрученная болѣзнію и усталостію, не могла идти болѣе: вопли ея оглашали воздухъ. „Молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!“ — воскликнула она, примѣшивъ меня. Я закричалъ Мусульманину: „Постой, постой, я дамъ тебѣ денегъ; или тебѣ не жаль этой бѣдной?“ — Но уже былъ нанесенъ ей сильный ударъ, и лицо женщины покрылось кровью. Тогда шпрань, видя ея явное безсиліе, оставилъ несчастную, сказавши: Околѣй же, спарая собака, коль ни къ чему негодна!“ — Я нѣсколько времени протспоялъ близъ жершвы: скоро она испустила послѣдній вздохъ. . . . Но солнце уже было на половинѣ пути своего, когда мы увидѣли зубцы древней Мешоны. Скоро мы были шамъ.

Сіе мѣсто, на три милі ошстоящее ошь Наварина, почши въ полшора раза его болѣе. Венеціанцы овладѣли имъ въ 1686 г., Топаль Османъ взялъ оное 16 го Августа 1715 г.; а рѣшишельно перешло оно къ Туркамъ въ 1770 г. Венеціанцы же снабдили его укрѣпленіями. Это было не прудно, пошому что Модонъ ошвсюду окружень моремъ, и шолько деревянный мостъ, въ пятьдесять шаговъ ширины, соединяешъ его съ швердою землею. Модонъ былъ бы неприсущупень, еслибъ его укрѣпленія находились въ хорошемъ сосшояніи; но Турки не умѣюшъ ни сохранишь, ни исправляшь: ихъ дѣло — одно разрушеніе. Давно уже и валъ и крѣпосшь въ большомъ упадкѣ, и пушки почши веъ негодны къ упошребленію.

„И въ Модонѣ, какъ въ Наваринѣ, былъ недосшашокъ во всемъ, даже въ хлѣбѣ и въ припасахъ, самыхъ нужныхъ: причиною шому лѣтъ Турковъ, кошорые согласяшя лучше умерешъ съ голода, нежели обрабошывашъ поля. Одинъ шолько Паша и начальники войска не знали всеобщаго голода; ихъ ешоль всегда былъ роскошень. Недосшашокъ денегъ умножалъ бѣдсшвіе. Арабы, въ печеніи двадцати мѣсяцовъ ихъ пребыванія въ Морѣ, не получали слѣдующаго жалованья. Къ шомуужъ они нуждались въ плашь. Иные ходили въ однѣхъ рубашкахъ; другіе покрышы были кусками ковра или просшаго холста; иные носили

влася, сѣняшыя имя съ Греческихъ женщинъ. Всѣ проклинали Пашу, и съ каждыиъ днемъ убывали солдаты. Сія всеобщая нищета, и зрѣлища, раздирающія душу, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, оставили во мнѣ глубокое и суровое воспоминаніе о Модошѣ. Но встѣхъ зрѣлищъ ужаснѣе былъ *торгъ невольниками*. Я отправился туда на другой день моего пріѣзда. Я не могъ удерживать слезъ моихъ при видѣ сей плачевной картины. Мои спущеници раздѣлили со мною мои ощущенія, хотя, привыкнувъ къ подобнымъ зрѣлищамъ, они были шверже меня: но Турки и Арабы даже не понимали моей скорби. И естѣ народы, для которыхъ состраданіе кажется загадкою! . . . Большею частію продавались женщины разнаго возраста: было также нѣсколько мальчиковъ, всѣ менѣе 16 лѣтъ, ибо плѣнники, перешедшіе сей возрастъ, или предавались смерти, или заключались въ шемницы. Всѣ сіи невольники были взяты въ Миссодонги свирѣпыми Арабами, алчными къ разврату и добычѣ. Сколько видѣлъ я здѣсь юныхъ дѣвъ, прекрасныхъ какъ Граціи древнихъ Грековъ! Сколько дѣпей съ лицами Ангельскими! Но — не могу вспомнить, не содрогаясь: сколь многія изъ нихъ уже сдѣлались жертвами безстыднаго звѣрства побѣдителей! Было нѣсколько старыхъ женщинъ: ихъ продавали самую низкою цѣною, а покупщики употребляли ихъ какъ животиныхъ. Большая частъ юныхъ дѣвицъ

были закрыты покрывалами, и продавцы, стоя передь ними, кричали: „Эта спойшь восемь сошь пиастровъ; эта полшоры тысячи: она 16 шиллѣвъ, еще дѣвушка, да подойдите, посмотри-те.“ — „Капишанъ! не угодноли купишь эту молодую Сулюшку,“ сказалъ одинъ изъ купцовъ, подошедъ ко мнѣ, „добро славное: будете довольны!“

Пришворившись, что хочу купишь, я отвѣчалъ ему: „Я хотѣлъ бы взглянуть на нее.“ — Онъ бысро сорвалъ съ нее покрывало: я увидѣлъ дѣвушку рѣдкой красосы, хотя блѣдное лицо ея было омрачено скорбію: блѣдная плакала. Я поспѣшно накрылъ ее покрываломъ, чшобъ не видѣть слезъ ея, и удалился.

„Скоро покинулъ я сіе мѣсто, гдѣ все пшало мою горестъ и негодованіе, я возвращаился къ шоварицамъ на берегъ моря. Но и здѣсь я не нашель пріюща для своей чувствительности! Лишь только мы пришли шуда, какъ волны принесли къ ногамъ нашимъ двадцать головъ, недавно срѣзанныхъ, и прохожій холодно сказалъ намъ, что это головы плѣнныхъ, казненныхъ въ темницахъ. Скоро еще увидѣли мы сто плѣнныхъ, шедшихъ къ намъ въ сопровожденіи Негровъ. Блѣдность покрывала ихъ лица; на спинѣ и рукахъ видны были знаки ударовъ плешью, копорыми будиль ихъ опть сладкаго сна жестокій шпорожь. Они несли на плечахъ шолстые бревна. Проходя мимо головъ кашавшихся по песку, они

взглянули на нихъ, задрожали и поблѣднѣли еще болѣе: такая же участь можешь быть и имъ гошовилась. . . . Да не подумаюшь, что всѣ сіи плѣнные были взяты съ оружіемъ въ рукахъ. По большей части это были простые пастухи, которые пасли стада въ горахъ и были схвачены и заключены въ оковы Арабами. За два часа меня впустили въ тюремную башню, гдѣ содержались плѣнные. Они лежали не на соломѣ, но на грязи, причиненной морской водою, которая проникала въ щели стѣнъ. Это мѣсто было смрадно, темно, и только при свѣтѣ лампы я едва могъ различать черты заключенныхъ.

Видъ Негровъ Ибрагимовыхъ ужасенъ. Глаза у нихъ живые, голова короткая, ростъ малой, они нѣсколько похожи на шѣхъ красныхъ звѣрей, съ которыми вмѣстѣ живутъ въ пламенныхъ пустыняхъ Африки. Вызванные изъ Нубіи и Абиссиніи — странъ, плавающихъ данъ Пашѣ Египетскому, они научились дисциплинѣ отъ нѣкошорыхъ Европейскихъ офицеровъ, подкупленныхъ Мегмешомъ-Али.

„Какъ бы то ни было, Мегмешу-Али гораздо большихъ трудовъ, чѣмъ Махмуду, стоило послать войска на ногу Европейскую; ибо Негры Сеннаарскіе еще невѣжественнѣе Турковъ, не смотря на крайнюю степень невѣжества послѣднихъ. Часто они бунтовали противъ своихъ наставниковъ Европейскихъ; но Деспотъ Египет-

скій всегда усмирять ихъ, напоминая имъ объ участи, постигшей Мамелюковъ. Наконецъ шесть полковъ, каждый изъ 4000 солдатъ, были отправлены въ Морею; но отъ сего значительнаго числа въ мое время оставалось въ Модонѣ отъ 7 до 800, прочіе дорогою погибли отъ болѣзней, отъ усталости, недоспашка пици, меча непріятельскаго. Да и оставшіеся походили на скелешовъ.

„Больные поручены были надзору докшоровъ и офицеровъ Французскихъ и Италіанскихъ. Въ Модонѣ я очутился въ кругу множества соотечественниковъ: они были мнѣ рады, и не разъ мы пили шоспы за славу и счастье нашей прекрасной Франціи. Сладко на землѣ чужой обращать взоры на родину. Многіе часто при мнѣ проливали слезы, и нѣкоторые увѣряли меня, что къ концу кампаніи оставяшь службу невѣрныхъ.“

„Одинъ изъ нихъ представилъ меня Ибрагиму-Пашѣ. Онъ принялъ меня въ шашрѣ, раскинутомъ внѣ города противъ стана Арабовъ; обошелся со мною довольно ласково, посадилъ возлѣ себя и велѣлъ подать шрубку и кофе. Наша бесѣда была долга. Я хвалилъ образованіе его войска и онъ съ любопытствомъ, внималъ разсказъ мой о убійствѣ Янычаръ и нововведеніяхъ въ Констаншинополѣ. Ибрагимъ малъ ростомъ, весьма толстъ, лицо его широкое; носъ разплюснутый, глаза яркіе, печать свирѣпства лежитъ на его физиогноміи.

Онъ не настоящій сынъ Мегмеша-Али, а только усыновленъ имъ. Мусульмане почитаютъ его по сану выше отца его, ибо онъ есть первый Паша имперіи, ш. с. Паша священныхъ мѣстъ. Онъ усмирить взбунтовавшіеся города Мекку и Медину, учинивъ тамъ страшное кровопролитіе и продавши большую часть женъ и дѣшей.

„Храбрость у Ибрагима неопытлема. Онъ, по увѣреніямъ многихъ, всегда первый въ огнѣ, и съ рѣдкою неуспрашимостію презираетъ ядра и мечъ непріятелей. Встрѣясь съ ними, мигомъ нападаетъ, а когда началось дѣло, по спавши съ нѣсколькими офицерами позади полковъ своихъ, рубитъ опшупающихъ. Арабы, зная, что за ними смерть неизбѣжная, бросающа вперёдъ, и часто противъ воли и силъ своихъ побѣждаютъ.“

„Говорятъ, что Ибрагимъ и Колокотроннъ встрѣтились однажды, но ихъ раздѣляла пропасть, хотя они были близки другъ къ другу.“
 „Сдайся, сказалъ Ибрагимъ, „заваяю тебя златомъ.“ — „Свобода моего опечества, гордо опвѣчалъ герой Греческій, дороже для меня своихъ сокровищъ.“ Сказалъ, выстрѣлилъ изъ ружья и исчезъ. . . . выстрѣлъ попалъ въ одного изъ Арабовъ, сославлявшихъ свиту Паша.“ —

„Я замѣнилъ выше, что Ибрагима можно представить въ параллели съ Махмудомъ. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ главные черты составляютъ основу характера обоихъ — жадность и жестокость.“

мость. Мнѣ сказали, что Ибрагимъ въ Модонѣ имѣеть въ своей казнѣ (khasné) болѣе 15000 мѣшковъ. Однажды онъ велѣлъ схватить весь крупный и мѣлкій скотъ, который находился въ клѣвахъ внутри и внѣ Модона. Владѣтели стада горько вопіяли противъ сей несправедливости, опшнмавшей у нихъ всѣ способы къ существованію. Паша велѣлъ имъ заплашить по шести піасровъ за быка и по шри за барана. Такимъ образомъ, овладѣвъ всѣмъ скопомъ, онъ велѣлъ продавать мясо по шри піаспра за оккъ, и всякій принужденъ былъ покупать его за эту ужасную цѣну или совсѣмъ отказаться отъ мяса, ибо негдѣ ужъ было взять его. Мясо все было раскуплено, и выигрышъ Ибрагима необъяснимый.“

„Во время моего пребыванія въ Модонѣ умеръ Мегемешъ - Али-Ага, дядя Ибрагима и одинъ изъ начальниковъ войска. Онъ имѣеть въ своемъ гаремѣ 18 женщинъ, похищенныхъ изъ Миссолонги, и 12 мальчиковъ Греческихъ отъ 10 до 15 лѣтъ, служившихъ ему пажами. Во время болѣзни его пользовалъ одинъ Англійской докшоръ, молодой человекъ рѣдкаго достоинства, соединявшій съ великими дарованіями и прекрасныя нравственныя качества. Пріѣхавъ въ Миссолонги съ Лордомъ Байрономъ, онъ пережилъ славнаго Поэша: онъ былъ взятъ въ плѣнъ врагами и получилъ жизнь съ условіемъ служить Ибрагиму. Онъ оплменно исполнялъ свое дѣло; но не смотря на

благосклонность невѣрныхъ, онъ только выжидалъ случая бѣжать отъ Арабовъ въ свое отечество. Видя Мегемеша-Али - Агу при послѣднемъ издыханіи, онъ сказалъ ему: „что вамъ дѣлать съ вашими плѣнницами? какая вамъ нужда въ эсихъ мальчикахъ? дайше имъ свободу; шакое дѣло будешъ пріятно Богу.“ Больной согласился, объявилъ свои желанія племяннику Ибрагима и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Но Ибрагимъ не разсудилъ за благо исполнить послѣднюю волю дяди. Онъ велѣлъ опвесити женъ и юныхъ Грековъ на рынокъ; они были проданы и онъ взялъ себѣ деньги. . . .

„При осадѣ Наварина онъ шакъ близко подошелъ къ стѣнѣ крѣпости, что ядра и пули летали подлѣ его. „Государь, сказалъ ему офицеръ, его сопровождавшій, вы не безопасны, непріатели въ васъ шрѣляютъ.“ — Ты прусь, возразилъ Ибрагимъ, умри. . . . и опрубилъ ему голову.

„Прибывши въ Модонъ, онъ узналъ, что многіе дома заняты Греками, и повелѣлъ убить всѣхъ эсихъ несчастныхъ, которымъ обѣщали жизнь и даже покровительство за то, что сдались покорно. Ночью, въ урочные часы, всѣ они были перерѣзаны Неграми, которые поселились въ жилищахъ жертвъ своихъ; женщины были на другой же день проданы на рынокъ, а дѣти ихъ достались въ чужія руки. Однажды привели къ Ибрагиму плѣннаго Грека. На вопросъ: гдѣ были

враги? — онъ отвѣчалъ: „я не измѣню никогда кляшвѣ, данной мною поварищамъ.“ — „Я убью тебя, если не скажешь.“ — Пльнный повшорилъ отвѣтъ свой. — Паша бросаетъ шрубку, всмаетъ въ бѣшенствѣ, плюетъ ему въ лице, беретъ карабинъ — и Грекъ поверженъ у ногъ его.

„Спустя пять или шесть дней, привели къ нему другаго пльннаго; это былъ бѣдный паспухъ. Ибрагимъ началъ кричать: жуга! жуга! (*) и послѣ тысячи прокляшй, онъ повелѣлъ ему спастъ на колѣни и наклонить голову. Бѣдный паспухъ повинуется и считаетъ смерть свою неизбѣжною. . . . „Винь свою саблю, сказала Ибрагимъ Арабу 6 пи лѣтъ, кошораго онъ очень любилъ, и опрубивши голову невѣрному, принеси ее мнѣ!“ Мальчикъ выкололъ глаза несчастному, давалъ ему раны для своей забавы, опрѣзалъ ухо, нѣсколько разъ ударялъ спрадалца по головѣ, кошорой не могъ опрѣзать. Французы, бывшіе при этомъ зрѣлищѣ, вымолили пощаду пльнному. Его увели; но спустя два или три дни, онъ умеръ отъ ранъ.“

„Я и самъ былъ свидѣтелемъ нѣкошорыхъ жестокоостей. Я собственными глазами видѣлъ, какъ приведены были предъ шаперъ Ибрагима пятьдесятъ нагихъ поселянъ; какъ клеймили ихъ горячимъ желѣзомъ; какъ пошомъ повергли ихъ

(*) Таковы обыкновенно восклицанія Грековъ при видѣ войскъ Турецкихъ.

въ смрадную темницу, гдѣ они должны были въ мукахъ ждашь корабля, на кошоромъ слѣдовало имъ опплышь далеко ошъ милой ошчизны въ Египешь, чшобы шамъ слезами и попомъ орошашь чуждую землю, въ прудахъ для Мегемеша-Али. Я видѣль, какъ распинали священниковъ, сжигали на маякомъ огнѣ; я видѣль . . . не уже довольно.“

„Пробывши чешыре дня, я, по предложенію Г. Л. и канцлера Австрійскаго, предспавлялся Солиману-Бею (бывшему Французскому Полковнику Севу): полкъ его стояль лагеремъ внѣ города, но домъ былъ въ Модонѣ. Десять саперовъ охраняли дверь. Въ одиннадцашь часовъ упра мы нашли Солимана, роскошно лежавшаго на широкой постели. Онъ извинялся передъ нами тѣмъ, чшо чувсшвуетъ себя нездоровымъ послѣ большой усталосши. Маленькой Негръ подалъ намъ шрубку и кофе; но послѣ угощенія Турецкаго началось, къ моему удовольствію, насшоящее Французское. Не смотря на строгій законъ пророка, шампанское поилось въ длинныя чаши, и шрое или чешверо офицеровъ Египешскихъ не вмѣнили себѣ въ грѣхъ осушитъ нѣсколько бушылокъ.“

„Любви къ ошечесшву не лзя испребишь совершенно: такъ велика ея сила! Солиманъ, не смотря на ошступничесшво, все Французъ душою; онъ предложилъ шосшь за здоровье своей ошчизны, и при эшомъ воспоминашіи нѣсколько слезъ

выкапилось изъ очей его. Мы восклицаніемъ ошвѣчали на его предложеніе. Поговоривъ съ нимъ о Констаншинополѣ, о политическихъ дѣлахъ Франціи, возбуждавшихъ въ немъ живое участіе, я ошкровенно изъявилъ ему мое желаніе видѣть гаремъ его. „Полковникъ, сказала я ему, васъ не должна изумлять моя просьба. Я думаю, что я здѣсь въ гостяхъ не у Турка, а у Француза.“

„Египетскіе офицеры удалились, и вошли при женщины изъ гарема Солиманова. Одна изъ нихъ называлась Панаіюша, другія двѣ были сестры родныя. Всѣ онѣ съ любезными качествами ума соединяли прелестъ плѣнительную, но въ особенностяхи Хризула, старшая изъ двухъ сестеръ. Ростъ ея былъ высокой и стройной; шихая меланхолія изображалась на лицѣ, гдѣ бѣлизна лилій сливалась съ пурпуромъ розы. Небесно-голубые глаза составляли дивную противоположность съ черными какъ смоль волосами. Богатая и прекрасная одежда придавала еще болѣе блеску шремъ красавицамъ. Онѣ были плѣнницы Греческія.“

„Хризула, кошорой еще не было 18 лѣтъ, была любимицей Солиманъ-бея. Онъ любилъ ее до безумія, и она, сколько могъ замѣшпшь я, часто посѣщая гаремъ Сева, — ошвѣчала на любовь его. Къ шому же слѣдующее произшествіе еще болѣе ушвердило ее въ эшомъ чувствѣ.“

„Еще до Хризулы одна Негришянка, красоты рѣдкой, по имени Арсана, привезенная Соли-

маномъ изъ Египта, овладѣла его сердцемъ. Нѣсколько разъ уже, она, будучи покинута, обнаруживала свою досаду и слезами и словами; за два дни до прїѣзда моего въ Модонъ, она ворвалась въ спальню Солимана. И чтожь она видишь? . . . Хризулу въ объятїяхъ невѣрнаго любовника! . . . Это зрѣлище приводитъ ее въ ярость. „Вѣроломный, воскликнула она, будешь тебѣ наслаждаться шоржешвомъ швоимъ и моимъ срамомъ.“ Мигомъ бросилась она на свою соперницу; въ припадкѣ слѣпой ярости, схватила ее за волосы, оцарапала лицо, хотѣла вырвать глаза; но Солиманъ, восплавыши гнѣвомъ, схватилъ ее, опдалъ саперамъ и велѣлъ казнить передъ своими глазами. Арсана, услышавъ сей приговоръ, (и не думаешь молишь о прощенїи. „Нѣтъ, говоришь она, нѣтъ, Солиманъ, ты не осудилъ меня, ты не хочешь моей смерти; Арсана слишкомъ дорога тебѣ; ты не можешь алкать моей крови. Но если бы даже ты, неблагодарный, забылъ нашу любовь взаимную, захохоталъ принести меня въ жертву своей соперницѣ, то я умерла безъ горести: смерть избавишь меня отъ ея ненавистнаго вида.“ . . . Проклятія посыпались изъ устъ ея на Хризулу. Солиманъ повсюриль роковое повелѣніе. Она не робѣетъ, все также предается порывамъ своей ярости и проклинаетъ все, ее окружающее. Уже поднята была роковая сѣкира, и голова Арсаны пала бы къ но-

гамъ ея соперницы, еслибъ въ это время не подоспѣли Французы, друзья полковника. По ихъ просьбамъ, Арсаѣа получила жизнь, но навсегда была изгнана изъ дома Солиманова.“ . .

„Въ чепыре часа мы отправились обѣдать къ Солиману, по его приглашенію. Въ шой же комнатѣ, гдѣ онъ принялъ насъ упромъ, поставленъ былъ круглый столъ, съ виду совсѣмъ не воспочный, ибо его покрывала скашерть и на немъ стояли бушылки. Трое Европейскихъ училелей, два друга и Солиманъ сѣли за обѣдь. Меня посадили между двухъ сесшеръ. На краю стола находились шри шарыя женщины, довольно дурно одѣшныя. Между шѣмъ какъ другія разсуждали о Египтѣ, Турціи, Франціи, я разговаривалъ съ моими милыми сосѣдками. Бесѣда съ дамами гарема? еспѣ неслыханное счастье для путешественника въ Турціи. Я спросилъ у нихъ: кто были эштѣ шри шарыя женщины? — „Одна изъ нихъ наша шешка, оставчала мнѣ Хризула. Оставшись сиропами съ самага нѣжнаго дѣшсшва, мы съ нею одною жили въ маленькомъ домикѣ, не далеко отъ Триполицы, когда Арабы, опустошавшіе шу шрану, ворвались въ нашъ домъ и его разграбили. Мы плѣнными были приведены къ Солиману, кошорый оставилъ насъ за собою. Но родственница наша исчезла, нѣсколько дней спустя ее схватили въ ворахъ, продали за низкую цѣну и она принуждена была носить воду. Къ

счастію , мы встрѣтили ее однажды у ворадъ Модона. Въ воспоргѣ оцъ радости, мы прибѣжали къ Солману просишь о ея избавленіи ; онъ , не опказывая намъ ни въ какомъ удовольствіи, пошчасъ заплашилъ за нее пребуемую цѣну и теперь щакже хорошо ее содержишь какъ и насъ.“ Довольны ли вы у Бей? — „Онъ крошокъ , всегда одинаковъ , и мы совершенно были бы счастливы, еслибъ видъ нашихъ соотечественниковъ, ошягченыхъ цѣпами , не оправлялъ всѣхъ нашихъ радостей.“ — Но всегда ли вы будете плѣнницами? — „Бей намъ даль свободу.“ — Тупъ же она показала мнѣ свою оппускиую , написанную рукою подковника.“

„Я опозвался съ похвалою о человеклюбіи Г-на Сева и онъ мнѣ сказалъ:“ я если перемѣнилъ Религію , шо не перемѣнилъ по крайней мѣрѣ характера , и моя душа оспаеется всегда французскою. Всѣ сіи женщины , молодцы и спарыя , возвращающся послѣ войны на свою родину. У меня содержищя еще въ домѣ восемь Грековъ , которые взяты въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ и избавлены мною оцъ смерти.“

„Между шѣмъ подавали блюда , одно за другимъ , даже изъ кухни самаго Паши. За дессертомъ ошяшь явилось Шампанское , и опкровенное веселіе распросранилось въ собраніи. Солманъ , мои друзья , прежніе офицеры Бонапарше , всѣ мы пѣли французскія пѣсни , которые оканчивались

общими хорами. Пошомъ разсказывали шушливыя повѣспи, и хошя прочіе гощи не понимали нашего языка, однакожь, смощря на насъ, развеселились и сами. Спощь продолжался до 8 часовъ вечера. Солиманъ показываль намъ двухъ дѣшей, кошорыхъ онъ у себя воспитываль. Мальчика нашель онъ подъ деревомъ и назваль Колокошпрони и любиль его какъ своего сына. Дѣвочку онъ назваль Бобелиною. У сихъ дѣшей были шакже опшускныя. „Эшу предоспорожностъ, сказаль Солиманъ, должно было приняшь: иначе, въ случаѣ моей смерши бѣдныхъ дѣшей захвашили бы, и онѣ были бы проданы.“

Вообще всѣ Греки славяшь великодушіе Г. Сева. Эшо подшверждаешся свидѣтельствомъ Агенша Авштрійскаго въ Модонѣ: онъ спасъ многія Греческія мѣста опъ грабежа, освободиль многихъ Грековъ изъ неволи опъ Арабовъ, удерживаль часшо своихъ солдатъ опъ оскорбленія женъ и дѣшей. — Въ другой разъ я проспился съ Солиманъ-Беемъ куѣхаль изъ Модона на Арабской лошади, кошорую онъ велѣль мнѣ дашь. Впередъ шло пяшдесять вооруженныхъ Негровъ, за мною чешыре служилеля. Съ шакимъ величіемъ вѣхаль я въ Наваринъ. Египешской флощъ, кошораго шамъ ожидали шесшь мѣсяцевъ, скоро хошѣль спашъ шамъ на якорѣ.

Z.

Философія Исторіи челоѣчества. Мысли. Сочиненіе Гердера, переведенное на Французской языкъ Кинешомъ. —

Все, что ни является во Франціи хотя нѣсколько замѣчательнаго по части Исторіи, болѣе и болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что мысли Французовъ касательно сей науки совершенно принимаютъ другой оборотъ. Явленіе перевода Гердеровыхъ мыслей о Философіи Исторіи челоѣчества есть новое подтвержденіе замѣчаемаго нами переворота. Представляемъ (здѣсь краткій обзоръ сего шворенія, извлеченный нами изъ Журнала Преній. Въ немъ виденъ образъ мыслей Французовъ и примѣрно, съ какою готовностію принимаютъ они подобныя произведенія.

„Изъ всѣхъ Нѣмецкихъ писателей, жившихъ въ концѣ 18 го столѣтія и въ началѣ 19 го, Гердеръ отличаетъ [ученостію] своею, глубокомыслиемъ и блестящею оригинальнію слога. Мысли его о Философіи Исторіи челоѣчества есть лучшее его произведеніе. Ежели въ липперашурномъ отношеніи только разсматривать его, то и шумъ оно для насъ драгоцѣнно: составляя эпоху въ Нѣмецкой липперашурѣ, чрезъ сіе уже приобретаешь право, на представленіе соотечественникамъ нашимъ, обращающимъ теперь все свое вниманіе на богашую липперашуру Германскую.

Но безсмертное швореніе Гердера имѣетъ еще другую для насъ важность: какъ произведе-

ніе ума возвышеннаго, оно принадлежишь вѣтъмъ вѣкамъ и народамъ. Предметъ его философское изслѣдованіе всего минувшаго, Исторія всего рода человѣческаго, Исторія насъ самихъ, и можешъ ли оно послѣ сего не бышь занимательнымъ для всякаго мыслящаго человѣка! До Гердера еще многіе знаменитые писатели стремились къ подобнымъ идеямъ; во Франціи, особенно въ Италіи и Англіи, съ давнихъ временъ еще примѣнно было сіе стремленіе; въ Германіи шакже были подобныя покушенія; — но ни одно изъ сочиненій сего рода, кошорыя являлись шогда, не можешъ сравнишь съ дальновидными и глубокомысленными соображеніями Гердера: онъ первый разсмотрѣлъ предметъ сей во всемъ объемѣ его; ему одному предоставлено было судьбой разрѣшишь задачи, водновавшія споль долго всѣ умы (*).

И кто могъ лучше осуществишь подобныя идеи? Бывши Историкомъ, Философомъ, Филологомъ, Богословомъ, онъ изслѣдовалъ всѣ умственные и нравственные феномены рода человѣческаго. Изысканія его о языкѣ, о младенчествѣ и первоначальномъ состояніи людей, изученіе народныхъ пѣсень, поэзіи многихъ народовъ — были лучшимъ его занятіемъ, прежде нежели составилъ

(*). Это уже слишкомъ преувеличено: Гердеръ на многое намѣкнулъ, ко многому указалъ дорогу, возбудишь охоту, — вошь въ чемъ состоишь важнѣйшая его заслуга. М. П.

онъ планъ своего сочиненія; когда же рѣшился совершить предпріятіе свое, то еще съ большимъ усиленіемъ старался пріобрѣсти обо всемъ основательныя свѣденія и запасшись новыми матеріалами.

Простой обзоръ главныхъ спашей его сочиненія, на которыя излилъ онъ, такъ сказать, всѣ сокровища учепости, (*) свѣтъ генія, — убѣдяющъ насъ въ обширности его изслѣдованій.

Въ первомъ томѣ обозначаетъ онъ то мѣсто, которое занимаетъ въ системѣ міра шаръ нами обитаемый, служащій для насъ переходомъ къ другой жизни; потомъ разсматриваетъ дѣйствія и вліяніе, которое имѣетъ земной шаръ сей вмѣстѣ съ шрема царствами природы на наше сложеніе и образованіе; послѣ сего указываетъ мѣсто, назначенное челоѣку между существами его окружающими, и то, которое со временемъ будетъ занимать онъ въ мірѣ высшемъ, соединяющемся съ природою посредствомъ его разума. За симъ слѣдуетъ описаніе челоѣческаго сложенія въ разныхъ климахахъ, — вліянія, которое имѣютъ климаты сіи на развитіе существа нашего, изслѣдованіе языковъ, религій, правленій, какъ главныхъ средствъ служащихъ къ нашему усовершенствованію. Разсужденія о колыбели религій, челоѣка,

(*) Нѣмцы пребудутъ больше, нежели Французы; — и ученаго Гердера они упрекаютъ въ недоспашкѣ учепости. Немилосердый Шлегель даже напомнилъ, кажется, ему въ спорѣ пословицу . . . Historici fiunt, non nascuntur. М. II.

первыхъ его понятій, о древнѣйшемъ литературномъ памятникѣ рода человѣческаго окончивающъ первый томъ его сочиненія.

По разрѣшеніи сихъ вопросовъ сообразно съ духомъ нашего времени, Гердеръ во второй часпи кидаетъ Философскій взглядъ на Исторію всѣхъ древнихъ народовъ, какъ то: Китайцевъ, Тибетинцевъ, Индусовъ, Вавилонянъ, Ассиріянъ, Халдеевъ, Мидянъ, Персовъ, Евреевъ, Финикіянъ, Карфагенцевъ, Египтянъ и Грековъ. Особенно распространяется онъ о сихъ послѣднихъ, и страницы, внушенныя ему Исторіею Грековъ, столь очаровательны, что невольно увлекающъ насъ и погружающъ въ неизясняемый восторгъ; послѣ чтенія сего вся душа находицца въ какомъ-то сладостномъ упоеніи.

Третьей и послѣдней томъ его сочиненія посвящены Римлянамъ и народамъ, разрушившимъ Римскую Имперію, основавшимъ на развалинахъ ея другой міръ, который сначала долгое время погруженъ былъ въ мракъ невѣжества, и потомъ озарился новымъ свѣтомъ. Просвѣщеніе, въ 16-мъ столѣтніи возродившееся, есть та почка, на которой Гердеръ оспанавливаетъ глубокія свои изслѣдованія.

Ни одна эпоха столь не благопріятствуетъ воспріятію подобныхъ твореній какъ наша: всѣ ощущающъ теперь важность наукъ историческихъ, и всѣ желаютъ, что бы съ другой почки

смошрѣли на нихъ. Мысли Гердера удовлетворяють
всѣмъ потребностямъ вѣка; вліяніе ихъ будетъ
сильно и благошворно. Справедливо замѣчаетъ
Дежерандо (*Всеобщая Біографія: Гердеръ*), что
сочиненія Гердера должно преимущественно раз-
сматривать въ отношеніи вліянія ихъ на нашъ
вѣкъ.“ — Л.

С М Ъ С Ъ

Мысли, замѣчанія и Анекдоты.

Одному Русскому крещянину случилось
прожить нѣсколько времени въ Италіи. Мой зна-
комый спросилъ его по возвращеніи; какъ попра-
вилась ему та сторона? — „Хороша, башюшко,“
ошвѣчалъ онъ, „всега довольно, да Богъ шо по-
забылъ ее.“ — Чѣмъ же позабылъ? — „*Зимы*
не даетъ.“

Въ послѣднемъ номерѣ М. В. говорено было объ
опредѣленіи Грамматики. Къ сказанному должно
прибавить еще слѣдующій вопросъ: если Грам-
матику Рускую, Французскую, опредѣлишь
искусствомъ правильно говоришь и пишешь по
Русски, по Французски, шо какъ по аналогіи
опредѣлишь всеобщую Грамматику? —

Суворовъ хотѣлъ сдѣлать въ Прагѣ выговоръ Полковнику Н. за безпорядки въ полку и призвалъ его къ себѣ. Тотъ видя бѣду неминуемую, вздумалъ отыгратья шушкою. — „Что новаго въ городѣ,“ былъ ему первой вопросъ отъ Фельдмаршала. — Всѣ говорятъ, Ваше Сіяшество, что вы играете въ чехарду масперски. — „Какъ въ чехарду?“ — Вдругъ черезъ семерыхъ прыгаете. — (Суворовъ въ то время сдѣланъ былъ Фельдмаршаломъ мимо семи старшихъ Генераловъ). — Графъ разхохотался, и шѣмъ дѣло кончилось.

Науки можно сравнять съ радіусами, сходящимися въ одну точку, центръ. — Кто *нагинаетъ* занимается ими, тотъ не видитъ почти никакой связи между ними; но чѣмъ болѣе онъ занимается, чѣмъ далѣе идетъ онъ по симъ радіусамъ, тѣмъ промежутки сшановяшся уже, тѣмъ связь яснѣе обозначается, — пока наконецъ всѣ они совокупляются въ одной точкѣ.

Фламиній, говорящъ, имѣлъ *лигнуну* ненависть къ Аннибалю.

Да: онъ былъ Римлянинъ.

Теперь судящъ о людяхъ преимущественно по черепу, лицу и рукамъ, (я говорю здѣсь о наружныхъ признакахъ), но рождашся другіе Лафа-

фашеры и Гали, кои шоже будуть чипашь въ соразмѣрности и отношеніяхъ всѣхъ членовъ тѣла между собою, въ движеніяхъ, походкѣ, на ногахъ, и проч. и проч., и весь наружный человекъ сдѣлается словомъ поняшнымъ.

У одного моего знакомаго, большаго оригинала, есть кучерь, копорый не можеть ошвѣзши его никуда, не заѣхавъ напередъ въ Кремль. Тамъ уже обыкновенно сказываешъ онъ, куда ѣхашъ. — Между кучерами — эшо рѣдкость; но не часпо ли, чипашели, вспрѣчаюшся съ вами Орапоры, Кришкики, собесѣдники, копорые не умѣя разчесшъ, гдѣ провезспи васъ поближе съ *вашего* мѣспа къ цѣли, завозяшъ васъ въ свой Кремль, — ни дайни вынеси зачѣмъ; хорошо еще, если вы, вооружась терпѣніемъ, доѣдите до Кремля, — покрайней мѣрѣ ошшуда васъ довезушъ, куда надо; но можешъ случишся, чшо сѣдоки, на дорогѣ, ошчаясь въ успѣхѣ, и невидя цѣли, разпростяшся съ возницею! . ,

---

Изъ всѣхъ бывшихъ Московскихъ Градоначальниковъ граждане любили, говоряшъ, преимущественно Князя Долгорукова - Крымскаго. — Когда пришло въ театрѣ извѣстіе объ его смерти, всѣ зришели ошавили шощасъ представленіе. — Купцы небрали ничего за вещи, пошребныя для погребенія.

У него свой умъ - Царь въ головѣ, сказали въ обществѣ одинъ собесѣдникъ объ взбалмашномъ пріятелѣ, кошорой все любилъ дѣлать по своему. — Нѣтъ, отвѣщилъ ему кто то, у него междуцарствіе.

Едва ли кто выразилъ свое желаніе шакъ явственно, шакъ сильно, какъ это удалось сдѣлать одному Англичанину. Ему обѣщались исполнить шри желанія. — „Чего ты хочешь.“ — Поршеру на всю мою жизнь сполько, сколько я выпить могу. — „Будешь имѣть его. Второе желаніе какое“? — Бифшпексу сполько, сколько съѣсть ногу. — „Хорошо. Въ чемъ же состоить прешье?“ — Чорпъ возми, отвѣчаѣ Англичанинъ подумавъ, въ умиленіи, — я желалъ бы еще немножко поршеру.

N. N.

Нѣтъ то о переводѣ Манфреда.

(Ошпрывокъ изъ письма къ Издателю)

. . . Ты хочешь печашать Манфреда, переводъ покойнаго Д. А. О. Спихи въ немъ по большой части хороши и сильны, а потому онъ будешь конечно не лишній въ швоемъ журналѣ. Но не смотря на шо, мнѣ бы нехотѣлось, что бы онъ былъ напечашанъ. О. былъ человекъ необыкновенный во всѣхъ отношеніяхъ; шестради,

которыя онъ оставилъ послѣ себя, и которыя, можешь быть дойдуть когда нибудь до свѣденія публики, докажутъ глубокость и силу его ума и ясность его фантазій. До сихъ поръ онъ былъ извѣстенъ только своимъ переводомъ Баттѣ, который, говорятъ, хорошъ; — я не читалъ его. Но когда онъ вышелъ, переводчику небыло еще 16 ши лѣтъ. Съ тѣхъ поръ почти до самаго конца своей жизни, (онъ умеръ 37 ши лѣтъ, въ концѣ прошлаго 1827 года), О. занимался исключительно и постоянно науками умозрительными. Математика, Метифизика и теорія языковъ раздѣляли почти все его время. Два года тому назадъ, ему случайно попался Байронъ, котораго онъ прежде не зналъ. Прочелъ Манфреда, перевелъ его, выправилъ и переписалъ, — для эшаго, не оставляя обыкновенныхъ своихъ занятій, употребилъ О. менѣе двухъ недѣль, не занимавшихся стихами уже болѣе двадцати лѣтъ. Переводя единственно изъ удовольствія переводить, онъ во многомъ ошсупалъ ошъ подлинника, многое выпустилъ, иное измѣнилъ, такъ, что его Манфреда можно скорѣе назвать подражаніемъ Байрону, нежели переводомъ. Такую невѣрность многіе назовутъ недоспашкомъ, и они будутъ правы. Вотъ почему мнѣ бы нехотѣлось, чтобы ты печаталъ эту піэсу. Изъ нея публика узнаетъ О. только какъ переводчика, который, хотя выше посредственныхъ, но далеко

не отличный, между тѣмъ, какъ онъ, повсюду шебъ, — былъ человекъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный, и для тѣхъ, которые знали его и обстоятельство, сопровождавшія переводъ, самый Манфредъ былъ новымъ доказательствомъ силы и гибкости его дарованій. 9. 11.

Я получалъ это письмо по напечатаніи Манфреда. Впрочемъ принявъ въ уваженіе изложенныя здѣсь причины, я думаю, что эта піеса получитъ теперь новую занимательность въ глазахъ Публики, и очень радъ, что могъ напечатать ее. М. П.

~~~~~

П р и м ѣ ч а н і я къ Валленроду.

(1) с. 292. *Мариенбургъ*, по Польски *Мальборгъ*, укрѣпленный городъ, нѣкогда столица крестоносцевъ. При Казимирѣ Ягеллонѣ онъ былъ присоединенъ къ Польшѣ, потомъ отданъ въ залогъ Маркграфамъ Брандербургскимъ и наконецъ перешелъ во владѣніе Королей Прусскихъ. Въ подвалахъ крѣпости находились гробы великихъ Магистровъ, изъ коихъ нѣкоторые и до сихъ поръ сохранились. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Кенигсбергскій Профессоръ, Фойхтъ, издалъ Исторію Мариенбурга, сочиненіе важное для Исторіи Прусской и Липовской.

(2) с. 292. Великій крестъ и великій мечъ были украшеніями великихъ Магистровъ.

(3) с. 293. *Обителями* (domu) назывались монастыри, или лучше сказать, замки,

въ разныхъ странахъ Европы основанные орденами Рыцарей.

(4) с. 297. по словамъ Купера взгляды чловѣка, блистающій выраженіемъ мужества и ума, производилъ сильное впечатлѣніе на самыхъ живописныхъ. Упомянемъ, по сему случаю, о приключеніи Американскаго охотника, котораго, прокрадываясь къ уткамъ, вдругъ слышалъ шорокъ, привсталъ и съ ужасомъ увидѣлъ вблизи лежавшаго огромнаго льва. Звѣрь, казалось, былъ удивленъ внезапнымъ появленіемъ спройной фигуры чловѣка. Охотникъ не смѣлъ стрѣлять, имѣя ружье заряженное одною дробью. Онъ стоялъ неподвижно и одними взорами угрожалъ врагу; левъ, съ своей стороны, сиди спокойно, не выпускалъ изъ глазъ охотника, но чрезъ нѣсколько секундъ отворачилъ голову и удалился медленно. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился и возвратился снова, нашель на прежнемъ мѣстѣ неподвижнаго охотника, опять съ нимъ встрѣтился глазами, и наконецъ, какъ бы признавши превосходство чловѣка, опустилъ взоры и удалился. *Bibliothèque Universelle. 1827. Février. Voyage du Capitaine Head.*

(5) с. 299. Архикомшуръ, первый сановникъ послѣ Великаго Магистра.

(6) с. 299. Въ Лышописяхъ шѣхъ время говорится о деревенской дѣвицѣ, которая, прибывъ въ Мариенбургъ, просила, чтобы ее за-

муrowали въ особой келмі, гдѣ она и кончила жизнь. Гробъ ея славился чудесами.

(7) с. 302. Когда, во время избранія, голоса были раздѣлены, то подобныя происшествія, принимавшіяся за предзнаменованія, часто рѣшали неудомѣнія капишула. Такъ напр. Винрикъ Книпродъ получилъ всѣ голоса въ свою пользу, пошому что многіе изъ брашій будшо бы слышали въ гробницахъ Магиспрровъ шроекрапное восклицаніе: *Vinrice! Ordo laborat*, Винрикъ! орденъ въ опасности.

Казанское общеснво любителей Русской Словесности, увѣдомляя Г-дѣ ииогородныхъ членовъ о возобновленіи своихъ дѣйствій, симъ приглашаетъ ихъ къ принятію въ оныхъ участія.

Махмудъ родился не въ 1804 году, какъ ошибкою сказано въ 5 N, а въ 1785 году.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ нѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ шипографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Апрѣля 2го дня, 1828 года.

Въ должности Предсѣдателя Цензоръ
Сергій Аксаковъ.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

№ VIII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Мысль.

Падеть въ нашъ умъ чужь видное зерно
И зрѣшь въ немъ, пишаясь жизни сокомъ;
Но придетъ часъ и вырастетъ оно
Въ созданіи иль подвигъ высокомъ.
И разовьешь красу своихъ рамень,
Какъ пышный кедръ на высотахъ Ливана;
Не подпочишь его червямъ времянь;
Не смышь корней волнами океана;
Не потряси и бурямъ вѣковымъ
Его главы, увѣчанной звѣздами,
И не сперешь попономъ дождевымъ
Его коры, исписанной лѣтами.
Подъ нимъ идушь несмышною снопой
Полки вѣковъ — и падають державы,
И племена смѣняюся чредой
Въ тѣни его благословенной славы.

И шрупы царствъ подъ нимъ лежашъ безъ силъ ,
 И новыя распушъ для новыхъ цѣлей ,
 И миллионъ оплаканныхъ могилъ ,
 И миллионъ веселыхъ колыбелей.
 Подъ нимъ и шопъ уже давно исплѣлъ ,
 Во чьей главѣ зерно то сокрывалось ,
 Ошколь шопъ кедръ родился и созрѣлъ ,
 Подъ стѣнью чьей попомство воспиталось.

С. Шевыревъ.

С ѣ т о в а к і е .

„Какъ доблесный корабль, другъ моря и свѣшилъ,
 Въ недвижной приспани, безъ воднь и безъ вѣтриль,
 Стоишь окованъ, обезкрылень; —
 Мой духъ, изнѣженный бездѣйственной мечшой,
 Дряхлѣешь въ праздности нѣмой
 И разорвашъ свой плѣнь безсилень.

*

„Чего ты ждешь корабль? . . . Оставь сей пыльный брегъ!“
 Я молвилъ и — смотри! величественный бѣгъ
 Ужь онъ просперъ по океану. . . .
 Когдажъ, когдажъ и я, спряхнувъ душевный сонъ,
 Опъ лѣни вырвавшись какъ онъ,
 И окрилюся и возстану!

*

„Нѣшь! въ самой праздности мой благородный умъ
 Гордыней прошлыхъ дней, избыткомъ новыхъ думъ
 Не разъ, какъ море, волновался,
 Какъ море между скаль, и бился и гремѣль,
 И жадный славы, жадный дѣль,
 Разлихся въ цѣсняхъ порывался.

*

„Я слышу и шеперь мяпежь его свяшой!
 Онъ кличешъ, онъ влечешъ! о! замолчи, постой.
 Постой, властитель безошадный!
 Но онъ какъ вихоръ вспаль, всѣ узы онъ распоргъ,
 И охвалилъ меня воспоргъ,
 Какъ жершву бога пламень жадный!

*

„Раскрылся предо мной высокій, прежній пушь,
 Приливомъ бодрыхъ чувствъ восколебалась грудь,
 Задрепешали сердца спруны!
 А! дайшежь лиру мнѣ, судьбы безсмертный даръ:
 Да перелью мой вѣщій жаръ
 Въ ея гремящіе перуны!

*

„Я, какъ орелъ, съ вершинъ направляю свой полетъ!
 При имени моемъ гонимый ошдохнешъ
 И дрогнешъ дерзосшный гонитель!
 Чшобъ злобу поразишь, проникну въ самый адъ,
 И насыщу душевный гладъ,
 И буду славы покоритель!“

*

„Какъ жалкій рабъ земли ошъ колыбельныхъ дней
 Я не былъ обреченъ судьбиною моею
 Безчувственнымъ забошамъ свѣша;
 Высокихъ мыслей кладъ мнѣ былъ ошъ неба данъ,
 И вѣчнымъ жаромъ, какъ волканъ,
 Моя душа была согрѣша.

*

„Уже я чувствовалъ ошвагу юныхъ силъ;
 Меня сокрышый богъ насильственно спремилъ
 На поприще Труда и Славы. . . .
 Но, легкомысленный, я даръ свой пренебрегъ
 Для узъ любви, для шомныхъ нѣгъ,
 Для ихъ подслащенной ошравы.

*

„Я мирно ошдался въ свой произвольный плѣнъ;
 Проникнушъ гласомъ дѣвъ, какъ пѣннемъ Сирень,
 Я былъ объашъ очарованьемъ. . . .
 Казалось, шихій валъ меня къ Эдему нѣсъ,
 Я плавалъ въ океанѣ розъ,
 Былъ напоенъ благоуханьемъ.

*

„Но сердцемъ я клянусь! и въ рабской нѣгѣ шой,
 Я не былъ обаянъ земною суешой,
 Земнаго счастья кумиромъ!
 Мой духъ былъ усыпленъ, но всё я былъ пѣвецъ,
 И обреченный мнѣ вѣнецъ
 Въ цвѣшу зашопшанъ не былъ мѣромъ!

*

Такъ сидя на скалѣ и шумомъ моря полнъ,
 Я вслухъ согласовалъ съ порывнымъ плескомъ волнъ
 Мои завѣшныя мечпанья;
 Я шрепещалъ, кипѣлъ, ловилъ побѣдный мигъ, —
 Но грозный океанъ ушихъ,
 И сонъ исчезъ очарованья.

Съ вечерней сладостью, съ вечернею луной
 Всѣ погрузилося въ божественный покой,
 Душа склонилась къ прежней нѣгѣ.
 Лишь изрѣдка шепсала неясный голосъ въ ней,
 Какъ легкихъ, медленныхъ зыбей
 Звукъ, умирающій на брегъ.

В. Туманской.

Августа

1825

Одесса.

Благодать.

(Изъ Гёте.)

Небо разверзлось, и дождь возшумѣлъ, и щедрою
 влагой
 Злакъ и ушесъ орошенъ, спѣны градбвъ и древа;
 Солнце взоидешъ: какъ парь, благодать ошле-
 паешъ опъ камня;
 Только живое хранишъ неба благіе дары.

3.

*Отрывокъ изъ первой пѣсни освобожден-
наго Иерусалима, (*)*

I.

Пою свяшую брань, Солима искупленье,
И сильнаго вождя, чей мечь ошь рукъ враговъ,
Господень гробъ (залогъ любви и примиренья),
Спяжалъ цѣной побѣдъ, спраданий и трудовъ.
Вошце прошивъ него подвигло ослѣпленье
Толпы изъ Азіи, ошь Ливіи песковъ;
Онъ ошеръ гордыню ихъ, разрушилъ ковъ Геенны,
И знаменемъ крѣоша вѣнчалъ Солима спѣны.

II.

О Муза! Ты, чьего безсмершнаго лица
Не красишь лавръ земный, даръ скудный Аполлона,
Ты въ блескъ звѣзнаго, нешлѣннаго вѣнца
Сѣдѣющая въ лучахъ предвѣчности у прона;
Пролей свой дивный огонь на слабаго пѣвца!
Воздвигни мысль его къ вершинамъ Геликона!
И не вини, когда расказъ безсмершний пвой
Украшишь вымысла онъ рѣзвою игрой. —

III.

Ты вѣдаешь; — очамъ шолпы непросвѣщенной
Нагія испины печалень хладный видъ,
Коль пылкій вымысль, Поэзіей внушенный,
Ея огнемъ своимъ не грѣшеть, не живишь.

(*) Журналъ долженъ бытъ посредникомъ между публикою и писателями: по сей причинѣ мы предлагаемъ сей новый опытъ перевода Тасса.

Такъ машерь нѣжная, сосудъ неся цѣлебный
 Младенцу, въ чьей груди недуговъ ядъ разлишь,
 Края душистыми сосами. увлажяешь;
 Онъ пьешь — и жизни даръ въ обманѣ обрѣшаешь.

IV. :

Альфонсъ! сихъ пѣсней дань тебѣ пѣвецъ несеши!
 Спрадальца охранялъ ты въ приспани спасенья,
 Его укрылъ швой щипъ ошъ зависти, ошъ бѣдъ,
 Ошъ свѣша, ошъ людей, въ дни скорби и шерпѣнья,
 И нынѣ пусть твоимъ вниманьемъ процвѣшетъ
 Сей скудный сердца даръ, залогъ благоговѣнья.
 Бышь можешь нѣкогда, Альфонсъ, и подвигъ швой
 Помощву передаши безсмертной лиры спрой.

V.

Бышь можешь (если вновь креста подъ знаменами
 Дружина рашная ошъ запада преидеши
 Свяшину искупиши побѣдными мечами),
 Тебѣ Годфреда жезль Европа обречешъ,
 Или владычество надъ бурными морями; —
 Тогда, о юный вождь! дѣянья прежнихъ лѣшъ,
 Годфреда подвиги, хранимые вѣками,
 Твой мечъ возобновишь надъ вражьими полками.

VI.

Пяшь лѣшъ ужъ прошекло, какъ гласъ шрубы созвалъ
 Въ предѣлы Азии, на брань, Христа дружины.
 Уже побѣдный крестъ надъ Никіей сіялъ,
 Ужъ Антиохіи низринушы швердыни,

И палъ свирѣпый. Персъ, какъ моря грозный валъ,
 Къ утесу хлынувшій изъ нѣдръ съдой пучины.
 Торпоза стихнула. Въ ея спѣнахъ Годфредъ
 Ждешъ новыя весны и новыхъ ждешъ побѣдъ.

VII.

И близокъ былъ ея возвратъ! . . . Но пламя брани
 Еще не вспыхнуло, и мечъ шаяшъ ножны,
 И дремлюшъ въ праздности воинспвенныя длани!..
 Тогда предвѣчный Царь, съ надзвѣздной вышины,
 Гдѣ Онъ въ безмолвіи сѣдипъ между громами,
 Очами обзрѣлъ вселенныя сшраны;
 И взглядъ его, быспрѣй чѣмъ мысли бѣгъ мгно-
 венный,
 Обшекъ созданія предѣлы опдаленны.

VIII.

Обшекъ, — и преклонясь во благосши своей
 Къ могучимъ рапшикамъ свяшаго ополченья,
 Онъ быспрой мыслию обялъ сердца вождей,
 И въ ихъ сокрышыя проникнувъ помышленья,
 Узрѣлъ, какъ пронъ и блескъ презрѣвъ въ душѣ
 своей,
 Годфредъ пымалъ однимъ желаніемъ опмщенья;
 И съ вѣрою молилъ, да мысль его и длань
 Господь благословишъ на праведную брань.

IX.

Онъ зрѣлъ, какъ Балдуинъ, въ душѣ ненасышимый,
 Богашства шлѣнныя превыше славы чшилъ,
 И какъ младый Танкредъ, огнемъ любви палимый,
 Жизнь безошрадную съ уныніемъ влачилъ;

Какъ славный Боемундъ, въ прудахъ неушомимый,
 Вкругъ Аншюхii пвердыни возносилъ,
 Законы издавалъ, дружилъ народъ съ власпями,
 И вѣры истинной ихъ озарялъ лучами;

X.

Онъ зрѣлъ, какъ въ пламенной груди Ринальдъ молодой,
 Презрѣвъ богатство, блескъ и почести земныя,
 И нѣгу ишнюю, и сладоспный покой,
 Опасность полюбилъ и лавры боевыя;
 То брани призывалъ, то съ жадною душой
 Изъ Гвельфа усъ внималъ ученiя свящiя:
 Преданья темныя забышой спарины,
 И повѣспи любви и подвиги войны. —

XI.

Извѣдавъ всѣхъ вождей сокрышыя желанья,
 Къ престолу горнему всевышнiй Царь созвалъ
 Нешлѣнныхъ Ангеловъ небесный сонмъ. — Въ
 молчаньи

Спеклися чистыя, — и въ ихъ средѣ предспалъ
 И Гаврилъ, младый, какъ свѣшлый день созданья;
 Не разъ ужъ вѣспникомъ съ небесъ онъ прилешалъ
 Вселенной возвѣщашъ Безсмершнаго вельнья
 И смерсныхъ повергашъ къ снопамъ его моленья.

XII.

Рече Господь ему: Къ Годфреду пошеки! . . .
 Да гласу моему изъ усъ швоихъ внимаешь.
 Почшо замолкла брань? Иль мспишеля руки
 Солима дерзкiй врагъ во спрахѣ не познаешь? . . .

Да созовешь вождей ; да храбрые полки
 Онъ вѣрой въ подвигъ великомъ укрѣпляешь.
 Его владыкою дружины избралъ Я ,
 И волѣ вышняго покорна рашь Моя. —

XIII.

Умолкъ! . . . И Гавріиль, какъ мысль неушомимый,
 Годфреду возвѣснншь небесный гласъ снѣшншь.
 Уже въ молчаніи одѣль свой спанъ незрнмый
 Воздушной рнзою , и смершный прнннлъ вндъ . .
 Но все какой-шо блескъ , очамъ непосшнжнмый ,
 Величья свѣшлаго въ черсахъ его разншь . . .
 Межь дѣшсшва избралъ онъ и юноши лѣшамн
 Свой возрасшь , и главу пріосвннлъ лучамн ,

XIV.

И крылія , снѣговъ ярчѣ бѣзнзой ;
 Съ краямн свѣшлымн изъ злаша одѣваешь ;
 И въ пушь уже пошекъ . . . Ужь вихря съ бы-
 спрошой
 Эоира свѣшлымн онъ бездны разсѣкаешь.
 Лешншь , — несешся вдаль межь небомъ и землей
 И вѣшры смѣлне въ полешѣ упреждаешь . . .
 Сначала ннзпуснся Ливана на холмахъ ,
 На легкнхъ въ воздухъ колеблешся крылахъ ;

XV.

Помомъ просперъ волешь Торшозы надъ полямн.
 Ужь солнце новое выходншь изъ морей ,
 Но частъ его , еще сокрышая волнамн ,
 Свѣжншь палящій лнкъ пурпуровой струей ; —

Ужь набожный Годфредъ, съ обычными мольбами,
 Возносишь голосъ свой къ шопамъ Царя Царей.
 И се! въ лучахъ, свѣшай, чѣмъ солнца ликъ ог-
 нистый,
 Предсхаль очамъ его небесъ посланникъ чистый.

XVI.

И рекъ: Годфредъ, весна смѣнила зимній хладъ,
 А бранные мечи еще въ ножнахъ сокрышы! . .
 Чшо медлишь? Для чего вокругъ Солима врашь
 Досель праздныя хоругви не развишы?
 Сбери шы сонмъ вождей и въ нихъ да возбуждашь
 Совѣшны мудрыя духъ храбросши забышы.
 Творца уша шебя владыкой нарекли
 И Онъ подь скипетръ швой склонишь вождей земли!

XVII.

Онъ вѣспникомъ меня послалъ. Его велѣнья
 Тебѣ изъ ушь моихъ совѣшомъ прорекли. —
 Мужайся! надъ тобой небесъ благословенье
 И будешь спушникъ швой побѣда на земли!
 Умолкъ. . . . И въ горнія, въздушныя селенья
 Крыль его быстрѣй, чѣмъ вѣшры, понесли.
 И долго въ слѣдъ ему смошрѣлъ Годфредъ, сму-
 щенный
 Нежданнымъ вѣспникомъ и блескомъ ослѣпленный.

XVIII.

И будшо пробудясь ошь сна, онъ пробѣжалъ
 Въ смущенной памяти небесный гласъ, видѣнье,
 И въ глубинѣ души желаньемъ запылалъ,
 Скорѣ довершишь Солима искупленье. —

Не честолюбья духъ въ немъ сердце волноваль ,
 Не жезль Владыки былъ Годфреду ушѣшенье ;
 Но ревность къ истинѣ, какъ искра предъ огнемъ,
 Огнь воли Божіей сильнѣй зарѣлась въ немъ.

XIX.

Уже гонцамъ души ввѣрляешь онъ желанья ;
 И въ мудрыхъ харшіяхъ рука его черпишь
 Глаголы сильныя , могущіе въ молчаньи
 Уснувшій духъ вождей ко славѣ пробудишь.
 Инымъ суляшь они небесныхъ пальмъ спяжанье ,
 Другимъ вдали побѣдъ блестящихъ кажушь видъ.
 Съ мольбами слыши въ нихъ упреки и обѣщанья ,
 Съ упреками — мольбы и мудросшій совѣщанья.

Февраля 15 дня.

1823.

В. С—въ.

П Р О З А.

Конрадъ Валленродъ.

(Продолженіе.)

Магистръ облобызалъ книги свя-
шыхъ законовъ, довершилъ молишву,
пріялъ ошь Комшура мечъ и вели-
кій крестъ, знаменія власпи, и под-
нялъ гордое чело, опягченное шучею
безпокойства: онь кинулъ вокругъ
взоръ, пылавшій вмѣстѣ и радостію и
гнѣвомъ, и невиданная гостыя на лицѣ
его, — улыбка пролетѣла по немъ, но
слабая и мгновенная: такъ блескъ раз-
сѣкаетъ утреннія шучи, обѣщая вмѣ-
стѣ и громъ и восходъ солнца.

Сей пламень Магистра, сіе грозное
лицо исполняющъ сердца брашій и на-
деждою и увѣренностію; имъ уже ви-
дяшся и бишвы и добычи, и въ меч-
тахъ своихъ они щедро проливаютьъ
кровь язычниковъ. Кто успоишъ передъ
такимъ власпелиномъ? Кто не успра-
шишся его меча и взгляда? Трепещите,
Липовцы! Уже близка ша минуша, ко-
гда на спѣнахъ Вильны блеснетъ знамя
креста. . .

Напрасны надежды. — Въ мирѣ пе-
кушъ дни и недѣли; въ мирѣ проходишъ
цѣлый, медленный годъ. Липва угро-
жаетъ; но Валленродъ, въ недоспойномъ

бездѣйствіи, ни самъ не сражается, ни другихъ не шлеть на битвы. Еслижь и пробудится и примется за дѣло, то совсѣмъ измѣняешь старыи порядокъ; вопіешь, что Орденъ преспунилъ уславы священныя, что брашя нарушають кляшвенныя обѣщанія. „Будемъ молишься, говоришь онъ, опкажемся опть сокровищъ; поищемъ славы въ добродѣшеляхъ и въ мирѣ.“ — Онъ налагаешь поспы и бремя покаянія; возбраняешь забавы и невинныя удовольствія, и самый малый грѣхъ казнишь самыми строгими карами: подземной шемницей, изгнаніемъ и мечемъ.

Между тѣмъ Липвинъ, копорый, въ прежніе годы, бѣжалъ, завидя издали врага столицы Орденской, — шеперь всякую ночь зажигаешь окружныя села и въ окрешносшяхъ полонишь беззащитный народъ, — и въ первый разъ задрожали дѣши, послыща изъ домовъ родителельскихъ спрашный звукъ Жмудскаго рога (*).

И когда еще дождашься лучшаго времени для войны? — Липву разрывають раздоры внутренніе. Тамъ храбрый Русинъ, здѣсь безпокойный Ляхъ, опшоль Крымскіе Ханы ведутъ несмѣшное войско. Вишовпъ, сверженный съ пре-

(*) Жмудъ — Самогитія, часть Литвы.

спола Ягеллономъ, пришелъ искать защиты у Ордена; онъ общается въ награду сокровища и земли, и досель напрасно ожидаетъ помощи.

Ропщутъ брашя, собирается совѣтъ; Магистра не видно; старый Гальбанъ бѣжитъ, ищетъ въ замкъ, въ храмъ, и не находитъ Конрада. Гдѣ же онъ? — Вѣрно близъ угольной башни. Брашя ночью слѣдили его шаги; всѣмъ извѣстно, что каждый вечеръ, когда земля покрывается густымъ мракомъ, онъ идетъ блуждать по берегамъ озера, или на колѣняхъ, прислонясь къ стѣнѣ, покрытый маншіею, до бѣлой зари бываетъ виденъ издали, какъ памятникъ мраморный, и цѣлую ночь сонъ не смыкаетъ очей его. Часно, на тихій онголосокъ запворницы, онъ вспаетъ и тихіе даетъ ошвѣшы; ихъ звука не дослышишь ухо издали; но видно по блеску пошрясеннаго забрала, по движенію рукъ и подпяшой главѣ, что важныя происходятъ бесѣды.

Пѣснь изъ башни.

Кто сочтешь мои вздохи и слезы?
Или ужь сполько лѣтъ я проплакала,
или сполько горечи въ очахъ и груди
моей, что проржавѣла рѣшешка ошъ

моихъ вздоховъ? Куда ни падали слези, вездѣ проникли въ хладный камень, какъ будто въ сердце добраго чловѣка.

*

Есть вѣчный огонь въ замкѣ Свеншорога (8), шопъ огонь пишашъ жрецы благочестивые; есть вѣчный родникъ на холмѣ Мендога, шопъ родникъ пишашъ снѣги и шуманы; никто не пишашъ моихъ вздоховъ и слезъ, а все болишь сердце и зѣница.

*

Гдѣ вы, ласки ошца, лобзанія мапери, богатый замокъ, край веселый, дни безъ грусти, ночи безъ мечтаній, когда покой, какъ шихій Ангелъ, и въ дни и въ ночи, на поляхъ и дома, всегда былъ со мною, коня невидимъ?

*

Три прекрасныхъ дочери было насъ у мапери, но меня первую просили въ супружество. Счастлива была юность, счастлива моя доля: ктожь мнѣ повѣдалъ, что есть иное счастье? Прекрасный юноша! за чѣмъ ты мнѣ повѣдалъ о томъ, чего прежде въ Лишвѣ никто еще не вѣдалъ?

*

О Богъ великомъ, о свѣтлыхъ Ангелахъ, о каменныхъ градахъ, обеще-

ляхъ свяшой вѣры, гдѣ народъ молился
въ богатыхъ храмахъ, гдѣ двамъ покор-
спивують Князья; храбрые въ бою какъ
наши рыцари; нѣжные въ любви какъ
наши пасыри.

*

Гдѣ чело́вѣкъ, свергая покрѣвъ зем-
ной, улепаетъ душою въ роскошное не-
бо; ахъ! — я шому вѣрила: я, слушаю
себя, уже предчувствовала жизнь не-
бесную. Ахъ, съ той поры, и въ доб-
рыя и въ злыя минушы, объ одномъ тебѣ
мечтаю; да объ однихъ небесахъ:

*

Кресшъ на груди швоей веселилъ
мой очи; въ немъ я зрѣла залогъ гря-
дущаго счастья. Но увы! съ кресша раз-
разился перунъ, и все вокругъ утнуло,
угасло! Мнѣ ничего не жалъ, хопя и
любшя горькя слезы: ты все опннлъ,
оставилъ одну надежду.

*

Надежду! шихимъ эхомъ повшори-
ли берега озера, долины и роци. Про-
будился Конрадъ и съ дикой усмѣшкой
воскликнулъ: „Гдѣ я? Здѣсь говорашъ
о надеждѣ? На что эшъ пѣсни? . . . Пом-
ню швое счастье: при прекрасныхъ до-
чери было васъ у машери, тебя пер-
вую просили въ супружество. . . . О
горе, горе вамъ, цвѣшны прелестныя!

Ужасная змѣя прокралась въ садъ, и гдѣ ни скользнетъ своею извишюй грудью, — шамъ изсохнушь землія, увянушь розы и пожелтѣюшь, какъ перси гадъ! Лешай мыслію въ минувшее, припоминай прежніе дни: они были бы веселы, еслибъ. . . но ты молчишь? . . . Пой же и проклинай! Ужасная слеза, пробивающая камни, да не сгинетъ даромъ; долой шлемъ съ головы, да падетъ она сюда и жжетъ мнѣ чело, да падетъ сюда, я гошовъ спрадась: хочу знать заранѣ муки ада.

Голосъ изъ вашни.

Проспи, мой другъ, проспи мнѣ, я виновна. Ты пришелъ поздно, грустно было ждашь, и неволью какая-то дѣшская пѣсня. . . . Прочь эша пѣсня — мнѣ ли рошашъ? Съ побою, мой милый, съ побою мы прожили мимолешное мгновеніе; но однимъ эшимъ мгновеніемъ не обмѣняюсь съ цѣлою шолпою смерпныхъ на ихъ шихую и скучную жизнь. Ты самъ говариваль, что люди обыкновенные похожи на раковины, шаящіяся въ болопъ; едва ли разъ въ годъ выкинешъ ихъ волна непогоды; онѣ являюпся на свѣпъ изъ воды, опшверзаюпъ успа, и послѣ единаго вздоха къ небу; снова возвращаюпся въ свою могилу. Нѣпъ, я не рождена для шакой жизни; еще на родинѣ, въ шихіе дни

юности , не разъ среди подругъ я по-
сковала о чемъ-то, и вшайнѣ вздыхала,
и чувствовала превожное бѣненіе сердца.
Часно съ низменной долины всходила я
на холмъ высочайшій и такъ про себя
думала : когдабъ сіи жаворонки изъ сво-
ихъ крыльевъ дали мнѣ по перышку, я
полетѣла бы съ ними и только желала
бы съ этой горы сорвать одинъ ми-
лый цвѣтъ, цвѣтъ незабудку, а потомъ
за облака взвилась бы высоко, высоко...
и исчезла. Ты меня услышалъ, ты, царь
пернатыхъ , на орлиныхъ крылахъ
вознесъ меня къ себѣ. Теперь, жаворон-
ки, ничего не прошу у васъ : куда, за
какими радостями летѣшь пому, кто
позналъ Бога великаго на небѣ и лю-
билъ мужа великаго на землѣ ?

К о н р а д ъ.

Величіе! да, для величія, мой ангелъ,
мы помимся въ бѣдствіяхъ. Еще нѣсколь-
ко дней пускай переболитъ сердце, еще
нѣсколько дней... ужь ихъ и такъ немно-
го. Свершилось! Напрасны поздныя жа-
лобы! Восплачемъ, но да вострепещутъ
враги наши : Конрадъ плакалъ для убій-
ства. За чѣмъ, о милая, за чѣмъ ты при-
шла сюда изъ спѣнъ монашырскихъ, изъ
святыни покоя ? Я предалъ тебя слу-
женію Бога: не лучшели бѣ было въ свя-
тыхъ его спѣнахъ, вдали отъ меня и

плакашь и умираешь, нежели здѣсь, въ спранѣ обмана и разбоя, въ гробовой башнѣ, въ медленныхъ пышкахъ кончашь жизнь, и опверзаешь одинокія очи, и сквозь несокрушимыя оковы сей рѣшешки молишь о подаяніи; а я . . . я долженъ слушать, смотрѣшь на медленную пышку кончины, и, споя вдали, проклиная свою душу за то, что въ ней живешь еще ошашокъ чувшва.

Г о л о с ь и з ь б а ш н и.

А! ты съ упреками? — не приходижь сюда болѣе. Еслиже придешь опять и будешь молишь неопшлуцно, ужь не услышишь меня! Запворю окно и снова сойду въ мою шемную башню. Пускай буду въ молчаніи глошашь горькія слезы. Проспи на вѣки, проспи, другъ единшвенный! И да погибнешь память шой минушты, въ копорую ты не имѣлъ ко мнѣ сосшраданія.

К о н р а д ь.

Такъ ты же будь сосшрадашельна, ты — мой ангель! — ошановись, а если не власшна моя просьба, — обь уголь башни ударюсь головою и буду молишь шебя плачемъ самоубійцы.

Г о л о с ь.

О, будемъ же сосшрадашь другъ другу! Помни, мой милый: какъ ни великъ

свѣтъ божій, но насъ только двое на обширной землѣ: на морѣ песковъ только двѣ капли росы. Помни, что даже въперокъ можешь навсегда унести насъ съ земнаго круга: такъ погибнемъ же вмѣстѣ! Не для своихъ мученій пришла я. Я не хотѣла принять освященія; я не смѣла обручитьъ небу свое сердце, пока въ немъ царствовалъ земной любовникъ. Я желала остаться въ монастырѣ и смиренно посвящать дни свои служенію заповорницъ; но памь — безъ себя, все вокругъ меня было такъ ново, такъ дико, такъ чуждо. Я вспомнила, что послѣ многихъ лѣтъ ты долженъ былъ возвратиться въ градъ Маріи, дабы совершилъ мщеніе на врагахъ опчизны и защищалъ дѣло несчастнаго народа. Кто ждетъ, топъ мыслями сокращаетъ годы. Я говорила съ собою: вошь можешь бышь онъ ужъ возвращается, можешь бышь уже возвратился. Ужели, если я живая должна зарыть себя въ могилъ, ужеи не вольна я желашъ — еще хотя разъ взглянушь на себя и по крайней мѣрѣ умерешь при себѣ? „Пойду, сказала я, и въ пущынной хижинѣ, близъ дороги, на опломкѣ скалы, заповорю себя. Можешь бышь, какойнибудь рыцарь, проходя близъ моего приюта, вымолвишь случайно имя любезнаго; можешь бышь, между

чужими шлемами я увижу гербъ его: пускай смѣнишь онъ броню, пускай къ щипу прибѣеши чужіе знаки, пускай измѣнишь лице, — сердце мое издали ошгадаеши любезнаго. И когда, для совершенія пѣжкаго обѣща, онъ все разоритъ и обагриши кровію, и все проклянешъ его, — то хотя одна душа осмѣлился издали посылаши ему благословенія! Здѣсь избрала я домъ и гробницу, въ шихомъ уединеніи, гдѣ свяшопашецъ - спранникъ не дерзнешъ подслушати моихъ жалобъ. Ты, я знаю, любиши одинокія прогулки; мнѣ думалось: онъ, быши можешъ, вечеромъ удаляясь отъ своихъ поварищей, выйдешъ говорить съ вѣтромъ, съ волнами озера, помыслиши обо мнѣ и услышиши мой голосъ. Небо исполнило невинныя желанія: ты прищелъ, ты понялъ мои пѣсни. Прежде я просила, чшобы въ снахъ утѣшалъ меня твоей образъ, хотя и нѣмой. Но нынѣ, какое блаженство! нынѣ мы можемъ вмѣспѣ — вмѣспѣ зацлакаши, . . .

К о н р а д ъ.

А чшожъ мы выплачемъ? Я плакалъ, ты помниши, когда я вырвался на вѣки вѣковъ изъ твоихъ объятій, когда добровольно умеръ для счастья, дабы совершиши кровавые подвиги. Уже господи мнѣ вѣнецъ за мои долги мученія; те-

перъ я у цѣли моихъ желаній, я могу опустить врагу. И ты пришла вырывать у меня побѣду! Съ той поры, какъ ты взглянула на меня изъ окна башни, снова въ цѣломъ мірѣ только и видяшь очи мои одно озеро, башню да рѣшешку. Все вокругъ меня кипитъ огнемъ войны; въ гласѣ трубъ, въ шумѣ оружія, непрерывнымъ и напряженнымъ слухомъ я ищу ангельскаго звука успѣ своихъ. И цѣлый день мой есть одно ожиданіе; а когда придетъ пора вечерняя, то хочу продолжить ее хотя воспоминаніемъ, да и всю жизнь свою я вечерами считаю. Между тѣмъ Орденъ ропщетъ на бездѣйствіе, проситъ войны, жаждетъ собственной пагубы, а мстительный Гальбанъ не даетъ мнѣ опдыха: или напоминаетъ прежніе обѣты, опустошенныя села, разоренныя страны; или, когда не хочу я внимать его жалобамъ, онъ однимъ вздохомъ, пѣлдвиженіемъ, очами умѣетъ раздувать погашенную жажду мести. Судьба моя, кажется, приходитъ къ концу. Ничто уже не удержитъ отъ войны крестоносцевъ. Вчера изъ Рима получили мы вѣсть, что съ разныхъ предѣловъ міра, жаръ благочестія скончалъ въ полѣ безчисленныя тучи. Всѣ вопіюшъ, чтобы я велъ ихъ съ мечемъ и крестомъ на спѣны Виль-

ны. А я, — со стыдомъ признаюсь, — въ то время, какъ рѣшаются судьбы народовъ, я мечшаю о тебѣ, изобрѣшаю опсрочки, ишобы хотя еще одинъ день провести съ тобою. О юность! сколь велики швои жершвы! Въ молодости, и любовью и счастьемъ и небомъ я умѣлъ жершвовашь для блага народа, хотя съ грустью, но и съ мужествомъ! — А теперь, въ старости, когда долгъ, опчаянїе, воля Божїя зовушь меня въ поле, — я съдой головы своей не смѣю опорвашь опъ подножїя сихъ спѣнь, чшобъ не лишись швоей бесѣды! . . .

Умолкъ; изъ башни слышны шолько споны. Въ молчанїи прошекли долгіе часы. Ночь рѣдѣла и лучъ зари уже зарумянилъ ланишы шихихъ водъ. Въ лиссахъ дремлющихъ кустовъ съ шопопомъ повѣяла упренняя прохлада; пшпцы, опозвавшись шихимъ пѣнїемъ, умолкли снова, и долгимъ молчанїемъ даюшь знашь, что онѣ слишкомъ рано пробудились. Конрадъ вспалъ, вознесъ чело свое къ башнѣ и долго съ горестїю смощрѣлъ на рѣшешку. Запѣлъ соловей, Конрадъ озрѣлся вокругъ, ужь ушпро; — онъ опустилъ забрало, сокрылъ лицо въ широкїя сгибы маншїи, движенїемъ руки просшилъ съ зашворницею и исчезъ въ кустарникахъ. Такъ адскїй духъ,

услышавъ звонъ упреннаго колокола,
бѣжишь ошь дверей зашворника,

IV,

Пиръ.

Наступилъ день папрона, шорже-
спивенный праздникъ! Комшурь съ бра-
шьями спѣшаютъ въ споллицу. Бѣлыя
знамена водружены на башняхъ. Конрадъ
даешъ пиръ рыцарямъ.

Сто бѣлыхъ маншій развѣваются
за споломъ, на всякой маншии чернѣетъ
длинный кресль; по пируешъ брашя,
а за ними кругомъ спояшъ для услуги
молодые оруженосцы.

Конрадъ на первомъ мѣстѣ, по лѣ-
вой сторонѣ престола сѣдитъ Вишовшъ
съ своими полководцами, прежде врагъ,
сегодня гостъ Ордена и союзникъ его
прошиву Лишвы,

Ужь Магиспръ вспалъ и произнесъ
знакъ пира: „возвеселимся въ Господь!“
(9) и блеснули чаши. „Возвеселимся
въ Господь!“ затремѣла тысяча голо-
совъ, зазвучало серебро, полились спруцъ
вина.

Валленродъ сѣлъ, и облокошясь на
руку, съ презрѣнiемъ слушалъ непри-
личный говоръ; замолкъ шумъ, лишь из-
рѣдка тихія шушки прерывали легкой
звукъ чашь.

„Возвеселимся, сказалъ Конрадъ, но что это значить, брашя? Такъ ли подобаешь вести себя рыцарямъ? Сначала пьяный крикъ, потомъ тихій шопотъ: развѣ здѣсь пиръ разбойниковъ?

Другіе были обычаи въ мою пору, когда на побоищѣ, покрышомъ шрунами, среди Кастильскихъ горъ или лѣсовъ Финляндскихъ, мы пили при огняхъ лагерныхъ.

Тамъ были пѣсни: ужели въ вашей полпѣ нѣтъ ни одного барда, ни менестреля? Сердце челоуѣка веселился виномъ, но пѣсня есть вино для мысли.“

Въ одинъ мигъ выступили разные пѣвцы: шамъ дородный Ипаліанецъ соловьинымъ голосомъ выхваляешь мужество и благочестіе Конрада; здѣсь трубадуръ съ береговъ Гароны поетъ дѣла влюбленныхъ паспуховъ, очарованныхъ дѣвъ и спрансвующихъ рыцарей.

Валленродъ задремалъ, ушихли пѣсни. Вдругъ, пробужденный внезапнымъ молчаніемъ, онъ бросилъ Ипаліанцу мѣшокъ съ золопомъ и сказалъ: „Ты мнѣ одному воспѣвалъ похвалу; одинъ не можешь дать иной награды. Возьми и иди съ очей моихъ: а молодой трубадуръ, служитель любви и красоты, да проспишь намъ, что въ кругу рыцарей нѣтъ дѣвы, которая бы въ знакъ благодарности приколола на груди его бранный цвѣтъ розы.

Здѣсь увяли розы, я инаго желаю барда, Рыцарь-инокъ иной хочеть дѣсна: да будеть она шакже груба и дика, какъ гласъ роговъ и спужь оружія, шакже угрюма, какъ спѣны монастырскія, и шакже пламенна, какъ пьяный опшельникъ.

Мы освящаемъ людей и убиваемъ ихъ: пѣсню смерти да восхвалимъ мы святоспъ. Да объемлетъ она сердце и чувствомъ и гнѣвомъ и поскою, и послѣ поски да снова нагонилъ на него шрепешъ. Такова наша жизнь, — шаква и пѣсня. Кто же споетъ ее? Кто? „Я, опвѣчалъ масшиный спарець, сидѣвшій у дверей въ ряду пажей и оруженосцевъ, Прусакъ или Липвинъ, какъ видно было по одеждѣ. Лѣша убѣлили его густую браду; оспашокъ сѣдинъ обвѣвалъ голову; чело и очи были завѣшаны покрываломъ; на лицѣ прорышы бразды годовъ и спраданій.

Въ правой рукѣ держалъ онъ древнюю Прусскую люшню, а лѣвую пропянулъ къ сполу, и симъ мановеніемъ просилъ о вниманіи. Всѣ ушихли. — „Я спую пѣсню, сказалъ онъ. И прежде пѣвалъ я Прусакамъ и Липовцамъ; шеперь одни изъ нихъ легли, защищая опещество; другіе, не желая пережить опчизны, хопяшъ умереть надъ ея шрупомъ: шакъ слуги, вѣрные и въ сча-

спіи и въ несчастіи, гибнуть на ко-
спрѣ своего благодѣтеля. Другіе со-
спыдомъ кроются въ дѣсахъ; иные,
какъ Вишовпъ, живутъ между вами.

Но по смерти, — Нѣмцы, вы про-
то знаете, — спросите сами недостоин-
ныхъ измѣнниковъ опечесшву; что
предпримутъ они, когда на томъ свѣтѣ,
приговоренные на снѣдь вѣчному пламе-
ни, они пожелають вызвать изъ рая
своихъ предковъ? Какимъ языкомъ бу-
дутъ просить они помощи? Развѣ въ
Нѣмецкой варварской ихъ рѣчи предки
узнають гласъ дѣшей своихъ?

О дѣши, о срамъ для Липвы! Ни
одинъ, ни одинъ не принесъ помощи мнѣ,
спарому Вайделошу, когда я былъ влеч-
комъ опъ алшаря въ кандалахъ Нѣмец-
кихъ. Одинокъ на землѣ чуждой, я со-
спарѣлся, и пѣвецъ, увы! не зналъ ко-
му пѣшь. Смотря на Липву, я выпла-
калъ мои очи, — и шеперь, когда хо-
чу послать вздохъ къ родинѣ, къ сей
возлюбленной, не знаю, — гдѣ лежить
домъ ея, шамъ ли, здѣсь ли, или въ
другой спранѣ.

Здѣсь только въ сердцѣ, здѣсь со-
хранилось то, что было всего любез-
нѣе въ моей опчизнѣ; но и эти скуд-
ные оспашки сокровищъ, — возьмите
ихъ, Нѣмцы, возьмите мои воспо-
минанія.

Какъ рыцарь, побѣжденный на игрищѣ, сохраняя жизнь съ упрасною честью и влача въ посмѣяніи дни презрѣнные, снова возвращается къ своему побѣдителю и послѣднимъ усиліемъ десницы ломаетъ у ногъ его свое оружіе: такъ во мнѣ возгорѣлось послѣднее желаніе, — еще дерзаю протянуть руку къ люшнѣ: да пропоетъ вамъ послѣдній въ Лишвѣ Вайделопъ послѣднюю Лишовскую пѣсню.

Умолкъ, — и ждалъ отвѣта Магистрова, и всѣ ожидали въ глубокомъ молчаніи; Конрадъ проницательнымъ и насмѣшливымъ окомъ испытывалъ лице и движенія Вишовпа.

Всѣ замѣтили, какъ измѣнился Вишовпъ, когда Вайделопъ говорилъ объ измѣнникахъ: онъ посинѣлъ, поблѣднѣлъ и снова побагровѣлъ: и гнѣвъ и стыдъ равно его терзали. Наконецъ, сжавши саблю у бедра, онъ идетъ, раздвигаетъ толпу изумленную; — взглянулъ на спарца, удержалъ шаги, и пуча гнѣва, висѣвшая на челѣ его, мгновенно разлилась въ быспромъ потокъ слезъ; онъ возвратился, сѣлъ, маншіею закрылъ лице и въ шайныя погрузился думы.

Нѣмцы шепчуть: „спанемъ ли мы пускашь на пиръ спариковъ нищихъ? Кто слушаетъ его пѣсни и кто ихъ понимаетъ?“ Часъ опчасу сильнѣе смѣхъ

прерывалъ шопопъ шолпы пирующей; Пажи кричашь, свистя въ орѣхи: „вотъ ношы для Липовской пѣсни.“

Но всталь Конрадъ: „Храбрые Рыцари! нынѣ Орденъ, по древнему обычаю, пріемлеть дары опъ городовъ и князей, какъ повинную дань со спраны подвласной. Нищій пѣсню приносятъ вамъ въ даръ; не опринемъ дани спарца, примемъ пѣснь: эшо будешь лепшь вдовицы.

Мы видимъ среди насъ Князя Липовцевъ; воеводы его — госпи Ордена; имъ сладко будешь слышашь память прежнихъ подвиговъ, ожившую въ родимомъ словѣ. Неразумьющій да удалишся: мнѣ шакъ любви порою сіи угрюмые звуки непоняшной Липовской пѣсни, какъ плескъ разъяренныхъ волнь, какъ тихій шумъ дожда весенняго: сладко подъ нихъ засыпаешь! — Пой же, спарый вѣщунъ.“

Пѣснь Вайделота (10).

Когда чума грозилъ Липвъ, ея приходъ угадыдаешь вѣщее око; ибо, коль вѣришь Вайделошамъ, не разъ на пустыхъ кладбищахъ и полянахъ видна бываешь дѣва язвы (11), въ бѣлой одеждѣ, съ огнистымъ вѣнкомъ на главѣ; челомъ превышаетъ она Бѣловѣжскія (*) деревья,

(*) Бѣловѣжа есть имя одной дубравы Липовской.

въ рукѣ машешь кровавымъ плащомъ. Спражи замковъ кроющъ очи подъ шлемы, а сельскіе псы, въ землю зарывая пасши, копающъ, и чуя смерть, спрашно воющъ.

Два спускаешь шагами злобщими на села, на замки, на грады богатые; сколько разъ ни махнешъ кровавымъ плащомъ, сколько палашъ обратишь въ пустыни; гдѣ ни ступилъ ногою, тамъ свѣжій гробъ вырастаетъ.

Гибельное диво! — но шакою ли еще гибель предвѣщали Липовъ опъ справы Нѣмецкой блистающей шлемъ съ перьями строуса и широкій плащъ, очерченный крестомъ?

Гдѣ ни прошли стопы сего дива, — ни во что уже стали бѣдствія сель или градовъ: цѣлая страна обратилась въ могилу. Ахъ! кто могъ сохранить душу Липовскую, приди ко мнѣ, сядемъ на гробъ народовъ, спанемъ думашъ, пѣшь и лишь слезы.

О слово народное, ты — ковчегъ завѣща между старыми и младыми лѣтами! Въ тебѣ народъ полагаетъ оружіе своего воина, основу своихъ мыслей и цѣлшы своихъ чувствъ.

Ковчегъ! ты несокрушимъ никакимъ ударомъ, ежели самъ народъ теби не обезславить. О пѣснь народная! ты стоишь на спражѣ народнаго храма во-

поминаній съ архангельскими крѣлами и гласомъ, — но порою у тебя и мечъ Архангела.

Пламя пожреть писанныя дѣянїя, меченосные шапи расхищая сокровищницы; но пѣснь уйдешь цѣла, обѣживъ толпу людей; а если низкія души не съумѣють питать ее грустью, поишь надеждою, она ушечетъ въ горы, прильнешь къ развалинамъ, и опшолѣ повѣдаешь о временахъ давнихъ. Такъ соловей вылетаетъ изъ объятаго пламенемъ зданїя, на мигъ присядетъ на кровлѣ, но кровля рухнула, — и онъ лѣтѣитъ въ лѣса, и звучною грудью надъ развалинами и могилами поетъ спранникамъ пѣснь погребальную.

Я слушала пѣсни: не разъ сполѣпній пахарь, зацѣпивъ коспи желѣзомъ плуга, оспанавливался и на вербовой свирѣли наигрывалъ пѣсни усопшимъ, или гармоническимъ плачемъ провозглашалъ васъ, опцы великіе и безчадные. Эхо ему вторило, я внимала издали: шѣмъ сильнѣе прогали и сей видъ и пѣсня, чпо я одинъ и зрѣлъ и слушала.

Какъ въ день судный шруба Архангела вызовешь изъ гробницъ усопшіе вѣка, такъ на звукъ пѣсни коспи изъподъ ногъ моихъ сбѣжались и срослись въ образы исполинскіе. Изъ развалинъ встають шолпы и своды;

пустыя озера шумящъ безчисленными веслами; видны опшверзшыя враща замковъ, вѣнцы князей, доспѣхи воиновъ; поющъ вѣщуны, пляшущъ хоры дѣвъ; какъ чудно мечшамъ я, но жестоко меня пробудили!

Исчезли дѣса и горы ошчизны. Мысль, возлетающая на усшалыхъ крыльяхъ, падаетъ и кроется въ приющъ домовоѣ сѣни; люшня замолкла въ рукѣ ошоспенѣлой; сквозь жалоспный спонъ моихъ соопчичей часшо не доходитъ до меня голосъ минувшого.

Но досель искры юнаго жара шаянся въ глубинѣ груди, не разъ пробуждаютъ огонь, оживляютъ душу и озаряютъ память. Память шогда подобна хрушальной лампадѣ, убранной кистшю въ живописные образы: хошя мрачатъ ее и пыль и многія пышна, но поставъ свѣшпильникъ въ ея сердце, и еще приманишь она очи свѣжешью красокъ, еще по спѣнамъ чершого распочишь прекрасные, хошя немного пошемнѣнные узоры.

Когдабъ я могъ перелишь собшвенный жаръ въ сердца слушашелей и воскресишь образы времянь минувшихъ; когдабъ умѣлъ я поражашъ словами благозвучными сердца слушашелей: — бышь можешъ, въ сшо единую минушу, когда ихъ прогаешъ пѣснь родимая, они почув-

спововали бы въ себѣ прежнее бiенiе сердца, познали бы прежнее величiе души, и хотя одно мгновенiе ихъ жизни было бы шоль же высоко, какъ была нѣкогда цѣлая жизнь ихъ предковъ.

Но почто вызывашь вѣка минувшiе? Пѣвецъ не обвиняешь и своихъ временъ: и у насъ ешь мужъ великiй, живой, близкiй: о немъ заню, — научайшесь, Лишовцы!

Умолкъ спарець и слушаешь: позволяшъ ли Нѣмцы пѣшь ему далѣе? Кругомъ въ замѣ была глухая шишина, всегда воспламеняющая пѣвцовъ къ новымъ пѣснямъ. И шакъ онъ началъ пѣсню, но объ иномъ предметѣ: голосъ свой размѣрялъ ладами болѣе свободными, слабѣе и рѣже ударялъ по струнамъ и ошь гимна перешель къ прошому разсказу.

(Продолженiе впрѣдъ.)

И А У К И.

*Исторія Исторіи.**Нѣчто о Вико и его твореніяхъ.*

Сочиненія Вико давно уже извѣстны въ ученomъ свѣтѣ. Но съ нѣкопорыхъ поръ обращаютъ онѣ на себя особенное вниманіе всей просвѣщенной Европы. Причина тому — новое направленіе, которое воспріяли науки историческія.

Въ Германіи, въ Англии, переведены его сочиненія. Во Франціи также недавно явился переводъ ихъ, который принялъ былъ публикою съ величайшимъ удовольствіемъ.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о глубокомысленномъ Вико и его твореніяхъ.

Вико родился въ Неаполь, въ 1660 году. — Подобно всѣмъ геніямъ, онъ споялъ выше своего вѣка. Современники его не понимали; но потомство воздало ему справедливосшь и вполне оцѣнило труды его.

Въ сочиненіяхъ его встрѣчаются иногда мысли довольно шемныя, предположенія не совсѣмъ справедливыя. Но должно припомнить, что онъ жилъ въ концѣ 17го столѣтія и жилъ въ Италіи: ему надобно было бороться съ духомъ своего времени, воспавать про-

птивъ вѣковыхъ предразсудковъ, опровергаешь всю неосновательность идей закоренѣлыхъ, однимъ словомъ, открываешь совершенно новый міръ, указавъ новую почву, съ кою должно взирать на Историю всего человѣчества. Читая его творенія, не лзя не удивляться, какъ возмогъ онъ преодолѣть всѣ сіи препятствія и столь смѣло вознестись надъ своимъ вѣкомъ. Что произвелъ бы сей геній, ежели бы жилъ онъ во времена позднѣйшія, ежели бы самый вѣкъ способствовалъ къ развитію его мыслей? —

Главные его сочиненія суть: *De uno universi principio et fine uno* и *Principi di una scienza nuova d'intorno alla commune natura delle nazioni*. Особенно симъ послѣднимъ твореніемъ увѣковѣчилъ онъ имя свое и пріобрѣлъ полное право на признательность потомства. Представимъ здѣсь краткое содержаніе онаго. —

Твореніе свое Вико именуешь иначе Историю идеальной. Онъ хотѣлъ изобразить въ ономъ всю прошедшую и будущую жизнь рода человѣческаго, представивъ всѣ измѣненія, коимъ подвергался міръ гражданскій, и всѣ перевороты, копорые неминуемо воспослѣдуютъ съ нимъ. Подобно Невтону, копорый открылъ весь ходъ міра физическаго, онъ первый для міра гражданского покусился начертать

шопь непремѣнный пушь, по кошорому шеспивоваль онь и всегда будеть шеспивовашь. Цѣль его была — предспа- вить Исторію неизмѣняемою, вѣчною, кошорая бы служила, шакъ сказаць, машшабомъ для всѣхъ прочихъ част- ныхъ Исторій. Какъ Лейбницъ, онь во всякомъ вѣкѣ видить зародышъ вѣка грядущаго, всякій возрастъ раземапри- ваешь какъ-бы преисполненнымъ собы- шіями будущими.

Все человѣчешво раздѣляешь онь на три главныя эпохи или вѣка: вѣкъ Бо- жескій, вѣкъ героическій и вѣкъ человѣче- скій, кошорые соотвѣтствуюють премь возрастамъ человѣка: юности, возмужа- лости и старости. Потомъ рѣзкими чершами обозначаеть онь характеръ ка- ждаго изъ возрастовъ, показываешь, что всякой изъ нихъ имѣешь особенныя мы- сли, особенный образъ правленія, ко- шорые измѣняются и преобразуются по мѣрѣ того, какъ человѣчешво пере- ходить изъ одной эпохи въ другую. Та- кимъ образомъ во всеобщей жизни наро- довъ примѣчаеть онь три рода опти- чительныхъ характеровъ, нравовъ, об- разовъ правленія: одни опносятся къ младенчешву, другіе къ зрѣлости, третьи къ старости. Особенно на пра- вленіе обращаеть онь свое вниманіе и слѣдуешь за нимъ во всѣхъ его перево-

ропахъ, показываешь всѣ виды, копорые воспринимало оно со всякимъ новымъ возрастомъ. Вико опровергаетъ мнѣніе Бодина, который съ большею частію древнихъ писателей полагаетъ, что правленіе Монархическое предшествовало всякому другому. По его понятію первый образъ правленія былъ Аристократическій, ибо первое гражданское общество произошло отъ соединенія нѣсколькихъ семействъ, главы копорыхъ необходимо должны были всѣ вмѣстѣ участвовати въ правленіи; въ послѣдствіи же времени аристократія сія претворилась въ Демократію, и наконецъ въ Монархію.

Описывая такимъ образомъ различные возрасты человеческихъ обществъ, изображая ихъ младенчество, зрѣлость и старость, представляя всю полную жизнь міра гражданского, онъ указываетъ и паденіе его; но въ семъ паденіи находишь причину новаго его возрожденія: разрушеніе служитъ переходомъ къ другой жизни, копорая снова начинается совершенѣйшимъ младенчествомъ и оканчивается старостію. Міръ гражданскій, по разрушеніи своемъ, подобно фениксу возстаетъ изъ пепла своего, чтобъ слѣдовать обыкновенному своему печенію.

Въ семъ отношеніи Вико смотритъ на міръ древнихъ, какъ на опдѣльное цѣ-

лое, которое предсавляетъ намъ картину полной жизни; міръ же новѣйшій возникъ изъ развалинъ древняго, и въ немъ находишь онъ тѣ же самыя явленія, тѣ же самыя призрака. Какъ міръ древнихъ, нашъ міръ также со временемъ неминуемо сокрушится: изъ пепла его возродится новый, который въ теченіи своемъ представитъ всѣ тѣ же феномены.

Вопре неизмѣняемое кругообращеніе, которое совершаетъ міръ гражданскій и на которомъ Вико основываетъ всю систему вѣчной идеальной своей Исторіи.

Мы изложили здѣсь главныя его мысли; но сожалѣемъ, что не можемъ представить всѣхъ доказательствъ, на которыхъ основываетъ онъ свои положенія. Не надобно думать, что соображенія его суть ничто иное, какъ плоды мечтательности: онъ основывается на самомъ глубокомъ изслѣдованіи всего минувшаго, на философскомъ, можно сказать, изученіи древней Исторіи; все, что излагаетъ онъ синтетически, выведено имъ изъ самаго обширнаго анализа; всѣ его заключенія подтверждаются безчисленными явленіями и доказательствами, часто неоспоримыми. Больше всего приводитъ насъ въ изумленіе смѣлость его соображеній и единство, которое господствуетъ во всемъ

его твореніи. Онъ первый усмотрѣлъ, что тѣ же самые законы, которые управляютъ человѣкомъ, управляютъ и всѣмъ міромъ, что жизнь одного человѣка отражается въ цѣломъ человѣчествѣ. Весь міръ гражданскій разсмаприваетъ онъ, какъ одно недѣлимое, которое имѣетъ свое начало, поспешенное развитіе и конецъ. Доселѣ думали, что сіи высокія истины провозглашены первоначально въ Германіи, въ половинѣ прошедшаго столѣтія; — теперь видимъ, что еще прежде былъ человѣкъ, котораго волновали подобныя мысли, и который, не смотря на царствовавшіе въ то время предразсудки, смѣло высказалъ ихъ, какъ будто бы предчувствуя, что потомство приметъ ихъ съ благодарностію. — И предчувствія его сбылись; доказательствомъ тому служатъ всюду являющіеся переводы его сочиненій.

Но между тѣмъ какъ вся почти просвѣщенная Европа съ восторгомъ читаетъ творенія Вико, у насъ и имя сего писателя едвали извѣстно. Мысль сія прискорбна. Впрочемъ должно ли роптать на это? Должно ли спавить въ упрекъ соотечественникамъ нашимъ равнодушіе ихъ къ подобнаго рода произведеніямъ? Въ Германіи, во Франціи существуютъ переводы сочиненій Вико. Но что доказываетъ появленіе сихъ переводовъ? Ужели должно смотрѣть на сіе,

какъ на нѣчто случайное? Не есть ли это явный признакъ, что ламъ всѣ умы, такъ сказать, приготовлены къ воспріятію подобныхъ идей, всѣ чувствуютъ потребность въ нихъ, всѣ знаютъ ихъ цѣну и важность. Мы же, не смотря на все наше стремленіе, не достигли той степени образованности, на которой стоятъ теперь другіе Европейскіе народы: большая часть нашей публики не въ состояніи еще цѣнить высокыхъ, ученыхъ произведеній ума человеческого, не можетъ находить удовольствія въ ихъ чтеніи; — и такимъ образомъ требованіе перевода сихъ сочиненій не возможно: онѣ были бы достояніемъ только избранныхъ, число коихъ слишкомъ ограничено. И такъ не спанемъ негодовать на то, что у насъ не существуетъ еще подобные переводы, что публика предпочитаетъ чтеніе романовъ чтенію полезнѣйшему. Будемъ идти съ временемъ, съ потребностями вѣка; будемъ поспешенно стремиться къ усовершенствованію.

Л.

К Р И Т И К А.

*Обозрѣніе Литтературныхъ Русскихъ Журна-
ловъ.*

(Продолженіе.)

Съверная Пчела. ()*

Съверная Пчела естъ единственна газета въ Россіи, кошорая имѣешь средства сообщать скоро и вѣрно все, что дѣлается новаго въ мірѣ политическомъ и лиштературномъ: посему и читающъ ее во всѣхъ концахъ нашего отечества. Возбуждая такое общее участіе въ любителяхъ чтенія по всей Россіи, владѣя такими богатыми способами, какое благодѣтельное можеть она имѣть вліяніе на просвѣщеніе отечественное! Посему не въ правѣ ли мы требовать отъ нея болѣе совершенства, нежели отъ другихъ Журналовъ? Сколь велико наше желаніе, чшобы у насъ въ Россіи такого рода газета способствовала ко всеобщему движенію въ Литтературѣ, и примѣромъ здоровой, безпристрастной Кристики, правильного, благороднаго, благонамѣреннаго образа мыслей, Европейской вѣжливости, приобрѣла довѣріе всеоб-

(*) Мы уже заранѣе обѣщали отвѣчать молчаніемъ на всѣ неучивья, давно нами предугаданныя выходы раздраженныхъ Издашелей Съв. Пчелы, и сей разборъ написанъ такъ, какъ бы С. Пчела не обнаружила явно своего негодованія. Потому, знамоки въ Литтературной Тактикѣ, къ несчастію, столь употребляемой въ наше время, да не сочтуть его отвѣтомъ Господамъ Гречу и Булгарину.

щее, и разпространяла и чистую любовь къ наукамъ и духъ благородной терпимости, — сколь велико сіе желаніе наше, столь же велики и сожалѣнія о томъ, что Сѣверная Пчела почти совсѣмъ не соопвѣтствуетъ своему важному назначенію.

Извѣстія отечественныя и иностранныя составляютъ содержаніе политическаго отдѣленія сей газеты. Первыя сообщаются скоро и вѣрно, въ чемъ отдаемъ полную справедливость Издашелямъ. С. Пчела первая возвѣстила Русскимъ о ихъ побѣдахъ, ознаменовавшихъ испекшій годъ: всѣ съ жадностію и нетерпѣніемъ читали тѣ листочки, въ кошорыхъ описано было пребываніе Аббаса-Мирзы въ станѣ Русскомъ. Она первая на Русскомъ языкѣ возвѣстила побѣду Наваринскую и проч.

Но не такъ удовлетворительны извѣстія иностранныя. вмѣсто того, чтобы спавить насъ на такую почву, съ которой могли бы мы видѣть, что занимается умы въ настоящее время въ державахъ Европейскихъ, наиболѣе обращающихъ на себя вниманіе всякаго просвѣщеннаго, — вмѣсто того, чтобы изображать намъ перемѣны, происходящія во внутреннемъ устройствѣ государствъ, съ ихъ причинами, постепеннымъ развитіемъ и послѣдствіями, — вмѣсто того, чтобы выводить передъ нами современныя лица, дѣйствующія на поприщѣ политическомъ, съ ихъ характерами и мнѣніями, согласуясь во всемъ эшомъ съ благонамѣренными видами нашего Правитель-

ства, С. Пчела представляешь намъ однѣ голыя, неудовлетворительныя извѣстія о произшествіяхъ, испещренныя однѣми именами, наполняя остальное нелюбопытными извѣстіями о всякихъ пожарахъ, буряхъ, землетрясеніяхъ, переменѣнахъ климата, засухахъ, наводненіяхъ, кораблекрушеніяхъ, о здоровьѣ нѣкоторыхъ лицъ, о процессахъ, о вывозѣ и привозѣ товаровъ, о воровствахъ, убійствахъ, спранныхъ случаяхъ и ш. п.

Сколько въ прошломъ году случилось важныхъ произшествій въ Европѣ, о которыхъ чинашели Сѣв. Пчелы оспались въ совершенномъ невѣденіи, *узнавши только ихъ заглавія*, вмѣстѣ съ заглавіями многихъ мѣлкихъ случаевъ, здѣсь и шамъ встрѣпившихся. Но *переставъ* всѣ книги и брошюрки, вышедшія въ Европѣ въ прошломъ году, подамъ ли я поняшіе моему слушашелю о ходѣ Европейскаго просвѣщенія? Русской Публикѣ не столько нужно знать всѣ марши Маркиза Хавеса въ Португалліи, всѣ движенія Лорда Кокрена на водахъ Архипелажскихъ, какъ выразишь поспановленія о ввозѣ хлѣба въ Англіи, или пренія о Цензурѣ во Франціи, или другое важное явленіе въ эшомъ родѣ. Объяснила ли намъ, напримѣръ, Сѣверная Пчела, по поводу заняшія Каннингомъ, пошомъ Робинзономъ, (а нынѣ Веллингшономъ), перваго мѣста въ министерствѣ, почему шакъ скоро и легко сосшавляются и перемѣняющяся министерства въ Англіи, какъ будшо бы

дѣло шло о какомъ нибудь частномъ спорѣ, который пріятелями рѣшается полюбовно въ комнатѣ? Показала ли она намъ систему Каннингова управленія, въ противоположность системѣ Кашлериговой? Почему при Ливерпулѣ не было такого неудовольствія противъ Каннинга, какое обнаружилось при вступленіи его въ должность перваго Министра, хотя онъ прежде равное почши принималъ участіе въ дѣлахъ? Почему Пиль, Веллингтонъ и проч. оставили министерство, а прежде дѣйствовали въ ономъ вмѣстѣ съ Каннингомъ? — Показала ли намъ Сѣверная Пчела въ ясномъ свѣтѣ распрю въ Англіи о Кашоликахъ и Протестансахъ: какъ до сихъ поръ, при всѣхъ перемѣнахъ въ министерствѣ, какая бы партія ни взяла преимущество, Виги или Торисы, всегда партія кашолическая и аншикашолическая — имѣють почши равныя силы? Точно также должно было изложись перемѣны въ уголовномъ законодательствѣ, предложенныя Пилемъ, участіе, которое Англія принимала въ дѣлахъ Поршугалліи. — Франція въ прошедшемъ году представила множество явленій любопытныхъ. При извѣстіи о распусценіи Королемъ національной гвардіи, для Русской публики должно бы было прибавись историческое извѣстіе объ этой гвардіи, о времени ея учрежденія, ея обязанностяхъ, цѣли, о постановавленіяхъ, до нея касающихся, о причинахъ, почему Король нашелся принужденнымъ распустишь ее, и

почему сія мѣра возбудила неудовольствіе. Точно также должно бы было поступить и при сообщеніи извѣстія о возведеніи 76 чел. въ достоинство Перовъ, объяснить переѣну въ образѣ мыслей Палаты Депутатовъ, въ копорой подь конецъ ея засѣданій вся почти правая спорона сдѣлалась лѣвою. — При Португальскихъ произшествіяхъ Сѣв. пчела оставила въ неизвѣстности причины отъѣзда Инфанша Дона-Мигуеля изъ Португалліи, и причины его возвращенія и вступленія въ регеншество, все возмущеніе Маркиза Хавеса, хотя она же сообщала намъ скучныя подробности о всѣхъ мѣлкихъ его дѣйствіяхъ. Мы не получили также никакого яснаго понятія объ отношеніяхъ Испанці къ Португалліи, Франціи и Англии къ Испаніи. Ничего не можешь бышь скучнѣе извѣстій о Греческихъ произшествіяхъ, въ копорыхъ никакъ нельзя было добраться до толку; чипатели съ большимъ удовольствіемъ промѣняли бы эту пупаницу на крапкія, но ясныя извѣстія; нынѣ Греки имѣють эшо, ссоряются между собою за эшо, занимають эшу спрану; Ибрагимъ хочешь сдѣлать шо-шо и употребляешь такія-шо средства, и ш. п. — Въ Сынѣ Отечества помѣщались нѣкогда подобныя крапкія и удовлетворительныя извѣстія. Исполнить наши шребованія, я согласенъ, не легко; но не имѣешь ли права Публика на оныя? — Сѣверная Пчела издаея не первой годъ. Издатели полу-

чили уже средства усовершенствовать ее, а я не знаю, скажутъ ли они сами, что С. Пчела 1827 года лучше Сѣв. Пчелы 1825 года? — Прочешъ пять иностранныхъ газетъ, ошмѣшишь въ нихъ безъ строжайшаго выбора всякой всячины на печатный листъ чрезъ каждые два дня, — очень легко; но чтоже въ этомъ есть полезнаго, достойнаго благодарности соотечественниковъ, почтенія? — Пусть Г-да Издатели возьмутъ въ примѣръ политическія списки незабвеннаго Карамзина въ Вѣстникъ Европы. Мы не требуемъ уже отъ нихъ собственныхъ сужденій, какія дѣлалъ самъ Карамзинъ (о Наполеонѣ, Пипшѣ, Фоксѣ, и проч.), но можемъ по крайней мѣрѣ требовать, чтобы они дѣлали строгій выборъ въ извѣстіяхъ, помѣщающихся въ иностранныхъ журналахъ, *соображали* ихъ и представляли свои результаты коротко и ясно. Должно также обратишь вниманіе на наши потребности: многого намъ вовсе не нужно знать, чѣмъ подчуютъ насъ Издатели. Выборомъ и сокращеніемъ извѣстій они могли бы принести еще другую пользу: они выиграли бы много порожняго мѣста въ своихъ листахъ и могли бы съ большею пользою наполнить оное лиштературными и другими новостями Европейскими. (*)

Въ примѣръ Сѣв. Пчелѣ мы можемъ пославишь въ нѣкоторомъ отношеніи *Журналъ С. Петербургскій*,

(*) Замѣчанія на политическую часть Сѣверной Пчелы въ этомъ разборѣ писаны Издастелемъ Мос. Вѣстника.

издаваемый на Французскомъ языкѣ, который гораздо исправнѣе и удовлетворительнѣе сообщаетъ извѣстія иностранныя.

Перейдемъ къ Литтературному отдѣленію, которое составляютъ разборы новыхъ книгъ и извѣстія объ оныхъ, и легкія статьи литтературныя. О семъ отдѣленіи мы намѣрены говорить подробнѣе, ибо оно болѣе относится къ нашему обозрѣнію.

По плану, нами предпринимаемому, теперь слѣдуетъ изложить образъ мыслей сего Журнала, который преимущественно обнаруживается въ Кришикѣ современныхъ произведеній по части Наукъ и Словесности. Здѣсь не льзя не отдать Московскому Телеграфу преимущества передъ С. Пчелою въ его образѣ мыслей: онъ, при всѣхъ своихъ недоспашкахъ, при всей опрометчивости, сохраняетъ однако вообще благородство, благонамѣренность, и обнаруживаетъ любовь къ просвѣщенію. М. Телеграфу можно *отвѣгать* на его сужденія, въ полной увѣренности, что онъ, если и не приметъ самыхъ доказательствъ, то не преступитъ границъ учивости, не коснется никакихъ чашныхъ отношеній; но Сѣверная Пчела!

Боясь уклониться отъ нашего предмета, мы прямо спросимъ себя: какой въ ней образъ мыслей? Приспально разсмотрѣвъ всѣ ея статьи кришическія, мы рѣшишельно отвѣчаемъ: никако-

го. Въ ней Кришика замѣняется такъ называемою Литтературною Тактикой, гестъ усовершенствованія которой принадлежитъ единственно Гг. Издашелямъ С. Пчелы. Ужасно какъ подумаешь: въ наше время ничего не споишь, жалко насмѣхаясь надъ истиною, подынешъ до небесъ и распощашъ въ прахъ *одно и то же* произведеніе! Ушѣшимся шѣмъ шолько, что въ одной С. Пчелѣ совершаются подобныя явленія. — И такъ за недоспапкомъ въ ней образа мыслей мы должны обличить сокровенныя правила ея Тактики.

1) Если вы не обнаружили еще своего мнѣнія на счешъ Сочиненій и Журналовъ Гг. Издашелей Пчелы, шо васъ осшавляютъ въ покоѣ, дожидаясь ошъ васъ рѣшительнаго поступка, въ слѣдствіе котораго вы или другъ или врагъ сему Журналу: какъ аукнешся, такъ и опкликнешся (*), вопъ ея эпиграфъ! Похвалите, — и васъ похваляшъ. Если же вы когда нибудь осмѣлились сказащъ что либо прошивъ Сочиненій или Журналовъ Гг. Издашелей, шо не ожидайте помилованія ни себѣ, ни произведенію вашему, какого бы достоинства ни было сіе послѣднее. Лишь шолько вы напечапаше что либо, какъ одинъ Издашель высшупаетъ на васъ съ своими ошрошами, сосшавляющими яркую прошивоположностъ со стихами Крылова, Амшпріева и другихъ, коими онъ обыкновенно

(*) А есшбъ не аукнулось, такъ бы и не опкликнулось?

снабжаешь свои крипики, а другою, расщипавъ по клочкамъ ваше произведеніе, ищешь въ немъ ошибокъ грамматическихъ, опечатокъ и т. п., и съ указкою учителя Грамматики, ясно, какъ *дважды два пять*, доказываешь вамъ, что вы не знаете ни Логики, ни Грамматики. Примѣромъ сему служаешь всѣ прошлогоднія пренія С. Пчелы съ Телеграфомъ и Славяниномъ. Вы не думайте найши здѣсь замѣчаній на образъ мыслей сихъ Журналовъ, на существенное достоинство спашей: рѣшительно ничего болѣе не найдете, кромѣ мелкихъ придирокъ къ слогу, личностей и пускныхъ восклицаній. Отъ сихъ послѣднихъ переходяшь часно къ домашнимъ объясненіямъ. Такъ на пр. Г. Гречь, въ 11 мѣ Нб Сѣв. П., объясняешь съ Г. Воейковымъ о томъ, какъ принялъ было онъ его въ товарищи по изданію Журнала, сколько держалъ коррекшуръ спашьямъ его, и наконецъ входилъ въ расчеты денежные!!! Въ сіи Литпературныя отношенія влещается множество личныхъ, что весьма замѣтно изъ многихъ слишкомъ рѣзкихъ отзывовъ о книгахъ, того, незаслуживающихъ, и изъ другихъ слишкомъ нерѣшительныхъ, въ которыхъ видна хитрая увертка Рецензентовъ. Такъ на пр. въ нынѣшнемъ году, говоря о повѣстяхъ Г-на Аладына, утверждаешь, что ничего не было хуже со временъ книгопечатанія. О трудахъ Г-на Олина говорится всегда съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ,

съ какимъ-то удовольствіемъ исчисляють его ошибки, и объявляя о его Баязетѣ, говорятъ, что онъ точно *перевелъ* Расина, а о переводѣ Федры Г. Чеславскаго, кошорый ничѣмъ не лучше Баязеша, ушверждають, что и онъ не можешъ назваться лишнимъ, ибо чѣмъ болѣе появляется переводовъ классическихъ писателей, тѣмъ лучше.

2) Если Авторъ или Издашель книги находится въ близкихъ Липшерашурныхъ отношеніяхъ къ Издашелямъ, тошчасъ раздаются похвалы неумѣренныя. Коль нечего хвалишь въ особенності, то выписываютъ нѣсколько строкъ изъ предисловія, или излагають подробно содержаніе, или на нѣсколькихъ страничкахъ хвалять изданіе, шрифтъ и проч. Здѣсь кспати должно замѣшшь, что въ С. П. книги оцѣниваются вѣрно только въ шипографическомъ отношеніи: подробныя описанія формаши книгъ, печати, виньшоковъ и проч. показываютъ, что Гг. Издашели въ эшомъ дѣлѣ искусны. Всѣ похвалы оканчиваются восклицаніями: „*покупаите Гг. покупателяи! Не скупитесь, папеньки! Да это раскупаитъ какъ конфекты, да и какъ не купить того, что полезно, хорошо и дешево?*“ (см. № 137). Невольно подумаешь, что существенная цѣль каждой Крипики, помѣщаемой въ С. П. состоишь въ томъ, чтообъ зашавишь купить книгу, или отклонивъ покупателя, нанести *существенный*

вредъ Автору или Издашело оной. Кромѣ этой существенной цѣли всѣхъ разборовъ С. Пчелы, есть еще другая побочная. Во всякой кришикѣ спороною, ксташи или нексташи, задѣваюшь объявленныхъ прошивниковъ С. Пчелы. Чувство какого-шб обиженнаго самолюбія и мѣлочнаго мщенія обнаруживается вездѣ. Такъ на пр. въ прошедшемъ году, при разборѣ всякой книги *привязывались* къ Телеграфу; въ нынѣшнемъ году шакая же участь ожидаешь М. Въспникъ. Опъ этой Литшературной Такшики происпекаюшь и частыя прошиворвчія и несправедливыя сужденія С. Пчелы. Вошь примѣры первыхъ. Въ 6 Но, объявляя о Московскомъ Въспникѣ, говоряшь, что шрудно судишь о Журналѣ по первой его книжкѣ, и черезъ нѣсколь-ко строкъ подписываюшь рѣшишельный приговоръ Славянину, судя о немъ по первой же его книжкѣ. Въ 1 мѣ Но, говоря о Дѣтскомъ Альманахѣ Г-на Оедорова, шакъ ошзываются о его слогѣ: „переводъ сшапей довольно чистъ; но слогъ не вездѣ ровень, не вездѣ примѣненъ къ понятіямъ малень-кихъ гитателей.“ Въ 4 мѣ Но, объявляя о Дѣт-скомъ Цвѣшникѣ, говоряшь о слогѣ шого же Г. Оедорова слѣдующимъ образомъ: „слогъ вездѣ чи-ешый, ясный, понятный для дѣтей.“ — Какая же причина шакому прошиворвчю? — Другой Издашель, и потому все ясно: Вошь примѣры не-справедливыхъ суждений: всѣ дурные переводы

романовъ В. Скотта расхваленъ (*) (№ 115, 117, 120); Невскій Альманахъ униженъ передъ Сиріусомъ; похвалены спихошворенія Г. Ржевскаго, и проч. и проч. Вообще всѣ кришики Сѣв. Пч. можно назвать варіаціями на двѣ разныя пемы: *хорошо* или *дурно*. Избраніе пемы зависить всегда отъ отношеній. Но иногда сіи пемы совокупаются. Такъ напр. объ *Аравитскомъ замкѣ* Дюкредюмениля выражается С. П. обѣими вмѣстѣ: *и хороша и дурно!* (См. № 136.)

3) Если къ Авшору не имѣють никакихъ отношеній, то о произведеніи его опзываются и пакъ и сякъ, указавъ на нѣкоторыя мѣлкіе недоспапки. Но если дерзновенный осмѣлится возразить, тогда въ пылу негодованія жертвуютъ даже собственнымъ мнѣніемъ, чшобъ поразишь прошивника, извиняются въ своей опромещчивости передъ публикою, вновь разбираютъ книгу и находятъ въ ней кучи ошибокъ. Примвромъ сему служить кришика на книгу: *Способъ узнать родъ существительныхъ именъ во Франц. языкѣ*. Въ 9 мѣ № сказано было о ней: „сей спо-

(*) А объ оригиналахъ самихъ говорятъ, что „чтеніе ихъ полезно только отъ нечего дѣлать, и что большею частію чищаетъ ихъ публика, убивавшая некогда время въ чтеніи чудовищныхъ произведеній Радклифъ или нелпыхъ романовъ нѣжнаго Дюкредюмениля“ !!! (См. № 5.) Теперь спрашивается: если чтеніе Романовъ В. Скотта полезно только *отъ скуки*; то *отъ чего* же полезно чтеніе сочиненій Г. Булгарина? —

собъ весьма просто и удобно, и безъ сомнѣнiя, принесеть великую пользу натиноющимъ угитьсь Французскому языку," если издашеть оной исправиль нѣкопорыя маловажныя ошибки. Въ 19мъ Но о той же книгѣ, въ отвѣтъ на возраженiе, говоряшь, что она „вмѣсто предполагаемой пользы можетъ сообщить только самыя сбивчивыя понятiя дѣтямъ о главномъ ея предметѣ — родахъ именъ, и сверхъ того доставить имъ весьма дурное зтенiе на Французскомъ языкѣ.“ Еслибъ не было возраженiя, Г. Кришикъ не перечель бы со вниманiемъ книги, и публика была бы обманута. Вотъ послѣ этого вѣрьше сужденiямъ С. Пчелы!

Наконецъ 4У нѣкопорымъ извѣспнымъ писателямъ распочающся похвалы въ Сѣверной Пчелѣ. Но онѣ скучны для читателей, а еще скучнѣе для самихъ Авторовъ. Истинное дарованiе любиль оцѣнку умную, хотя и строгую, зъвая смѣшся надъ пустыми рѣчами болшливой лести и презираешъ брань привязчивой зависти или злобы. Образъ кришики въ Сѣв. Пчелѣ всего болѣе отличаетъ жалкую скудость ея сужденiй. Всѣ Рецензи: лучшихъ произведенiй въ оной состояшь въ выпискѣ нѣкопорыхъ ошривковъ, приправленвой общими мѣшамъ и пустыми восклицанiямъ, въ маловажныхъ замѣчанiяхъ на слова, правильно или неправильно употребленныя, на ошибки Граммашическiя, на опечашки и ш. п. Въ доказательство ссылаемъ во первыхъ на рецензи:

книгъ ученыхъ, какъ на пр. Основаній Химіи Г. Іовскаго, Хозяйственной Спашисшики Г. Андросова и другія, ссылаемся на спашью о вышавкѣ въ Академіи Художествъ, ссылаемся на разборы Сѣв. Цвѣшовъ, Цыгановъ и прешьей главы Онѣгина, и въ особенноти на разборъ Спихошвореній Барашынскаго, писанный однимъ изъ Издапелей. Обыкновенно начинающся сіи кришики такимъ образомъ: „Новое, прелестное Спихошвореніе шакого-шо!“ — „Честъ вамъ и слава, Гнѣ Поэтъ!“ — (Но 145) „Это вещь совершенно оригинальная.“ (Но 147).“ — „Сіи спихи жгутъ страницы!“ (Но 124). Иногда послѣ подобныхъ восклицаній случаются объясненія эстетическія, въ кошорыхъ всего замѣшнѣе и недоспашокъ шочки зрѣнія и нешвердоспъ мыслей и незнаніе науки вкуса. Такъ напр. при разборѣ Цыгановъ, (см. Но 65) предложивъ нѣсколько вопросовъ со стороны невѣждъ въ искусствѣ: „почему сочинитель не сдѣлалъ шого, не выполнилъ другаго, не кончилъ прешьяго?“ — оправдывающъ Пушкина шѣмъ, что *воображеніе Поэта свободно какъ судьба*; что онъ не обязанъ держать въ головѣ, *што въ столькихъ-то комедіяхъ дѣйствующія лица ссорятся изъ любви и мирятся чрезъ посредство слугъ и служанокъ, што въ столькихъ-то Поэмахъ герой сходитъ въ адъ, и проч.*; *што Поэтъ свободенъ въ выборѣ формы и отдѣлки стиховъ.* Ошъ шакого оправданія,

вѣроятно, откажешь и самъ Поэтъ; ибо имъ можно оправдать и пѣвца новой Телемахида. Въмѣсто тѣхъ пустыхъ вопросовъ, не лучше ли бы, по законамъ Логики, предложишь себѣ вопросъ: Поэтъ, свободный какъ судьба, также ли, какъ она, вѣренъ самому себѣ? Избравши сценою дѣйствія шаборъ Цыганскій, Цыганскіе ли выводилъ онъ характеры? — Вопросы, по видимому, самые простые и естественные; но до нихъ никогда не додѣлаешь Сѣв. Пчела: она не снимаетъ меда съ произведеній изящныхъ, но порхая около нихъ, жужжитъ безъ цѣли, или пріютившись на какомъ нибудь листикѣ, щочитъ свое, неострое жальцо.

Но всего чаще, не пускаясь въ вопросы эстетическіе, Рецензенты прямо прислунають къ разбору выраженій, и иногда въ жару восторга ораторскаго говорятъ непонятныя вещи. Такъ между прочимъ случилось съ Г мь Булгаринымъ при разборѣ Стихотвореній Баратынскаго. (См. № 145, 146, 147). Онъ, прочитавши ихъ, бросилъ подь споль перо кришическое, и спалъ увѣрялъ, что будшо бы Г. Баратынскій *сдѣлалъ пародію въ стихахъ изъ предисловія къ его сочиненіямъ: Истина и Авторъ; что онъ Финляндію представилъ въ цѣломъ, какъ тѣло и душу; что характеръ Поэзіи Баратынскаго, мысли и чувства.* (Какъ это ясно и опредѣлительно!) Но всего забавнѣе кришика выраженій. Выписавши нѣсколько стиховъ изъ Финляндіи, Рец. восклицаетъ: „Карѣ-

пина живая! вы видите все, что чищаете. Какъ искусно Поэшь умѣлъ воспользоваться обыкновенными оборотами рѣчей! Еслибъ простой поселянинъ сшалъ описывать вамъ языкомъ природы эшошь видъ, онъ сказалъ бы: „Тушь море, надъ моремъ гора, а съ горы сходишь лѣсъ къ берегу.“ — Поэшь, шакъ сказашъ, *позолотилъ простонародный разсказъ и пропѣлъ его при звукахъ лиры (!!!)*. Тяжелыя снопы прекрасно изображаютъ огромныя деревья. Кшо видалъ въ напурѣ лѣсъ, растущій на косогорѣ, колеблемый вѣтрами, шошь живо представилъ себѣ *это шествіе тяжелыми стопами*. Какъ хорошо изображена сѣверная ночь!“ и проч. Элегія Буря — прелесты!“ — „Чужихъ безбрежныхъ водъ свинцовая равнина“ — естъ совершенство Поэзіи. Эшошь свинець, оковывающій пришельца въ чужой странѣ — Поэзія!“ — Все эшо пересыпано похвалами неумѣренными и нешонкими, замѣчаньями о словахъ, римахъ и проч. — Рец. Стихошь. Баратынскаго, какъ и всѣ Рецензенты Сѣв. Пчелы, похожъ на шакъ называемаго дилетшанша Живописи, который, по наслышкѣ зная, на примѣръ, о Корреджіевой ночи, приходитъ въ первый разъ въ Дрезденскую галлерю, спановишся передъ картиною, кричишь, силишся шѣлодвиженіями показашъ въ себѣ челоуѣка воспорженнаго, — вдругъ примѣчаешъ пашнышко на рамѣ картины, подбѣжавъ къ ней; усердно спираешъ

его; и въ отсутствіи мысли произносишь однѣ пусшыя слова: ибо полько въ подобномъ положеніи можно сказать, что *Поэтъ пропѣлъ позоложенный рассказъ* и свинець назвашь поэзіею. Не лучшелибъ было, замѣнимъ мимоходомъ, еслибъ Гг. Издаатели замѣнили подобныя Крипики полною Русскою Библіографіею? — Это было бы и для нихъ легче и для читателей полезнѣе.

Спашья о выставкѣ въ Академіи художествъ опличаешь тѣмъ же восторгомъ насильственнымъ, призобилуешь тѣми же выраженіями темными; а общими мѣстами, похвалами однообразными ясно обличаешь незнаніе дѣла. По мнѣнію Рецензента, всѣ живописцы на одно лицо: и Довь и Кипренскій и Щедринъ — всѣ равно превосходны; у всѣхъ на карпинахъ видишь живыя лица, живую природу, живой воздухъ и проч. Преимущественно обращаетъ вниманіе Рецензентъ на опдѣлку существенныхъ подробностей, какъ по: шинелей, подкладокъ, наощеннаго пола, эполетовъ, серебряныхъ и золотыхъ украшеній и проч. и проч.

Здѣсь найдеше множество *образовыхъ* выраженій, обличающихъ и поверхностный взглядъ и недоспашокъ вкуса въ Г. Крипикѣ. Вопъ нѣсколько примѣровъ: (Но 108, 110, 112). „Художникъ умѣлъ уловить тѣ *прелести физиогноміи*, кошорья, такъ сказать, *невидимо перелетаютъ по тертамъ прекраснымъ*, какъ солнечныя лучи по

кристаллу.“ — „Штофная занавѣсь, бархатъ, мешаллы въ отдѣлкѣ кресель, отворошы одежды, все это сдѣлано съ такимъ необыкновеннымъ искусствомъ, что зрѣніе совершенно обманывается. На нѣсколько шаговъ не лзя припши въ себя.“ — „Въ комнашѣ до такой степени соблюдено правдоподобіе во всѣхъ подробностяхъ, что даже видишь блескъ отъ наложеннаго пола!“ — „Въ портретѣ Г. Генер. Маіора Албрехта сходство удивительное, и всѣ отлжгительныя черты физиогноміи соблюдены съ большою тогностью.“ — „Портретъ Г. Лобанова ошличаешся удивительнымъ сходствомъ, и характеристика физиогноміи соблюдена съ величайшею тогностью.“ — Такой-то портретъ „совершенство во всѣхъ отношеніяхъ!“ — „Генераль Гладковъ — живой.“ — „Эшо Пушкинъ живой!“ — „Мешаллы, а особенно шпше на мундирѣ и эполешы, изображены столь искусно, посредствомъ естешественнаго перелива свѣта, что шрудно повѣришь, чшобъ эшо было не серебро.“ — Знашкы не довольны отдѣлкою бѣлья въ портретѣ Г. . . .“ — „Кисть Г на Кипренскаго, столь искусная въ отдѣлкѣ штофовъ и бархату, въ эшомъ случаѣ нѣсколько груба.“ — „Гг. Довъ и Кипренскій превосходны, каждой по своей части.“ — „Эшо не картина: эшо шочно Горный Кадешскій корпусъ.“ — „Идеальная тогкость колорита!“ — „Волосы, серебро на адьюшаншскихъ аксель-бан-

такъ и подкладка шинели, ошдѣланы мастерски.“
и проч.

Таковы сужденія С. Пчелы о Живописи; съ такою же основательностію судишь она и о Музыкѣ. (*) Мы не будемъ спорить съ ея Издашелями о достоинствахъ иного или другаго музыканша, что насъ могло бы завлечь въ пустыя пренія; мы лишь сохранимъ для попомства нѣкоторыя открытія, которыми Музыка обязана единственно С. Пчелѣ. Беремъ ихъ на удачу.

До сихъ поръ думали, что искусно переходишь изъ тона въ тонъ можешь лишь Сочинитель Музыки; но С. Пчела увѣряешь насъ въ противномъ. Говоря о Г-жѣ Шимановской, игравшей Рондо Гуммеля, она восклицаетъ: „Какое чувство, какой жаръ въ игрѣ! Не знаешь чему удивляешься, нѣжности ли въ переходахъ изъ тона въ тонъ, изъ ноты въ ноту (?), или блеску въ высокихъ пассажахъ (?), пѣвкости (cantabile) при сочешаніи даже опдаленныхъ нотъ, не только обыкновенныхъ постепенныхъ пассажей.“ (No 48 С. П.) Просимъ объяснишь. Точно не знаешь, чему удивляешься! — Развѣ смѣлости Гг. Издашелей, съ кошорою они печатающъ слова, ровничего не означающія.

Съ 16го столѣтія, т. е. со времени устанавленія Орашоріи, до сихъ поръ думали, что

(*) Замѣчаніями о Музыкѣ Авторъ сей статьи обязанъ одному знатоку сего искусства.

Ораторія есть священная или просто лирическая драма, положенная на Музыку, и что она не одно и то же съ обѣдней, съ кантатною и прочими частями церковной музыки; — но нынѣ Сѣв. пчела доказала, что „Ораторія есть каждая большая музыка, приближенная къ словамъ молитвы, каждое церковное сочиненіе, разыгрываемое оркестромъ (No 45). Изъ сего ясно выходитъ слѣдующее заключеніе: всякое Motetto, Te Deum — есть Ораторія; а Сочвореніе Міра Гайдена, его же Четыре времени года, Колоколь Ромберга — отнюдь не Ораторіи.

До сихъ поръ думали, что можно одному человѣку напѣвать лишь мелодію; но С. Пчела доказала неосновательность этого мнѣнія; она говоритъ: „есть легкость въ гармоніи, которая съ перваго раза оспается въ памяти, такъ что зрители (!), выходя изъ театра, напѣваютъ слышанное въ первый разъ на сценѣ.“ — *Напѣваютъ гармонію?*

Сверхъ того не лзя оставить безъ вниманія и слѣдующаго обстоятельство: С. Пчела напала на извѣстнаго Музыканта Мейера. На счастіе С. Пч. напечатано было въ 25 No С. Петерб. Вѣдом. (издаваем. на Нѣмецкомъ языкѣ) очень умное и дѣльное возраженіе. С. Пчела, видя себя не въ силахъ одолѣть прошивника, взяла себѣ въ товарищи, кого бы вы думали? — *Суворова!* Воля Гг. Издашелей;

но по нашему мнѣнію неприлично мѣшать имена людей знаменитыхъ въ журнальную перебранку и предсавляшь Русскаго героя въ каррикашурѣ.

Вошъ еще одно доказательство, ясно обнаруживающее понятія С. Пчелы о Музыкѣ и заимствованное нами изъ 16 го Но нынѣшняго года. Гг. Изд. С. П. слышали *отъ знатоковъ* (мнѣнія кошорыхъ будто бы они всегда придерживающа-ся), что *звуки могутъ понижаться и повышаться*; слышали также, что существуютъ *педали*, кошорыя *поднимаются и опускаются*. Гг. Изда-телямъ С. П. показалось, что это одно и тоже и они сосхавили слѣдующую испинно-образцовую фразу: „кажется, что играешь *одинъ* виртуозъ (дѣло идешь о совершенствѣ оркестра) на одномъ какомъ-то прекрасномъ гармоническомъ инстру-ментѣ, въ которомъ *звуки понижаются или воз-вышаются посредствомъ педалей*.“ Можно ли такъ насмѣхаться надъ своими читателями?

Вмѣсто того, чшобы говорить о Поэзіи, Живописи и Музыкѣ, для чего нужно познаніе дѣ-ла, не лучшелибъ было С. Пчелѣ ограничиться извѣ-стіями о балансерахъ, скакунахъ, скороходахъ, ученыхъ собакахъ, и прочъ?

Изъ всего этого само собою извлекается, что главный характеръ образа мыслей въ С. П. есть совершенная пустоша; по сей-то необхо-димости Кришика и замѣнена въ ней Липшера-шурною Такшикою. Гг. Издатели, въ совершенной

увѣренности, что они давностию своихъ Журналовъ приобрѣли всеобщее довѣріе публики, что въ ихъ рукахъ находилась участь всей Литтературы Русской, смѣло упражняюща въ своемъ искусствѣ Журнальномъ и съ какою-то непростишительною запальчивостию, безъ уваженія къ приличіямъ не только людей ученыхъ, но и свѣтскихъ, не умѣя даже скрывать въ себѣ порывовъ оскорбленнаго самолюбія, подписываютъ всему приговоры рѣшительныя, ни на чемъ не основанныя, и всегда внушаемые не любовію къ истинѣ, а посторонними отношеніями.

Теперь остается намъ обратиться вниманіе на замѣчательныя литтературныя спашья, которыя мы прочли въ С. Пчелѣ прошедшаго года. Ихъ немного. Изъ стихошвореній вспоминаемъ съ удовольствіемъ: объ *Олегѣ Языкова* и не многихъ піесахъ *Г. Глинки*; но впрочемъ большая часть оныхъ доставлялась постоянными вкладчиками *Дамскаго Журнала*. Изъ прозаич. спашей обратимъ вниманіе на *Крипику Гаммерова* сочиненія (*Sur les origines Russes extraits de manuscrits orientaux*), написанную однимъ изъ нашихъ *Ориенталистовъ*. Любопытно знать, какъ оправдается обвиненный передъ спрогимъ приговоромъ *Рецензента*. Съ удовольствіемъ вспоминаемъ объ нѣкоторыхъ спашьяхъ *Г-на Фукса* о *Суворовѣ*, о спашическихъ письмахъ о *Сибири*, о лекціи *Г. Гранвилля*, о спашьяхъ *Г-на Терлецкаго*, касающихся

до Физической Географіи Россіи, объ свѣжихъ извѣстіяхъ изъ Грузіи, и немногихъ другихъ. Впрочемъ не лзя не произнести справедливаго упрека Гг. Издашелямъ С. Пчелы въ шомъ, что они, имѣя столько средствъ сообщать все новое, не объявили ни объ одной замѣчательной книгѣ, вышедшей въ Европѣ. Въмѣсто шого мы читали ошрывки, довольно скучные, изъ Code des gens honnêtes: *о заностивости и скромности* (впрочемъ это было весьма кшати), изъ путешествія по Египту Баронессы Минутоли, и проч. Г. Булгаринъ въ продолженіи почти 30-ти номеровъ ушомищельно гулялъ по Ливоніи, по давнему примѣру путешественниковъ ошанавливался при каждомъ городѣ, рассказывалъ его исторію, либо предавался *обыкновеннымъ мечтамъ*, или лучше сказать, *общимъ мѣстамъ*, напрягая все свое воображеніе или воспламеня себя стихами Поэшовъ. Всѣ его статьи подъ рубрикою: *Нравы*, носятъ на себѣ общіе признаки всѣхъ его сочиненій, о которыхъ мы уже говорили. Все это пріятно и даже полезно для шого круга читателей, который ограничивается немногими нравственными правилами и не требуетъ отъ писателя ни новыхъ, ни глубокихъ мыслей, какъ новой пищи уму дѣшельному. Для людей сколько нибудь просвѣщенныхъ, для людей мыслящихъ и знакомыхъ съ Литшперашурами чужеземными, такого рода статьи и вялы и скучны. Архипъ Фаддеичъ, главный и любимый герой его,

есль человекъ пустой, съ однѣми общими мѣстами; онъ любитъ распочать давно извѣстные всѣмъ совѣты и, какъ поваръ въ баснѣ Крылова, богашъ поученіями. Въ своихъ нападкахъ на молодежь онъ плашитъ дань своему возрасту; но, къ чести нашего времени, молодые люди, пишя всевозможное уваженіе къ урокамъ опыта, къ совѣтамъ мудрой старости, мимо ушей пропускающъ невоздержные нападки шариковъ скучныхъ, запальчивыхъ и кропошливыхъ. Занозины, Цапцарапкины, Кривокозины, лица, выводимыя Г-мъ Б. не принадлежатъ болѣе нашему времени. Это скудные ошпапки отъ того племени судей, которое поражено было перомъ Фонъ-Визина и Капниста. Характеръ Зозо въ спашь: *Рецептъ: какъ разориться отъ прилигій?* — рѣшительно принадлежишь не нашимъ нравамъ. Напрасно думаетъ Г-нъ Б., какъ мы видимъ изъ предисловія къ новымъ 3 мъ шомамъ его Сочиненій, что мы, по правиламъ Тактики опкажемся отъ своего мнѣнія, и обратимъ *нападки* на слогъ его (ужь не спрашится ли онъ и за сей послѣдній?). Въ доказательство того, что наше мнѣніе внушено истиною, а не пристрастіемъ къ Г-ну Б. мы, безъ всякихъ *нападокъ*, опяшь повшоряемъ наше мнѣніе и утверждаемъ, что сочиненія его, не предшавля намъ ни души высокой, ни теплоты чувства, ни

глубокомыслія (*), ни ироніи, ни ѣдкаго оспроумія, ни оригинальности взгляда, имѣющъ однѣ только отрицательныя достоинства, какъ то: гладкость и правильность слога, иногда живость разсказа и другія качества, не всѣмъ въ равной мѣрѣ принадлежащія. Недостатокъ глубокомыслія мы можемъ оправдать одною спашьею его, помѣщенной въ 51-мъ Но. С. Пчелы, подъ заглавіемъ: *Жизнь*. О такомъ важномъ предметѣ, кажешься, никто бы не рѣшился говорить, не имѣя въ головѣ чего нибудь новаго. Въ спашьѣ Гна Б. вы найдете повтореніе всего того, что скажетъ всякой школьникъ, ославляя мѣсто своего воспитанія, школьникъ, не богатый опытами жизни, но по слуху о ней знающій: старыя сравненія возрастовъ съ временами года, старыя пѣсни въ прозѣ о честлюбїи, дружбѣ, суетахъ свѣта и проч. При чтенїи спашей Гна Б., помѣщенныхъ въ С. Пчелѣ, еще остаеся одно непріятное впечатлѣніе: заранее представляешь себѣ, что всѣ онѣ безъ выбора будутъ перепечатаны въ собранїи его сочиненій.

Слогъ С. Пчелы, отдадимъ всю справедливость Гг. Издашелямъ, имѣетъ всѣ достоинства

(*) Г. Булгаринъ самъ въ этомъ сознается въ помѣнутомъ предисловіи, говоря, что въ сочиненїяхъ его только „половина его умнїшка, каковъ онъ ни есть,“ но какъ же въ этомъ дѣлѣ повѣришь на слово?

правильности и чистоты Грамматической (*); но отзывается пустою образами мыслей и необузданною дерзостью Литературной Тактики (**). Нигде онъ не согрѣшь душою, ни размышленіемъ, говорящимъ уму, ни шеплымъ чувствомъ, говорящимъ сердцу.

При разборѣ Телеграфа, мы показали возможность его усовершенствованія вмѣстѣ съ нашими того желаніями. Можно пособить недоспашкамъ ошибочнаго образа мыслей; но чѣмъ пособить шамъ, гдѣ онъ вовсе отсутствуешь, а замѣняешь Литературною Тактикою? — Единственно уничтоженіемъ сей послѣдней, чего предположить невозможно, ибо ея бытіе связано съ духомъ всего Журнала. Здѣсь надежды, къ сожалѣнію, не соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ. Одно только утѣшаешь насъ вмѣстѣ со всеми благомыслящими ревнителями къ пользѣ наукъ и просвѣщенія отечественнаго: по вѣрнымъ признакамъ, сокровенныя правила Литературной Тактики уже понемногу начинаютъ обличаться, и можешь быть скоро насшупишь то золотое

(*) Но еслибъ мы захотѣли *привлечься* по изложеннымъ правиламъ Тактики; то, разумѣется, моглибы найти довольно количество ошибокъ грамматическихъ для того, чтобы посредствомъ софизма, обыкновеннаго въ С. Пчелѣ, заключить отъ частныхъ примѣровъ вообще о невѣжествѣ въ Грам. самаго Издателя оной.

(**) Часто Гг. Изд. позволяютъ себѣ выраженія, употребляемая только въ глухихъ нереукахъ, напр. *Стой! Караул!* и т. п.

время, когда водворится въ Липшерашуръ Русской духъ благородной терпимости, духъ здоровой, безприсрасшной криптики, духъ миролюбивой истины, а присрасшная, заносчивая, посягающая на личность, празднословная Такшика, употребляемая С. Пчелою, содѣлаешся прищечю во языцѣхъ!

~~~~~

*Отвѣтъ Г-ну Ю. на разборъ Русской
Грамматики Г. Грегга.*

(Окончаніе).

17. Г-нъ Ю. говоритъ, что будшо опносишельно склоненій именъ нашихъ недѣзя придумашь ничего лучшаго раздѣленія на 5 отдѣловъ, приняшаго Ломоносовымъ и Академією. Спранно слышашь въ наше время шакое мѣніе. Не ужели Г-нъ Ю. не видишь, что имена, кончащіяся на *мя*, по весьма малому числу своему и неправильности въ измѣненіяхъ, не могушь сосоставлять особаго правильнаго склоненія? Не ужели правильно вмѣщены Академією въ одно склоненіе всѣ прилагательныя, кончащіяся на *ый*, *ой*, *ь*, *ій*, *ь* и еще небывалыя на *ей*? Я самъ не согласенъ съ Шлецеромъ, Борномъ и Гречемъ, но еще менѣе могу согласишься съ Ломоносовымъ и Академією. Ушвердишельно скажу: лучшее раздѣленіе склоненій есть слѣдующее: для существительныхъ: 1. на *ъ*, *й* и *ь* муж. рода; 2. на *а*, *я*; 3. на *о*, *е*; 4. на *ь* жен. рода; для прилагательныхъ: 1. на *ый*, *ій*, *ой*, 2. на *ъ*, *ь*. По-

сѣднее сосоставлено изъ склоненій существительныхъ и прилагательныхъ и принадлежишь припяжательнымъ собственнымъ и шакъ называемымъ усченнымъ прилагательнымъ.

26. Погрѣшности въ склоненіи числительныхъ я самъ уже замѣтилъ Г. Гречу; но Г. Ю., говоря о нихъ, дѣлаешь неправильное словосочиненіе. Кто скажешь: онъ долженъ мнѣ *сорока пятью рублями*? Надлежало сказать: *сорокъ пять рублей*.

32. Г-нъ Ю., согласно со мною, не одобряешь прехъ спряженій Г. Греча, но обращается къ обвѣшшадому раздѣленію на два, прилагая къ оному свои поправки. Желая быть ему полезнымъ, я хочу раскрышь предъ нимъ всѣ недостатки его системы и показашъ ему другую простѣйшую, естественную, но напередъ выпишу его собственную. „Спряженіе первое: глаголы на *ешъ*; опд. 1 е: неопр. *ать*, *ять*, настш. *аю*, *яю*, *ую*, прош. *аль*, *яль*, повел. *ай*, *яй*, *уй*, *юй*, *й*, *ой*, *и*, *ь*; опд. 2 е: *ть* съ предыдущими *ѣ*, *е*; *ѣю*, *юю*, *у*; *ѣль*, *ѣль*, *еръ*, *егъ*, *екъ*, *езъ*, *есъ*; *ѣй*, *оѣ*, *и*; опд. 3 е: *ить*, *ыть*; *ю*, *у* съ пред. согласною; *иль*, *ыль*; *ей*, *ой*, *ѣй*; опд. 4 е: *оть*; *ю* съ пред. согласною; *оль*; *и*; опд. 5 е: *уть*; *ю*, *у*; *нуль*; *и*, *ь*. Второе спряженіе: опд. 1 е: *ать*; *у*, *ю* съ пред. согласною; *аль*; *и*; опд. 2 е: *ять*; *ою*; *яль*; *ой*; опд. 3 е: *ть* съ пред. *ѣ*; *ю*, *у* съ пред. согласною; *ѣль*; *и*, *ь*; опд. 4 е: *ить*; *юю*, *юю*, *ю*, *у* съ пред. согласными; *иль*; *ой*, *и*, *ь*.“ — Прислушимъ къ разбору.

1. Здѣсь вовсе не упоминается о будущемъ прошомъ времени, а извѣстно, что оно переходить изъ одного спряженія въ другое, шакъ напр. бросаю, ешь — брошу, сишь. Но положимъ, что Г-нъ Ю. спрягаетъ виды глаголовъ раздѣльно, хотя онъ и возсцаешъ прошивъ ученія о видахъ. Далѣе.

2. Два спряженія съ девятыю подразрѣленіями все шо же, что 9 спряженій. Число простыхъ глаголовъ на каждое изъ 9 спряженій Г-на Ю. будешъ почти слѣдующее: I. 1300, II. 250, III. 14, IV. 5, V. 300, VI. 20, VII. 2, VIII. 30, IX. 600. Невозможно съ большею точностію исчислишь ихъ, по причинѣ частыхъ погрѣшностей въ окончаніяхъ производныхъ временъ.

3. Множество окончаній затрудняють выборъ; шакъ напр. повел. перваго ошд. перваго спряженія имѣешъ 8 окончаній, прош. втораго ошдѣла 7, насш. чешвертаго ошд. втораго спряженія 4; которое избрашъ, нужно особое правило.

4. Г-нъ Ю. прицимаешъ двѣ формы, второе лице и неопр. н., за прямыя, но на повѣрку выходить три, шо ешь и первое лице; и шакъ три формы для произведенія *двухъ*, прош. времени и повелительнаго наклоненія!

5. Глаголы на *ую* вовсе не принадлежатъ къ первому ошдѣлу, ибо неопред. ихъ на *вать*, прош. на *валъ*; а болѣе 80 глаголовъ, оканчивающихся въ первомъ лицѣ на *у*, напр. *шелгу*, забыты Гмъ Ю.

6. Глаголы на *ѣю*, опнесенные во вшорой ошдѣль, принадлежашь къ первому; ибо, подобно глаголамъ на *аю*, *ать*, измѣняющъ свое окончаніе на *ль*, *й*.

7. Глаголовъ на *юю*, *ть* съ предыдущими *ѣ*, *е* вовсе нѣтъ въ Русскомъ языкѣ; а кончащіяся на *юю*, *евать* измѣняюща подобно кончащимся на *ую*, *овать*.

8. Окончанія *ель*, *ерь*, *егъ*, *екъ*, *езъ*, *есъ*, явно принадлежашь неправильнымъ глаголамъ, хошя о нихъ нигдѣ ни слова не сказано.

6. Глаголовъ на *у*, *ть* съ пред. *е* шолько *четыре*, и шѣ неправильные.

10. Глаголы на *ить*, *ю* и *у* съ пред. согласною въ повелиш. кончашся не на *ей*, *ай*, какъ высшавлено у Г. Ю., а на *и* или *ь*; вѣрояшно, онъ хошѣль сказашь съ предыдущею гласною или полугласною. Въ семъ случаѣ на *ить* будущъ кончишся шолько *бѣю*, *вѣю*, *лѣю*, *пѣю*, *шѣю*, а на *ить* шолько *вою*, *крѣю*, *мою*, *ною*, *рѣю*; но надлежишъ замѣшишъ, что сіи глаголы прежде были правильны: *бію*, *ешь*, *ль*, *й*, *ть*, *мыю*, *ешь*, *ль*, *й*, *ть*; нынѣ они составляющъ исключеніе.

11. На *оть* шолько пять глаголовъ въ Русскомъ языкѣ, слѣд. они не могушъ составишъ особаго спряженія.

12. На *уть*, *ю* кончашся шолько *дую*, *обую*; *разую*, и шѣ имѣющъ прош. на *ль*, пов. на *й*, а не на *нуль*, *и*, *ь*.

13. На *ишь*, *ать*, съ небольшимъ 20 глаголовъ; они сосоставляютъ исключеніе изъ того общаго правила, по которому глаголы кончащіяся на *ить* удерживаютъ букву *и* во всѣхъ своихъ формахъ.

14. На *ить*, *ять*, *ою* только два глагола: *боюсь*, *стою*; а на *ишь*, *ить*, *ою*, коихъ 12, пропущены.

15. На *ишь*, *ѣль*, *у* и *ю* съ согласными, только 30; и шакъ лучше исчислишь ихъ въ примѣчаніи, не составляя изъ нихъ особаго спряженія.

16. На *ить*, *юю* вовсе нѣтъ глаголовъ въ Русскомъ языкѣ, а кончащіяся на *ить*, *ью*, о коихъ уже говорено выше, имѣютъ второе лице на *ешь*, повел. на *ей*. — Такъ ли должно исправлять погрѣшности Пракшической Грамматики, Гнъ Ю?

Теперь положимъ простую формою или началомъ глагола первое лице, на что соглашается и Гнъ Ю. въ 28 § своей крипки. 3000 простыхъ Русскихъ глаголовъ раздѣляшя на 4 спряженія: 1е на *аю*, *лю*, *тю*, въ которомъ, чрезъ перемѣну окончательной буквы, получимъ *ешь*, *ль*, *й*, *ть* и 1500 глаголовъ; 2е на *ую*, *юю*, гдѣ съ перемѣною въ прош. и повел. предыдущихъ *у*, *ю* на *о*, *е* будешь *ешь*, *валь*, *и*, *вать* — и 300 глаголовъ; 3е на *ну*, *ешь*, *уль*, и (*ь*) *уть* — 300 глаголовъ; 4е на *у*, *ю* съ предыд. согласными — *ишь*, *иль*, и (*ь*), *ить* — 600 глаголовъ. До 190 глаголовъ, кои исчислены въ VI части Соч. въ прозѣ и стихахъ

(Труды общ. люб. Рос. Слов.), будущь производи формы свои опъ двухъ или трехъ началъ; совершенно же неправильныхъ будешь до 70. — Не простѣ ли эта система?

Кончивъ ошвѣсныя замѣчанія на Кришкику Г-на Ю., въ кошорыхъ шрудъ Г. Греча, по моему мнѣнiю, напрасно унижень, не могу умолчать объ извѣщенiи Издашеля Московскаго Телеграфа, кошорый уже слишкомъ превознесъ Пракшическую Грамматику (Тел. 1827. N. 22). Скажешь ли самъ Г. Гречъ, что *Аналитическiй трудъ его надъ Русскимъ языкомъ, то есть, собранiе сколько можно большаго числа частныхъ замѣтанiй, анатомрованiе языка, изученiе правилъ его въ творенiяхъ, заслужившихъ народное вниманiе и въ устахъ народа, что аналитическiй трудъ надъ Русскимъ языкомъ, въ настоящемъ его состоянiи, конгень имъ съ большимъ успѣхомъ?* Скажешь ли онъ это послѣ кришикъ, писанныхъ на его Грамматику? Вѣроятно, не сказалъ бы и прежде. — Извѣщенiе сiе, распянутое слишкомъ на чешырехъ страницахъ, не содержишь ничего болѣе, кромѣ похвалы не доказанной, и пошому не спану долѣе оспанавливашься надъ онымъ.

1828. Маршъ.

Иванъ Калайдовитъ,

Анекдоты Князя Италійскаго, Графа Суворова Рымникскаго. Изданные Е. Фуксомъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Александра Смирдина. 1827. въ малую 8. д. 195 с.

Первымъ словомъ Рецензента должна бысть благодарность Издашелю сей книги за сохраненіе многихъ драгоценныхъ свѣденій о нашемъ незабвенномъ Суворовѣ.

Суворова, вмѣстѣ съ Петромъ Первымъ и Ломоносовымъ, едвали нельзя назвать предшавишелями Русскаго народа: сіи при мужа, каждый въ своемъ кругу, показали своими дѣйствіями мѣру его способностей, — въ нихъ, какъ суммахъ, выразились его слагаемыя, — это Русскіе, употреблю другое математическое сравненіе, возведенные въ свою высшую степень. — Малѣйшая подробность, относящаяся до ихъ жизни, для насъ занимательна.

Суворовъ жилъ въ самое примѣчательное время. Екашерина, дворъ ея, Румянцевъ, Безбородко, замыслы Потемкина, войны Турецкія и Польскія, раздѣленіе Польши, внутреннія учрежденія, начало Французской Революціи, первыя побѣды Наполеона! Не любопытно ли знать мнѣніе шакогого человѣка, какъ онъ, о всѣхъ сихъ людяхъ, о всѣхъ сихъ происшествіяхъ, о Россіи его времени, прошедшей и будущей! —

Не любопытно ли знать его самага, сокровенные изгибы его сердца, его умъ въ разныхъ

обстоятельствъ жизни, образъ мыслей, взглядъ на вещи — съ какой точки смотрѣлъ онъ на себя въ отношеніи къ Государю, опечеству, другимъ людямъ, сколько дорожилъ ихъ мнѣніями и ш. п.

Правда многое въ этомъ родѣ мы должны предоставить нашимъ пошомкамъ (если дойдушь до нихъ слухи ошъ молчаливыхъ современниковъ), пошому что время Суворова слишкомъ близко ошъ насъ, но много еще ешъ и шакого, что и мы знашь можемъ. — Чашо одно нечаянное слово, движеніе, одинъ нечаянный поступокъ обнаруживаетъ челошъка совершенно, и сіи чершы всего желательнѣе находишь въ шакъ называемыхъ Анекдотахъ.

Въ собраніи Г. Фукса ешъ шакіе анекдоты; прочіе при всей своей занимательности, въ *этомъ* отношеніи неважны, и мы не можемъ сосшавить себѣ изъ нихъ полного понятія о Суворовѣ. Выпишемъ нѣкошорые изъ шѣхъ и другихъ для нашихъ читашелей, чтошбъ познакомишь ихъ съ новою книгою.

„Мы всѣ донкишотшвуемъ,“ сказалъ Суворовъ однажды Цаху, кошорый называлъ Карла XII Дон-Кишотомъ, — „и надъ нашими глупостями, го-
„ребогатыршвомъ, плашоническою любовью, сра-
„женіями съ вѣшренными мѣльницами, шаже бы
„смѣялись, если бы у насъ были Сервантесы. Я,
„читая всю книгу, смѣялся ошъ души, но *пожа-*
„*лъ о бѣднѣжкѣ*, когда фаншасмагорія кукольной его

„комедіи начала потухаешь предъ распаленнымъ,
 „его воображеніемъ, и онъ наконецъ *покаялся*,
 „хотя и съ горестію, *это онъ дуракъ. Это*
 „*болѣзнь старости и я чувствую ея приближе-*
 „*ніе.*“ (с. 23).

„Если бы Силла и Марій,“ сказалъ Суворовъ,
 говоря о любви къ отечеству „встрѣтились не-
 чаянно на Алеушскихъ островахъ, соперничество
 между ними пресѣлось бы; Пашрицій обнялъ бы
 Плебеянина, и Римъ не увидѣлъ бы кровавой
 рѣки.“ (с. 18).

„Полезныли вамъ были,“ спросилъ Суворовъ
 живописца, принесшаго ему его портретъ, „мои
 психологическія разсужденія о самомъ себѣ?“ —
 Очень, отвѣчалъ Миллеръ, и объяснилъ причину,
 приведя между прочимъ примѣръ Рубенса, кото-
 рый изобразилъ смѣющееся дитя и потомъ од-
 нимъ движеніемъ кисти заставилъ его плакать.
 Суворовъ велѣлъ записать: Рубенсъ, Миллеръ!
 Слава творческому Генію Живописи! (с. 15)

Суворовъ однажды доказывалъ, что одинъ
 пятидесятилѣтній Генераль по дѣламъ своимъ
 моложе сорокалѣтняго. „По этому расчёту,“
 сказалъ Маркизь Шашелеръ „Вашему Сіятельству
 давно, давно уже минуло за сто и болѣе лѣтъ.“—
 Ахъ, нѣтъ, отвѣчалъ Суворовъ, раскройше Ис-
 торію, и вы увидите меня тамъ мальчишкою.

Однажды Г. Фуксъ спросилъ Суворова о
 причинѣ его странностей. „Ничего,“ отвѣчалъ

онъ, „это моя манера. Слышала ли ты о славномъ Комикѣ Карленѣ? — онъ на Парижскомъ шеапрѣ игралъ Арлекина, какъ будто рожденъ Арлекиномъ; а за кулисами и въ частной жизни былъ пресерьюзный и строгихъ правилъ человекъ: ну, словомъ, Капонъ.“

Рецензентъ скажетъ здѣсь кшаши, что странности Суворова должно объяснять гораздо простѣе, нежели то сдѣлалъ Г. Фуксъ въ предисловіи. — *Суворовъ избралъ ихъ какъ форму, подъ которою онъ, въ свое время, удобнѣе могъ жить, дѣйствовать и достигъ своей цѣли.*

„У этого наемника Испорика, сказалъ Суворовъ о Дюмасть, два зеркала: одно увеличительное для своихъ, а уменьшительное для насъ. Потомство разобьетъ въ дребезги оба, и выставитъ свое.“

Поговоривъ однажды съ Г. Фуксомъ о религіозномъ фанатизмѣ, онъ прибавилъ: „намъ предоставлено увидѣть новый, также ужасный феноменъ: политическій фанатизмъ!!! но на чужбинѣ, прибавь. Мы теперь отъзываемся на отчизну. Спокойствіе — удушье. Такъ шишина на морѣ бываетъ предвѣстницею бурнаго урагана“ и проч. —

Доложили Князю, что пришелъ поршней для снятія съ него мѣрки мундиру Сардинскаго Генералиссимуса. Онъ потчасъ спросилъ: „какой онъ націи? Если онъ Французъ, то я буду говорить, какъ съ игольнымъ аршистомъ; если Нѣмецъ, то какъ съ Кандидатомъ или Магистромъ, или Док-

споромъ мундирологическаго факультета; если Ишаланецъ, то какъ съ Маестро или виртуозо на ножницахъ.“

Но довольно. Пусть читатели познакомятся съ самою книгою Г. Фукса. Рецензентъ замѣтитъ, что есть очень много извѣстій въ этой книгѣ, кои никакъ не могутъ называться анекдотами, на пр. разные ошзывы о Суворовѣ. Есть Анекдоты, для которыхъ нужны поясненія.

Наконецъ скажемъ, что если бы подобная книга была издана въ *Германіи*, то Издапель ея навѣрное приложилъ бы Библиографическое извѣстіе обо всѣхъ изданіяхъ Анекдотовъ Суворова, доказавъ бы своимъ читателямъ, которые изъ нихъ истинны, и которые ложны; — прибавимъ, что онъ поступилъ бы очень хорошо. —

Къ удивленію своему, Рецензентъ не нашелъ слѣдующаго анекдота, сохранившагося въ преданіи: Суворовъ, въ одно изъ первыхъ своихъ свиданій съ Императоромъ Павломъ, предъ отправленіемъ въ Италію, вошедъ въ комнату, упалъ нарочно и растянулся на полу. Императоръ не могъ понять, что значитъ эта странность. Адьютанты, лишь случившіеся, бросились поднимать Суворова, но онъ вскочилъ и воскликнулъ: „что взяли, что взяли? самъ вспалъ.“ — Впрочемъ — можешь быть этошь анекдотъ и несправедливый.

Изданіе очень хорошо.

М. П.

Дурацкой Колпакъ, съ эпиграфомъ: *Ma nullité se rend justice*. С. Петербургъ. Въ Тип. Гл. Управл. путей сообщенія. 1828. въ 8 д. 34.

Это весьма остроумная шушка въ юмористическомъ родѣ и оригинальная по изобрѣшенію. Поэтъ, избирая себя героемъ піэсы, а жизнь свою содержаніемъ оной, весьма удачно употребляетъ лице свое средствомъ для осмѣянія пусшой и безцѣльной жизни нынѣшнихъ людей свѣтскихъ, которые, просидѣвъ нѣсколько времени за указкою, промечтавши объ Афинахъ, Римѣ, природѣ, Кесарѣ, Мильшіадѣ, и проч., отдавши скудную дань любви и комплименстами и дюжинными стихами, и мечшами на берегахъ какой нибудь Яузы, послуживъ для порядка нѣсколько лѣтъ подъ ружьемъ Марса, или при вѣсахъ Феиды, прокочевавши въ какомъ нибудь уголкѣ Европы. въ заключеніе своей любви, службы, путешествія, вмѣсто вѣнца награды, въ *дурацкомъ колпакѣ* ложатся на сырую постель земли, для вѣчнаго отдохновенія.

Нѣкоторыя описанія въ сей поэмѣ весьма удачны. Жаль, что она написана стихами неровными: правда, что такой выборъ мѣры полезенъ былъ Автору, развязывая его съ прудностиами механизма; но такая излишняя вольность, будучи легко и часпо во зло употребляема, мѣшаетъ единству тона и шекучей плавности стиховъ. 5 ая Глава, содержащая описаніе Германіи и написанная однимъ размѣромъ, есть лучшій

ошривокъ въ цѣломъ произведеніи какъ по ошдѣлкѣ стиховъ, такъ и по занимательности содержания. Весьма удачно схваченъ характеръ сей страны въ слѣдующихъ стихахъ :

О какъ Германія мила !

Она въ дыму своемъ шабачномъ ,

Въ мечпаньи грозномъ , но не спрашномъ ;

Намъ міръ воздушный создала ,

Съ земли на небо указала ;

Она *отгизна Идеала*

Одѹшевленной красоты ,

И *Эстетической Управы* ,

И Шиллера и Гёте славы ,

Она — приволіе мечты.

Оракуль съ новомъ родѣ или предсказанія на 1828 годъ , изд. Михаиломъ Бестужевымъ-Рюминымъ. С. Пешер. Въ Т. Медиц. Депарш. Министерства внутрен. дѣль. 1828. въ 32 д. 44.

Въ предсказаніяхъ на 1928 годъ Авшоръ не упомянулъ объ одномъ только , которое мы за него скажемъ : въ 1928 г. не будешь выходить подобные оракулы , а если и станешь говорить о будущемъ , то гораздо остроумнѣе , *благопристойнѣе* , скромнѣе и безъ ошибокъ грамматическихъ.

Любовь въ Тюрьмѣ. С. Петербургъ. Въ Тип. Ив. Глазунова. 1828. въ 8 д. 94.

Еще Поэма на Русскомъ Парнассѣ! Авторъ оной, по видимому, подражаетъ и Байрону и шворцу новой Телемахида. Имена лицъ: Гюльнара и Омаръ, сцены на Восшоки, герой въ шюрмѣ, избавленіе его — все эшо взято у церваго; описаніа часшо напоминають вшораго. Чегожь добраго ожидашь отъ шакой смѣси? — Вотъ содержаніе. Герой Поэмы (который самъ рассказываетъ свою повѣсть) убилъ сына Омарова, былъ взятъ въ плѣнь и посаженъ въ шюрму. (Эпо — введеніе). — Гюльнара, дочь Омарова, влюбилась въ плѣнника и его избавила. Они ушли, долго ходили по лѣсамъ, по горамъ, и наконецъ были пойманы и приведены къ опцу. Опець простилъ ихъ, но Гюльнара умерла какою-шо смерпшо шаиншвенной à la Byron; герой ушелъ, долго скишался, опять былъ посаженъ въ шюрму и здѣсь — шо написалъ дурную поэму. Еслибъ не сдѣлалъ онъ сего послѣдняго, мыбъ о немъ пожалѣли. Для примѣра предлагаемъ читашелямъ одинъ опрывокъ.

Какія мнѣ шогда угрозы,
 Какой могъ бышь ужасенъ шрахи!
 Когда въ долинахъ и горахъ,
 Подъ шягошою солнца знойной,
 Сонъ и недвижность — все спокойно,
 Лишь возмущается порой

Однообразной спрекозой, —
 Уединенныя гранаты
 Искаль иль дикой айвы я,
 Дарившей шѣнь намъ, ароматы
 И шумъ пущыннаго ручья;
 Въ степи безводной и безлѣсной
 Ташаринъ садилъ ихъ безвѣстной,
 На поклоненіе спѣша,
 Чшобъ послѣ страчника душа,
 Когда пылаешь сводъ небесной,
 Покояся въ сѣни древесной
 И прохлаждайся у водъ,
 Его въ пущынь переходъ
 Благодарила, прославляла; —
 Забошливо моя рука
 Палящій полдень ошѣвала
 Ошъ милаго лица, искала
 Цвѣтовъ душистыхъ для вѣнка;
 Для локоновъ кудрей прекрасныхъ
 Искала ягодъ и плодовъ
 На высотѣ вѣшвей опасныхъ,
 Въ иглистой глубинѣ кустовъ.

Если вы дочитали до конца, терпѣливый
 читатель, то не можете ли пошрудиться пере-
 чешъ снова и объяснишь сей періодъ, а Рецен-
 зентъ ошказываенся.

Зомль 1-й.

Иностранная книга.

Fürsten und Völker von Süd-Europa im XVI und XVII Jahrhundert. Von Leopold Ranke. 1 Band. 1827. Hamburg.

Государи и народы Южной Европы въ XVI и XVII столѣтїяхъ. Соч. Леопольда Ранке. Часть первая. 1827. Гамбургъ.

Миръ Истории навсегда останется для насъ предметомъ внимательнаго изученія, и сколько бы мы, по видимому, ни были сведущи въ подробности и духъ нѣкоторыхъ, даже ближайшихъ къ намъ событій, однакожь все не можемъ сказать, чтобы знанія наши въ сѣмъ отношеніи были окончательнаго полны и удовлетворительны. Ошъ времени до времени открывающагося совѣмъ неизвѣстные или по крайней мѣрѣ вовсе неразсмотрѣнные доселѣ источники, и проливають для руководствующагося ими совершенно новый, яркой свѣтъ на весьма большое разстояніе. Виды и соотношенія, пребывавшія во мракѣ, внезапно проясняются, и новѣйшій бытописатель съ изумленіемъ видитъ въ полномъ развитіи значительность послѣдствій, которыхъ причины укрылись ошъ его предшественниковъ: такъ обогащаются поспешенно наши Историческія свѣденія.

Сіе новое произведеніе молодаго, дѣятельнаго изыскателя очевидно принадлежишь къ подобному разряду сочиненій, покрайней мѣрѣ относительнаго главнаго своего содержанія. Картина Южной Европы въ роковое XVI е столѣтіе и до по-

ловины XVII го; раскрышіе причинъ, распроившихъ силы Имперіи Оштоманской, Королевствъ Испаніи и Италіи, бывшихъ сіюлько могущественными въ началъ сего періода; характеристика важнѣйшихъ, дѣйствовавшихъ лицъ, и наконецъ изображеніе внутренняго состоянія земель и народовъ, по ихъ достопримѣчательнымъ сторонамъ и отношеніямъ, безъ всякаго сомѣнія достойны были, или, справедливѣе скажемъ, требовали совершенно новаго историческаго развѣсія и Крипическаго обзора; ибо всѣ сочиненія, написанныя о сихъ предметахъ, носятъ на себѣ явной признакъ незрѣлости: онѣ односторонны или недостапчны, а частію вовсе не заслуживаютъ вѣроятія, заключаая въ себѣ безосчетный рядъ происшествій, по видимому не имѣвшихъ ни причинъ, ни слѣдствій. —

Превосходный, но до сихъ поръ почти непронутый источникъ для своего сочиненія, Авторъ нашель въ *сборникахъ рукописныхъ посланкитескихъ донесеній* и въ другихъ полипическихъ бумагахъ, каковы инструкціи, рѣчи, замѣчанія, письма дипломатическихъ Агеншовъ и Государственныхъ чиновниковъ. Многіе изъ нихъ, въ продолженіе столѣтій, издаваемы были преимущественно въ Италіи, особливо въ Римѣ и Венеціи. Сверхъ того списки оныхъ находятся во Франціи (важнѣйшія въ Королев. Библіотекѣ, особенно реляціи Венеціан. Респ.) и въ Германіи. Книгохра-

нилище Берлинское обладаешь, между прочимъ, подобнымъ историческимъ сокровищемъ, содержащимъ въ себѣ 48 томовъ въ листъ, изъ кошорыхъ, какъ извѣстно, еще *Юаннъ Миллеръ* хотѣлъ сдѣлать извлеченіе, но не успѣлъ по случаю перехода своего въ Вестфальскую Королев. службу. Съ особенною любовію къ своему предмету и рвеніемъ *Авшоръ* принялъ на себя въ послѣдствіи сей важный трудъ, и сверхъ того руководствовался еще другими пятью томами, изъ кошорыхъ четыре принадлежатъ Библиотекѣ Герцога Готтаскаго, а одинъ ему. Сія *Первая Часть* разсматриваемаго шворенія есть первый плодъ столь многообъщающихъ изысканій. — *Здѣсь Авторъ говоритъ объ Оттоманской Имперіи до Амурата IV, и объ Испанской Монархіи при Карлѣ V, Филиппѣ II и Филиппѣ III.*

Самая большая часть книги по справедливости посвящена Испанской Монархіи; ибо все, написанное касательно Оттоманской Имперіи, особливо о причинахъ, приугошовавшихъ ея паденіе, давно уже извѣстно и весьма удовлетворительно изложено во многихъ частныхъ и общихъ исторіяхъ. Что касается до отдѣльной характеристикѣ нѣкоторыхъ Султановъ, Визирей, или до описанія Гарема и могущества Кизляръ-Аги и проч.; то во всемъ этомъ читатель усматриваетъ не что иное, какъ слѣды общаго характера всѣхъ усипленныхъ Азіатскихъ Властителей. Между

штѣмъ замѣшимъ, что и сія историческая картина, для которой матеріалы заимствованы Авторомъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, изъ донесеній самовидцевъ, людей государственныхъ, внимательно наблюдавшихъ соотношенія страшной тогда Порты, исполнена жизни, и не смотря на свою извѣстность, имѣетъ для насъ всю прелесть новости и чрезвычайно занимательна въ подробностяхъ, которыми ошѣнили ее краснорѣчивый Историкъ.

Всѣ публичные листы единогласно отдають справедливость сочиненію Ранке, и потому, не дѣлая изъ него никакихъ выписокъ, ограничимся только указаніемъ на тѣ мѣста, которыя показали намъ лучшими и болѣе другихъ достойными обращать на себя вниманіе. Такова, на примѣръ, характеристика Карла V;— представитъ сіе высокое лице Исторіи въ новомъ, привлекательномъ видѣ и ошѣкашъ для него новыя черты и краски, было, конечно, дѣло весьма трудное, особливо послѣ Робертсона; нашъ Авторъ съ честию преодолѣлъ подобныя затрудненія, и написанная имъ картина рѣшиительно займетъ почетное мѣсто въ обширной галлерей картинъ Исторіи времени новѣйшихъ. Непосредственно за симъ должно сказать объ изображеніяхъ Филиппа II и Филиппа III, потомъ объ описаніи Герцога Альбы, Королевскаго любимца *Лермы* и другихъ достопримѣчательныхъ особъ тогдашняго времени.

При чтеніи сей книги раскрываются предъ нами, въ ихъ, чистотѣ и истинѣ, всѣ тайны придворной жизни и духъ народный: мы совершенно понимаемъ, *какимъ образомъ* все происходило и *какъ* должно было происходить.

Глубокомысленной, самодѣятельный Карль V удалилъ придворныхъ ошъ участія въ дѣлахъ Государственныхъ, передавъ оныя особливому верховному Государственному Совѣшу, составленному изъ членовъ разныхъ провинцій; но разрѣшеніе важнѣйшихъ случаевъ Государь сей, предославила одному себѣ. Филиппъ II, напросивъ, образовавъ свой Совѣшь единственно изъ особъ Кастиліанскаго придворнаго шпаша; такимъ образомъ провинціи лишены были всякаго вліянія въ Совѣшь Королевскомъ, и въ борьбѣ различныхъ паршій мнѣнія любимцевъ рѣшали судьбу цѣлаго Государства. Однакожь Филиппъ II и въ самомъ волненіи паршій сохранялъ еще нѣкошорую самостоятельность; онъ позволялъ управлять собою, но не подчинялся безусловно. Наконецъ Филиппъ III былъ совершеннымъ орудіемъ въ рукахъ своего любимца и главнаго Министра Герц. Лермы. Только духовникъ его и ошчасши дворъ Австрійскій раздѣляли нѣкоторымъ образомъ верховную власть съ временщикомъ ненаешнымъ; — Филиппъ палъ, когда двое послѣднихъ ошъ него ошложились.

Весьма поучительно изображеніе постепеннаго преобразования *древней* Монархіи въ *новую*.

Въ первой господствовало вліяніе лицъ и паршій, верховная власть не имѣла достаточной силы, и Церковь, подъ управленіемъ чужеземнаго Главы, являлась въ качествѣ опасной соперницы гражданскаго управленія; напрошивъ того вшорая, сама въ себѣ сосредоточенная, покорялась могуществу верховной власти, и сложивъ ярмо чуждаго вліянія, разрушающаго внутреннюю свободу Государства, сильнѣе и надежнѣе могла проши-вустоять напорамъ чужеземцевъ.

Если Карль V, раздраженный высокоуміемъ Грандовъ на Государственномъ Сѣймѣ 1538., гдѣ они явно отказались отъ плашежа нѣкоторыхъ податей, принялъ намѣреніе не созывать уже болѣе чиновъ Государственныхъ; но въ семъ случаѣ безпристрастный Историкъ долженъ преимущественно обратить вниманіе на справедливость *причины*, побудившей къ тому Государя, и не охуждать безусловно *средствъ*, имъ употребленныхъ.

„Несши шягоспи — говорили вельможи Испанскіе — прилично въ Касшилїи одному *крестьянину*; всякій, даже малѣйшій налогъ, лишаетъ *дворянина* не только свободы, прибрѣщенной кровію его предковъ, но и самой чести.“

Различное положеніе, въ каковомъ находились въ то время нѣкоторыя отдѣльныя частіи Испанскаго Королевства, представлено Авторомъ съ особенною точностію и въ ясномъ свѣтѣ. Мы видимъ, какъ изъ числа иностранныхъ провинцій,

Неаполь страдаетъ подъ игомъ безошчешнаго произвола; *Сицилія*, напрошивъ, не смошря на малодушныя усилія и разрушительныя войны, хранишь еще ошпашокъ прежней самосшояшельности; *Медиоланъ*, ограниченный въ правахъ самодержавія, поддерживается однакоже вліяніемъ прежней своей Аристокрашіи; а *Нидерланды*, прежде гордившіеся своею приверженностію къ свободѣ, вмѣсто положишельнаго господства истинной свободы общества, являють одну шолько слабую штънь самосшояшельности въ частныхъ привилегіяхъ нѣкошорыхъ сословій, *урогмщъ* и семействъ. Ошсюда ясно можно заключать, что *Неаполь*, изъ всѣхъ иностранныхъ провинцій Испаніи, шerpтль наибольшее несчастіе, между шѣмъ какъ положеніе *Сициліи*, по крайней мѣрѣ по сравненію, надобно было почишашь довольно сноснымъ. *Медиоланъ* въ послѣдствіи пріобрѣтаетъ блескъ и славу; *Нидерланды*, содѣлавшисъ источникомъ жизни, богатштва и силы, спановяшся перломъ Испанскихъ владѣній, и даже въ финансовыхъ ошношеніяхъ они въ десяшперо драгоцѣннѣе были для Испаніи, нежели вновь ошкрытая Америка, со всѣми ея золошыми и серебряными рудами.

Авторъ подтверждаетъ шакже извѣстное замѣчаніе знаменитаго Гумбольдта ошносительпо невѣрной оцѣнки богашыхъ доходовъ Америки, доходовъ, шлишкомъ уже возвышенныхъ, особливо

въ первыя 50 лѣтъ по открытіи сей части свѣта. И хотя, говоритъ Авшоръ, въ послѣдствіи времени поступали оштуда весьма огромныя суммы въ Государственныя казнохранилища; однакожь *Испанія* пользовалась ими только *мелькомъ*: суммы сіи быстро вытекали изъ ея предѣловъ, превращаясь въ достояніе промышленныхъ иностранцевъ, и никогда не оставались въ рукахъ лѣниваго и гордаго Испанца, который сверхъ того усоряемъ былъ ошъ всякой дѣяшельности неблагоразумными распоряженіями собственнаго Правительсшва. Такимъ образомъ объясняется постоянный упадокъ финансовъ даже при Карлѣ V, а еще болѣе въ эпоху царствованій менѣе сильнаго и пошому менѣе счастливаго Филиппа II го, и Филиппа III го, Государя вовсе неспособнаго къ правленію и распочительнаго. Между тѣмъ особенно достопримѣчательны многоразличныя вспомогательныя средства, употребленныя сими Государями къ пополненію недостатковъ казны государственной, и водвореніе новой алчией и безсовѣстной финансовой Полишики, кошорой постепенное развитіе въ нѣдрахъ Испаніи предсшавлено Авшоромъ на основаніи подробнѣйшихъ извѣстій. Въ правленіе сихъ шрехъ Мошарховъ приведены были въ исполненіе всѣ возможныя искусственныя уловки и обороты финансовъ древняго и новаго міра, только не съ одинаковою ловкостію въ дѣйствіяхъ и въ большемъ беспо-

рядкѣ. Такѣ, начиная отъ *Алжаклы*, подаши, составлявшей десяшую часть продажной цѣны всякаго товара, до насильственнаго пониженія не только проценсовъ, но и самыхъ капиталовъ; Испанія должна еще была чувствовать порчу монеты, похищеніе частныхъ капиталовъ, вліяніе всякаго рода шакъ и проч.

„Мы коснулись здѣсь, говоришь иностраннѣйшей рецензентъ, только нѣкоторой части занимательнѣйшихъ предметовъ, описанныхъ въ семь сочиненіи; но этого достаточно, чтобы пожелать скорѣйшаго продолженія онаго. При богатствѣ въ матеріалахъ, Авторъ, безъ сомнѣнія, весьма часто можешь подвергаться искушенію расплосать свое повѣствованіе; — да исполнишь онъ сіе съ тѣмъ же благоразуміемъ и съ такою же умѣренностію въ выраженіяхъ, какими ознаменовано начало его превосходнаго творенія.“

(Е. Н. L-z.)

~~~~~

Carte physique, politique et comparée de la Turquie d'Europe. Физическая, политическая и сравнительная карта Европейской Турціи, изданная Ламо и Велемъ. 1827 Парижъ.

Сія карта представляетъ совокупность всѣхъ свѣдѣній, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, о прекрасныхъ странахъ восточной Европы. Мы безъ всякаго увеличенія скажемъ, что она получила большой успѣхъ и уже доставила своему Автору

почетное мѣсто между Инженерами - географами нашего времени. Но недостаточно бы было объявить даже мнѣніе, не показавъ чашапельмъ, на чемъ оно основано.

Новыя Астрономическія наблюденія Капишана корабля Гошье и Г-на Смиша, Англійскаго морскаго Офицера, послужили вѣрными основами для сей карты. Превосходное сочиненіе Пукевилля также доставило для нея множество поправокъ. Но что наиболее содѣйствовало усовершенствованію оной, то это Географическіе материалы, хранившіеся въ Топографическомъ кабинетѣ Наполеона, гдѣ Капишанъ дамо былъ Инженеромъ географомъ - архивариусомъ. Посему всѣ извѣстія о Европейской Турціи, собранныя отъ 1807 до 1814 г. многими Офицерами и дипломатическими Агентами, подлежали его разсмотрѣнію.

Дамо, занимая шеперь должность распорядителя граверныхъ работъ при военномъ Депо, нашелъ превосходнаго художника въ есмь родѣ: имя Валя въ заглавіи его карты служишь порукою красоты гравировки.

Однако послѣ строгаго разсмотрѣнія карты Европейской Турціи, не лзя не сдѣлать на нее нѣсколько критическихъ замѣчаній. Вопервыхъ не слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, обращать вниманіе на дѣйствіе свѣта при гравировкѣ горъ, что всегда производитъ непріятную пестроту. Также горы не должно бы слишкомъ покрывать

штѣнами, чтобы удобнѣе было читать ихъ названія и имена замѣчательныхъ мѣстъ; наконецъ мы желали бы, чтобы карта представляла болѣе результатовъ физической географіи, напр. высоты мѣстъ самыхъ возвышенныхъ, длины рѣкъ и пр.

Означенные недоспашки принадлежатъ не одной картѣ Ламо; во многихъ произведеніяхъ сего рода они замѣтны. Мы должны даже сказать, что означеніе горъ на его картѣ гораздо яснѣе, нежели какъ обыкновенно бываетъ для такихъ странъ, какова Греція. Слѣдовательно мы нападемъ на общепопределительный способъ ихъ изображенія. Очевидно, что на Географическихъ картахъ не лзя показывать случайныя измѣненія земной поверхности: еслижъ такъ, то къ чему эта роскошь въ шпрыховкѣ. Сія измѣненія составляютъ предметъ Топографіи и должны быть совершенно изъ Географіи исключены. Мы предлагаемъ Географамъ изобрѣсти легчайшій для сего знакъ, который по крайней мѣрѣ способствовалъ бы къ удобному чтенію картъ.

С М Ъ С Ъ.

Приключенія Бишофа.

Нынѣшнею зимою былъ въ Москвѣ одинъ проходецъ, кошорой рассказывалъ о себѣ слѣдующее:

„Я родился во Франкфуртѣ на Одерѣ, въ 1797 году. До чешырнадцаго года воспитывался я въ домѣ отца моего, кошорый еще до Французской кампаніи оставилъ службу въ чинѣ Подполковника Пруссаго полка черныхъ Гусаровъ. Въ 1812 г., когда Французы грозили покорить всю Европу своей власпи, и овладѣли уже моимъ отечествомъ, Прусаки принуждены были служишь имъ вспомогательными войсками и выступишь въ походъ противъ Русскихъ. Въ сіе время находился я въ Берлинѣ, гдѣ братель мой служилъ Оберъ-Вахмистромъ въ Черныхъ Гусарахъ. Командиръ сего полка скоро получилъ повелѣніе двинуться къ Ригѣ; я не хотѣлъ разстаться съ брательомъ, прошивъ воли отца вступилъ рядовымъ въ его полкъ и вмѣстѣ съ нимъ выступилъ въ Россію. Лишь шолько приближились мы къ границѣ, какъ насъ откомандировали за фуражемъ въ Можайскъ, для продовольствія Французовъ. Тутъ братель мой, въ одномъ несчастномъ сраженіи, лишился правой руки и занемогъ опасно. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, мы оба съ сопровождавшимъ насъ эскадрономъ попались въ плѣнъ Донскимъ козакамъ и подъ вѣрнымъ присмотромъ отправлены были на

Кавказскую линію. Мы прошли чрезъ Москву, Владиміръ, Ярославль, Косшрому, Нижній Новгородъ, Казань, гдѣ я лишился брата, Симбирскъ, Саратовъ, Царицынъ, Карповку, Новочеркасскъ и Восточій Ярлыкъ, откуда мы прямо уже ошведены были на Кавказскую линію. Когда Комендантъ въ Георгіевскѣ былъ увѣдомленъ о нашемъ прибытіи; по велѣнью освѣдомившись, не пожелавъ ли нѣкопорые изъ насъ служить ему въ должноти егерей и за умѣренную цѣну спрѣлать для него дичину. Я и еще шрое плѣнныхъ согласились на предложеніе его и начали шщѣшительно обходить всѣ окрестныя изобильныя дичью мѣста, чшобъ усерднымъ исполненіемъ добровольно приняшой на себя обязанности заслужить доброе расположеніе Начальника. Однажды, когда мы слишкомъ удалились ошъ мѣста своего жительства, Черкесы напали на насъ изъ ближнихъ горъ, связали намъ руки за спину, переправили насъ чрезъ Кубань и ошдали въ услуженіе Князьямъ своимъ, которые и раздѣлили насъ между собой. Я достался на часть одному изъ нихъ, по имени Кичикъ-Хану: у него уже былъ въ неволѣ молодой Христіанинъ, родомъ изъ Познани, по имени Вильгельмъ, котораго сообщество было для меня весьма утѣшительно въ моемъ рабствѣ.

Во время несноснѣйшихъ жаровъ должны мы были весь день работашъ въ саду, пасши быковъ

и овецъ, разбивашь посредствомъ пороха большія груды камней, упошребляемыхъ для постройкы домовъ, и ошправляшь подобныя тому шягосщныя работы. Сверхъ того, работа съ ушренной зари до глубокой ночи, снося несносный дневной жаръ, должны мы были еще крашкіе часы сна проводить на каменистой землѣ, съ закованными руками и ногами. Вскорѣ женился я на Черкешенкѣ, дочери шамошняго Муллы или священника. Съ того времени начали поступашь со мною уже не шакъ, какъ съ невольникомъ, меня освободили изъ оковъ и позволили свободно ходишь повсюду; ибо не предполагали, чшобъ я, имѣя жену, могъ ошпавишь ее и бѣжашь.

По прошествіи года, почувствшвалаъ я сильное желаніе возвращишь въ ошечество. Исправивъ однажды съ шоварищемъ моимъ Вильгельмомъ ушомишельную дневную работу, ошкрылъ я ему свое намѣреніе, склонилъ его бѣжашь со мною, и въ шуже ночь ошправились мы къ Русской границѣ. Мы бѣжали шрое сушокъ, но наконецъ нашпгнуты были нашими врагами и съ побоями ошведены къ прежнему владѣльцу. По прибышпш нашемъ, Кичикъ - Ханъ велѣлъ наказашь насъ, меня шридцашью, а моего шоварища (кошорый признался, что я склонилъ его къ побѣгу) шпшнадцашью ударами по пяшамъ, кошорыя у меня шакъ ошъ того распухли, что мѣсяца два я совершенно не могъ ходишь. Немедленно по

Исполненіи приговора связали намъ руки вмѣстѣ съ ногами, вдѣли насъ на шестъ, повѣсили надъ большимъ огнемъ, опъ кошораго мы вѣроятно скоро бы задохлись, еслибы жена моя не избавила меня и друга моего опъ сего мученья. Послѣ того Князь опдалъ насъ обоихъ своему управителю, по имени Солиману, рожденному въ Христіанской вѣрѣ, и перешедшему къ Черкесамъ во времена Зубова. Сей послѣдній еще болѣе оптягчалъ насъ работою и строго наказывалъ за малѣйшій проступокъ; на примѣръ, мы должны были вмѣстѣ съ ослами возить дрова чрезъ 10 верстъ, будучи также навьючены, какъ и они, и проч.

Года полшора послѣ моего побѣга умерла первая жена моя, не оставивъ по себѣ дѣтей. Это чрезвычайно меня опечалило, ибо я потерялъ въ ней вѣрную спутницу моей жизни, и я снова опважился бы бѣжать, еслибы товарищъ мой мнѣ того не опсвѣщивалъ. Годъ спустя женился я во второй разъ на Черкешенкѣ, невольницѣ того Князя, у котораго прежде былъ въ услуженіи. Она родила мнѣ дочь, которая однакожь жила только нѣсколько недель. Пробывши 3 года у моего новаго Господина, я опять напалъ случай уйти. Спрашась строгого наказанія, Вильгельмъ не хотѣлъ слѣдовать за мною. И въ этотъ разъ не удалось мнѣ избавиться опъ притѣснителей: проскакавъ безъ опдыха четверть сутокъ, былъ я вторично пойманъ и снова отвѣ-

день къ Солиману. Мнѣ вырѣзали пяпки до костей, набили ихъ мѣлко изрубленною гривою и залили рану кипящимъ масломъ.

Я пришелъ въ бѣшенство отъ сего жестокаго пощупка; ибо долженъ былъ цѣлые два мѣсяца ползашъ на колѣняхъ. Я объявилъ Господину своему, что ни на какихъ условіяхъ не хочу служить ему долѣе; пребывалъ, чтобы онъ продалъ меня другому, и грозилъ лишить его жизни за безчеловѣчные его пощупки. Равнымъ образомъ и Вильгельмъ не хотѣлъ болѣе служить ему. Солиманъ, видя, что мы уже не можемъ бытъ ему полезными, далъ каждому изъ насъ по лошади, сковалъ намъ ноги длинною цѣпью, и отправилъ насъ въ Эривань, въ Персію, гдѣ онъ надѣялся продать насъ старшему сыну Аббасъ - Мирзы, по имени Мустафъ - Хану, который и купилъ Вильгельма за 25 рублей, 1 лошадь, 2 быка и 30 барановъ. За меня же не хотѣлъ онъ дать ничего, по причинѣ изувѣченныхъ ногъ моихъ, и Господинъ мой подарилъ ему меня.

Въ Эривани пробыли мы 12 дней и отправились съ Мустафою-Ханомъ въ Таврисъ, гдѣ жили шесть недѣль у отца его Аббасъ-Мирзы. Оттуда поѣхали мы въ Тегеранъ, сполічный городъ его. Здѣсь, въ продолженіе цѣлаго года, долженъ я былъ за весьма малую плату работашъ въ саду Сераля, пошомъ занялъ должность перваго Мамелюка при Мустафѣ. Я сопровождалъ его во всѣхъ

пушешествіяхъ и даже прогулкахъ, и долженъ былъ также ѣздить съ его женами. Въ Тегеранѣ женился я на одной Персіанкѣ, дочери управителя, и прижилъ съ нею въ три года дочь и сына. Первая умерла, а послѣдняго, не имѣя способо́въ прокормить, отослалъ я къ Козакамъ, споявшимъ недалеко отъ Тегерана. Въ Тегеранѣ же былъ убитъ за дурное поведеніе поварищъ мой, Вильгельмъ. Въ исходѣ шрешьяго года, Мустафа послалъ меня за 500 верствъ отъ Тегерана въ степныя мѣста, на границу Іудей, чшобы тамъ смопрѣшь за шабуномъ Ханскимъ, состоявшимъ изъ 1000 лошадей. Здѣсь пробылъ я цѣлый годъ. Послѣ того Мустафа Ханъ, чрезъ старшаго сына своего Селимъ-Пашу, велѣлъ мнѣ возвратиться и вступитъ въ прежнюю должность, кошорую и занималъ я до прошедшаго 1826 года. Около сего времени я вшорично женился въ Персіи на одной вдовѣ, ибо, отсправляясь изъ Тегерана на границу Іудей, долженъ я былъ оставитъ жену и послѣ никакъ уже не могъ отыскать ее.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ прошедшаго года (1826) Мустафа Ханъ, сопровождаемый 6500 человекъ, въ числѣ коихъ было 60 иноземцевъ, двинулся къ предѣламъ Россіи. Мы протѣхали чрезъ Таврисъ, Эриванъ, Снѣговую гору при Казбекѣ, Крестовую гору, Имеретію, Старую Шамахію, Елисаветополь до провинціи Карабагской, къ

Максимъ - Бею, гдѣ мы пробыли двѣ недѣли. Пошомъ ошправились въ крѣпость Акушу, а оштуда въ горы къ зависящимъ ошъ Аббасъ-Мирзы Хайдакамъ, коихъ начальникъ именуѣтся Юшь-Нашею. Здѣсь Мустафа намѣревался прожить 5 мѣсяцевъ. Сорокъ пять человекъ изъ его свиты, въ томъ числѣ и я, посланы были на 70 верствъ впередъ, чтобъ пасши пашь лошадей Ханскихъ. Мнѣ пришло на мысль, снова покушиться на побѣгъ изъ сихъ земель, гдѣ царствуешь суевѣрие; ибо я въ сердцѣ своемъ не переспавалъ пипашь надежды еще разъ увидѣть моихъ родителей, вѣроятно огорченнахъ пошерекъ сына, и облобызашь землю отечественную.

Я ошкрыль намѣреніе свое двумъ Русскимъ и одному Поляку, и склоняль ихъ къ побѣгу; они согласились, и у насъ рѣшено, при первомъ благопріятномъ случаѣ бѣжашь къ Русской границѣ. Я собралъ дурману, правы, производящей нѣкоторый родъ безумія, исполокъ еѣ въ порошокъ, и двѣ горсти всыпалъ въ два кожанные мѣшка, называемые бурджуками. Въ одинъ налилъ я бузы, а въ другой чихирю. Два дня спустя послѣ того, предложилъ я ихъ сослуживцамъ моимъ во время обѣда. Пока они были въ безпамятствѣ, мы взяли изъ шабуна лошадей, (для себя выбралъ я лучшую лошадь Ханскую), и пустились въ бѣгство. Я взялъ съ собою золотую печать

Муссафы Хана, которая была мнѣ вѣрена до все время путешествія, и она повсюду служила намъ вмѣсто паспорта. Во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проѣзжали мы, показывалъ я ее и именемъ Муссафы повелѣвалъ приготовить для стола его 150 барановъ, 100 гусей и столько же утокъ и пѣшуховъ. Посредствомъ такой хитрости, въ качествѣ посланныхъ Хана, удалось намъ проѣхать чрезъ 12 деревень и уже въ пятый день около вечера достигли мы р. Бугана, по другую сторону которой расположенъ былъ отрядъ Русскихъ войскъ подъ начальствомъ Подполковника Мыщенки, который отослалъ насъ къ находившемуся тогда въ Андреевѣ (при р. Терекѣ) Генералу Ермолову. Цѣлые два мѣсяца долженъ я былъ повсюду сопровождать сего послѣдняго и показывать ему дорогу въ горы къ Черкесамъ. Возвращаясь въ Андреево, Генералъ Ермоловъ послалъ меня въ Дербентъ въ крепостную работу. Тамъ пробылъ я около двухъ мѣсяцевъ до прибытія въ Грузію Генерала Паскевича, который взялъ меня въ Тифлисъ, для того, чтобы показывать ему дорогу въ горы. Мы доходили за Араксъ, гдѣ я былъ раненъ въ грудь ружейною пулею. Меня оправили въ Дербентскій госпиталь, гдѣ я лечился около двухъ мѣсяцевъ. Здѣсь сморщилъ меня Полякъ, бѣжавшій со мною отъ Муссафы Хана. По выздоровленіи моемъ, Дербентскій Комендантъ, Говарецкій, по приказанію Генерала Вельяминова, далъ мнѣ и

Поляку паспорты для возвращенія въ отечество. Мы вмѣстѣ отшправились изъ Дербенша чрезъ Калмыцкую, Нагайскую степь въ Кизляръ, а отшуда въ Ставрополь. Тушь спутникъ мой рѣшился лѣчишься, ибо ноги его, за двойной побѣгъ, также были набишы гривою, какъ и мои; но онъ умеръ на рукахъ моихъ. Пролить нѣсколько слезъ въ знакъ моей къ нему дружбы, отшправился я въ Вонючій Ярлыкъ, а отшуда чрезъ Новочеркаскъ, Старочеркаскъ, Росшовъ, Таганрогъ, Воронежъ и Тулу прибылъ въ Москву, послѣ разныхъ несчастныхъ приключеній, перпя голодъ, холодъ и жажду.“ —

Съ нѣм. Н. П.

1828.

Въ Москвѣ добрые люди обули Бишофа, одѣли, накормили, напоили, и дали ему отдохнуть нѣсколько времени. Онъ оказывалъ во многихъ случаяхъ наглость, дерзость и горячность; сіи пороки, бышь можешь, были слѣдствиемъ его несчастій, кошорья ожесточили его сердце. Были однакожь минушы, въ кошорья онъ, пронушый, разливался слезами, воспоминая о прежней жизни и благодаря за получаемыя благодѣянія. Снабдивъ всѣмъ нужнымъ, его отшправили въ Пешербургъ, отшуда писали на его родину за справками объ его родныхъ, но никого изъ нихъ въ показанныхъ имъ мѣстахъ не нашлось. Эшо навело большое подозрѣніе на его повѣсть, впрочемъ *se non è vero, è ben trovato.*

Книжныя извѣстія изъ Германіи.

Въ Германіи, какъ и во Франціи, непрерывно являющіяся сочиненія по части Исторіи. Самый трудолюбивый ученый не успѣешь слѣдить быспрый ходъ просвѣщенія. Но всего болѣе привлекаешь извѣстіе объ *Исторіи Европейскихъ Государствъ*, издаваемой Книгопродавцемъ Першемъ подъ руководствомъ славнаго *Герена и Укерта*.

Чувствуя необходимость такого сочиненія для Германіи, они пригласили всѣхъ ученыхъ мужей, извѣстныхъ по части Исторіи, для исполненія сего предпріянія. Планъ былъ предложенъ начинателямъ и одобренъ всѣми. Обширность онаго требовала многихъ силъ, и всѣ сіи мужи, имена коихъ чипашели увидяшь ниже, сославили общество, каждый членъ коего взялъ на себя обработать Исторію какого нибудь одного государства по вѣрнѣйшимъ источникамъ и сообразно съ правилами, изложенными въ планѣ.

Хошя рѣшишельно всѣ современныя значительныя государства Европы имѣють свои исторіи; однако почти ни одна изъ нихъ не разрѣшаешь того вопроса, кошорый предлежишь нашему времени. Ученые, объяснивъ себѣ, что Исторія не заключается въ одной Исторіи правителей и войнъ, поставили главнымъ предметомъ

оной развитіе государственнаго учрежденія, и Шнитцлеръ въ особенности старался представить происхожденіе средняго сословія. Въ новѣйшее время обратили вниманіе на управление и финансы; хотяшъ видѣшъ постепенные успѣхи въ народномъ хозяйствѣ, земледѣліи, промышленности, торговлѣ и наукахъ. Даже пребуиошъ ошъ Исторіи, если не подробной каршины правовъ въ шѣсномъ ихъ смыслѣ, шо по крайней мѣрѣ каршины общественной жизни народа въ цѣломъ. До сихъ поръ всѣ сіи предметы разсматривались отдѣльно, и такимъ образомъ общественную жизнь народовъ представляли въ частяхъ раздробленныхъ. Цѣль предпринимаемой *Исторіи государствъ Европейскихъ* — составить изъ сихъ частей органическое цѣлое, и показашъ, какииъ образомъ каждое государство въ теченіе времени сдѣлалось шѣмъ, что оно есть *теперь*.

Каждое изъ главныхъ государствъ Европы получишъ свою собственную Исторію. Если Публика приметъ благосклонно сіе изданіе, шо ей предложены будутъ въ послѣдствіи Исторіи и прочіихъ владѣній Европейскихъ,

Единство плана ни мало не ограничишъ свободы мыслей каждаго отдѣльнаго Историка. Не лзя требовашъ и не должно желашъ, что-бы всѣ они сошлись въ своихъ почкахъ зрѣнія; такая односторонность была бы скорѣе вредна, нежели полезна. Въ одномъ шолько всѣ они бу-

душъ согласны: въ совершенномъ безпристрастїи, нуждомъ всякаго духа партїи.

Объема отдѣльныхъ Исторїй не лзя еще опредѣлить въ точности; но будущъ стараться о томъ, чтобы Исторія самаго величайшаго государства не содержала болѣе 3 хъ частей.

Слѣдующія сочиненія уже готовы къ печатанію: 1) Всеобщая Исторія Германїи, 2) Исторія Австріи, 3) Пруссїи, 4) Испанїи и Португалїи, 5) Великобританїи, 6) Франціи, 7) Италїи, 8) Швейцарїи, 9) Османскаго Государства, 10) Византійскаго Государства и Грековъ, 11) Польши, 12) Россїи, 13) Швеціи, Данїи и Норвегїи, 14) Нидерландовъ, 15) Всеобщее введеніе.

Слѣдующія имена ручаются за успѣхъ сочиненія: Герень, Дальманъ, Эверсъ, Лео, Лёбель, Пфиссеръ, Ранке, Ремъ, Ротшекъ, Штенцель.

Книгопродавецъ обѣщаетъ изданіе хорошее и нѣмецки-исправное, формашомъ въ 8-ю д.

Каждый годъ будетъ выходить оцъ 4-хъ до 6-ти частей.

Первая *выдача* (*livraison*) должна послѣдовать на Лейпцигской Воскресенской ярмаркѣ 1828 года и содержать *Исторію Нѣмцевъ Пфистера* (Автора Исторїи Швабіи). Здѣсь сообщаемъ нѣсколько строкъ изъ его введенія.

„Исторія Германїи, по ея отношенію къ прочимъ Государствамъ Европейскимъ, должна вхо-

дишь, какъ составная и непремѣнная часть, въ общую Исторію оныхъ: сего прѣбуешь положеніе дѣла въ 3-мъ дѣсятилѣтіи 19-го вѣка и среднее мѣсто, занимаемое теперь Германіею въ политической системѣ Европы. Вмѣстѣ съ возрастающимъ образованіемъ и съ потребностію времени болѣе и болѣе возвышается *Идеаль* Нѣмецкой Исторіи. Есть мужи въ Германіи, которые видяшъ сіе. Важные вопросы произнесены въ первый разъ нашимъ вѣкомъ. Исторія послужитъ прищупомъ къ ихъ разрѣшенію: въ эшомъ ручаюся намъ и соревнованіе и обширная дѣятельность мужей просвѣщенныхъ, дѣйствующихъ совокупными силами. Видимыя, безчисленныя трудности въ дѣлѣ Исторіи, въ способахъ, въ разныхъ почкахъ зрѣнія, должны тѣмъ большее возбуждашъ содѣйствіе къ уничтоженію всѣхъ прошиворѣчій. Всякой періодъ нашей Исторіи свидѣтельствуетъ, что Германецъ всегда былъ неравнодушенъ ни къ своему опечеству, ни къ преданіямъ онаго. Еслибъ даже онъ измѣнилъ сему чувству, шо всегда въ немъ останешся эша ясность ума, копорая вѣрнѣе всего ручаешся за его успѣхи въ наукахъ. Точка зрѣнія въ Исторіи поставлена выше и небосклонъ ея обширнѣе: Исторія должна свободно восходить къ первымъ источникамъ. Самые способы оной увеличались въ своемъ объемѣ. Всѣ мечшашельные призраки должны исчезнуть предъ свѣщильникомъ *истинно-угеной Критики*, кошо-

рой теперь открыто все поле. Но на все пошребно время. Въ предпринимаемомъ нами шрудѣ мы надѣмся по крайней мѣрѣ на нѣсколько шаговъ подойти ближе къ цѣли.“

~~~~~

Разныя извѣстїя.

Въ Англии недавно сдѣлано весьма важное открытіе : Г-нъ Вашсонъ изобрѣлъ средство для предохраненія кораблей отъ потопленія. Средство сіе состоить въ проведеніи отъ брусевъ верхней палубы до брусевъ нижней — мѣдныхъ шрубъ, имѣющихъ въ діаметрѣ отъ 8 до 14 дюймовъ. Съ сими шрубами экипажъ не подвергается уже ни малѣйшей опасности : въ случаѣ даже разрушенія корабля шрубы всегда спасушъ его; ибо сколько бы въ немъ ни было воды, онъ никогда не потонетъ совершенно. Надобно только, чшобъ шрубы сіи наполнены были атмосферическимъ воздухомъ, который никакъ бы не могъ выдти изъ нихъ. Издержки, для сего шребуемая, будутъ только 5-ю проценшами превышашъ ту сумму, которая употребится на построеніе корабля. —

~~~~~

Рязанской Губерніи, въ Спасскомъ уѣздѣ, явилось, говоряшъ, недавно множество бабъ-пщицъ, кошорыя всѣ попадали на землю и съ верху передохли. Странно, чшо у насъ очевидцы не сообщаюшъ вѣрныхъ извѣстій о подобныхъ явленіяхъ природы.

~~~~~

Въ одной Нѣмецкой газетѣ вспирѣнили мы нашего *Кавказскаго плѣнника*, переодѣшаго изъ русскихъ стиховъ въ нѣмецкую *акуратную* прозу. Не только не благодаримъ за это Г-на иностраннаго переводчика, но напрошивъ заклинаемъ его всѣмъ, что есть для него драгоцѣннаго на Парнассѣ, не оказывать уже впредь подобной учливости нашимъ Музамъ: ибо это значило бы имѣть самое злое въ отношеніи къ нимъ намѣреніе.

Примѣчанія къ Валленроду.

(8) с. 372. *Замокъ Свенторога* есть замокъ Виленскій, гдѣ нѣкогда сохранялся *знить*, ш. е. вѣчный огонь.

(9) с. 381. *Возвеселимся въ Господѣ*, условленный знакъ на орденскихъ пирахъ того времени,

(10) с. 386. *Пѣснь Вайделота*. Смощри Стихотворенія Мицкевича, изданныя въ Вильнѣ, Т. 2, стран. 81, гдѣ описано подобное происшествіе во время магистерства Дюсенера фонъ Арфберга.

(11) с. 386. Простой народъ въ Литвѣ предсшавляетъ себѣ чуму въ видѣ дѣвы, появленіе кощорой, списанное здѣсь съ народнаго преданія, предшешествуетъ ужасной язвѣ. Приведу здѣсь хотя содержаніе слышанной нѣкогда мною въ Литвѣ баллады:

„Въ деревнѣ явилась дѣва язвы, и по своему обычаю, всовывая руки черезъ двери и окна и махая краснымъ плашкомъ, разсѣвала смерть въ домахъ. Жители спарашельно запирались, но вскорѣ голодъ и другія нужды заставили отказатьсь отъ сихъ мѣръ предосторожности, и слѣдственно все ожидали смерти. Одинъ дворянинъ, хотя въ изобиліи запасшійся пищею и долѣ другихъ могшій выдерживать сію страшную осаду, рѣшился однакожь принести себя въ жертву благу общему, взялъ саблю Сигизмундовскую (зигмунтовку) (*), на которой было имя *Иисусъ*, имя *Марія*, и съ симъ оружіемъ открылъ окно своего дома. Однимъ ударомъ отсекъ онъ руку спрашлица и опорвалъ плашокъ. Правда, что онъ и цѣлое семейство его умерли, но съ того времени уже не знали въ томъ селѣ мороваго повѣтрія.“ — Сей плашокъ, говорятъ, сохраняли въ церкви не помню какого-то мѣстечка. На востокъ есть преданіе, что чумъ всегда предшествоуетъ призракъ съ крыльями нешопыря, указывающей пальцами на обреченныя жертвы. По видимому, фантазія народа хошѣла въ сихъ образахъ олицетворить по тайное предчувствіе, ту непонятную болезнь, которая обыкновенно бываетъ передъ великимъ несчастіемъ или смертью, и раздѣляются не только частными лицами, но и цѣлыми народами.

(*) *Зигмунтовками* называются въ Польшѣ сабли, дѣланныя во время Сигизмунда; онѣ отличались особенною крѣпостію.

ми. Такъ въ Греціи предчувствовали продолжительныя и ужасныя послѣдствія войны Пелопонесской; въ Римской Имперіи ея упадокъ, въ Америкѣ прибышіе Испанцевъ и ш. д.

Отъ издателя.

Въ Сѣв. Пчель объявлено, что я перестаю издавать Моск. Вѣстникъ, избирая для себя занятія полезнѣйшія, и предоставляю изданіе Г-ну Шевыреву; изъ какихъ актовъ, какимъ образомъ, Гда Издатели присвоивають себѣ право, мнѣ одному принадлежащее дѣлать подобныя объявленія и вмѣшиваться въ чужія дѣла, — почему знаютъ они, чтоя почитаю полезнымъ, и что полезнѣйшимъ.

Еще одно слово: Нѣкоторые читатели Моск. Вѣстника изъявили сожалѣніе, какъ я слышалъ, что въ этомъ журналѣ займутъ ошнынѣ много мѣста журнальныя пренія Они ошибаются: Моск. Вѣстникъ *долженъ разъ* сказать свое мнѣніе о всѣхъ примѣчательныхъ явленіяхъ въ Русской Словесности *его времени*, но никогда не войдетъ въ частныя, бесполезныя, унижительныя для себя, журнальныя перепалки, — особливо шеперь, когда наши бойцы, къ сожалѣнію всѣхъ истинныхъ друзей просвѣщенія, выходящъ изъ границъ не только скромности, но даже *благопристойности*.

~~~~~

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Апрѣля 9 го дня, 1828 года.

Въ должности Предсѣдателя Цензуръ
Сергій Аксаковъ.

36

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Ч А С Т Ъ О С Ъ М А Я .

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

	Стран.
<i>Д. Веневитинова</i> : На новый (1827) годъ . . .	3
<i>М. Лихонина</i> : Звѣзды	140
<i>О. Манфредъ</i> (изъ Байрона)	241
<i>М. Погодина</i> : Нарциссъ (изъ Овидія) . . .	129
<i>Юр. Познанскаго</i> : Аккерманскія степи (изъ Мицкевича)	137
<i>А. Пушкина</i> : Коварность	136
<i>В. С—ва</i> : Отрывокъ изъ первой пѣсни Осво- божденнаго Иерусалима	362
<i>В. Туманскаго</i> : Шансы (къ Н. Н.)	138
Сѣшованіе	358
<i>А. Хомякова</i> : На Новый 1828 годъ	4
<i>С. Шевырева</i> : Мысль	357
Поэзія (изъ Гёте)	5
Время и Поэтъ (изъ Гёте)	141
Благодашь (изъ Гёте)	361
Народная пѣсня	140

П р о з а .

<i>Піетро Апене</i> , повѣсть, соч. Тика (окончаніе) . . .	6
<i>Г-жа Вельоль</i> , отрывокъ изъ В. Скопша	142
<i>Конрадъ Валленродъ</i> , повѣсть, соч. Мицке- вича	290, 369

Н А У К И .

Нѣчто объ Освобожденномъ Иерусалимѣ, изъ Шатобріана	547
Жизнь расшенія (М. Максимовича)	161
Извѣстіе объ измѣреніи градусовъ Меридіана въ Россіи. (Д. Перепощикова.)	304
О Вико и его швореніяхъ	391

К Р И Т И К А .

Нѣчто о характерѣ Поэзіи Пушкина	171
О Тишულѣ Великаго Князя (замѣч. на П. Г. Р.) . . .	203

Ошвъшь Г-ну Ю. на разборъ Русекой Грам- машики Г. Греча	321
Обозрѣніе Русскихъ Журналовъ за 1827 годъ: Московскій Телеграфъ	61
Сѣверная Пчела	398

Русскія книги.

Альбомъ Сѣв. Музь	197
Рыбаки	200
Донна Эльвиря	202
Княгиня Нашалья Долгорукая	314
Дѣтскій Цѣшникъ	317
Чувствительное Путешествіе по Невскому проспекту	318
Записки Москвича	318
Анекдоты о Суворовѣ, Е. Фукса	430
Дурацкой колпакъ	435
Оракулъ въ новомъ родѣ	436
Любовь въ шюрмѣ	437

Иностранныя книги.

Два года въ Концшпацинополѣ и Моревъ ¹⁰⁶	210, 326
Шведы въ Прагѣ, романъ Г-жи Пиклеръ	115
О Месопотаміи, соч. Вакедія	119
Мысли о Философіи Исторіи, соч. Гердера	343
Государи и народы, соч. Ранке	439
Физическая карта Турціи	447

С М Ъ С Ъ.

Мысли, анекдоты и замѣчанія	120, 234, 349
Анекдоты о Наполеонѣ	125
Книжныя извѣстія изъ Германіи	459
Разныя извѣстія	136, 231, 463
Литературныя новости	232
Некрологія	238
Вѣщо о переводѣ Манфреда	352
Приключенія Блншофа	450
Замѣчанія къ повѣсти Валленродъ	354, 464